

ХЭМПТОН САЙДЗ

ЦАРСТВО ЛЬДА

ПОБЕДИТЕЛЬ
ПРЕМИИ «ЛУЧШАЯ
КНИГА ГОДА
USA TODAY»

«Первоклассная. Вызывающая. Удивительная история
об ужасах путешествия первой экспедиции в попытках
достичь Северного полюса».

THE NEW YORK TIMES

ХЭМПТОН САЙДЗ

ЦАРСТВО ЛЬДА

ПОБЕДИТЕЛЬ
ПРЕМИИ «ЛУЧШАЯ
КНИГА ГОДА
USA TODAY»

«Первоклассная. Вызывающая. Удивительная история
об ужасах путешествия первой экспедиции в попытках
достичь Северного полюса».

THE NEW YORK TIMES

Annotation

Ужасное кораблекрушение, снежная слепота, белые медведи, свирепые штормы и лабиринты льда. Экипаж сражался с безумием и голодом. Они отчаянно пытались выжить...

За несколько лет команда капитана Джорджа Делонга проплыла вглубь арктических вод, чтобы стать первыми людьми, покорившими Северный полюс. 32 человека, которые вышли за пределы своих возможностей. История, покорившая миллионы сердец, о настоящем героизме, решимости и силе духа в самом жестоком месте на земле.

- [Хэмптон Сайдз](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Экипаж «Жаннетты»](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Часть III](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
- [Часть IV](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
- [Часть V](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
- [Часть VI](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 -
- [notes](#)

- 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
-

Хэмптон Сайдз

Царство льда

Серия «GREAT&TRUE. Великие истории, которые потрясли мир»

© 2014 by Hampton Sides

© Мамедьяров З., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Моему брату
Линку Сайдзу
1957–2013*

В царстве льда, вдалеке от людей,
слышен жалобный стон корабля,
Он встречает все волны холодных морей
и пытается вырваться зря.
Льды, растрескавшись, резко расходятся прочь
и колотят его по бортам.
И матросы встают на колени, и ночь
их о доме внимает мольбам.
Злые льды все плотнее сжимают в тисках
без пощады добычу свою.
Капитан не сдаётся, отринув свой страх,
и командует в тяжком бою.
И матросы отважно веревки берут,
но не выйти с ледовых полей.
И на мачтах холодные ветры поют
плач по лучшему из кораблей.
Храбро бились они, но теперь день угас,
и корабль похоронен во льдах.
И полярный огонь, лишь пробьёт его час,
все раскрасит в пурпурных тонах.

– *Йоахим Рингельнатц «Гибель «Жаннетты»*

Немногие удостоиваются такой чести... Сначала нужно пройти через страдания – и страдания ужасные, сначала нужно познать отчаяние жизни. Тогда глаза ваши откроются.

– *Генри Джеймс, 1881 год*

Экипаж «Жаннетты»

Офицеры ВМС

Лейтенант Джордж Делонг, командир корабля
Лейтенант Чарльз Чипп, старший помощник
Мастер Джон Даненхауэр, штурман
Джордж Мелвилл, судовой механик
Доктор Джеймс Эмблер, судовой врач

Гражданские ученые

Джером Коллинз, метеоролог, корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд»
Рэймонд Ньюкомб, натуралист

Особые служащие

Уильям Данбар, ледовый лоцман
Джон Коул, боцман
Уолтер Ли, машинист
Джеймс Бартлет, пожарный первого класса
Джордж Бойд, пожарный второго класса
Альфред Суитман, плотник

Матросы

Уильям Найндеман, Герберт Лич, Карл Гёртц, Эдвард Старр, Хайнрих Каак, Фрэнк Мансен, Адольф Дресслер, Уолтер Шарвелл, Луи Норос, Генри Уилсон, Питер Джонсон, Генри Уоррен, Альберт Кюне, Ханс Эрихсен, Нельс Айверсон, Джордж Лаутербах

Кок и стюард

А Сэм, Чарльз Тонг-Синг

Эскимосские охотники и погонщики собак

Алексей, Анегин

Пролог

Крещение льдом

Туманным утром в один из последних апрельских дней 1873 года паровая баркентина «Тигрица», вышедшая из залива Консепшн на юге Ньюфаундленда, сквозь дрейфующие льдины пробивалась вдоль берегов Лабрадора, направляясь в район сезонной охоты на тюленей. Время уже близилось к обеду, когда с «Тигрицы» заметили кое-что странное: одинокий эскимос на каяке махал руками и кричал что есть мочи. Несчастный явно был в беде. Он заплыл гораздо дальше в опасные воды Северной Атлантики, чем обычно заплывали эскимосы. Когда «Тигрица» подошла ближе, он с сильным акцентом прокричал: «Американский пароход! Американский пароход!»

Команда «Тигрицы» сгрудилась у борта и попыталась понять, о чем говорит эскимос. Туман тем временем рассеялся, и в некотором отдалении показалась крупная льдина, на которой было зажато более дюжины мужчин и женщин, а также несколько детей. Заметив корабль, они возликовали и принялись палить из ружей.

Капитан «Тигрицы» Айзек Бартлет приказал спустить на воду спасательные шлюпки. Когда несчастных – всего их было 19 человек – подняли на борт, сразу стало ясно, что они пережили суровое испытание. Истощенные, грязные, обмороженные, они загнанно озирались по сторонам. Их губы блестели от жира тюленьих внутренностей, которые они только что съели на завтрак.

«Сколько вы провели на этой льдине?» – спросил их капитан Бартлет.

Старший группы, американец Джордж Тайсон, выступил вперед.

«С 15 октября», – ответил он.

Бартлет попытался осознать его слова. С 15 октября прошло 196 дней. Эти люди, кем бы они ни были, провели на льдине почти семь месяцев. Как выразился Тайсон, эта льдина стала для них «плотом, который сотворил сам Бог».

Расспросив Тайсона, Бартлет, к своему удивлению, узнал, что эти бедняги были на борту знаменитого на весь мир «Поляриса» – именно об этом «американском пароходе» и кричал эскимос. Невзрачный

буксирный пароход «Полярис», укрепленный для плаваний во льдах, был судном американской полярной экспедиции, частично финансируемой конгрессом и поддерживаемой ВМС США. Двумя годами ранее он вышел из Нью-Лондона в Коннектикуте, сделал несколько остановок по пути в Гренландию, а затем пропал. О команде ничего не было слышно.

Когда «Полярис» пересек рекордную в то время 82-ю параллель, его затерло во льдах у западного побережья Гренландии. В ноябре 1871 года командир экспедиции – угрюмый эксцентричный мечтатель из Цинциннати по имени Чарльз Фрэнсис Холл – умер при таинственных обстоятельствах, выпив чашку кофе, в которую, как он успел предположить, подмешали яд. После смерти Холла, оставшись без лидера, экспедиция развалилась.

В ночь на 15 октября 1872 года крупная льдина, на которой разбили временный лагерь Тайсон и 18 других членов экспедиции, неожиданно отошла от корабля и начала дрейфовать по морю Баффина. Группа несчастных, в которую входили несколько эскимосских семей и новорожденный младенец, так и не смогла вернуться к «Полярису» и осталась на льдине. Они плыли на юг всю зиму и весну, ночевали в иглу и питались тюленями, нарвалами, морскими птицами и белыми медведями. Не имея возможности готовить мясо, они съедали его сырым вместе с внутренностями и кровью, если им вообще удавалось поесть.

Тайсон назвал свою группу «баловнями судьбы». Зажатые на тающей льдине, они болтались по морю, «подобно пробке», то и дело натываясь на айсберги и попадая в шторм. Как ни странно, никто из них не погиб. Всего они проплыли на льдине 1800 миль.

Пораженный историей Тайсона, капитан Бартлет принял всех несчастных на борту своего корабля, накормил их обедом из трески, картошки и кофе и вскоре доставил в Сент-Джонс на Ньюфаундленде. Там их встретил корабль ВМС США, на котором они отплыли в Вашингтон. В ходе торопливых расспросов Тайсона и других спасенных выяснилось, что «Полярис» поврежден, но, вероятно, до сих пор на плаву, а оставшиеся члены экспедиции – всего 14 человек – вполне могут до сих пор томиться на давшем течь корабле где-то в гренландских льдах. Перекрестный допрос выживших офицерами ВМС выявил, что на «Полярисе» с самого начала наблюдался кризис

лидерства, что поднимались разговоры о бунте и что Чарльз Холл действительно мог быть отравлен. Около ста лет спустя судебно-медицинские эксперты эксгумировали его труп и обнаружили повышенное содержание мышьяка в образцах тканей. Однако Тайсон отказался назвать какие бы то ни было имена и возмутился этим вопросом. «Испортившие эту экспедицию, – прорычал он, – не уйдут от божьей кары!»

Американская общественность, потрясенная столь печальной историей неудачного плавания, которое долгое время было у всех на устах, стала требовать снаряжения спасательной экспедиции с целью разыскать выживших. Получив одобрение президента Улисса Гранта, ВМС быстро выделили для этих целей судно «Джуниата», которое должно было отправиться к берегам Гренландии и найти затертый во льдах «Полярис».

Находящаяся под командованием Дэниэла Брейна «Джуниата» представляла собой закаленный в боях малый корвет, который принимал активное участие в атлантической блокаде в годы Гражданской войны. Судно вышло из Нью-Йорка 23 июня, о чем написали все газеты Америки. В миссии «Джуниаты» были все составляющие успешной истории: рассказ о чудесном спасении и интригующий детективный сюжет, в котором, возможно, не обошлось и без убийства. В Сент-Джонсе на борт «Джуниаты» должен был взойти корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», который собирался вести хронику поисков. Во многом именно благодаря освещению событий в «Нью-Йорк геральд» поиски «Поляриса» в конце лета 1873 года стали настоящей сенсацией.

Старшим помощником капитана «Джуниаты» был молодой лейтенант из Нью-Йорка Джордж Делонг. 28 лет, с живыми серозелеными глазами, блестящими за стеклами пенсне, Делонг ко всему подходил с энтузиазмом. Он был высок и широкоплеч и весил около девяноста килограммов. Выпускник Военно-морской академии США, рыжеволосый и светлокожий, он носил кустистые усы, которые закрывали уголки его рта. Когда у него выдавалась свободная минутка, он курил пенковую трубку, с головой погрузившись в книгу. Тепло его улыбки и мягкость черт несколько противоречили резким линиям его подбородка, на что указывали многие его современники. Делонг был решительным, прямолинейным человеком, весьма трудолюбивым и

рассудительным при этом. Ему были не чужды амбиции. Одной из его присказок – можно даже сказать, его девизом – была простая фраза «Не откладывай на завтра».

Делонг изборозил добрую половину земного шара – бывал в Европе, в Карибском бассейне, в Южной Америке и по всему восточному побережью США, но в Арктику прежде не плавал, а потому не слишком жаждал этой экспедиции. Ему гораздо привычнее были тропики. Его не манил к себе Северный полюс, который будоражил умы исследователей вроде Холла и очаровывал публику. Для Делонга плавание «Джуниаты» в Гренландию было просто очередным заданием.

Он не думал и о Сент-Джонсе, где «Джуниата» причалила, чтобы запастись провизией и позволить корабельщикам укрепить ее нос железом для скорого столкновения со льдами. Когда «Джуниата» вошла в полузамерзшую гавань Суккертоппена, Делонг написал жене: «Никогда в жизни я не видел такой тоскливой и неприветливой земли. Надеюсь, мне не суждено потерпеть кораблекрушение в таком забытом Богом месте... Так называемый «городок» состоит из двух домиков и дюжины мазанок. Я вошел в одну из них и до сих пор не могу перестать чесаться».

Делонг был очарован своей женой Эммой, наполовину француженкой, наполовину американкой из Гавра. Ему претило находиться так далеко от нее. Они с Эммой были женаты более двух лет, но почти не виделись, поскольку Делонг по долгу службы большую часть времени проводил в море. Их маленькая дочка Сильвия была ему все равно что чужая. Делонги жили в маленькой квартирке на 22-й улице на Манхэттене, но он там не появлялся. Эмма говорила, что ее муж «обречен всегда быть в разлуке с любимыми». Он ничего не мог поделать с долгими командировками – такова была жизнь кадрового флотского офицера.

Впрочем, порой Делонг мечтал о том, чтобы взять отпуск и вместе с Эммой и Сильвией поселиться где-нибудь на американском западе или в деревушке на юге Франции. Будучи в Гренландии, он писал Эмме об этих мечтах. «Не могу не думать, насколько счастливее мы были бы вместе, – писал он. – Когда мы порознь, я предаюсь мечтам... Как здорово было бы отправиться в какой-нибудь тихий европейский уголок и год прожить там вдали от приказов Военно-морского

министерства и других забот. Дорогая, вернувшись из этого плавания, я, быть может, смогу взять годичный отпуск и провести его вместе с тобой там, где мы сможем снять недорогой домик. Думаешь, получится?»

Вскоре Делонг перестал с таким презрением относиться к полярному ландшафту. Когда «Джуниата» пересекла Северный полярный круг и двинулась дальше вдоль берега самого большого острова в мире, его отношение к окружающим пейзажам существенно изменилось. Его все больше очаровывала одинокая величественность Арктики, ее миражи и странные фокусы света, ее лунные гало и кроваво-красные сияния вокруг солнца, ее таинственная, туманная атмосфера, которая изменяла и усиливала звуки, словно бы каждый здесь жил под огромным куполом. Делонгу казалось, что он дышит разреженным воздухом. Его заинтересовал феномен «ледового неба» – спектрального свечения на горизонте, по которому можно было определить приближение большого скопления льда. Пейзажи стали интереснее: обледенелые фьорды, возвышающиеся айсберги, совсем недавно отколовшиеся от ледников, шорох разбивающихся о льдины волн, выглядывающие из трещин тюлени и гренландские киты, скользящие в глубоких серых водах. Делонг влюбился в эту нетронутую человеком природу, подобной которой он в жизни не видел.

К концу июля, когда «Джуниата» достигла острова Диско – продуваемой всеми ветрами земли бурлящих горячих источников и скандинавских сказаний, расположенной у берегов Гренландии, крещение Делонга льдом было почти окончено. С ног до головы одетый в меха, в сапогах из тюленьей кожи, он полностью вошел в ритм. «Мы взяли на борт двенадцать собак, которые потащат упряжки, – писал он, – видели бы нас сейчас! Корабль почернел от грязи и угольной пыли, среди угля размещены собаки, баранина подвязана высоко на носу, а по правому и левому борту висит говядина и рыба. Мы готовы отправиться куда угодно».

По мере продвижения на север Делонг все чаще задавался вопросом, что же случилось с Чарльзом Фрэнсисом Холлом и его экспедицией. Когда все пошло не так? Какие решения привели к провалу? Где теперь «Полярис» и выжил ли хоть кто-нибудь из команды? Будучи флотским офицером, он живо интересовался

вопросами иерархии, дисциплины и мотивации – как организована экспедиция и как эта организация разлетается на части. Делонг получил возможность прикоснуться к тайне, которая была бесконечно любопытнее рутинных обязанностей морской жизни.

31 июля «Джуниата» достигла крошечной, затерянной во льдах деревушки Упернавик в четырехстах милях севернее полярного круга, и там сюжет этого северного детектива получил новый поворот. Делонг и капитан Брейн сошли на берег, чтобы встретиться с датским чиновником Крарупом Смитом, королевским инспектором в Северной Гренландии. Инспектор Смит рассказал кое-что примечательное о Чарльзе Холле, который останавливался в Упернавике двумя годами ранее вместе со своей экспедицией, впоследствии пропавшей в Арктике. Смит не знал, где теперь находится «Полярис» и выжил ли кто-нибудь из команды, но сообщил потрясающую деталь: по его словам, Холл предчувствовал свою смерть.

Прибыв в Упернавик, Холл намекнул, что в команде возникли разногласия и кое-кто хочет сместить его с поста капитана. Он чувствовал, что не вернется домой и погибнет в Арктике. Холл был так уверен в этом, что оставил инспектору Смицу на хранение внушительную связку ценных бумаг и других документов.

Репортер «Нью-Йорк геральд» Мартин Мэер заметил, что Смит «в мельчайших подробностях описал суть размолвки», в результате которой ряд членов экспедиции «попытался настроить команду корабля против» Холла.

Если верить Смицу, экспедиция Холла была обречена еще до того, как вошла в зону льдов. «Офицеры и команда «Поляриса» были полностью деморализованы, – сообщал Мэер, – а капитан Холл, очевидно, предчувствовал собственную смерть».

Капитан Брейн считал, что «Джуниату» не стоит вести севернее Упернавика. Несмотря на железную носовую броню, она была не приспособлена для плавания во льдах. Однако на корабле имелась лодка меньшего размера – «Малая Джуниата», – которая была более маневренной и могла проходить между айсбергами и льдинами. Оснащенное, как шлюп, это 28-футовое судно было снабжено небольшим паровым двигателем, который вращал трехлопастный винт. Брейн отдал полдюжине своих матросов приказ спустить на воду

«Малую Джуниату» и вдоль изрезанного фьордами берега подняться еще на четыреста миль севернее, до мыса Йорк.

Этот второй этап поисков, на который Брейн отвел несколько недель, был довольно сомнительным предприятием. «Малая Джуниата» представляла собой ужасно уязвимое судно и была немногим лучше открытой лодки. Такие ледяные поля крушили целые китобойные флотилии, и Брейн понимал, что не может никому приказать взять на себя такой риск, поэтому ему пришлось рассчитывать на добровольцев.

Первым вызвался Делонг, которого вскоре решили назначить капитаном маленького судна. Его старшим помощником стал спокойный и надежный выпускник Военно-морской академии с севера штата Нью-Йорк Чарльз Уинанс Чипп. Набралось еще семь волонтеров, включая эскимосского переводчика, ледового лоцмана и Мартина Мэера из «Геральда». Брейн попрощался с ними и в письменных инструкциях Делонгу указал: «Я буду с нетерпением ждать вашего возвращения на этот корабль по завершении опасной миссии, на которую вы вызвались добровольцем».

Они отплыли от «Джуниаты» 2 августа, запасшись провизией на шестьдесят дней и таща за собой шлюпку с полутонной угля. Маленький паровой двигатель позвякивал, пока Делонг вел корабль среди окутанных туманом островов и тысяч небольших айсбергов, называемых малыми несяками. Они остановились в нескольких отдаленных эскимосских поселениях – Кингитоке, Тесси-Уссаке, – а затем отправились в пустоту, вилля меж массивных айсбергов, которые подавляли судно.

Мэер написал, что «никогда не видел ничего прекраснее... Смотри на бескрайние ледовые поля, блестящие в лучах солнца, и тысячи огромных, щербатых айсбергов, угрюмо дрейфующих по морю Баффина, понимаешь ужасное величие стихии и задумываешься, как же избежать печальной судьбы и не стать расщепленным на атомы».

В конце концов «Малую Джуниату» затерло в паковых льдах^[1], и Делонгу пришлось неоднократно таранить лед, чтобы высвободить судно, дробя при этом обшивку из железного дерева, которой был усилен корпус. Стоял густой морозный туман, вся оснастка покрылась ледяной коркой. «Заблокированные со всех сторон, мы оказались в опасном положении, и вдруг нам стало грозить разрушение, – писал

Мэер. – В конце концов мы смогли пробиться в западном направлении и после двенадцати часов упорной борьбы со льдом снова оказались в открытом море».

Радости Делонга не было предела. Они с лейтенантом Чиппом наслаждались плаванием – и готовы были принимать его вызовы. «Наш корабль – настоящий красавец, он разве что говорить не умеет, – писал Делонг Эмме. – Не тревожься, если некоторое время от меня не будет вестей. Если нам придется провести во льдах всю зиму, следующую весточку я смогу послать только весной. Но не падай духом. Думаю, мы вернемся на корабль уже через пятнадцать дней».

В сорока милях южнее мыса Йорк Делонг пристал к большому айсбергу, чтобы пополнить запасы пресной воды, срубив несколько кусков льда. В нависающей части айсберга вдруг образовалась крупная трещина. Почувствовав опасность, Делонг снялся с якоря и отвел «Малую Джуниату» в сторону всего за несколько мгновений до того, как крупный осколок льда с плеском упал в море. Это, в свою очередь, заставило весь айсберг задрожать, а затем и перевернуться. Будь Делонг хоть немного ближе, «Малая Джуниата» разлетелась бы в щепки.

Пока Делонг не видел ни «Поляриса», ни следов выживших. Возможно, было безумием полагать, что кто-то вообще может выжить в этих туманных пустошах. Но по мере движения на север, к 75-й параллели, капитан столкнулся с еще большим таинством. Сложность Арктики предстала перед ним настоящей загадкой. Он никогда прежде не чувствовал себя таким живым, таким погруженным в момент. Он понимал, что становится пагофилом – так исследователи Арктики называли существ, которые счастливее всего ощущают себя на льду.

8 августа «Малая Джуниата» оказалась окутана густым туманом. Море разбушевалось, и через несколько часов маленькое судно попало в настоящий шторм, который качал его на ледяных волнах. «Каждый раз, когда мы ныряли вниз, – писал впоследствии Делонг, – на борт захлестывали волны, а сверху летели брызги, затопляя все вокруг. Мы вычерпывали воду, но все наши усилия были тщетны».

Шторм превратил ледяные поля в опасную стихию, откалывая новые куски айсбергов и затягивая их в пучину. «Малую Джуниату» в любой момент могло расколоть на части. «Я до сих пор с содроганием вспоминаю те минуты, – писал Делонг, – и могу лишь

сказать, что нас спасло божественное провидение». Мартин Мэер писал в «Геральд»: «Яростные волны ударились о ледяные горы и откалывали от них тяжелые, массивные глыбы, которые с оглушительным плеском падали в море. Казалось, наше судно обречено. Мы оказались в ужасной ловушке, где ледяные утесы снова и снова пускали в нас свои смертельные снаряды».

Шторм бушевал тридцать шесть часов. Каким-то чудом «Малой Джуниате» удалось устоять, а когда погода наладилась, Делонг хотел продолжить плавание к мысу Йорк, несмотря на простирающиеся перед ним опасные ледяные поля. «Я не собирался сдаваться без боя», – писал он. Но у него заканчивался уголь, а на команду страшно было смотреть – голодные, они замерзли и промокли до нитки. Двигатель залило водой, растопка пропиталась влагой. Один из матросов несколько часов сушил спичку, прижимая ее к телу, и в конце концов ему удалось зажечь свечу. Вскоре после этого ожил и захлебнувшийся паровой двигатель.

Еще один день Делонг пробивался сквозь лед, но продолжение плавания было настоящей авантюрой. Ему пришлось задуматься, «стоит ли рисковать жизнью этого небольшого отряда», и он написал, что на его плечи легла такая тяжелая ответственность, «почувствовать которую снова нет ни малейшего желания». Делонг посоветовался с лейтенантом Чиппом, которого уважал за спокойную рассудительность. 10 августа лейтенант Джордж Делонг сделал то, что делал крайне редко: он сдался. «О дальнейшем продолжении поисков команды «Поляриса» не могло быть и речи», – написал он. Они прошли более 400 миль и пересекли 75-ю параллель. До мыса Йорк оставалось всего 8 миль, но «Малая Джуниата» повернула назад.

Делонг не знал, что всех оставшихся выживших с «Поляриса» – всего 14 человек – в июне подобрало шотландское китобойное судно. Их доставили в шотландский Данди, а домой в Соединенные Штаты они вернулись только осенью.

Делонг повел «Малую Джуниату» сквозь бескрайние ледовые поля на юг. Когда уголь для парового двигателя закончился, ему пришлось импровизировать и сжигать в печи свинину.

В середине августа, преодолев суммарно более 800 миль, «Малая Джуниата» снова встретила свою старшую подругу. Капитан Брейн уже отчаялся ждать возвращения маленького парохода –

Делонга встречали как пропавшего героя. «Команда ликовала, – писал он. – Матросы высыпали на палубу и кричали от радости. Когда я поднялся на борт, почти невидимый в роскошных мехах, меня приняли так, словно я восстал из мертвых. Пожимая мне руку, капитан дрожал всем телом».

«Джуниата» вернулась в Сент-Джонс, а затем добралась до Нью-Йорка, в порт которого с помпой вошла в середине сентября. В доках Делонгу удалось ускользнуть от репортеров, чтобы скорее встретиться с женой и маленькой дочерью.

Однако Эмма сразу заметила, как изменился ее муж. В Гренландии Джорджу исполнилось 29, но дело было не в этом. В нем произошла фундаментальная перемена: что-то новое было в его взгляде и во всем поведении. Казалось, он подхватил лихорадку. Он уже говорил о возвращении в Арктику. Он с головой ушел в литературу об Арктике и арктические карты. Он вызвался отправиться в следующую экспедицию на великий север.

«Приключения сильно потрясли его и уже не давали ему покоя», – писала Эмма. Она подозревала, что их отпуску во французской глубинке, о котором Делонг мечтал в гренландских снегах, так и не суждено стать реальностью. «Полярный вирус навсегда проник в кровь Джорджа».

Делонга мучил важнейший вопрос, над которым до этого ломали головы Чарльз Холл и другие исследователи: как достичь Северного полюса? И каково там? Можно ли добраться туда морем? Водятся ли там неизвестные науке виды рыб и животных? Живут ли на льду неведомые чудища? Есть ли там пропавшие цивилизации? Есть ли водовороты, которые, как считалось, уходят в земные недра? Бродят ли по арктическим пустошам мохнатые мамонты и другие доисторические звери? Какие еще природные чудеса можно найти по дороге? Или же полюс совершенно другой – может, это зеленая земля, окруженная океанскими течениями?

«Чем больше он размышлял о Северном полюсе, – утверждала Эмма, – тем сильнее становилось его желание дать ответ, который убедит весь мир. Арктика околдовала его. Вернувшись в Нью-Йорк, он уже не забывал о ее великих тайнах».

Часть I
Огромное белое пятно

Глава 1

Жуткий шабаш смерти

Около полуночи в воскресенье, 8 ноября 1874 года, пока в типографии печатались первые экземпляры завтрашнего выпуска «Нью-Йорк геральд», в освещенном газовыми лампами здании на углу Бродвея и Энн-стрит царил сумрак. Стучали телеграфы, крутились валики прессов, в печатном цеху стоял звон быстро передвигаемых металлических шрифтов, редакторы требовали внести последние изменения, а на улице доставщики уже подогнали запряженные ломовыми лошадьми повозки и на холоде ожидали, пока их загрузят перевязанными веревкой пачками газет, которые затем нужно будет развезти по всем уголкам спящего города.

Как всегда, ночной редактор принес черновой вариант газеты на одобрение издателю. Это была не шутка: владелец «Нью-Йорк геральд» порой превращался в настоящего тирана и орудовал синим карандашом, как ножом, часто оставляя едва читаемые комментарии, которые шли по полям и спускались вниз. После обильно сдобренного вином ужина в ресторане «Дельмонико» он возвращался в офис, где литрами пил кофе и терроризировал весь персонал, пока номер наконец не сдавали в печать. Редакторы боялись его гнева и ничуть не удивлялись, когда он среди ночи требовал ломать всю верстку и начинать работу заново.

Джеймс Гордон Беннетт-младший был высоким, стройным и статным мужчиной 32 лет с аккуратно подстриженными усами и изящными руками. Его серо-голубые глаза казались холодными и властными, но в них проскальзывали и искорки озорства. Он носил подогнанные по фигуре французские костюмы и туфли из мягкой итальянской кожи. Чтобы справляться с переработками, он установил в мансардном офисе кровать, куда ложился вздремнуть на рассвете.

По большинству оценок, Беннетт был третьим богатейшим человеком в Нью-Йорке. Его годовой доход уступал лишь доходам Уильяма Астора и Корнелиуса Вандербильта. Беннетт был не только издателем, но и главным редактором и единственным владельцем

«Геральда» – возможно, крупнейшей и влиятельнейшей газеты мира. Он унаследовал газету у своего отца, Джеймса Гордона Беннетта-старшего. «Геральд» считался одновременно информативной и развлекательной газетой: его страницы были пропитаны тонким юмором владельца, но в то же время полнились новостями. Беннетт опережал другие газеты, получая последние известия по телеграфу и трансатлантическому кабелю. Длинные очерки писали видные американские литераторы – Марк Твен, Стивен Крейн, Уолт Уитмен, Беннетт делал все возможное, чтобы привлечь их к сотрудничеству.

Помимо всего прочего, Беннетт был одним из самых завидных холостяков Нью-Йорка и славился своими романами со звездами бурлеска и пьяными загулами в Ньюпорте. Он входил в клуб «Юнион» и любил спорт. Восемью годами ранее он выиграл первую трансатлантическую регату. Он сыграл немалую роль в популяризации в США поло, велосипедных гонок и гонок на воздушных шарах. В 1871 году, в возрасте 29 лет, Беннетт стал самым молодым в истории командором Нью-Йоркского яхт-клуба и по-прежнему занимал этот пост.

Командор, как называли Беннетта, любил с ветерком прокатиться на упряжке или на небольшом катере. Поздно ночью, порой заправившись бренди, он выводил свой запряженный четверкой экипаж и несся по залитым лунным светом дорогам в окрестностях Манхэттена. Бдительные прохожие с любопытством относились к его ночным похождениям, но в то же время пугались их, ведь Беннетт едва ли не всегда скакал голым.

Пожалуй, самым оригинальным вкладом Джеймса Гордона Беннетта в современную журналистику можно назвать его убеждение, что газета должна не просто описывать события, но и создавать их. Он полагал, что редакторам мало печатать новости, нужно продумывать громкие общественные драмы, которые подогревают интерес публики и возбуждают разговоры. Как впоследствии заметил один из историков американской журналистики, у Беннетта была «способность раскапывать потенциальные сенсации и вдыхать в них жизнь». Именно Беннетт в 1870 году отправил Генри Стэнли в далекую Африку на поиски исследователя-миссионера Давида Ливингстона. И не важно, что Ливингстон не желал быть найденным. Отчеты Стэнли, которые

он отправил в «Геральд» в 1872 году, стали международной сенсацией – и Беннетту с тех пор хотелось повторить этот успех.

Критики называли эти эксклюзивные материалы «проделками» издателя – возможно, так оно и было. Но Беннетт был убежден, что стоит отправить первоклассного репортера разгадывать какую-нибудь человеческую загадку или решать географическую головоломку, и он обязательно вернется с интересными историями, которые будут способствовать росту продаж и распространению знаний. Беннетт готов был щедро платить за то, чтобы такие статьи постоянно появлялись у него в газете. «Геральд» можно было описать по-разному, но скучным его нельзя было не назвать.

Теперь, ранним ноябрьским утром, ночной редактор «Геральда» с содроганием ждал оценки еще теплого черновика нового номера, который он отправил на одобрение своему сумасбродному начальнику. Передовица содержала статью, которая при правильной подаче могла вызвать столь милую сердцу Гордона Беннетта шумиху. Это был один из самых невероятных и трагичных новостных репортажей, которые когда-либо появлялись на страницах «Геральда». Статья была озаглавлена **«Жуткий шабаш смерти»**.

Командор просмотрел газету и начал замечать ужасные подробности: в воскресенье ближе к вечеру, прямо перед закрытием зоопарка в Центральном парке, из клетки сбежал носорог. В приступе ярости он убил одного из зрителей – искалечил беднягу до неузнаваемости. Остальные зрители, которые как раз кормили животных, сбежали на крики, и в суматохе из своих вольеров ускользнули многие хищники, включая полярного медведя, пантеру, нумидийского льва, нескольких гиен и бенгальского тигра. О случившемся дальше было трудно читать. Животные, которые сначала набросились друг на друга, в итоге напали на горожан, прогуливающихся по Центральному парку. Многих затоптали, искалечили и разорвали на части – или и того хуже.

Репортеры «Геральда» прилежно описали все в деталях: как пантера склонилась над телом мужчины, «жутко рыча ему в лицо». Как африканская львица, «искупавшись в крови» нескольких жертв, пала от пули группы иммигрантов из Швеции. Как носорог убил швею по имени Энни Томас и затем убежал на север, где и погиб, споткнувшись и упав в глубокий канализационный коллектор. Как

полярный медведь искалечил и убил двух мужчин, прежде чем отправиться к верхнему пруду. Как доктора в больнице Бельвью «обрабатывали ужасные раны» и вынуждены были «прибегнуть к целому ряду ампутаций... Как сообщается, одна девушка скончалась на операционном столе».

На момент сдачи номера в печать многие сбежавшие животные до сих пор бродили на свободе, из-за чего мэру Уильяму Хэвмайеру пришлось издать прокламацию, которой устанавливался строгий комендантский час до устранения «угрозы». «Больницы полны раненых, – сообщал «Геральд». – В парке повсюду видны следы нападений, а среди деревьев прячутся звери, которые готовы в любую минуту наброситься на неосмотрительных пешеходов».

Беннетт даже не достал свой синий карандаш. В кои-то веки ему не хотелось ничего менять. Говорят, он откинулся на подушки и «застонал» от удовольствия.

Статья в «Геральд» была написана бесстрастно. Авторы обильно сдобрили ее ужасными деталями и добавили в список жертв имена реальных, порой довольно известных жителей Нью-Йорка. Однако вся история была выдумкой. Подталкиваемые Беннеттом, редакторы состряпали этот материал, чтобы показать, что в городе нет плана эвакуации на случай катастрофы, а также чтобы подчеркнуть, что многие клетки в зоопарке уже обветшали и нуждались в ремонте. Устаревший зверинец в Центральном парке, как впоследствии заявили редакторы, и близко не стоял с современным зоопарком в Ботаническом саду Парижа. Нью-Йорку давно пора было стать городом мирового класса, а нации, до столетнего юбилея которой оставалось чуть больше полутора лет, пора было обзавестись хотя бы одним отвечающим мировым стандартам парком, чтобы показывать в нем самых диких зверей планеты.

Чтобы никто не возмутился, что «Геральд» обманывает читателей, редакторы прикрыли себе спины. Любой, дочитавший «Жуткий шабаш смерти» до конца (надежно погребенного на последних страницах газеты) увидел бы следующее примечание: «Само собой, вся эта история – чистой воды вымысел. В ней нет ни единого слова правды». И все же, утверждала газета, городские власти не думают о том, как действовать при возникновении непредвиденной ситуации. «Готов ли

Нью-Йорк к такой катастрофе? – спрашивал «Геральд». – Казалось бы незначительные причины нередко приводят к величайшим бедствиям».

Беннетт по опыту знал, что до конца статью прочитают лишь немногие жители Нью-Йорка, и в этом он был прав. Тем утром, когда над бурлящим городом начали подниматься привычные облака угольного дыма, люди раскрыли утренние газеты – и тут же вспыхнул хаос. Встревоженные горожане осаждали пристани, надеясь спастись на маленькой лодке или на пароме. Многие тысячи людей, следуя «прокламации» мэра, целый день не выходили из дома, ожидая новостей о прекращении кризиса. Кое-кто зарядил винтовки и отправился в парк охотиться на сбежавших животных.

«Готов ли Нью-Йорк к такой катастрофе? – спрашивал «Геральд». – Казалось бы незначительные причины нередко приводят к величайшим бедствиям».

Даже самому наивному читателю должно было сразу стать очевидно, что эта статья – обман. Но в то время газетам доверяли гораздо больше, ведь еще не появилось ни радио, ни телефонов, ни скоростного транспорта, и горожанам было сложно отличить слухи от правды.

В последующих номерах история получила продолжение. Теперь «Геральд» сообщал, что сам губернатор Нью-Йорка, герой Гражданской войны Джон Адамс Дикс, вышел на улицу и пристрелил бенгальского тигра, которого забрал в качестве трофея. В существенно расширенном списке перечислялись остальные сбежавшие из зоопарка животные, включая тапира, анаконду, валлаби, газель, двух обезьянок-капуцинов, белого дикобраза и четырех сирийских овец. Медведь гризли вошел в церковь Святого Фомы на Пятой авеню и там, в центральном проходе, «набросился на плечи пожилой дамы и вонзил клыки ей в шею».

Редакторы конкурирующих газет пребывали в восхищении. «Геральд» обошел их не в первый раз, но почему же их репортеры даже не обмолвились о столь важном событии? Редактор отдела

городских новостей газеты «Нью-Йорк таймс» ворвался в полицейское управление на Малберри-стрит и обвинил полицейских в том, что они отдали историю «Геральд» в обход его уважаемой газеты. На удочку попались даже некоторые работники «Геральд»: один из самых знаменитых военных корреспондентов Беннетта, очевидно не получивший служебной записки, тем утром заявился на работу с двумя огромными револьверами, готовый патрулировать улицы.

Как и ожидалось, конкуренты Беннетта обвинили «Геральд» в безответственности и распространении паники, которая могла привести к гибели людей. В редакторской колонке «Таймс» подчеркивалось: «Столь тщательно подготовленная история не могла появиться в печати без согласия владельца или редактора газеты, если, конечно, у этой странной газеты вообще есть редактор, что кажется довольно смелым допущением».

Но это праведное негодование не находило поддержки. «Звериная мистификация», как ее прозвали в народе, только привлекла к «Геральд» больше читателей. Она словно бы утвердила всех во мнении, что Беннетт держит руку на пульсе города и что его ежедневное издание не лишено юмора. «Этот инцидент помог, а не помешал газете, – заметил один из историков нью-йоркской журналистики. – Он дал горожанам тему для обсуждения и потряс публику так, как ее никогда прежде не потрясали. Общественности понравилась эта шутка».

Беннетту невероятно понравилась эта история – она до сих пор считается одной из величайших газетных мистификаций в истории. Статья даже достигла своей мнимой цели: клетки зверинца действительно починили.

Однако такого успеха, как при обнаружении Стэнли Ливингстона, добиться все же не удалось. Беннетт не перестал искать кандидата на роль столь же прибыльной саги. Его репортеры работали не покладая рук во всех концах света и охотились за следующей кассовой сенсацией. Его корреспонденты трудились в Австралии, в Африке и в Китае. Они описывали дебоши потускневших европейских монархов, шумные гулянки Уолл-стрит и перестрелки Дикого Запада. Они путешествовали по проходящему период реконструкции Югу и сообщали о всевозможных аферах.

Но больше всего Гордона Беннетта интересовал север. Он чувствовал, что там, под полуночным солнцем, скрываются гораздо более удивительные тайны. Закутанные в меха исследователи Арктики стали национальными героями – это были авиаторы, астронавты и странствующие рыцари своего времени. Люди с упоением читали истории о них. Беннетт чувствовал, что они представляют собой особый тип искателей приключений – ученых, миссию которых подпитывали темная романтика и отчаянное благородство. Будучи спортсменом, Беннетт не раз безрассудно шел на риск и на работе ожидал от своих репортеров того же. В этот героический век открытий Командор свято верил, что лучших корреспондентов следует отправить в ледяные пустоши вслед за отважными и одержимыми искателями этого Грааля.

Глава 2

Ne Plus Ultra

Северный полюс. Макушка мира. Апогей, апекс, высшая точка. Этот регион так и манил к себе людей. Он возбуждал общественный интерес, оставаясь великой загадкой – столь же таинственной и неизведанной, как поверхность Венеры и Марса. Северный полюс был и физическим местом, и географической абстракцией – той точкой, где сходились все меридианы карты. Находясь на Северном полюсе, идти можно было по определению только на юг. Полгода там царила темнота, а полгода светило солнце. В некотором роде там замирала хронология, ведь на полюсе сходились все часовые зоны.

Эксперты понимали все это или хотя бы считали, что понимают. Но почти все остальное о Северном полюсе: лед там, земля или море, тепло там или холодно, влажно или сухо, пустынно или обитаемо, высятся ли там горы или змеятся лабиринтами тоннели к центру Земли, работают ли там законы гравитации и геомагнетизма – оставалось загадкой.

Эта загадка едва не свела Чарльза Холла с ума. Прежде чем отправиться в экспедицию на «Полярисе», он написал: «В нашем современном мире есть огромное слабое место, и этим местом является белое пятно на картах и глобусах, которое простирается примерно от 80° северной широты до Северного полюса. Лично мне становится стыдно при мысли о том, сколько тысяч лет назад Бог даровал человеку этот прекрасный мир – *целиком и полностью*, – но та его часть, где, должно быть, находятся самые интересные и удивительные чудеса, до сих пор остается неизведанной, будто она и не была создана».

«Полярная проблема», как ее порой именовали в прессе, превратилась в досадную, надоедливую одержимость. Людям *нужно* было знать, что находится там, наверху, причем интересовались этим не только ученые, но и общественность. Северный полюс, как выразился лондонский журнал «Атенеум», был «недоступным объектом из наших снов». Видный немецкий географ Эрнст Бем сравнил незнание человечества о том, что находится на полюсах, с

неудовлетворенным любопытством домовладельца, которому хочется выяснить, как выглядит его мансарда. «Семья, конечно же, осматривает все комнаты своего дома, – писал Бем, – вот и человечество с самого начала хочет познакомиться со всеми землями, океанами и регионами планеты, дарованной ему в качестве места обитания».

В передовице «Нью-Йорк таймс» того времени слышится отголосок настроений Бема: «Человек не может смириться с существованием тайны, его не устраивает постоянный вопросительный знак на конце земной оси, ибо он не любит вопросы без ответов».

К 1870-м годам на планете не осталось загадки важнее. Антарктика, конечно, была не менее таинственна, однако Южный полюс считался менее достижимой целью для передовых исследовательских стран, которые все как одна были расположены в Северном полушарии. Сложно представить, как сильно человечеству хотелось раскрыть арктическую тайну. В популярной культуре и мировой литературе то и дело высказывались предположения о том, что находится на Северном полюсе: об этом говорилось и в книгах Жюль Верна, и даже во «Франкенштейне» Мэри Шелли (где ученый-протагонист преследует своего монстра по льдам до самого Северного полюса). Приводились и практические аргументы необходимости отыскать полярный Грааль – можно было присвоить землю, добыть полезные ископаемые, открыть новые торговые пути, основать колонии и изучить новые виды. Эту географическую загадку нужно было решить, и решивший ее не мог не добиться славы. Но задача была даже более фундаментальной и необычной: достичь самой далекой точки, добраться до *ne plus ultra*, где прежде не ступала нога человека.

«В зачарованном круге Арктики, – замечал «Атлантик мансли», – лежит цель географических амбиций... итоговое решение полярной проблемы. Можно сказать, что долгие годы бесплодных усилий и ужасных страданий лишь возбудили аппетит к открытиям; чем больше мы узнаем о нашей планете, тем отчаяннее становится желание географов увидеть таинственный полюс». В 1871 году в журнале «Нейчер» вышла статья, которая назвала поиски полюса величайшей научной и географической загадкой своего времени: «Огромный

участок прежде неизведанной суши или моря, который окружает северный конец земной оси, представляет собой самую важную область исследований, доступную для изучения нынешнему или будущему поколению».

В некотором роде одержимость Арктикой подпитывалась и национализмом. Медленно восстанавливаясь после разорительной Гражданской войны, американцы стремились проявить себя на мировой арене. Полярная экспедиция, как предполагалось, могла помочь с объединением расколотой на два лагеря страны – в этом начинании даже у Севера и Юга не могло возникнуть разногласий. Грандиозная исследовательская экспедиция предоставила бы еще не до конца сплоченной республике способ направить свои силы в квазивоенное, но на самом деле мирное русло.

«Полярная проблема», как ее порой именовали в прессе, превратилась в досадную, надоедливую одержимость. Людям *нужно* было знать, что находится там, наверху, причем интересовались этим не только ученые, но и общественность.

Как считается, в 1827 году британский морской офицер Уильям Перри возглавил первую серьезную экспедицию, перед которой стояла цель достичь Северного полюса. С тех пор большую часть полярных экспедиций снаряжало именно Британское адмиралтейство. Во многом это объяснялось чуть ли не религиозным фанатизмом второго секретаря адмиралтейства Джона Барроу по отношению к Арктике, а также тем фактом, что после победы над Наполеоном Королевский флот был мало задействован в войнах XIX века. Огромные суда величайшего в мире флота ветшали без движения, жалованье многих офицеров было урезано в половину из-за сокращения обязанностей, однако их амбиций было не унять. Британцы сосредоточили усилия на поисках морского пути вдоль северного побережья Канады – и на поисках более ранних английских экспедиций, которые исчезли, разыскивая этот Северо-Западный проход.

Но теперь, в конце 1870-х годов, внимание переключилось с поисков Северо-Западного прохода на попытку достичь Северного полюса, которая не имела под собой никаких практических оснований. В надежде первыми оказаться на полюсе экспедиции снарядили или объявили не только Англия, но и Франция, Россия, Швеция, Германия, Италия и Австро-Венгерская империя. Соединенные Штаты полагали, что могут тягаться с такими конкурентами, и многие американцы горячо желали увидеть на вершине мира звездно-полосатый флаг.

Стремление Америки продвинуться на север в некотором роде можно считать продолжением доктрины явного предназначения, которая осуществлялась при расширении страны на запад. В 1869 году была окончена постройка трансконтинентальной железной дороги, благодаря чему западные рубежи оказались достигнуты или хотя бы их завоевание перешло в другую стадию, которая предполагала меньше исследовательских вылазок и больше грязной работы по оккупации и заселению новых территорий. Но в 1867 году Соединенные Штаты за смешные 7,2 миллиона долларов купили у Российской империи Аляску, и этот огромный новый регион по-прежнему оставался неосвоенным и по большей части неизведанным. Таким образом, достигнув Калифорнии, национальное движение на запад сделало резкий правый поворот и теперь направилось на север.

В 1873 году Америка еще не переварила покупку Аляски и пыталась осознать, что за огромной территорией владела на севере и зачем она была ей нужна. Потраченные на русскую землю деньги стали объектом разногласий – Аляску до сих пор называли «капризом Сьюарда», «сьюардовским холодильником» или «сьюардовским зоопарком полярных медведей» по имени бывшего государственного секретаря Уильяма Сьюарда, который настаивал на приобретении и вел переговоры с Россией. И все же американцы хотели знать, что лежит за новыми северными границами страны, и желали найти героя, который стал бы воплощением северных стремлений Соединенных Штатов.

Джордж Делонг постепенно приходил к выводу, что может стать этим героем. С тех пор как он своими глазами увидел Арктику, полярная проблема не выходила у него из головы. Он хотел добавить свое имя в пантеон – в своеобразную галерею скитальцев – исследователей севера. Он поставил перед собой смелую цель

раскрыть великую тайну и достичь Северного полюса. «Если мне не суждено преуспеть, – писал он, – я сочту за честь, что мое имя добавят в список попытавшихся».

Это стремление сначала заняло его мысли, а затем и чувства. До конца жизни он так и не расстался с идеей добраться до Северного полюса.

Делонг прославился своим плаванием на «Малой Джуниате» еще до того, как вернулся в Нью-Йорк. Корреспондент «Нью-Йорк геральд» Мартин Мэер передавал длинные сообщения по телеграфу из Сент-Джонса, и редакторы газеты печатали их в качестве истории с продолжением. Мэер назвал восьмисотмильное путешествие «Малой Джуниаты» вдоль берега Гренландии героическим плаванием едва ли не исторических масштабов. Делонг, который вызвался добровольцем на опасную миссию по спасению незнакомых ему людей, был очень симпатичен публике, понравилась читателям и его готовность идти дальше на север, даже когда лед начал затирать маленький пароход.

Делонг и «Малая Джуниата» были у всех на устах. «Ее знаменитое плавание к мысу Йорк, – утверждал Мэер, – стало самым смелым и отчаянным отрезком всей экспедиции. Прекрасно продуманный и мастерски исполненный план не каждому был по плечу. Но дело не терпело отлагательств, и добровольцы не заставили себя ждать. Не стоит и упоминать, с какими невероятными трудностями столкнулось маленькое суденышко в краю вечных льдов и как отважный капитан, хотя запасы топлива и были исчерпаны более чем наполовину, был решительно настроен идти вперед, в самое сердце бури; как его снова и снова отбрасывало назад, но он кричал лишь: «Вперед!»; как корабль пошел по так называемому ложному следу и оказался зажат в железные тиски льда, которые пришлось таранить, пока наконец не получилось освободиться лишь с тем, чтобы чуть дальше достичь надежного и непреодолимого барьера, лишившего операцию последней надежды на успех. Можете назвать эту миссию безрассудной, но героизм лейтенанта Делонга и его храбрых товарищей должен навсегда остаться в нашей памяти потрясающим примером самопожертвования и приверженности благородной цели».

Такое внимание смущало Делонга. Он «не выносил общественного признания, – писала Эмма, – и любой ценой старался

его избегать. Он исполнил свой долг и не видел никаких причин раздувать из этого сенсацию». В то же время он чувствовал силу известности и понимал, что его слава может помочь ему при планируемом возвращении в Арктику.

Газеты так многословно воспевали Делонга в том числе и потому, что остальные новости с «Поляриса», которые той осенью просочились в печать, были сплошь печальны и безнадежны. Эта экспедиция рассыпалась, еще даже не покинув Соединенных Штатов. Команде недоставало дисциплины и понимания собственной миссии. На корабле сформировались отдельные группировки, которые плели интриги и сеяли раздор – к примеру, немалое число немцев на борту «Поляриса» почти не разговаривало с американцами. Глава экспедиции Чарльз Холл не пользовался авторитетом: сначала его попытались сместить с поста, а затем, похоже, и вовсе убили.

Когда он умер, остальные вздохнули с облегчением, но вскоре погрязли в моральном разложении и анархии. Все бортовые журналы, записи и научные приборы экспедиции были потеряны. Оставшиеся на борту «Поляриса» люди, очевидно, не предпринимали никаких усилий, чтобы разыскать своих пропавших товарищей, когда льдина, на которой те разбились лагерь, откололась и уплыла от корабля. Те же несчастные, которые оказались на льдине, жили в постоянном страхе и не доверяли друг другу, опасаясь каннибализма. Позже следственная комиссия ВМС выявила множество случаев неподобающего поведения. Куда ни глянь, эта экспедиция была весьма печальной и мрачной историей – историей без героев, которая выставляла Америку в неприглядном свете. Как заметили в лондонской «Таймс»: «В тени этого корабля-призрака таилась смерть – во множестве ужасных проявлений».

Впечатлительному человеку плавание «Поляриса» могло стать предостережением об опасностях путешествиях в Арктику. Но Джорджа Делонга было не так легко напугать. Он уже анализировал экспедицию Холла и решал, что нужно сделать по-другому, чтобы экспедиция оказалась более эффективной и добилась большего успеха. Делонг поклялся, что, став капитаном полярной экспедиции, он будет гораздо чаще использовать новейшие технологии. Он наберет в команду офицеров ВМС, которые будут неукоснительно соблюдать дисциплину, тем самым исключая возможность мятежа. Он будет

отбирать команду более тщательно, не допуская ни создания группировок, ни дисбаланса национальностей и рангов. Он более основательно укрепит судно для плавания во льдах и погрузит больше продовольствия, медикаментов и научных приборов.

Делонг чувствовал себя обязанным исправить ошибки Холла и победить в этой гонке – для ВМС и для Соединенных Штатов.

Новообретенная слава открыла Делонгу двери в другие социальные круги. Вечером 1 ноября 1873 года его пригласили на ужин в доме Генри Гриннела, знаменитого нью-йоркского филантропа и богатого торговца. Гриннел живо интересовался Арктикой и за несколько предыдущих десятилетий финансировал множество экспедиций на север – как британских, так и американских. Степенный, седобородый мужчина 74 четырех лет, он всегда одевался с иголочки. Его большие, чуть навывкате глаза блестели, выдавая острый ум. Один из основателей Американского географического общества, Гриннел обладал самой обширной в Америке коллекцией книг, географических карт и планов Арктики. Его имя навсегда было отгиснуто в Арктике – крупную часть острова Элсмир назвали Землей Гриннела в его честь. Ни один другой человек в Соединенных Штатах не посвящал больше мыслей полярной проблеме и не выделял больше средств для ее решения.

Тем вечером, в субботу, Гриннел собрал ученых, географов, исследователей и моряков в своем прекрасном доме номер 17 по Бонд-стрит на Манхэттене, чтобы обсудить последние идеи в сфере изучения Арктики. В кабинете Гриннела, где на столе были разложены карты, собравшиеся джентльмены чествовали Делонга как героя и возможного капитана следующей американской экспедиции в Арктику. Их встреча стала анализом экспедиции Холла, которую в немалой степени финансировал Гриннел. Чему можно было научиться на этой ошибке? Как иначе организовать будущую экспедицию? И главное – каким путем ей идти?

Все сходились во мнении, что Гренландия – не лучший портал для достижения полюса. Катастрофическая экспедиция Холла еще раз подтвердила коварство этого региона. Делонг уже навел кое-какие справки, пытаясь разыскать более удачный полярный маршрут. Вскоре после возвращения из гренландских морей он посетил Нью-Бедфорд в

штате Массачусетс, который фактически являлся китобойной столицей Соединенных Штатов. Там он пообщался с несколькими капитанами китобойных судов, закаленными в плаваниях моряками, которые лучше всех понимали арктические течения и ветра. Эти старые морские волки сказали Делонгу, что попытка достичь полюса через Гренландию неоправданно тяжела – один даже сказал, что это все равно что «идти в гору». Капитаны полагали, что господствующие вокруг Гренландии течения и ветра постоянно сдвигают ледяной щит на юг, поэтому при движении на север придется без конца пробиваться сквозь льдины.

Однако, по их мнению, гораздо проще было добраться до полюса через северную часть Тихого океана и Берингов пролив – это будет все равно что «идти под гору». Делонг понимал, что эти советы представляют собой не научно доказанные факты, а практические наблюдения профессионалов, которые каждый год отправляются к границам ледовой шапки в погоне за ценным животным жиром. И все же позиция капитанов была понятна: зачем бороться с природой, когда можно работать с ней заодно?

В 1869 году французская экспедиция под руководством ученого Гюстава Ламбера планировала достичь полюса через Берингов пролив, но эту экспедицию отменили из-за начала Франко-прусской войны. Два года спустя Ламбер погиб при осаде Парижа, поэтому экспедиция так и не была организована.

Теперь гости Гриннела потягивали бренди и задумчиво поглаживали бороды. Казалось, их заинтриговала возможность отправки полярной экспедиции через Берингов пролив. По этому пути еще никто не ходил – к тому же в качестве отправной точки можно было использовать недавно приобретенную американцами Аляску. Тем холодным ноябрьским вечером в прокуренном салоне на Бонд-стрит идея заблестела всеми гранями. Гриннел предложил тост: под гору, к полюсу – любой ценой!

Делонг был благодарен Гриннелу за приглашение и поддержку его кандидатуры в качестве следующего полярного капитана. Он не постеснялся прямо спросить Гриннела: вы профинансируете экспедицию?

Гриннел всех удивил своим отказом. Он больше не хотел выделять деньги на полярные исследования. Полярная проблема по-прежнему

занимала его, но он был уже стар – его беспокоило здоровье. Он достаточно потратил на эти экспедиции и не хотел больше быть покровителем севера. Возможно, его напугала экспедиция Холла.

Но кто мог занять его место? Делонгу нужен был ответ. Куда ему обратиться? Он понимал, что все расходы ВМС на себя не возьмет. Для продолжения арктических исследований нужен был новый спонсор.

Когда Делонг обратился к присутствующим за идеями, нашелся лишь один ответ: Беннетт.

Глава 3

Бог творения

Через несколько месяцев, ранним утром 5 мая 1874 года, на углу 38-й улицы и Пятой авеню в Нью-Йорке собралась толпа. Из стороны в сторону прохаживались некоторые наиболее уважаемые жители города, которые заключали пари прямо возле своих блестящих экипажей. Ухоженные лошади в упряжках цокали копытами по пыльной мостовой, северный ветер гулял в кронах вязов, высаженных вдоль неясных очертаний особняков. Переулки наполнились всевозможными экипажами – там были фаэтоны, ландо, пролетки и omnibusy. Стояло утро вторника, моросил дождь. С гудящих над головами собравшихся телеграфных проводов капали крупные капли. И все же на Пятой авеню царило приподнятое настроение, и даже в этот ранний час кое-кто из мужчин передавал друг другу фляги с виски и нюхал табак.

В самом центре толпы разминался невысокий мускулистый мужчина по имени Джон Уипл. Молодой аристократ и видный член клуба «Юнион», Уипл, несмотря на коренастое телосложение, был видным атлетом. Как и большинство джентльменов его круга, он умел стрелять, ходить под парусом и скакать на коне. Но самых больших успехов Уипл добился на удивительном поприще спортивной ходьбы. Он даже стал чемпионом. Его называли самым быстрым пешеходом страны. Многие годы никто не мог одолеть его на соревнованиях по ходьбе. Тем утром, одетый в черные бриджи и черную кепку, Уипл готовился к встрече с последним противником.

Без нескольких минут семь массивные двери особняка по адресу Пятая авеню, 425, распахнулись, и на крыльце показался соперник Уипла. На нем были твидовая спортивная куртка, белая кепка и высокие кожаные ботинки. Когда он спустился по влажным ступеням, толпа поприветствовала Джеймса Гордона Беннетта-младшего.

Беннетт никогда не пробовал себя в спортивной ходьбе. На самом деле он с сомнением относился к талантам Уипла и хотел сбросить его с пьедестала. Однажды вечером в начале апреля они встретились в залах клуба «Юнион» и договорились о состязании. Был назначен приз

в 6000 долларов и определен десятимильный маршрут, который начинался возле особняка Беннетта и заканчивался возле ипподрома Джером-Парк по другую сторону пролива Харлем в Бронксе. Действующий чемпион и претендент приступили к тренировкам. Состязание было назначено на 5 мая, какая бы ни выдалась погода.

Беннетт вышел на многолюдную улицу в сопровождении своего тренера. На самом краю тротуара стоял корреспондент «Нью-Йорк таймс», делавший заметки у себя в блокноте. «Контраст между соперниками, – писал он, – поражал воображение: «Беннетт был почти на полголовы выше своего противника. Его гораздо более коренастый оппонент, однако, был весьма мускулист и вынослив». Двое арбитров с карманными часами в руках встали возле стартовой черты, а судья приветствовал атлетов и напомнил правила встречи: не толкаться, не отклоняться от заданного маршрута и, само собой, не переходить на бег.

В двух кварталах от старта церковный колокол ударил в первый раз, и соперники пригнулись. Удары раздавались один за другим: пять... шесть... семь. Судья воскликнул: «Марш!» Ходоки сорвались с места и направились на север по Пятой авеню мимо Кротонской водонапорной станции, украшенных башенками особняков аристократов «позолоченного века» и Центрального парка, который официально открылся годом ранее. На лужайках парка паслись овцы, время от времени из зверинца, располагавшегося возле арсенала на Шестдесят четвертой улице, доносилось рычание диких кошек.

Соперники шли на север по Пятой авеню, а их тренеры время от времени обгоняли их бегом, чтобы сопровождать спортсменов и указывать на недочеты в технике. «Противники шагали очень быстро, – сообщал репортер «Таймс», – и постоянно ускорялись, очевидно, пытаясь по возможности измотать друг друга в самом начале состязания». На улице было так скользко, что ходоки с трудом выдерживали темп, их напряжению «можно было посочувствовать».

Тем временем зрители на стартовой черте расселись по своим экипажам и «пустили лошадей рысью – пролетки шли почти вровень со спортсменами». Беннетт при каждом шаге взмахивал руками. «Можно даже сказать, – заметил репортер, – что он шел не одними ногами, но и руками». Такая техника, похоже, работала: к концу первой мили Беннетт вырвался на несколько шагов вперед. Уипла это

раздосадовало, но он «не сбавлял шага, надеясь обойти соперника позже».

Беннетт сбросил кепку и твидовую куртку и «принялся работать с удвоенной энергией». Жалуясь на камушки в ботинках, он все же опережал соперника. Уипл «не жалел сил», но, когда противники повернули налево на 110-ю улицу, а затем пошли по Сент-Николас-авеню, возникло ощущение, что Беннетт может одержать сенсационную победу. Репортеру «Таймс» казалось, что Уипл «медленно, но верно сдает позиции». Он так запыхался, что в какой-то момент ему даже пришлось присесть на тротуар.

Когда Беннетт пересек пролив Харлем по Мекумбскому мосту, между ними с Уиплом было уже не менее 300 ярдов, и он приближался к финишу «с неиссякаемой энергией». Он прошел по Фордхэму и по Централ-авеню, а в 8:46:55 триумфально вошел в Джером-Парк. Семь минут спустя до финиша добрался Уипл. На вопрос о причинах поражения бывший чемпион ответил расплывчато – ему оставалось лишь предположить, что он «перетренировался» в преддверии состязания.

Беннетт не удивился своей победе. Он привык побеждать и *ожидал* победы в любой гонке, но при этом не любил повышенного внимания к своей персоне. Когда репортер «Таймс» спросил его, как ему удалось одержать победу, он не мог найти слов. «Знаете, я всегда хожу», – только и сказал он. Беннетт и Уипл вместе позавтракали в клубе Джером-Парка и отправились обратно на Манхэттен, оставив зрителей гонки распределять выигрыши – по последующим оценкам, на кону оказалось около 50 000 долларов.

Мультимиллионер, с которым Делонгу посоветовали встретиться гости Генри Гриннела, обожал зрелища. Для Джеймса Гордона Беннетта-младшего жизнь была постоянным приключением, проверкой на вшивость, браваурным маршем. Беннетту нравилось быстро ходить, быстро плавать, быстро ездить, быстро знакомиться с женщинами, быстро принимать решения, быстро связываться с другими людьми. Ему были по нраву любые новые изобретения и разработки, которые обещали ускорить пульс национальной крови. Поэтому, когда в начале 1874 года Джордж Делонг приехал в Нью-Йорк и навестил Беннетта в его отделанном белым мрамором офисе на углу Бродвея и Энн-стрит, Беннетт с готовностью его выслушал.

Делонг высказал свое желание достичь Северного полюса. Он объяснил, почему считает, что сейчас для этого самое время, и подчеркнул, что Америке суждено возглавить исследование Арктики, но Гриннел устал финансировать полярные экспедиции. Учитывая безынициативность ВВС США, любой американской экспедиции нужен был покровитель, который занял бы место Гриннела. Делонг понимал, что профессиональная экспедиция на север должна стать уникальным совместным предприятием – национальным проектом, поддерживаемым частными пожертвованиями.

Беннетту пришла по душе идея столь смелой арктической экспедиции – он даже подумал, не отправиться ли ему самому вместе с Делонгом. Арктический толчок пошел бы на пользу нации, на пользу науке, спорту и – самое главное – его газете. Он идеально соответствовал его интересам.

Повесе-издателю понравился Делонг, понравились его настойчивость, любовь к дисциплине, которая питала его азарт, и живость его глаз, блестящих за стеклами его пенсне. Прекрасно проявив себя в Гренландии, Делонг стал главным кандидатом на пост капитана следующего плавания на север. И в это плавание он мог отправиться под покровительством газеты «Нью-Йорк геральд». Эту историю газета Беннетта могла склонять на все лады, ведь исследованию Арктики было по силам соперничать даже с репортажами Стэнли из Африки. Само собой, главную историю писал бы сам Делонг, но на борту был бы и штатный корреспондент «Геральд». Беннетт готов был полностью оплатить экспедицию.

Было решено, что Делонг подыщет крепкое судно, пригодное для плавания по Арктике, и начнет собирать команду. Беннетт тем временем посоветуется с лучшими учеными и географами Европы и узнает их мнение по поводу решения арктической проблемы.

Потом Делонг ушел. Нельзя сказать, чтобы они с Беннеттом расстались друзьями, но они точно нашли общий язык. «Они сразу понравились друг другу, и Беннетт пообещал профинансировать проект, – впоследствии написала Эмма Делонг. – Беннетт сразу понял, что нашел человека, которого так долго искал».

Они были странной парой. И все же, несмотря на множество препятствий, из-за которых их миссия на север постоянно откладывалась, Делонг и Беннетт никогда не изменяли своей мечте.

Джордж Делонг нашел своего Медичи, но не мог и предположить, насколько эксцентричен Беннетт, ведь в Нью-Йорке он встретился с ним лишь ненадолго. Делонг не знал о множестве страстей Беннетта, о свойственных ему предрассудках, внезапных вспышках гнева и капризах. Может, Беннетт и был самым завидным холостяком Нью-Йорка, но он был и самым хитрым нью-йоркским плутом.

Он был «Беннеттом Грозным, безумным Командором, автократом трансатлантических кабелей», как написал один из его биографов. Он считал себя одним из «богов творения». Один из редакторов «Геральд» впоследствии сказал, что его начальник был «властителем романтических сфер, но порой становился романтическим правителем. Он поддавался любому порыву и с легкостью ломал все устои».

Беннетт имел обыкновение войти в один из лучших ресторанов Парижа или Нью-Йорка и, к вящему ужасу управляющих, пойти по проходу к своему столику, по пути срывая скатерти и сбрасывая на пол тарелки и бокалы. Он всегда был готов выписать чек и возместить причиненный ущерб. Однажды после мюзикла в Амстердаме он пригласил красивую ведущую актрису и остальной состав осмотреть свою яхту. Затем он незаметно вышел в море и несколько дней бороздил просторы Атлантики, фактически держа всю труппу в заложниках и требуя снова и снова повторять представления – и не оставляя при этом попыток соблазнить молоденькую старлетку. Вернувшись в порт, Беннетт охотно выплатил Амстердамскому театру огромную сумму, чтобы покрыть убытки.

Уследить за тем, что нравилось и не нравилось Беннетту, было почти невозможно. На завтрак он ел только яйца зуйка. Он не позволял ни одному из стюардов своих яхт отпускать усы и бороду. Он собрал в своей коллекции сотни термометров и барометров и с интересом наблюдал за малейшими изменениями погоды. Он обожал померанских шпицев – у него жил не один десяток этих собачек, которые пили исключительно родниковую воду «Виши». Беннетт полагал, что эти комки шерсти так точно чувствуют человеческую натуру, что порой нанимал редакторов или отказывал им в должности лишь на основании реакции собак, когда перспективный работник входил в комнату. Некоторые из кандидатов на должность, наслышанные о странной привязанности Беннетта к своим собакам,

приходили на собеседование, набив карманы кусочками сырого мяса. Беннетт также восхищался совами: они были у него повсюду – живые, нарисованные, отлитые в бронзе, на запонках, на письменных принадлежностях. Ими были украшены его особняк, его яхты, его загородные дома. Его завораживало, как они подмигивают и вращают головой. Он восторгался их ночным образом жизни.

Сложно было сказать, что давали в сумме все эти причуды – может, их и не стоило бы перечислять, если бы Джеймс Гордон Беннетт не был при этом своеобразным, но блестящим издателем, которого характеризовали поразительная чувствительность и удивительный нюх на то, чего жаждет американская публика. Он стал одним из отцов века коммуникаций. Хотя работать на него было сущим кошмаром, он все же создал один из величайших органов американской журналистики.

Делонгу так и не удалось понять своего покровителя, но он был рад их знакомству. Ему повезло найти человека, который обладал не только бездонными запасами средств, но и ненасытным аппетитом к историям, способным всколыхнуть весь мир.

Глава 4

Ради вас я готов на все

Новый полярный герой Америки был человеком множества талантов. Его беспрестанно раздирали противоречия. Эмма Делонг полагала, что внутри ее мужа идет «бесконечный конфликт» между импульсивностью и упорными стараниями, между любовью к приключениям и стремлением достичь великих целей. Делонг мог быть романтиком, порой даже экстравагантным. У него, по словам Эммы, было «голодное сердце», но он по доброй воле большую часть жизни провел в смиренной рубашке жесткой дисциплины. Он с удивительной ясностью понимал, чего хотел, и убежденно преследовал свои цели: сопротивление лишь усиливало его пыл.

Делонг любил оперу, симфоническую музыку и хорошие романы. Он был ответственным корреспондентом и писал прекрасные письма изящным, витиеватым почерком. Он обожал свою дочку Сильвию и терпеть не мог задания, которые отрывали его от повседневных радостей семейной жизни. Позволяя Эмме вести хозяйство и распоряжаться большей частью финансов, Делонг спокойно относился к домашним делам. Однако, командуя кораблем, он строго следил за дисциплиной и не допускал неисполнения приказов. Один историк назвал его стиль командования «монолитным». Будучи, в сущности, порождением флота, он больше всего на свете презирал флотскую иерархию, флотскую политику и флотские законы – все это казалось ему тяготами и скукой.

Делонг винил флот в своих худших чертах. Однажды он написал: «Корабельная жизнь меняет характер. Марк Твен в «Простаках за границей» говорит, что в море проявляются «все плохие качества человека и развиваются новые, которые прежде были ниже его достоинства». Возможно, это относится и ко всем острым углам моего собственного характера». Он признавал, что бывает «резковат», но такова уж жизнь флотского офицера. «Могу лишь сказать, что я не допускаю споров, – писал Делонг. – Мое дело – командовать, а их – подчиняться».

В 1870-х годах Соединенные Штаты нельзя было назвать морской державой мирового уровня, и Делонг это понимал. Хотя американские ВМС постепенно совершенствовались, многие европейские государства считали этот крошечный и устаревший флот не более чем шуткой. Согласно историку флота Питеру Карстену, он представлял собой «третьесортное сборище старых посудин» «разной степени ветхости... над ним смеялся весь мир». Жизнь офицеров американского флота не наполнилась приключениями – вместо этого в ней были тесные каюты, низкое жалованье, драконовская дисциплина и конкуренция за повышение ранга, которое происходило крайне медленно и почти ничего не давало.

Большинство заданий сводилось к тому, чтобы «показывать флаг» в заграничных портах и выполнять монотонную, отупляющую работу на борту корабля. Это была жизнь «ужасной безнадеги», как сказал в то время один из младших офицеров. «Лучшие годы жизни» поглощались выполнением «самых скучных, неинтересных и бесполезных обязанностей». Как и многие молодые офицеры, Делонг часто чувствовал, что он понапрасну тратит свои лучшие дни. «Застойный флот, – заметил один из историков судоходства, – был не местом для человека действия».

Джордж Делонг как раз был человеком действия, которого будоражили большие идеи. Неудивительно, что Арктика, несмотря на все тяготы и лишения, так сильно его увлекла. Так он мог избежать монотонности флотской службы, добиться если не богатства, то славы, и получить возможность быстрее подняться по службе, одновременно делая кое-что значимое для науки и нации. Полярная экспедиция предлагала путь наверх, который не могла предложить обычная карьера флотского офицера – по крайней мере, в мирное время. Рискованное плавание в Арктику было сравнимо с военным заданием, но при этом воевать было не обязательно. Но главное – это плавание давало возможность гораздо быстрее стать капитаном корабля, а к этому Делонг стремился с юности.

Джордж Фрэнсис Делонг родился в Нью-Йорке 22 августа 1844 года и был единственным ребенком небогатой семейной пары из Бруклина. Отец Джорджа, холодный и безразличный потомок французских гугенотов, почти не занимался сыном. Его воспитывала католичка-мать, которая обожала Джорджа, но чересчур опекала его и

едва не душила своим вниманием. Боясь, что сын может пораниться, она не разрешала ему играть на улице и резвиться с соседскими детьми. Требуя от него пунктуальности, она заставляла его пешком ходить в школу, хотя она и находилась далеко. Эмма утверждала, что мать Делонга была «болезненно заботлива по отношению к нему» и строго-настрого запрещала ему кататься на коньках, плавать и ходить под парусом, «ревностно оберегая его от внешнего мира и ограничивая обычные мальчишеские игры».

Однажды соседские ребяташки, принявшие его замкнутость за заносчивость, подстерегли его в засаде и закидали снежками, подступив почти вплотную. В снежной битве барабанную перепонку Джорджа повредили осколки льда, и у него развилась инфекция внутреннего уха. Семейный врач опасался, что Джордж может лишиться слуха, и несколько недель присматривал за ним. Историк Арктики впоследствии иронично заметил, что инцидент со льдом стал своего рода предвестником будущего – «первым знакомством Делонга с недружественным льдом».

Вынужденный сидеть в четырех стенах, раздосадованный таким положением вещей Джордж обратился к книгам. «Он жаждал приключений, внутри него кипела энергия, которая находила выход в интеллектуальном рвении», – замечалось в его краткой биографии, опубликованной в 1880-х годах издательством «Хотон и Миффлин». Джордж практически поселился в Торговой библиотеке на Манхэттене, а когда немного подрос, даже стал одним из библиотекарей. Джордж интересовался историей и часто читал о великих монархах, политиках и генералах. В противовес унылой безопасности своего детства он мечтал о карьере, полной приключений. Когда ему было шестнадцать, он решил, что его второе имя – Фрэнсис – слишком женственно, и захотел сменить его и стать Джорджем Вашингтоном Делонгом. Его родители были озадачены таким желанием сына, но Джордж настаивал, так что имя вскоре сменили.

Примерно в то же время Джордж стал знатоком морских сражений войны 1812 года и ценителем приключенческих романов Фредерика Марриета об открытом море. Эти книги возбудили в нем желание поступить в Военно-морскую академию. Он представлял, как бороздит морские просторы, сражается в битвах и заходит в

заграничные порты. «Из-за постоянных ограничений детства, – замечалось в биографии «Хотон и Миффлин», – ему не давало покоя желание большей свободы».

Мать Джорджа была категорически против того, чтобы ее единственный сын шел служить на флот, ведь такая карьера таила в себе много опасностей. Она хотела, чтобы Джордж стал адвокатом, дипломатом или врачом. Но он и слышать об этом не желал. Хотя для этого понадобилась немалая настойчивость: Делонгу пришлось поехать на поезде в Вашингтон и просить министра военно-морских сил о приеме в академию. Осенью 1861 года он начал учиться в Военно-морской академии США.

Во время Гражданской войны администрация Линкольна сочла разумным перевод Военно-морской академии из Аннаполиса в несколько разнокалиберных зданий в Ньюпорте, так что курсантские годы Делонга прошли в Род-Айленде. Летом в Ньюпорте также часто гостил молодой Гордон Беннетт, который держал там свои яхты. В академии Делонг зарекомендовал себя вдумчивым студентом и образцовым кадетом. Там он расцвел, впоследствии он написал: «Я наконец-то оказался в своей среде». Весной 1865 года он окончил учебу, став десятым в своем выпуске. Война как раз подошла к концу.

Молодым людям, повзрослевшим сразу после Гражданской войны, был нередко свойственен своеобразный комплекс неполноценности: им казалось, что история прошла мимо них, что их отцы, дяди и братья приняли участие в судьбоносных событиях, а их эти события обошли стороной. Значительность жертвы предыдущего поколения заставляла молодых людей вроде Делонга чувствовать себя несовершеннолетними и безнадежно неопытными. Если Делонгу не суждено было добиться славы на полях сражений, быть может, он сумеет заслужить ее на ледяных полях.

Однако первые флотские поручения Делонга славными было не назвать. Сначала он служил на семипушечном военном шлюпе «Канандаигва», который принимал участие в блокаде Союзом Конфедерации. В день, когда Делонг заступил на службу в Бостонском адмиралтействе, где стояла «Канандаигва», он сделал кое-что забавное. Осматривая свою каюту на судне, Делонг заметил, что там только две койки, хотя мичманов обычно распределяли в каюты по четыре человека. Для двух других мичманов коек не было – или же

предполагалось, что они будут болтаться в гамаках. Поэтому Делонг бесстрашно вошел в кабинет коменданта Бостонского адмиралтейства, величественного контр-адмирала Сайласа Стрингема, чтобы подать жалобу.

«Адмирал, – сказал он, – я мичман Делонг со шлюпа «Канандаигва». Сэр, я осмотрел свою каюту и пришел попросить, чтобы перед отплытием в ней установили еще две койки».

Адмирал Стрингем пронзил юного наглеца взглядом.

«Так вы мичман Делонг со шлюпа «Канандаигва»?»

«Да, сэр».

«Что ж, мичман Делонг со шлюпа «Канандаигва», советую вам вернуться на шлюп «Канандаигва» и радоваться, что в вашей каюте вообще есть койки».

Дисциплинированный Делонг последовал этому совету. Команда корабля посмеялась над его опрометчивостью, но шутка была сыграна не зря: незадолго до отплытия «Канандаигвы» на борт поднялись плотники, которые установили в каюте еще две койки. Адмиралу Стрингему понравилось предложение Делонга. Несколько лет спустя Стрингем и Делонг вместе посмеялись над этой историей.

За годы службы Делонг зарекомендовал себя как человек, который не боится беспокоить старших по званию, чтобы все было сделано как нужно. «Он добивался своего, – говорила Эмма, – потому что не стеснялся об этом просить».

Делонг 3 года плавал на «Канандаигве». В составе Европейской эскадры этот шлюп бороздил Северную Атлантику и Средиземное море, защищая американские интересы и поднимая флаг в портах Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. В июне 1868 года судно отправили во французский Гавр на ремонт. Оживленный порт со множеством пирсов, сухих доков и верфей, Гавр был приятным многонациональным городом, выстроенным возле места впадения Сены в Ла-Манш. Его окружали зеленые холмы Нормандии, которые обрывались отвесными утесами, возвышающимися над холодным морем.

24-летнему Делонгу дали увольнение, и он вместе с другими офицерами неделю кутил в Париже, а затем вернулся в Гавр. Там он был приглашен на ужин в дом успешного американского пароходного

магната Джеймса Уоттона. Капитан Джимми, как его называли, частично владел Нью-Йоркской и Гаврской пароходными компаниями. У них с женой Маргарет была большая семья, они жили в стоявшем на высоком холме имении под названием «Берег», из которого открывался вид на суетливый портовый город и испещренный барашками волн Ла-Манш. Уоттонам нравилось приглашать к себе интересных людей, подавать вкусные блюда и устраивать танцы, они охотно развлекали американских флотских офицеров, которые приходили в порт. У них были бильярдная комната и большой бальный зал, где музыканты часто играли вальсы.

Тем вечером Делонг увлекся 17-летней дочерью Уоттонов Эммой. Хорошенькая, с большими умными глазами и роскошными каштановыми локонами, она казалась совсем юной и беззаботной. Эмма росла в Нью-Йорке и Гавре, получила хорошее образование во французском лицее и считала себя «состоявшейся юной леди». Делонгу она сразу же понравилась, поэтому, когда заиграли вальс, он подошел к ее бальной книжке и вписал свое имя на все свободные танцы. Эмма была заинтригована напористостью молодого офицера – он показался ей «эффектным, высоким и широкоплечим», но немного «агрессивным», как она заметила впоследствии. «Очевидно, он решил меня завоевать», – написала она.

Неделю спустя Уоттоны снова позвали гостей. В конце танца Делонг подвел Эмму к диванчику в центре зала и без предисловий попросил ее руки.

Эмма была поражена. «Мы ведь только познакомились!» – возразила она.

Юбки танцующих дам то и дело задевали Делонга по щекам, но он не обращал на это внимания. «У меня такое чувство, будто я знал вас всю жизнь, – сказал он. – Словно я лишь ждал, когда вы наконец появитесь».

Эмма не знала, как реагировать на его пыл. С одной стороны, он ей нравился. «Джордж Делонг постепенно нравился мне все больше, – писала она, – и я видела в нем множество качеств, которыми я восхищалась». Но его «необузданные чувства» пугали ее. «Пылкость его ухаживаний, – говорила она, – была неумолима». Когда вечер подошел к концу и Джордж ушел вместе с остальными офицерами

«Канандаигвы», Эмма осталась в замешательстве. «Я не знала, что делать, – признавалась она. – Я совсем не понимала себя».

Тем временем корабельщики закончили ремонт «Канандаигвы». Через несколько дней военный шлюп должен был отплыть из Гавра и взять курс на Средиземное море. В отчаянии Делонг написал Эмме:

Джордж Делонг как раз был человеком действия, которого будоражили большие идеи. Неудивительно, что Арктика, несмотря на все тяготы и лишения, так сильно его увлекла.

«Поскольку мне, возможно, не удастся поговорить с вами наедине до отплытия, я отважусь попросить вас прочитать эти несколько слов... полагая, что вы примете их за предложение честного и любящего сердца. Я пишу в отчаянии. Я уплываю от вас и воздвигаю непреодолимый барьер между собой и всем, что мне дорого. Я не могу потерять вас без борьбы. Ради вас я готов на все».

Хотя Эмму тронуло это письмо, она на него не ответила. Она была решительно настроена не сдаваться под его натиском. Но за день до его отъезда она подарила ему прощальный подарок – собственноручно сшитый синий шелковый мешочек, в который она вложила локон своих волос и золотой крест, инкрустированный шестью жемчужинами. Этим жестом она удивила даже саму себя. «Мне не хотелось отпускать его с пустыми руками, – впоследствии написала она. – Любовь уже тогда шутила над той, которая считала себя непреклонной!»

Обрадовавшись ее подарку, Делонг обнял ее и впервые поцеловал. На следующий день «Канандаигва» вышла в море.

Несколько месяцев спустя Делонга перевели на другое судно, и он оказался в Нью-Йорке, где договорился встретиться с Джеймсом Уоттоном, который приехал в Соединенные Штаты с деловым визитом.

Делонгу хотелось официально попросить у мистера Уоттона руки его дочери.

Встреча началась на удивление хорошо. «Ваш отец говорил со мной тепло и любезно, возможно, даже более любезно, чем я того заслуживаю, – писал Делонг Эмме. – Он сказал, что любовь священна и в нее не пристало вмешиваться попусту, а потому, вообще говоря, эти вопросы должны решать сами заинтересованные стороны. Тем не менее родителям необходимо заботиться о детях и обеспечивать им счастливую жизнь».

Уоттон отказался дать разрешение на брак. Вместо этого он придумал испытание для Делонга. Того недавно повысили в звании до лейтенанта, и вскоре он должен был отправиться в очередное плавание – на этот раз на борту парового военного шлюпа «Ланкастер», который шел в Карибский бассейн, а затем в Южную Америку. Ожидалось, что обратно в Соединенные Штаты он вернется только через три года. Если по истечении этих трех лет Джордж и Эмма по-прежнему будут симпатизировать друг другу, Уоттон пообещал дать свое благословение.

Делонг был подавлен этим вынужденным испытательным сроком, но принял условие Уоттона и твердо решил доказать свои чувства. «Я решительно настроен, – писал он Эмме из Бразилии, – продолжать свои странствия. Я люблю вас всеми силами души и сердца и докажу, что достоин вас, или паду, попытаюсь».

В апатии тропиков памятный подарок Эммы весьма истрепался и стал печальным напоминанием об отсроченной любви. «Несчастный шелковый мешочек! – писал Делонг. – Соленая вода, соленый воздух и жара не пощадили его. Вы вряд ли узнаете его, когда увидите снова».

Прошел год, затем два. Делонг стоял на своем и продолжал долгое плавание по южноамериканским водам. Его корреспонденция с Эммой прервалась в 1870 году, когда прусская армия вторглась во Францию и осадила Париж. Франко-прусская война показала миру, как ужасна вражда в современном мире. Пять месяцев осажденные парижане питались крысами, собаками и кошками и связывались с внешним миром только посредством сообщений, отправляемых с почтовыми голубями или на воздушных шарах. Опасаясь, что Гавр тоже скоро

падет, семья Уоттон набила несколько сундуков серебром и прочими ценностями, пересекла Ла-Манш и поселилась на острове Уайт.

В отсутствие новостей Джордж не понимал, почему его письма не доходят до Эммы. Из Рио-де-Жанейро он в отчаянии писал:

«Я ждал целый год, целый долгий год, но все зря. Я переоценил свои силы. Я постоянно угрюм и несчастлив, жизнь изо дня в день кажется мне тяжелой ношей. У меня нет цели, нет стремления. Меня спасет лишь весточка от вас».

К концу года опасения прусской осады развеялись, и Эмма с семьей переехала обратно в Гавр, где наконец смогла ответить на письма Джорджа. «Мне ужасно жаль, – писала она, – что вам приходится проходить через столь долгое испытание, которое причиняет вам столько боли. Я надеюсь лишь, что для вас еще не все потеряно. Прошу, считайте себя свободным от обязательств». Далее следовала несколько загадочная приписка: «С моей стороны ничего не изменилось».

Джордж оптимистично истолковал эту фразу как свидетельство того, что она до сих пор его любит и объявляет о завершении их долгого испытательного срока. Он был так уверен в своей трактовке, что через два дня взял увольнение и собрал саквояж, чтобы отправиться за 6 тысяч миль через Нью-Йорк в Гавр. Он отправил письмо, в котором описал свои намерения: наконец-то он ехал сделать ей официальное предложение.

Но истинные чувства Эммы были куда сложнее. Она восхищалась им – это правда – и не хотела, чтобы он и дальше страдал из-за нее. Но насчет брака она еще сомневалась. В основном ее пугала перспектива стать женой флотского офицера – и эти страхи подпитывал ее отец, который сам в прошлом был капитаном парохода. Эмма не знала точно, вынесет ли она долгие отлучки мужа, краткие, полные сомнений встречи и годы гипотетического супружества. Ей казалось, что так она обрекает себя на постоянное ожидание.

Когда в феврале 1871 года Джордж прибыл в Гавр, на рейде стояли иностранные военные суда, которые охраняли граждан своих стран на случай, если прусские силы, все еще стоящие под Парижем, вдруг решат наступать на портовый город. Соединенные Штаты представлял военный шлюп «Шенандоа», на котором служили многие

знакомые Делонгу офицеры. Уоттоны пригласили Делонга остановиться в гостевой комнате их особняка в имении «Берег». Увидев Эмму, Джордж потянулся к карману жилета, вытащил оттуда изящное кольцо с бриллиантом и надел его ей на палец. «Я растаяла от этого жеста, – написала она, – и все же была в смятении. Я никак не могла решиться».

Несколько недель Делонг с упоением ухаживал за Эммой. Им многое нужно было наверстать, несмотря на более чем два года пылкой переписки, молодые влюбленные были друг другу почти чужими. Днем Джордж и Эмма прогуливались по пристани, а вечерами Уоттоны устраивали обычные ужины и балы. Эмма взглянула на Джорджа другими глазами. «Я быстро влюблялась в него, – писала она. – Чем лучше я его узнавала, тем больше он мне нравился». Она почувствовала в нем «любовь к приключениям» и в то же время «безупречное благородство». С течением времени она начала понимать его «настойчивые ухаживания и осознала, что он сразу же понял, что они созданы друг для друга. Она нашла спутника жизни, который мог сделать ее совершенно счастливой».

Свадьбу назначили на 1 марта. Невеста не могла надеть белое платье – из-за войны в Гавр не поставляли белый шелк и атлас, поэтому Эмме пришлось импровизировать. С местом свадьбы тоже возникли сложности. Во Франции при женитьбе оформлялся гражданско-правовой договор, но в Гавре не было ни одного чиновника, имеющего право провести церемонию, поскольку все они были в Париже, где как раз шли переговоры о мире. И все же решение нашлось: стоящий на якоре шлюп «Шенандоа» технически считался территорией США. Свадьбу можно было сыграть на палубе. Лейтенанту ВМС, который берет в жены девушку из семьи пароходного магната, казалось весьма логичным жениться на борту корабля.

Вечером 1 марта 1871 года шлюп «Шенандоа» украсили яркими флагами и китайскими фонариками. Гости в вечерних платьях и морской форме на пристани ожидали спущенных на воду шлюпок. Когда все собрались, на палубу вышли жених и невеста. Церемонию провел священник с решительно американским именем Джордж Вашингтон. Ровно в десять часов, когда Джорджа и Эмму объявили

мужем и женой, ликование гостей эхом разнеслось над темной гаванью.

Глава 5

Врата полюса

Вернувшись из Гренландии, Джордж Делонг поставил перед собой задачу, которая была основана на великой и заманчивой идее, развивавшейся не один век. В этой идее крылись тонкая симметрия и удивительная привлекательность. Делонг, который прочитал об Арктике все, что мог, знал эту идею во всех подробностях: он знал имена всех исследователей, которые проверяли ее, и всех мыслителей, которые размышляли о скрытых в ней возможностях. Делонг так убежденно верил в эту идею, что готов был ради нее рискнуть своей карьерой и даже жизнью, понимая, что, если у него получится вывести ее из теоретической плоскости в мир фактов, его сочтут одним из величайших исследователей всех времен.

Идея, которой придерживались ведущие мировые ученые и географы, сводилась к следующему: на Северном полюсе не так уж холодно, особенно летом. Наоборот, купол мира покрыт неглубоким, теплым, свободным ото льда морем, воды которого пригодны для судоходства так же, как и воды Карибского или Средиземного морей. Этот теплый арктический водоем кишел морской фауной и, вполне вероятно, был домом потерянной цивилизации. Картографы были так уверены в его существовании, что неизменно изображали его на картах, безапелляционно называя верхушку мира открытым полярным морем.

Опубликованная в 1595 году прекрасная, пусть и полностью гипотетическая, карта Арктики Герарда Меркатора изображала свободное ото льда полярное море, которое было окружено гористой сушей, но при этом свободно сообщалось с Атлантическим и Тихим океанами посредством четырех симметрично расположенных речных протоков. Датируемая концом XVIII века, карта Эмануэля Боуэна называла этот свободный ото льда водоем Северным океаном. В XIX веке Британское адмиралтейство выпустило целый ряд карт, которые показывали в основном свободное ото льда море, то же самое изображалось и на планах ВМС США.

Никто никогда не видел это фантастическое открытое полярное море, но это как будто было не важно. В какой-то момент идея стала жить своей жизнью. Зафиксированная на картах, она укоренилась в сознании людей. Подобно Атлантиде и Эльдорадо, она представляла собой прекрасный образ, основанный на легендах, слухах и жалких обрывках информации. Постепенно, год за годом, ученые и мыслители все тверже уверялись в возможности, вероятности и наконец в определенности этой химеры. Никакие противоречащие этому свидетельства не могли вытеснить этот образ из коллективного воображения.

Для объяснения существования открытого полярного моря выдвигалось множество невероятных идей. Одни утверждали, что оно появилось из-за бурления при вращении Земли. Другие говорили, что оно сформировалось из-за потоков горячего воздуха или из-за экстремальной концентрации солнечных лучей на полюсах. Третьи настаивали, что круглосуточных солнечных ванн в течение шести месяцев более чем достаточно, чтобы на полюсе не образовывался лед. Кроме того, многие ученые того времени считали, что глубокие соленые водоемы *не замерзают* и лед формируется лишь на мелководье, недалеко от береговых линий, а следовательно, полярное море обязательно должно быть открытым. Эти объяснения казались несколько отчаянными – это было все равно что доказывать существование Бога, обращаясь к сложным теологическим аргументам. Поразительно, сколько энергии на протяжении веков было потрачено на попытки объяснить гипотетическую реальность, которую никто и никогда не видел.

Стоит отметить, что были и те, кто скептически относился к теории открытого полярного моря. Когда на сцене появился Делонг, громче всех идею критиковал секретарь Королевского географического общества сэр Клементс Маркем. В работе «На подступах к неизведанному региону» Маркем назвал открытое полярное море «пагубной» идеей и подчеркнул, что она причинила «немало вреда продвижению открытий и прогрессу рациональной географии». Аргументы в поддержку открытого полярного моря были, по мнению Маркема, «так очевидно неправдоподобны, что остается только гадать, как хоть один разумный человек может им верить». Однако критику Маркема почти никто не поддерживал, ведь открытое полярное море к

этому времени стало коллективной одержимостью, своего рода идеей фикс, возбуждавшей фантазию людей. Она *не могла* не оказаться верной.

С самого начала арктических исследований каждое плавание на север заканчивалось одинаково: корабль затирало во льдах, обычно где-то в районе 80-й параллели. Но теория открытого полярного моря гласила, что этот арктический ледяной барьер представляет собой просто кольцо, которое окружало обширный тепловодный бассейн – иногда это кольцо называли «корсетом», «венцом» или «ледяным поясом». Предполагалось, что, преодолев это ледяное кольцо, желательнее на корабле с усиленным корпусом, исследователь окажется в открытом море и без проблем доплывет до Северного полюса. Нужно было лишь найти зазор во льдах, то место, где лед тоньше и больше напоминает снежную кашу, своего рода естественный портал на полюс.

Именно этот портал и намеревался разыскать Джордж Делонг – и для этого ему нужны были лучшие карты, передовое оборудование и новейшие идеи в сфере океанографии, метеорологии и навигации.

На Делонга сильно повлияла длинная статья, которая в ноябре 1869 года была опубликована в «Путнемовском журнале». Статья была маняще озаглавлена «Порталы к полюсу» и описывала все аргументы в поддержку существования открытого полярного моря, а затем предлагала верный метод определения проходимого пути к этим мифическим теплым водам. «Есть основания полагать, – гласила статья, – что ответ на опасный вопрос касательно пути к полюсу наконец найден».

В статье излагались мысли знаменитого флотского офицера Сайласа Бенга. Капитан Бент большую часть жизни бороздил Тихий океан и проводил сложнейшие гидрографические исследования для американского флота. В 1852 году Бент участвовал в историческом плавании коммодора Мэттью Перри в Японию и особенно заинтересовался сильным течением Куроисио, своеобразным тихоокеанским аналогом атлантического Гольфстрима.

Хотя японские, корейские и китайские рыбаки веками знали о существовании Куроисио, официально это мощное течение не изучалось, пока Бент не обратил на него внимания. Куроисио (в переводе с японского – «черное течение») поднималось из

тропических вод мимо острова Формоза и Японии и уходило в открытый Тихий океан. Подобно Гольфстриму, течение было теплым, а потому представляло собой своеобразный конвейер для питательных элементов, планктона, криля и другой пищи, поглощаемой морскими млекопитающими северной части Тихого океана. В открытом океане течение служило четкой демаркационной линией – оно характеризовалось очень темным, иссиня-черным цветом, который несколько пугал моряков. Течение шло строго на север, будучи прохладной рекой в холодном море. Казалось, оно ведет прямо в Берингов пролив.

Ученые спорили о том, куда именно уходит Куро시오, но у Бента на этот счет было собственное мнение. Он не сомневался, что оно втекает в Берингов пролив, уходит под арктический лед и достигает открытого полярного моря. Бент полагал, что со стороны Атлантики примерно так же ведет себя Гольфстрим, который огибает Норвегию и уходит на северо-восток. (На самом деле Гольфстрим достаточно силен, чтобы русский порт Мурманск не замерзал круглый год.) Бент считал, что севернее Гольфстрим скрывается под арктической ледовой шапкой.

Именно слияние этих мощных океанических течений, по мнению Бента, и позволяло открытому полярному морю оставаться теплым и свободным ото льда. Бенту казалось, что Куро시오 и Гольфстрим иллюстрируют изящную планетарную симметрию и представляют собой две ветви массивной распределительной системы, которая переносит тепло из тропиков в северные регионы, из тропического пояса в антарктический. Земля, согласно Бенту, представляла собой сложный организм с уникальной системой циркуляции.

Бент писал: «Воздух постоянно циркулирует; циркулирует кровь в организмах животных; циркулирует вода в океанах – и все это регулируется непреложными законами, которым природа подчиняется при любых условиях и в любом состоянии. Море, атмосфера и солнце для земли – все равно что кровь, легкие и сердце для животного организма. Природе свойственно равновесие». Куро시오 и Гольфстрим, по мнению Бента, текли в северном направлении, «подобно перегоняемой сердцем крови в животном организме, и разносили

жизненно необходимое тепло и питательные вещества по пути к земным полюсам».

Статья в «Путнемовском журнале» гласила, что вместе Куроисио и Гольфстрим создавали достаточное тепловое влияние, чтобы «разрушить климат» определенных районов Арктики: «Проистекая из тропиков и вооружаясь там потенциальной энергией солнечного тепла, они и только они проникают сквозь полярный лед и прокладывают дорогу к самому Северному полюсу». Бент предлагал интересную идею: если его теория верна, для достижения верхушки мира путешественнику лучше полагаться на термометр, а не на компас.

Идеи Сайласа Бента, в свою очередь, во многом основывались на работе видного американского океанографа, астронома и метеоролога Мэтью Фонтейна Мори, служившего в Военно-морской обсерватории США. Мори, которого прозвали Морским Следопытом, возглавлял масштабные исследования ветров и течений и собрал огромное количество данных, которые свел в подробнейшие таблицы и схемы, изучаемые по сей день.

Вместе с комиссаром исследования береговой линии и геодезии США Александром Далласом Бейчем Мори входил в число непоколебимых сторонников теории открытого полярного моря. Во многом вера Мори в его существование была основана на смехотворных свидетельствах: плавучий лес из сибирских рек прибывало к берегам Гренландии. Китобои в Арктике сообщали, что осенью большие стаи птиц мигрируют на север, за бескрайние ледовые поля. Российские исследователи свидетельствовали о том, что в ледяной шапке к северу от сибирских берегов существуют крупные участки открытого моря, которые они называли полярными. (Мори замечал, что в период с мая по июль обширная область открытой воды формируется и в северной части моря Баффина, к западу от Гренландии. Впервые она была описана в начале XVII века и в среде китобоев называлась просто Северной водой.)

В своем капитальном труде «Физическая география моря» Мори описал гренландского кита, которого поймали в районе Берингова пролива. В теле кита застрял старый гарпун с названием судна, которое вело промысел только возле Гренландии. Этот раненый кит

каким-то образом проплыл из Северной Атлантики в северную часть Тихого океана. Как это вообще возможно?

Бент предлагал интересную идею: если его теория верна, для достижения верхушки мира путешественнику лучше полагаться на термометр, а не на компас.

«Известно, что такие киты не могут проходить большие расстояния подо льдом», – точно отметил Мори. Кит также не мог и обогнуть мыс Горн и затем подняться по Тихому океану до Берингова пролива. «Тропические области океана, – писал Мори, – для гренландского кита сравнимы с морем огня, миновать которое ему не под силу и куда он никогда не заплывает». Насколько мог судить Мори, поимка этого кита в районе Берингова пролива представляла собой «неопровержимое доказательство существования – хотя бы временного – открытого водного пути через арктическое море с одной стороны континента на другую».

Мори был едва ли не одержим открытым полярным морем, и эта одержимость казалась тесно связанной с его интересом к другому важному океаническому явлению, которое он долго изучал, а именно – к Гольфстриму. В то время Мори гораздо лучше других знал ширину течения, его скорость, силу и тепловые свойства. Говоря о Гольфстриме, этот мастер таблиц и диаграмм не чурался поэтических сравнений. «По океану течет река, – писал Мори в «Физической географии моря». – Она берет начало в Мексиканском заливе и впадает в арктическое море. Нет в мире другого столь волшебного потока. Он течет быстрее Миссисипи и Амазонки и переносит в тысячу раз больше вод. У берегов Каролины его воды темнеют глубокой синевой. Они так хорошо различимы, что их граница с обычной морской водой видна даже невооруженным глазом».

Сайлас Бент полагал, что его Курошио столь же сильно, как Гольфстрим Мори. «Они почти идентичны по объему, скорости течения и прочим измерениям», – замечал он в своей статье. Сравнимы были также их соленость, температура и влияние на климат. Бент

предполагал, что Куроисио даже более сильно, поскольку Тихий океан существенно больше Атлантического. Именно поэтому он полагал, что двинуться к полюсу стоит через Берингов пролив – прежде еще никто не пробовал такой угол атаки.

Теории Сайласа Бента и Мэтью Фонтейна Мори хотя и поддерживались наукой того времени, все же во многом основывались на мифах, легендах и верованиях. Различные вариации теории открытого полярного моря существовали еще в доисторические времена. Представление о безопасном, теплом месте в высшей точке земного шара – оазисе в пустыне льда, настоящей полярной утопии – словно бы укоренилось в глубине человеческого сознания.

Викинги рассказывали о земле на северном краю света, которую порой называли *Ultima Thule*, где океаны водопадом обрушивались в бездонную пропасть, питавшую все реки и источники мира. Греки полагали, что на севере находится Гиперборея – страна вечной весны, где никогда не заходит солнце. Считалось, что Гиперборею омывают воды могучей реки Океанос и окружают Рифейские горы, где обитают грифоны – диковинные наполовину львы, наполовину орлы. Представление о том, что на Северном полюсе живет святой Николай – он же Крис Крингл или Санта-Клаус, – появилось гораздо позже. Самое раннее свидетельство о полярном пристанище Санта-Клауса содержится в карикатурах Томаса Наста, опубликованных в 1866 году в журнале «Харперс уикли»: художник подписал серию рождественских рисунков «Санта-Клаусвилль, С. П.». И все же стоящая за шуткой Наста идея о теплом, уютном, благодатном, пригодном для жизни крае на вершине мира уходила корнями в глубокую древность и весь XIX век подпитывала американское увлечение Северным полюсом.

Целый ряд ученых на первых порах полагал, что на полюсах находятся громадные вихри или отдушины, из которых и распространяются огромные объемы термальной и электромагнитной энергии. Ньютон постулировал, что планета представляет собой сфероид, приплюснутый на полюсах, а если это действительно так, полярные земли и моря находились ближе к теплому ядру земли и могли характеризоваться умеренным климатом. Британский астроном XVIII века Эдмунд Галлей, прославившийся вычислением орбиты

кометы, названной его именем, полагал, что Земля внутри полая, содержит в себе светящиеся газы и служит домом для множества животных и даже расы людей. Галлей считал, что земная кора на полюсах так тонка, что излучающиеся газы проникают сквозь нее в атмосферу – этим он объяснял эффект северного сияния.

Существование множества теорий о свободном ото льда полярном море объяснялось практическим желанием: прямой путь через полюс сулил огромные коммерческие выгоды. Веками британцы и голландцы с особенным рвением пытались разыскать северный проход в Азию, который позволил бы им успешнее конкурировать с испанцами и португальцами, практически монополизировавшими южные морские пути вокруг мыса Горн и мыса Доброй Надежды. В итоге в XVI и XVII веках поиски свободного ото льда северного прохода превратились в священный грааль мореходов. Наряду с другими ведущими исследователями Виллем Баренц и Генри Гудзон поверили в вариации теории открытого полярного моря, хотя в своих дальних странствиях никогда не находили исчерпывающих свидетельств его существования.

Одним из первых и наиболее упорных сторонников теории открытого полярного моря был английский юрист и натуралист XVIII века Дэйнс Баррингтон. Аргументы Баррингтона были в лучшем случае сомнительными – казалось, они основывались, по большей части, на восходящей к XVII веку небылице, рассказанной в одной амстердамской таверне, где голландский китобой утверждал, что однажды доплыл до Северного полюса и вернулся обратно по «открытому и свободному морю» при «прекрасной теплой погоде, какая стоит в Амстердаме летом». По мнению Баррингтона, это доказывало, что Арктика, по крайней мере, в определенное время года свободна ото льда и судоходна, в связи с чем он без устали просил правительство снарядить экспедицию на Северный полюс.

В течение следующих полутора веков идею Баррингтона подхватывало множество скитальцев, исследователей, ученых, псевдоученых и форменных чудаков. В 1820-х годах большой оригинал из Огайо по имени Джон Кливз Симмс-младший исколесил всю Америку, утверждая, что на Северном и Южном полюсах находятся огромные провалы в земле, которые соединяются с сетью подземных полостей, где, возможно, есть жизнь. Ученые подняли его

на смех, однако его идея о «провалах на полюсах», изложенная в ставшей бестселлером книге «Теория Симмса о концентрических сферах», понравилась публике и в итоге в 1836 году помогла надавить на конгресс, чтобы добиться выделения 300 000 долларов на отважное плавание к Южному полюсу.

Спустя два года Эдгар Аллан По, очевидно пребывая под влиянием теорий Симмса о полой земле, опубликовал странную фантастическую «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима из Нантакета». В произведении По главный герой плывет в неисследованные антарктические области и минует ледовый барьер, а затем оказывается в теплом полярном море, где находит остров, населенный исчезнувшей человеческой расой.

И все же в XIX веке внимание теоретиков открытого полярного моря и литераторов в основном было приковано к Арктике. Самым неумолимым сторонником теории был второй секретарь Британского адмиралтейства сэра Джон Барроу. В первой половине XIX столетия Барроу отправил множество экспедиций в омывающие Гренландию и Баффинову Землю моря, чтобы доказать существование открытого полярного моря или хотя бы отыскать свободный летом ото льда морской путь – Северо-Западный проход – вдоль северных берегов Канады в Тихий океан.

Самым крупным и знаменитым плаванием, поддержанным Барроу, стала экспедиция Франклина 1845 года. Капитан Джон Франклин отплыл из Англии на двух прекрасно оснащенных судах «Террор» и «Эребус». Сделав несколько остановок у берегов Гренландии, Франклин с командой – всего 129 человек – отправились в неизвестность. Больше о них не слышали. Хотя в конце 1840-х и начале 1850-х годов предпринималось несколько спасательных экспедиций, судьба Франклина оставалась загадкой и многие десятилетия будоражила умы мировой общественности. Одной из основных идей было предположение, что Франклин с командой до сих пор плавают по открытому полярному морю, не в силах найти выход.

В 1853 году отчаянный американский путешественник Илайша Кент Кейн снарядил экспедицию с двойной целью – спасти Франклина и найти открытое полярное море. На следующий год, поднимаясь вдоль северо-западного побережья Гренландии, участники экспедиции Кейна обнаружили, как им показалось, открытый океан. На самом деле

перед ними была всего лишь небольшая сезонная полынья во льду, но Кейн не сомневался, что его команда совершила грандиозное открытие.

«В этом открытом море резвились тюлени и питались водоплавающие птицы, – впоследствии писал он. – Его размеренные волны разбивались о берег, подобно волшебным валам древнего океана. Одиночество, холодный и бескрайний простор и таинственное колыхание зеленых вод добавляли очарования пейзажу». Кейн утверждал, что при взгляде на открытое полярное море «все испытали сильнейший прилив чувств... Уверен, среди нас не было человека, который бы не пожелал войти в его сияющие и одинокие воды». На основании отчетов экспедиции Кейна были опубликованы новые карты, где на Северном полюсе недвусмысленно жирными буквами было написано: «Открытое море».

В 1860 году другой американский путешественник доктор Айзек Израэль Хейс возглавил арктическую экспедицию к берегам острова Элсмир, где ему тоже показалось, что он видит открытое полярное море Кейна. «Море на Северном полюсе, – сообщал Хейс, – должно быть, лежит внутри ледового пояса, заключающего его в кольцо». Но когда Хейс вернулся в Соединенные Штаты, вспыхнула Гражданская война, поэтому его рассказами никто не заинтересовался.

Теория открытого полярного моря на время отошла на второй план, однако идея о полой земле с отверстиями в Арктике получила еще большее распространение после публикации в 1864 году фантастического романа Жюль Верна «Путешествие к центру Земли». Главный герой романа, немецкий профессор Отто Лиденброк, спускается в кратер спящего вулкана в Исландии и вскоре оказывается в теплом подземном море, берега которого населяют мастодонты и гигантские протолюди, напоминающие недостающее звено эволюции. В литературе полярное море переместилось под землю.

После Гражданской войны интерес американской общественности к этой теории быстро разгорелся снова. Чарльз Фрэнсис Холл едва ли не исступленно верил в существование открытого полярного моря, однако безнадежный провал его экспедиции заставил многих усомниться, стоит ли рисковать еще большим количеством жизней и кораблей в погоне за абстрактной химерой. Теории Сайласа Бенета,

однако, вдохнули в этот спор новую жизнь: может, открытое полярное море все-таки существовало. Может, просто путешественники вроде Холла выбрали неправильный маршрут и встречались со льдом в неудачном месте. Они не понимали, что мощные теплые течения могли избавить их от грязной работы.

Поэтому после появления теории Бенга многовековой одержимости открытым полярным морем дали последний шанс. Гипотезам Бенга недоставало лишь молодого путешественника, готового их подтвердить или опровергнуть.

Бент написал письмо президенту Американского географического общества в Нью-Йорке (цитируемое в «Путнемовском журнале») и изложил в нем свою точку зрения. По его мнению, Гольфстрим и Куроисио были «единственными проходимыми путями», по которым корабли могут достичь открытого полярного моря и доплыть до Северного полюса. Будущему путешественнику просто необходимо было следовать вдоль одного из этих течений до самого льда, который окажется мягким и тонким из-за постоянно пульсирующего тепла тропической морской реки. Этот талый портал приведет корабли прямо в открытое полярное море. Бент даже дал этому гипотетическому порталу интересное имя: он назвал его термометрическими воротами полюса.

Идея о полой земле с отверстиями в Арктике получила еще большее распространение после публикации в 1864 году фантастического романа Жюль Верна «Путешествие к центру Земли».

«Путнемовский журнал» с восхищением заявил, что «великий ум наконец преуспел в решении полярной проблемы». Статья призывала молодых людей вроде Делонга доказать верность идей Бенга. «Эта глубокая и прекрасная гипотеза пока не может похвастаться поддержкой авторитетных ученых и исследователей Арктики. Некоторое время ей, возможно, придется полагаться лишь на научные выкладки и весомость математических расчетов».

Однако, в конце концов, найдется храбрец, найдется арктический герой, который отважится отыскать «термометрические врата» и устремится к полярному Граалю. Награда была как никогда щедра, а ставки – высоки. «Кто возьмется утверждать, – заключала путнемовская статья, – что внутри арктического кольца не найдется следов человека – не найдется осколка нашей расы, принесенного туда мощными течениями, о которых мы уже наслышаны? Как знать, может, эти люди с радостью примут моряка, обнаружившего их, и среди них окажется избранник божий?»

Часть II
Национальный гений

Глава 6

Двигатель мира

В первую неделю июля 1876 года, когда отмечался столетний юбилей Америки, внимание страны было приковано к Филадельфии. Дело не только в том, что именно в Городе братской любви веком ранее подписали Декларацию независимости, но и в том, что там как раз проводилась Всемирная выставка, которая в ту знойную неделю привлекала в Филадельфию сотни тысяч посетителей со всего света. В выставке принимали участие 37 стран, которые представляли свои достижения на огромной площади в парке Фэйрмонт по другую сторону реки Скулкилл от центра Филадельфии. Это была первая Всемирная выставка, проходившая в США. К концу лета около 30 000 экспонатов, представленных в 250 павильонах и залах выставки, осмотрело почти 10 миллионов человек. Площадь выставки была столь обширна, что для перемещения между двумя наиболее популярными зданиями использовалась специально разработанная надземная рельсовая система – прообраз монорельса.

Зрители хотели посмотреть на диковинные изобретения и не были разочарованы. Среди множества новинок выставлялись печатная машинка «Ремингтон», сложный струнный аппарат, называемый вычислительной машиной, и любопытное приспособление, которое бородатый шотландец Александр Грэхем Белл называл «телефоном». (Белл читал монолог Гамлета в одном конце зала, а посетители на другом конце ясно слышали его голос из небольшого динамика. «Боже, эта штука разговаривает!» – воскликнул один именитый гость, император Бразилии Педру II.)

Все лето выставка была у всех на устах. Джеймс Гордон Беннетт лично посетил ее несколько раз и распорядился, чтобы его лучшие репортеры не покидали Филадельфию и сообщали о визитах видных людей со всего мира – лордов и монархов, писателей и художников, ученых и железнодорожных магнатов. В «Геральд» каждый день печатались статьи о Всемирной выставке, более того, Беннетт устроил так, чтобы тысячи экземпляров газеты печатались на огромном станке прямо на территории выставки. По павильонам бродили молодые

предприниматели вроде Джорджа Вестингауза и Джорджа Истмена, искавшие новые идеи, которые можно было совместить с другими идеями. Там был и двадцатидевятилетний Томас Эдисон, демонстрировавший странное маленькое устройство – созданную им электрическую ручку. Другой блестящий американский изобретатель Мозес Фармер привлекал зрителей своей электрической динамо-машиной, с помощью которой он питал несколько искусственных огней – так называемых дуговых ламп, – ярко сверкавших в темноте.

Были на выставке и другие диковины. В японском павильоне всем желающим показывали невероятно быстро растущую лиану кудзу, о которой в западном мире еще не слышали. Кроме того, посетители могли посмотреть скульптуры Родена, послушать самый большой в мире орган и полюбоваться на гигантский факел статуи Свободы работы Фредерика Огюста Бартольди (остальная часть статуи была еще в процессе создания во Франции). Именно там, на Всемирной выставке, американской публике представили новую приправу – кетчуп «Хайнц», шипучий напиток из коры дерева сассафрас, продававшийся под маркой «Корневое пиво Хайрс», и удивительный тропический фрукт, который подавали в фольге и с вилкой и называли бананом.

Однако самым популярным аттракционом выставки стал машинный зал – сводчатый, похожий на теплицу ангар, занимавший 14 акров, что в три раза больше площади собора Святого Петра в Ватикане. Этот зал был храмом всевозможных машин, в нем гудели, жужжали и ревели бесчисленные насосы, турбины, генераторы, станки, пилы и новые хитроумные инструменты. По обеим сторонам проходов стояли изобретения – в основном американские, в массе своей прорывные. Там был, к примеру, аммиачный компрессор Лайна – Вольфа, служивший для изготовления льда. Там был и двигатель Брайтона, представлявший собой практический прототип двигателя внутреннего сгорания. Там были и трехтонные маятниковые часы, произведенные Сетом Томасом, 26 других часов, расставленных по залу. Там были новые локомотивные тормоза, новые лифты и усовершенствованные ротационные аппараты.

Но самым удивительным в машинном зале был огромный двигатель, питавший все остальное. Большой центральный двигатель,

который порой называли всемирным паровым двигателем, был самым крупным двигателем в мире и весил более 650 тонн. Его сконструировал блестящий американский инженер Джордж Корлисс. Посредством сети подземных шахт общей протяженностью около мили он питал паровой энергией более тысячи меньших машин, выставленных в зале.

В день открытия ярмарки в мае президент Улисс Грант в присутствии более 150 000 человек потянул за рычаг и запустил эту громадину. Ожив, огромный двигатель заурчал, и, казалось, что это урчание исходит из самого нутра механизма. Корреспондент журнала «Сайнтифик Американ» назвал это урчание «тихим мурлыканьем... своего рода механической музыкой». В сравнении с необъятной машиной, президент казался карликом. Высотой с пятиэтажный дом двигатель был установлен на платформе в центре просторного зала и напоминал живую скульптуру с двигающимися руками, дрожащими рычагами и зубчатыми шестеренками. Один только его маховик, вращающийся с постоянной скоростью 36 оборотов в минуту, весил 56 тонн.

Летом Большой центральный двигатель полюбился посетителям и постепенно превратился в символ выставки. Как замечал «Сайнтифик Американ», он был ее «огромным пульсирующим железным сердцем». Когда машинный зал посетил Уолт Уитмен, он сел перед изящным гигантом и полчаса смотрел на него, не произнося ни слова. Писатель Уильям Дин Хоуэллс назвал его «стальным атлетом» и заметил, что именно в таких машинах «громче всего слышен голос национального гения».

В статье для «Атлантик мансли» Хоуэллс описал, как «мощные балансиры толкают вниз поршни, огромный маховик вращается с такой силой, что все вокруг дрожит, а сотни живых деталей делают свою работу с неукоснительной точностью». Механизм начищенного колосса был таким совершенным, что он функционировал почти без вмешательства человека. «Внутри этого невероятно могучего двигателя, – писал Хоуэллс, – установлен стул, на котором сидит механик и спокойно читает газету, словно покачиваясь в кресле у себя дома. Время от времени он откладывает газету, поднимается по одной из лестниц, огибающих механизм, и смазывает маслом особенно

нагруженный участок гигантского тела, после чего спускается и снова раскрывает газету».

Посетители из других стран были поражены технологической мощностью, представленной в машинном зале, и особенно двигателем Корлисса. Америка не стояла на месте, в ней кипела новая энергия и расцветал туземный талант. Появлялся американский стиль промышленного производства, который основывался на автоматизации, использовании взаимозаменяемых частей и машинного производства машин, питавших другие машины. Лондонская «Таймс» восторгалась: «Американец изобретает так, как грек вытачивал скульптуру, а итальянец рисовал: в нем чувствуется гений». В сообщениях других английских наблюдателей чувствуется тихое отчаяние. «Если сейчас, в 1876 году, сравнить нас с американцами, – писал выдающийся британский инженер Джон Андерсон в официальном отчете о Всемирной выставке, – останется только признать... что мы лишаемся былого лидерства, поскольку оно переходит к американцам».

В жаркую июльскую неделю одним из самых примечательных гостей Всемирной выставки стал немецкий профессор Август Петерман. Хотя Петермана можно было назвать самым знаменитым и самым уважаемым географом в мире, он мало путешествовал и жил затворником. В Америке он никогда прежде не бывал. Предприняв круиз вдоль восточного побережья США, он на десять дней остановился в Филадельфии, осмотрел павильоны выставки и был восхищен увиденным. Всемирная выставка показалась ему «великим достижением, затмившим все предыдущие выставки в Европе. Здесь стало ясно, каково положение Соединенных Штатов в мировой культуре».

Доктор Август Генрих Петерман был угрюмым и необщительным человеком. Обладатель окладистой бороды и маленьких рук, он носил очки в тонкой оправе, строгий фрак, шелковый жилет и галстук. В свои 54 года он смотрел вокруг острым взглядом ювелира, а двигался и разговаривал с пугающей многих аккуратностью. Человек энциклопедических познаний, воспитанный в гумбольдтовской традиции, он мог аргументированно обсуждать практически любой вопрос мировой науки. Однако за внешней холодностью Петермана

скрывалась некоторая вспыльчивость; его давно мучили приступы маниакальной депрессии. Порой на его лице отражались тоскливая сентиментальность, глубокая меланхолия, мировая скорбь. Он постоянно вступал в споры, причем его убежденность в своей правоте нередко подкреплялась маленьким револьвером, который он носил в кармане жилета. Петерман безупречно говорил по-английски с легким британским акцентом, поскольку много лет прожил в Лондоне, где был влиятельным, хотя и скандальным членом Королевского географического общества. Он работал в Королевской обсерватории в Гринвиче и недолго служил «физическим географом и резчиком по камню» при дворе самой королевы Виктории.

В 1850-х годах Петерман вернулся в родную Тюрингию в лесистом сердце Германии. Именно там, в тихом средневековом городке под названием Гота, он и создал географический институт, который стал издавать самые подробные и красивые карты на свете. Его предприятие работало как часы и быстро заслужило уважение ученых и путешественников со всего мира. Помимо прочего он был редактором влиятельного ежемесячного журнала «Географические известия Петермана», в котором публиковались новейшие карты и статьи о передовых областях исследований. Мудрец из Готы, как зачастую называли Петермана, считался одним из лучших в мире «картографов-теоретиков». Не стоит и говорить, что его чрезвычайно интересовали немногочисленные белые пятна, по-прежнему остававшиеся на картах мира, еще не описанные места, где до сих пор не ступала нога человека. Он считал своим профессиональным и личным долгом постепенно заполнить эти белые пятна. Петерман взял в привычку систематически опрашивать путешественников, которые только вернулись, скажем, из африканского буша или австралийского аутбэка, соотнося их отчеты с составленными на месте планами, Петерман вместе со своей армией картографов наполнял белые пятна немного большим количеством деталей. Видный британский картограф Джон Бартоломью так описал страсть Петермана к *terra incognita*: «Он был так увлечен заполнением белых пятен на своих картах, что казалось, ему нет покоя, пока на свете остаются неизведанные земли».

Никакое другое место не интересовало Петермана так, как Арктика. И в Англии, и в Германии он десятилетиями

пропагандировал арктические исследования. Он написал на эту тему десятки академических трактатов и сказал бесчисленное множество речей. Он полагал, что без изучения Северного полюса не понять функционирование планеты – все течения, ветра, системы теплового регулирования, подземные бурления, геомагнитные колебания. Полюс был важнейшим элементом, ключом к решению более сложных проблем. «Без знания о Северном полюсе, – писал он, – все географическое знание остается фрагментарным».

Петерман был, вероятно, самым яростным и непоколебимым сторонником теории открытого полярного моря. Он не сомневался, что за движущимся «поясом» арктического льда путешественники обнаружат «полярный бассейн», наполненный относительно теплой водой. Выпускаемые его компанией карты изображали полюс свободным ото льда. «Лед образует движущийся пояс, с полярной стороны которого находится более или менее свободное ото льда море, – утверждал он. – Пробившись сквозь этот пояс, корабли обнаружат на более высоких широтах и самом полюсе судоходное море». Нужно было лишь найти удобный путь, подходящий проход сквозь лед. Достичь полюса, по мнению Петермана, будет «очень легко. В теплое время года подходящий пароход доберется до Северного полюса и вернется обратно за два-три месяца».

Никакое другое место не интересовало Петермана так, как Арктика. И в Англии, и в Германии он десятилетиями пропагандировал арктические исследования.

Петерман верил, что паровые двигатели сыграют значительную роль в достижении полярного бассейна. Он считал, что, в конце концов, прорывные технологии приведут к созданию достаточно мощного и эффективного двигателя, чтобы отправить судно в скрывающееся за ледовым поясом открытое полярное море. Поэтому Петермана так поразила сила и точность механизмов, представленных в машинном зале. Гул Всемирного парового двигателя Джорджа Корлисса был музыкой для ушей немецкого профессора. Казалось, у

американцев теперь были технологии, чтобы изготовить двигатель, который доставит человечество на Северный полюс.

Когда речь зашла об Арктике, Петерман махнул рукой на британцев. Английские путешественники отказывались верить его теориям и упрямо пытались проникнуть в Арктику вдоль западного побережья Гренландии, неизбежно встречаясь с опасностями и трудностями, которые он без труда мог предсказать. В последние годы Петерман связывал свои арктические надежды с собственной недавно объединенной нацией. В 1868 году, а затем и в 1869-м он лично организовал и обеспечил две крупные немецкие экспедиции, пытавшиеся достичь полюса, поднимаясь вдоль восточного побережья Гренландии – Петерман полагал, что этот путь позволит им гораздо проще попасть в «полярный бассейн». Сам Петерман не принимал участия в плаваниях: он предпочитал руководить одиссеей, не выходя из своего кабинета на вилле в Готе.

Две немецкие экспедиции даже ценой титанических усилий не смогли добиться значительного успеха. И все же Петерман призывал своих соотечественников не оставлять попыток пробиться в Арктику. Однако к началу 1870-х годов стесненная в средствах Германия стала опасаться затрат и рисков арктических путешествий.

Проведя неделю на Всемирной выставке, Петерман пришел к выводу, что следующие арктические исследования возглавят американцы. Он внимательно следил за экспедицией «Поляриса» и видел перспективу там, где остальные видели лишь катастрофу. «В полярных исследованиях Америка затмила все остальные страны», – писал он. Британцы же, по его мнению, «девять лет разглагольствовали о полярных экспедициях, критиковали все остальные предприятия и точки зрения, но сами при этом ничего не делали». После провала экспедиции «Поляриса» Петерман призвал американцев организовать новое плавание в Арктику. Такое «громкое заявление правительства Соединенных Штатов, – сказал он, – заставит британцев смущенно замолчать».

«Америка, – утверждал он, – добавила в список арктических героев имена Кейна, Хейса и Холла. Не сомневаюсь, новые герои не заставят себя ждать».

Он признавал, что полярная экспедиция сопряжена с колоссальным риском. Нельзя было отрицать, что кто-то падет в стремлении к полюсу, однако общественная польза открытия делала эту жертву обоснованной. Жертва во имя открытий значила для человечества гораздо больше жертвы на полях сражений. «Мне с трудом верится, что эта великая работа будет окончена без потерь. Погибнут корабли, погибнут люди, – писал Петерман. – Но разве тысячи благородных жизней надлежит терять лишь на бесчеловечной войне? Разве такое великое дело не стоит нескольких жизней?»

Петерман не понимал, почему те же самые европейские страны, которые ратовали за отправку исследовательских отрядов в малярийные джунгли Африки, не могли смириться с периодической гибелью своих отважных сынов на арктическом севере. Вообще-то, настаивал он, полярные регионы были гораздо безопаснее Черного континента. «Десятилетиями, – говорил он, – наши путешественники один за другим гибли в глубине самых опасных континентов, особенно Африки, то от рук фанатичных туземцев, то от тяжелого климата, в то время как в арктических экспедициях такие жертвы случаются крайне редко».

Однако увиденное в Америке – и особенно в Филадельфии – убедило Петермана, что Соединенным Штатам хватит смелости решиться на это предприятие. Посетив Всемирную выставку, Петерман нанес визит в Вашингтон, Балтимор и Военно-морскую академию в Аннаполисе. Он осмотрел Бостон, несколько городов Новой Англии и Ниагарский водопад. Куда бы он ни приезжал, везде его встречали с почестями. Ведущие ученые страны превозносили его. В Вашингтоне он встретился с кандидатом на пост президента Резерфордом Хейсом и был удостоен официального приема. Репортеры неотступно следовали за ним и цитировали его слова. Его поездка по Америке напоминала круг почета на закате выдающейся карьеры. Все это стало для него приятным сюрпризом: Петерман и не догадывался, что в Соединенных Штатах его так любят.

10 июля Петермана пригласили выступить перед Американским географическим обществом в Нью-Йорке. Мероприятие было организовано в Чиккеринг-Холле на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы. В зале было ужасно жарко и влажно – северо-

восточную часть страны как раз настигла волна жаркой погоды, – и все же послушать знаменитого немца пришла целая толпа народа. «Жара едва не убивала меня», – сказал впоследствии Петерман. После короткого органного концерта он вышел на сцену.

Он мог без усталости говорить об этой уникальной стране и ее кипучей энергии и рассыпаться в благодарностях перед хозяевами. «Я невероятно счастлив, что мне довелось увидеть эту великую страну и познакомиться с ее людьми», – начал он. Его впечатлило, что столичный Вашингтон «выстроен в соответствии с удивительным планом, а таких больших парков и площадей нет ни в одном другом городе мира». Ему особенно понравился Нью-Йорк, где он остановился в роскошном отеле «Бреворт». «Этот город, – сказал он, – и особенно его Бродвей, кажется мне своего рода первым меридианом, где встречаются два мира – западный и восточный».

В Аннаполисе доктору Петерману довелось побывать на выпускном в Военно-морской академии и посмотреть, как счастливые мичманы получают дипломы и подбрасывают в воздух свои шапочки. Он был уверен, что однажды Америка создаст великий флот, который сыграет роль не только в войне, но и в мирных исследованиях. «Когда в Аннаполисе я узнал, что в настоящее время эксплуатируется лишь одно военное судно, – сказал Петерман, – я снова убедился, что эта великая нация, по сути своей – страна мира».

Вскоре Август Петерман вернулся в Германию, но прибыл туда изменившимся человеком. «Поездка превзошла все мои ожидания, – признался он. – Увиденное восхитило меня». По его мнению, Соединенные Штаты стали новым двигателем, который толкал вперед весь мир. Они стояли «во главе всего человеческого прогресса и культуры, которую только можно найти на свете. Это богатая и благодатная страна, земля чудесных природных задатков».

Затем, намекая на поразительную Всемирную выставку, Петерман заключил: «Желаю вам и всей вашей стране такого же прогресса и процветания, который ознаменовал первые сто лет ее существования».

Глава 7

Сатисфакция

Джеймс Гордон Беннетт-младший любил создавать впечатление, что он появился в этом мире уже полностью сформировавшимся человеком – уникальным человеком без прошлого и без привязанностей, который никому ничего не должен. Но чтобы понять, насколько экстраординарное положение он занимал в социальной среде Нью-Йорка, а также в суровом мире американских газет, нужно копнуть глубже и обратить внимание на столь же экстраординарную карьеру его отца, Джеймса Гордона Беннетта-старшего.

Беннетт-старший был замкнутым, начитанным человеком, который в 1819 году иммигрировал в США из Шотландии и через шестнадцать лет благодаря комбинации предпринимательского инстинкта и едва ли не мазохистской рабочей дисциплины основал «Геральд». С самого начала он хотел, чтобы его дешевая газета была «нахальной и дерзкой», и в этом отношении он более чем преуспел. Из-за едких нападок на политиков и бизнесменов он частенько получал смертельные угрозы. Несколько раз его даже избивали в подворотнях. Он получил по почте бомбу. Один враг попытался его утопить. Но все это лишь распалило Беннетта. Он ничего не боялся и любил играть роль докучливого Иеремии. Его газета не стеснялась называть любые имена, а его репортеры имели доступ ко всем тайным порочным местам города. В 1836 году он возбудил негодование общественности из-за опубликованного на первой полосе репортажа о жестоком убийстве проститутки топором – в этом непристойном материале фигурировало первое в истории полноценное газетное интервью. Благовоспитанных джентльменов особенно возмутило, что это интервью дала хозяйка борделя, в котором работала жертва.

В то время как финансовые разделы конкурирующих газет обычно обходили стороной махинации на Уолл-стрит, в «Геральд» Беннетта-старшего регулярно публиковались расследования последних афер на рынке ценных бумаг. Спекулянт Э. Э. Клейсон, возмущенный особенно резкой статьей «Геральд», подкараулил Беннетта на улице и отхлестал его кнутом. Биограф Беннетта заметил, что «кнут, однако,

переломился при первом же ударе и упал на тротуар, после чего Беннетт учтиво поднял его фрагменты и протянул нападавшему».

Беннетт-старший был главным городским ворчуном и соответствовал этому статусу даже внешне: безвременно поседевший, он ходил ссутулившись, страдал от сильного косоглазия и множества нервных тиков, терзавших его угловатое, с огромным носом лицо. Однажды из-за его жутковатого вида его даже выставили из борделя, прогоняя его из своего заведения, девушки сказали (во всяком случае, он так потом утверждал): «Уж слишком вы страшны, чтобы здесь находиться».

За газетой Беннетта охотились с тем же упорством, с которым его самого избегали. «Геральд» быстро превратился в крупнейшую ежедневную газету Америки. Будучи его единственным владельцем, Беннетт стал мультимиллионером, хотя его деньги и не открыли ему двери в нью-йоркское общество. Беннетт оставался изгоем, которому был заказан вход в лучшие клубы и салоны. Но было ли ему до этого дело? «Американское общество, – разглагольствовал он, – составляют люди, которые не приглашают меня на свои вечеринки».

Не существовало такой темы, к которой Беннетт-старший относился бы нейтрально. Он был, к примеру, ярким противником расширения прав женщин: «Материнство – лучшее лекарство от маний; его стоит рекомендовать всем притесненным», – говорил он. В его жизненной позиции не было ни капли альтруизма. «Возвышенные передовицы и кампании на благо общества ему казались просто чепухой, – замечал его биограф. – Все люди в его представлении были эгоистичными, алчными и совершенно никчемными, и положение вещей невозможно было улучшить – уж точно не с помощью журналистики». Вместо этого Беннетт занимался исключительно «публикацией самой живой газеты города и наблюдал, как его чутье влияет на балансовые книги, растущие тиражи и доходы от рекламы».

Однако в 1840 году Беннетт вдруг ощутил прежде незнакомое чувство – любовь. Его сразила ирландка по имени Генриетта Клин. Будучи в два раза его младше, она уверенно поднималась по социальной лестнице и свободно говорила по меньшей мере на шести языках. Мисс Клин давала уроки игры на фортепиано и риторики и считалась одной из самых элегантных девушек Нью-Йорка. Беннетт явно разделял это мнение и изливал свое восхищение на страницах

собственной газеты, замечая, что ее «фигура великолепна – голова, шея и бюст истинно классических очертаний».

Никто и не предполагал, что Беннетт может влюбиться, но он совершенно потерял голову. Вскоре они с Генриеттой поженились, и в мае 1841 года на свет появился их сын Джеймс Гордон Беннетт-младший. Главная соперница «Геральд», нью-йоркская газета «Сан», сухо сообщила о прибавлении в семействе, но при этом заметила, что прелестный младенец просто не может быть сыном отталкивающего Беннетта. Хотя вслед за Джеймсом друг за другом родилось еще трое детей, в младенчестве не умерла лишь одна дочь по имени Жаннетта.

Генриетте Беннетт претила роль статусной жены самого скандального мизантропа американской печати. В ноябре 1850 года, когда они с мужем прогуливались по Бродвею, на Беннетта напала банда линчевателей, возглавляемая Джоном Грэмом – Беннетт всячески противился его выдвижению на пост окружного прокурора. На глазах у перепуганной Генриетты ее мужа избили едва ли не до смерти, но двое стоявших поблизости полицейских так и не вмешались в драку. Когда Беннетт поправился, Генриетта заявила, что Нью-Йорк с нее достаточно. Ей была не по душе бурная, пропитанная типографской краской жизнь мужа. Генриетта считала, что ее дети не должны расти в такой обстановке. Забрав маленьких Джеймса и Жаннетту, она уехала в Париж и осталась там навсегда, посещая Нью-Йорк лишь изредка. Беннетт вернулся к жизни вздорного холостяка и продолжил руководить газетой в одиночестве.

Джеймс и Жаннетта выросли вдали от родины: их воспитывала во всем потакающая детям мать-ирландка и учили французские учителя. От угрюмого и мрачного человека, который обеспечивал им роскошную жизнь, их отделял целый океан.

Когда Джеймс немного подрос, он стал чаще ездить в Нью-Йорк к отцу. Беннетт-старший хотел, чтобы в будущем сын принял на себя руководство газетой, поэтому выделил ему стол и определил круг номинальных обязанностей. Но его наследник не интересовался журналистикой – и вообще работой. Он обнаружил, что нью-йоркское высшее общество, которое отвергало его отца, его самого встречало с распростертыми объятиями, и влился в струю. Редактор «Сан» заметил, что его стали считать «примером для подражания и настоящим сорвиголовой». Один из ранних биографов написал, что

«описание всех безумств этого юнца и его компании оказалось бы не короче сказок «Тысячи и одной ночи». Свободное от посещения таверн и игорных домов время Джеймс проводил на яхтах и зарекомендовал себя умелым, но безрассудным моряком. В 1860 году отец построил ему собственную яхту «Генриетта», и Джеймс стал постоянно ходить на ней, выигрывая регаты в Америке и Англии.

Во время Гражданской войны Джеймс хотел служить в Союзническом флоте, хотя и не имел флотской подготовки. Когда ему отказали в приеме, он купил себе офицерское звание в Службе таможенных судов США. Став «третьим лейтенантом», он на собственной яхте «Генриетта» патрулировал Лонг-Айленд, а затем участвовал в морской блокаде Флориды. Служил Беннетт недолго, однако это помогло ему на много десятилетий установить тесную связь между «Геральд» и американским флотом.

В 1866 году Беннетт выиграл первую трансокеаническую регату, за тринадцать дней, двадцать один час и пятьдесят пять минут преодолев на «Генриетте» расстояние от Сэнди-Хук в Нью-Джерси до острова Уайт. К этому времени Беннетт стал гораздо больше интересоваться «Геральд», и позже, в тот же год, постаревший Беннетт-старший передал управление газетой в руки сына. Беннетт-старший умер в 1872 году в возрасте 76 лет.

Заняв кресло главного редактора, Беннетт-младший сразу же стал непредсказуемым тираном. «Я – единственный читатель этой газеты, – часто говорил он своим сотрудникам. – Ублажать здесь нужно только меня». Но чутье на громкие истории почти никогда его не подводило, и тиражи «Геральд» росли как на дрожжах. В отличие от своего скупого отца, Беннетт-младший готов был тратить огромные деньги на сбор новостей и отправлял своих репортеров все дальше и дальше. В 1869 году он придумал послать репортера в Африку на поиски Давида Ливингстона и, как считается, дал молодому Генри Мортону Стэнли до смешного лаконичную инструкцию: «Найдите Ливингстона». Стэнли, конечно же, его нашел, и, благодаря его эксклюзивным репортажам, тиражи «Геральд» выросли еще сильнее.

Заняв кресло главного редактора, Беннетт-младший сразу же стал непредсказуемым тираном. «Я – единственный читатель этой газеты, – часто говорил он своим сотрудникам. – Ублажать здесь нужно только меня».

Беннетт не был похож ни на одного из других издателей мира. Гуляка, увлеченный спортсмен и абсолютный диктатор, он держал всех в ежовых рукавицах, сводя своих репортеров с ума постоянными требованиями разыскивать выдающиеся истории в кратчайшие сроки. Каким-то образом тонкий механизм все же работал, и под руководством эксцентричного Беннетта газета «Нью-Йорк геральд» стала самой интересной и влиятельной в Америке, если не во всем мире. Один репортер и редактор, много лет трудившийся на Беннетта, сравнил работу в «Геральд» со службой во Французском иностранном легионе: «Было что-то притягательное в свирепом владельце газеты, который славился своим непостоянством и жесткостью. Говорят, женщины теряют голову от таких мужчин. Газетчики точно были от него без ума».

В первый день нового 1877 года Джеймс Гордон Беннетт-младший по снегу подъехал к дому 44 по Западной Девятнадцатой улице, велел извозчику его подождать и поднялся по лестнице, чтобы присоединиться к давно начавшейся праздничной вечеринке в доме своей невесты. Распространявшиеся по Нью-Йорку слухи были верны: Джеймс Беннетт, знаменитый целой серией интрижек с актрисами и женщинами сомнительной репутации, наконец влюбился и сделал предложение приличной дебютантке высшего света. До бракосочетания оставалось всего несколько недель.

Счастливицей стала Кэролайн Мэй, дочь уважаемого врача из Балтимора, который лето проводил в Ньюпорте и владел прекрасным домом на Манхэттене. Кэролайн описывали как «стройную, светловолосую девушку с гордо поднятой головой». Другой источник называет ее женщиной «необыкновенной красоты... очаровательной и бесстрашной». Должно быть, она была исключительной, ведь ей удалось достичь того, что многим жителям Нью-Йорка казалось

невозможным. Один биограф написал: «Джимми Беннетт, ветеран игорных домов, страх и ужас приличного общества, голый извозчик, неутомимый игрок в поло и расточительный завсегда клубов, собрался остепениться».

Среди богатых ньюйоркцев в те годы вошло в традицию в первый день нового года «наносить визиты». Целые семьи запрягали лошадей в упряжки и под веселые песни и звон бубенцов катались по городу, заходя на открытые для всех вечеринки, где рекой лились бренди, бурбон и эгг-ног^[2]. Как впоследствии написал один из современников Беннетта, эти сборища были просто «предлогом для пьянства». Беннетт весь день «наносил визиты» и к четырем часам, когда он оказался на пороге у Мэев, успел уже прилично набратся.

Его впустили в теплую приемную, где он с привычной живостью прошел прямо к бару. Он любил бывать у Мэев дома, и они, казалось, радовались, что он скоро станет их зятем. Кэролайн подружилась с младшей сестрой Беннетта Жаннеттой, что еще сильнее укрепило союз их семей. Судя по всему, Беннетт действительно любил Кэролайн и искренне хотел на ней жениться. Прошлым летом газеты напечатали, что в Ньюпорте она «сидела на почетном месте» в его экипаже и часто появлялась у него на яхте. В Нью-Йорке пару нередко видели в опере, на званых ужинах и в театре.

«Одна из подруг юной леди назвала этот союз блестящим, – указывалось в газетной статье. – Друзья мистера Беннетта и его отца обрадованы в не меньшей степени». По просьбе Кэролайн Беннетт заказал множество нарядов, украшений и белья из лучших магазинов Парижа. Когда посылка прибыла в Нью-Йорк, ему пришлось уплатить 9000 долларов налога таможенной службе. Планировалось, что после камерной свадьбы Беннетт с молодой женой взойдут на борт парохода «Россия» и отправятся на медовый месяц в Европу, где для них был организован большой тур.

В тот веселый первый день нового года свадебные планы оставались в силе. И все же казалось, что Беннетт еще не до конца готов остепениться. Насчет Кэролайн у Беннетта сомнений не было, однако супружество несколько пугало его. За время их помолвки ей несколько раз приходилось отзываться свое согласие, когда Беннетт напивался и вместе с друзьями-спортсменами выкидывал очередной идиотский и постыдный номер. Один из специализирующихся на

светских сплетнях журналистов даже утверждал, что Беннетт «в любой момент может слететь с катушек», и замечал, что выпивка в некотором роде «усиливает его импульсивность... и притупляет многие благородные качества разума и сердца, которые характеризуют его, когда он «в себе».

Однако в определенных социальных кругах царила надежда. Один из редакторов отдела о жизни нью-йоркского общества оптимистично заметил, что последний загул Беннетта «случился довольно давно» и он, кажется, «столь настойчив в своих ухаживаниях, что все его друзья надеются на долгожданный брак».

Беннетт же ввалился в гостиную дома Мэев и поздоровался с Кэролайн, ее родителями и сестрами. В комнате было множество друзей Беннетта по клубу «Юнион», которые с удовольствием подшучивали над ним и похлопывали его по плечу. В одном углу горел камин, в другом стоял рояль, вокруг которого собрались исполнители рождественских гимнов. Беннетт сделал несколько скабрёзных комментариев, а когда лакей поднес крепленый пунш, взял себе еще стаканчик.

В этот момент Беннетт забылся. Стоя возле рояля, он расстегнул ширинку и на глазах у всех гостей принялся облегчаться, направляя струю внутрь инструмента. По другим данным, он написал в камин. Как бы то ни было, Беннетт явно почувствовал, что настала пора «откачать немного жидкости», как выразился один из биографов, и ничуть не постеснялся сделать это прямо посреди великосветского салона. «Беннетт забыл, где находится, – написал несколько лет спустя редактор «Геральд», – и повел себя недостойным джентльмена – да и вообще кого-либо – образом».

В гостиной тотчас воцарился хаос. Благовоспитанные гости в ужасе отшатнулись от Беннетта. Женщины вскрикнули и лишились чувств – или искусно притворились. Когда Беннетт закончил свое дело, друзья окружили его и потребовали объяснить, какого черта он творит. Казалось, он не понял всей тяжести совершенного им проступка, даже когда двое крепких мужчин грубо выбросили его из дома Мэев на улицу, где ждала его упряжка.

Только на следующее утро, окончательно протрезвев, Беннетт начал осознавать масштабы трагедии. Семейство Мэев известило его,

что помолвка в очередной раз расторгнута – и теперь уже навсегда. В клубе «Юнион» он почувствовал холодность со стороны своих приятелей. На улице прохожие искоса поглядывали на него. Горожане привыкли к вызывающим выходкам Беннетта, но на этот раз он зашел слишком далеко.

Должно быть, Беннетт это почувствовал, но гордость не позволяла ему принести извинения Мэям или наладить отношения с Кэролайн. Возможно, он не считал, что повел себя неправильно. Какое кому дело, как и где Джеймс Гордон Беннетт-младший решил опорожнить свой мочевого пузырь? Он целый день не выходил из дома, из-за чего некоторые конкурирующие газеты даже предположили, что он уехал из города, а «Сан» и вовсе написала, что он «сбежал в Канаду».

Но скандал не утих. 3 января Беннетт после обеда вышел из клуба «Юнион» и хотел уже сесть в упряжку, ожидавшую его на Пятой авеню, но тут его испугала темная фигура на тротуаре. Это был Фредерик Мэй, брат Кэролайн, который приехал прямо из Балтимора. Крепкий мужчина 26 лет, Мэй был довольно старомоден: благородство и семейная честь были для него не пустыми словами. Он приехал отомстить за публичный позор, который постиг дом Мэев (не говоря уж об их рояле), и вернуть сестре доброе имя.

Мэй взмахнул кнутом и хлестнул им Беннетта. Сначала Беннетт не дал отпора. Орудя кнутом, Мэй повалил его на землю и избил до полусмерти. В этой сцене было что-то до боли знакомое – такая же участь не раз постигала отца Беннетта на заре существования «Геральд».

«Может, просто убьете меня и покончим с этим?» – наконец выдал Беннетт. Сцепившись с нападающим, он сумел свалить его с ног. К этому моменту члены клуба «Юнион» уже столпились у окон. С минуту мужчины катались по тротуару, со всей силы колотя друг друга, пока «кровь не забрызгала весь снег до самой мостовой», как подметила одна из газет.

В конце концов несколько членов клуба «Юнион» выбежали на улицу и разняли неистовствующих противников. Мэй побрел прочь по Пятой авеню, а Беннетт, корчась от боли и потирая подбородок, залез в упряжку. У него на переносице красовалась большая ссадина.

Но нос был меньшей из его потерь. Ужасно пострадала гордость Беннетта, и следующие несколько дней он варился в собственном соку.

Затем он нашел выход, который мог бы удовлетворить и его балтиморского противника. Гостившая у брата в семейном особняке на Пятой авеню Жаннетта со слезами на глазах умоляла его не делать этого, но он ее не слушал. Беннетт уже решил для себя, что вызовет Мэя на дуэль.

Посланцем, которого Беннетт отправил бросить перчатку, стал его друг Чарльз Лонгфелло, сын великого поэта. Мэй сказал Лонгфелло, что принимает вызов Беннетта, и они условились о тайном месте на границе Мэриленда и Делавэра неподалеку от деревушки Слотер-Гэп. Дуэль была назначена на 7 января.

В 1877 году дуэли были под запретом на всей территории Соединенных Штатов и считались архаичным, если не варварским, обычаем. И Беннетт, и Мэй понимали, что любой окружной прокурор, прознав об их дуэли, не станет сдерживаться и выживший в поединке, скорее всего, надолго отправится за решетку, поэтому было решено держать все подробности в тайне.

Двое дуэлянтов вместе со свитой – включая врачей – под вымышленными именами на поезде доехали до станции Слотер и дальше пошли по снегу пешком. Подозрительным местным жителям они представлялись служащими Пенсильванского железнодорожного управления, которых отправили разведать местность для прокладки нового полотна. Через час они добрались до отдаленного пастбища на границе двух штатов неподалеку от топких берегов реки Чоптанк. На один из окрестных холмов поставили человека, который должен был следить, чтобы дуэлянтов не побеспокоили.

Около двух часов мужчины сняли пальто и заняли позиции в 20 шагах друг от друга. Каждый выбрал и зарядил пистолет, пока стоящие рядом секунданты говорили слова поддержки. Мэй приехал в черном, но его секундант решил, что так он слишком заметен на снегу, накинул ему на плечи светлый пиджак. Позже в нью-йоркском журнале «Уорлд» написали, что Мэй стоял боком, спиной к ветру и прикрывался рукой с пистолетом, прижимая локоть к корпусу, а мистер Беннетт «стоял лицом, чем подвергал себя большей опасности, но при этом получал возможность лучше целиться».

«Готовы? – спросил распорядитель, а когда оба дуэлянта кивнули, дал отсчет: – Один, два, три... *Огонь!*» Противники подняли оружие и

прицелились.

Точно неизвестно, что именно случилось дальше, но, скорее всего, Мэй первым спустил курок. Его пистолет, очевидно, дал осечку (хотя, по некоторым сведениям, он намеренно выстрелил в воздух). Это дало Беннетту время тщательно прицелиться. Прошло несколько напряженных секунд – свидетелям показалось, что Беннетт ужасно нервничает. Его усы подрагивали. Считается, что он пощадил оппонента. Он выстрелил, но только ранил Мэя – пуля чиркнула немного ниже плеча по руке, которой тот стрелял. Врач Мэя счел эту рану достаточным основанием, чтобы прервать поединок. Фредерик Мэй не мог продолжать дуэль.

Беннетт и Мэй заявили о «сатисфакции», и на этом все закончилось. Обе стороны с облегчением восприняли такой удачный исход, но противники не пожали руки и не перекинулись ни словом, шагая по снегу обратно к железнодорожным путям.

По дороге Беннетт спросил у своего секунданта, доктора Чарльза Фелпса: «Что ж, доктор, думаете, я правильно поступил?»

«Мне было бы ужасно жаль убить человека, жизнь которого была бы в моей власти, – ответил доктор Фелпс, но затем, взглянув на распухший нос Беннетта, добавил: – Но я бы, пожалуй, не устоял перед искушением его ранить».

По имеющимся сведениям, Мэя отвезли в дом его дяди в Мэриленде, где врач очень быстро залечил его рану. Беннетт со спутниками остановились в близлежащем отеле и заказали несколько кувшинов пива. В «Геральд» написать о дуэли было нельзя, но несколько заметок появилось в «Нью-Йорк таймс» – в одной из них радостно сообщалось, что вопрос разрешился «полюбовно» и «обе стороны покинули место дуэли в приподнятом настроении, довольные, что кровавой трагедии удалось избежать». Никто из противников – замечала «Таймс» – не получил серьезных повреждений и «не лишился ни жизни, ни здоровья, ни присутствия духа».

Столкновение Беннетта и Мэя называют последней официальной дуэлью на территории Соединенных Штатов. Такое заявление кажется несколько натянутым, однако она точно стала *одной из* последних дуэлей в США и, учитывая социальный статус противников, привлекла внимание обывателей как в Америке, так и по всему миру. Инцидент

расследовали правоохранные органы нескольких штатов, однако они не нашли достаточных оснований для выдвижения обвинений – все свидетели дуэли хранили обет молчания. Доктор Фелпс даже отсидел за решеткой за отказ давать показания большому жюри, созванному окружным прокурором Нью-Йорка. В надежде приуменьшить значение дуэли и тем самым сбить обвинителей со следа представители обеих сторон сообщили прессе, что Мэй вообще не был ранен, – и эта история закрепилась в общественном сознании.

И все же, вернувшись в Нью-Йорк, Беннетт обнаружил, что его конфуз в доме Мэев до сих пор не забыт и не прощен, а последовавшая за ним дуэль лишь добавила противоправности его вопиющему социальному проступку. Он стал такой же персоной нон грата, которой когда-то являлся его отец, хотя и по другим причинам. Обитатели Пятой авеню решили, что «у них нет желания развлекать человека, которого, очевидно, в свое время не приучили к лотку», как выразился один из биографов Беннетта.

Реакция Беннетта на этот остракизм оказалась весьма любопытной, однако, возможно, это было лишь очередным проявлением его эксцентричности. Раз уж семейство Мэев теперь воротило от него нос, нью-йоркское общество его отвергало, а окружной прокурор был решительно настроен засадить его в тюрьму, Беннетт вознамерился сжечь все мосты и навсегда покинуть Нью-Йорк. Подобно своей матери, которая когда-то увезла из этого города его самого и Жаннетту, он решил оставить свою американскую жизнь и отправиться в Париж. Ему не хотелось иметь ничего общего с городом, воспетым в названии его газеты: руководить этой бизнес-империей можно было и из-за океана, ежедневно связываясь с редакторами и передавая все свои экстравагантные желания посредством непомерно дорогих трансатлантических кабелей. «Нельзя сказать, что таким образом Беннетт изгонял себя из Нью-Йорка», – написал впоследствии его биограф. Скорее это «Нью-Йорк навсегда изгонялся из его мира».

В середине января он незамеченным пришел на пристань и поднялся на борт парохода, следующего во французский Гавр. Вскоре он обосновался в Париже в великолепной квартире прекрасной эпохи на Елисейских Полях. Но вскоре он услышал от друзей, что Фредерик Мэй приехал во Францию, не оставляя надежды отомстить за

поруганную честь своей сестры. Боясь внезапного нападения, Беннетт заказал некий «сверкающий панцирь» – плотную кольчугу, которую долго носил под одеждой. Наконец, обезумев от напряжения и устав носить тяжелую и жаркую броню, он отправил друзей встретиться с Мэем и выяснить его планы. Один из близких парижских знакомых Беннетта впоследствии написал: «Мистер Мэй заявил, что не собирается никого убивать, поэтому ДГБ с великим облегчением снял свой панцирь».

Некоторое время у Беннетта была русская любовница, которая звалась «Мадам А» и считалась «самой неприветливой женщиной французского общества». Беннетт не восстановил отношений с Кэролайн Мэй и большую часть жизни оставался холостяком. Жить в Нью-Йорк он так и не вернулся.

Глава 8

Мудрец из Готы

Интерес Джеймса Гордона Беннетта к отправке новой арктической экспедиции становился все сильнее, и в марте 1877 года он решил навестить эксперта по Арктике доктора Августа Петермана. С несколькими пересадками он на поезде добрался до французской глубинки, а затем пересек границу с Германией. Путешествие на поезде показалось Беннетту «изматывающим». Ему претило трястись в вагоне по дремлющим европейским просторам, куда не могли добраться ни его газета, ни его яхты. Он миновал древний Тюрингенский лес, напоминающий темно-зеленое море. Затем поезд въехал в плодородные земли, покатился по лоскутному одеялу пастбищ и горчичных полей и, в конце концов, прибыл в чопорную Готу.

Гота была до крайности милым средневековым городком с населением около 15 000 человек: извилистые улочки были выложены булыжником, ввысь стремились остроконечные шпили церквей, всюду стояли простые дома из камня и кирпича. Фонтаны на площадях питались из канала, который приносил воду из реки в 15 милях от города. На холме возвышалась гигантская барочная крепость – замок Фриденштайн, – построенная в 1650-х годах. Газетный репортер того времени описал Готу как «дремлющий город, в котором, казалось, ничего не происходило уже добрую сотню лет».

Беннетт пришел в издательский дом Юстуса Пертеса, где доктор Петерман организовал свой географический Anstalt, или институт. Хотя Гота стояла на отшибе – так, по крайней мере, казалось искусственному Беннетту, – она давно считалась одним из ведущих издательских центров Германии. Как ни странно, этот провинциальный город также был и центром книгопечатания. Здесь издавались не только карты и атласы, но и энциклопедии, словари, альманахи, журналы и всевозможные специализированные публикации. Город был полон искусных и точных аппаратов для украшения книг, литографии, гравировки по меди, цветной печати, переплета и других тонкостей ремесла. Городская жизнь была

пропитана духом перфекционизма; поздно вечером можно было даже почувствовать вибрацию паровых ротационных машин.

Петерман принял Беннетта в чертежном зале института, где над наклонными столами корпели студенты-картографы, работавшие с компасами, кистями из конского волоса и штриховыми карандашами. Петерману нравилось приводить сюда посетителей. Его ежемесячный журнал «Географические известия Петермана» создавался именно здесь, как и всевозможные атласы. Хотя герцог Готский назначил Петермана профессором расположенного в 75 милях к северо-западу Геттингенского университета и присудил ему почетную докторскую степень, Петерман считал эту должность настоящей синекурой и редко появлялся в кампусе. Его настоящим домом была эта оживленная мастерская в Готе. Его открытый офис находился в самой гуще событий – вокруг постоянно чертили новые карты. Не зная, как обращаться к знаменитому картографу, Беннетт называл его просто «ваше докторство».

«Известия» Петермана давно считались самым авторитетным источником новейших географических знаний. Новые открытия питали его атласы, а его атласы, в свою очередь, подпитывали новые открытия. Латинский девиз его журнала *Ubique terrarum* («Вокруг света») часто сопровождался древним символом уробороса – змеи, кусающей собственный хвост. Этот символ отражал порочный круг, лежавший в центре предприятия Петермана в Готе: знания о мире питают больше знаний о мире.

Петерман не упускал удовольствия показать гостям свою маленькую империю, которой руководил с предельной эффективностью. Зачастую он был груб с теми, кто работал на него, и весьма скуп на комплименты. «Он умел учить, но ему было сложно хвалить работу учеников, – писал позднее один из коллег Петермана. – Он добился мировой славы за счет своих сотрудников».

И все же организованное им предприятие было в высшей степени любопытно. В его цеху всегда кипела работа: на удивление точный портрет Земли постепенно обретал форму и обрастал все более мелкими деталями. Здесь каждой черточке мира – каждой реке, мысу, фьорду, леднику, болоту и перешейку – присваивались имя, контур и цвет. Незначительных деталей для картографов Петермана не существовало. Учитывались все существенные перепады высоты, все

доминирующие морские течения, все пути и железные дороги, все оазисы и караванные тропы, даже известные координаты телеграфных проводов, опутавших континенты, и толстых кабелей, проложенных по океанскому дну.

Карты Петермана не имели себе равных. Они были надежны, актуальны, безукоризненно точны и поразительно красивы – обычно их раскрашивали вручную. Они были полны информации: по картам можно было судить о рельефе и градиенте местности, многочисленные петли и завитки изотерм показывали малейшие изменения климата, плотности населения и океанской температуры. Работники Петермана могли с поразительной быстротой создать новую карту. Французский издатель популярных словарей Ларусс несколькими годами ранее признал заслуги Петермана: «Сегодня Петерман во всех цивилизованных странах считается главным авторитетом нашей эпохи в сфере географии».

Показав Беннетту свой географический институт, Петерман провел его по типографии Пертеса, где стояли медные гравировальные станки и большие ротационные прессы. Затем они направились на виллу Петермана неподалеку от железнодорожной станции. Там они прошли по саду и наконец поднялись в кабинет хозяина, где в книжных шкафах стояли почти все когда-либо написанные книги об Арктике. По словам одного из историков Арктики, Петермана считали «полярным отцом» планеты, своего рода «международным президентом географического мира». Люди со всего света приезжали к нему в Готу, чтобы узнать его мнение касательно исследований Арктики. Он удостоился множества наград и почетных степеней, а королевские дворы Италии, Австрии, Испании и ряда других стран отметили его заслуги престижными медалями.

И все же Август Петерман был со странностями. Многие его представления об Арктике, как теперь известно, не имели никаких оснований и в целом были довольно чудными. К примеру, он советовал путешественникам похищать хотя бы по одному эскимосу каждого пола из всех северных туземных племен, чтобы затем, как на Ноевом ковчеге, привезти их в западный мир, где ученые получили бы возможность изучить их и в качестве живых экспонатов представить публике. Кроме того, Петерман разработал не подкрепляемую никакими конкретными свидетельствами теорию, в соответствии с

которой греки и итальянцы генетически лучше всего были приспособлены к лишениям и трудностям арктических странствий. Возможно, это объясняется его искренней убежденностью в мягком климате полюса. Он также утверждал, что соленая океанская вода не замерзает и уж точно не может промерзнуть так, чтобы подо льдом оказался весь Северный полюс: по его мнению, льды образовывались лишь возле арктического побережья и в основном появлялись там, где пресноводные реки впадают в арктические моря. Бывало, он выдвигал и несколько другое предположение: возможно, соленая вода и замерзает, но в процессе этого вся соль вымывается из нее или выветривается в ходе «кристаллизации». Как бы то ни было, он настаивал, что ледяные шапки практически не содержат соли, так что исследователи Арктики вполне могли использовать полярные льды в качестве источника не требующей фильтрации пресной воды.

Карты Петермана не имели себе равных. Они были надежны, актуальны, безукоризненно точны и поразительно красивы – обычно их раскрашивали вручную. «Сегодня Петерман во всех цивилизованных странах считается главным авторитетом нашей эпохи в сфере географии».

Когда речь заходила об Арктике, в Петермане, по словам историка немецких арктических исследований Дэвида Томаса Мерфи, просыпалась «удивительная тяга к поспешным и ложным выводам. Его представления кажутся современному читателю такими невероятными, такими поразительно нелогичными и в ретроспективе такими неправильными, что словно бы граничат с безумием».

Сам Петерман никогда не был в Арктике. Его визит в Соединенные Штаты стал самым смелым плаванием его жизни. По свидетельству другого историка, он был «превосходным кабинетным скитальцем». И все же противоречащие его теориям сообщения людей, которые действительно были в Арктике, лишь усиливали его упрямство. Во многих отношениях Петерман оставался загадкой – воинствующим романтиком, дотошным мечтателем с тягой ко всему

поражающему воображение. «Выдающиеся добродетели сочетались в нем с ужасными грехами, – писал Мерфи. – Он, без сомнения, был ярким и целеустремленным визионером, одаренным в своей области и не лишенным умения убеждать. Но в то же время он оставался опрометчивым эксцентриком, чьи ложные представления об арктической географии обрекли на верную гибель целую серию полярных экспедиций».

И все же Беннетт пришел в восторг от Петермана и готов был слушать его не перебивая. В течение их трехчасовой встречи Беннетт сделал лишь несколько отрывочных заметок, поэтому точно неизвестно, что именно сказал тогда Петерман, но немного позже Беннетт отправил в Готу репортера «Геральд», которому было дано задание восстановить беседу и изложить широкие взгляды профессора на положение дел в сфере исследования Арктики.

Мудрец из Готы восхвалял готовность Беннетта спонсировать новый полярный поход. «Исследование Арктики – дело всего мира, – сказал Петерман репортеру «Геральд». – Теперь, когда истоки Конго и Нила уже обнаружены, на пути открытий остается сделать последний великий шаг». И сделать его должны американцы. Если раньше у Петермана и были сомнения на этот счет, поездка на Всемирную выставку закрепила его в этой уверенности.

Конечно, Англия оставалась самой опытной страной по части полярных исследований, но британцы не внушали Петерману доверия. Он любил Британию и в то же время ее ненавидел. Хотя он родился и вырос в соседнем Блайхероде и учился в Потсдаме, в первой половине жизни Петерман работал в Лондоне и там увлекся английской культурой. В середине 1850-х он переехал обратно в Германию, но по-прежнему каждый день читал лондонские газеты, пил английский чай и следил за бюллетенями Королевского географического общества. Его жена Клара была британкой, дома они говорили на английском. Трое их дочерей воспитывались в английской традиции.

Хоть Петерман и был в душе англофилом, Англия все равно его отвергла. Отчасти это объяснялось расцветом национализма и ксенофобии, который наблюдался в Англии после возвышения Бисмарка и Франко-прусской войны. Кроме того, здесь был замешан и стиль: ведущим британским исследователям и теоретикам Арктики

просто не нравился Петерман. Они находили его слишком капризным и упрямым. Над ним посмеивалась лондонская «Таймс», на него свысока смотрели в Королевском флоте. Когда речь заходила об Арктике, Петерман не мог держать себя в руках и сходил в споре с любым, кто не разделял его мнения. Члены Королевского географического общества, в котором он давно состоял, объявили ему бойкот. Казалось, Петерман стал никому не нужен.

Заклятым врагом Петермана в Британии был Клементс Маркем из Королевского географического общества. Маркем считал Петермана шарлатаном и пустословом. «Доктор Петерман серьезно повредил исследованиям Арктики», – утверждал Маркем, полагая, что излюбленная теория Петермана об открытом полярном море была полным вздором. Хотя британцы и имели опыт полярных экспедиций, они постепенно отказывались от идеи достичь полюса водным путем: Маркем и другие ведущие британские сторонники исследований считали, что добираться туда следует на упряжках, а не на кораблях.

«Весь опыт, – писал Маркем, – показывает, что полярный бассейн либо покрыт единой ледяной коркой, либо заполнен огромным количеством непроходимых дрейфующих льдин, среди которых кое-где встречаются полыньи». Маркем подчеркивал, что идея Петермана о возможности без проблем доплыть до Северного полюса будет стоить молодым исследователям жизни. Петерман, как он замечал, полагает, что морякам под силу «пробиться сквозь ледяное кольцо или пояс, выйти в придуманный им полярный бассейн... и поплыть по нему дальше. Легко писать такое, сидя в Готе».

Британский адмирал и путешественник Шерард Осборн, который также являлся видным членом Королевского географического общества, добавлял: «Я считаю ошибочной попытку на кораблях пробиться к Северному полюсу и готов принять участие в такой экспедиции, только если доктор Петерман лично отправится в это путешествие».

Чувствуя себя отвергнутым любимой страной, которая стала ему вторым домом, Петерман уединился в колдовском мире далекой Готы и полностью игнорировал арктические поползновения британцев.

Однако американцы не на шутку заинтересовали Петермана. Ему показалось, что они действуют весьма любопытным образом: складывалось впечатление, что американцы не обращают внимания на

иерархию и выслугу лет. Они искусно сочетали национальные интересы с торговыми, правительственное финансирование с частным, военную славу с гражданской гордостью. Петерман не сомневался, что поразительные изобретения и организационный размах позволят американцам достичь Северного полюса. Его впечатлило, как быстро Соединенные Штаты восстановились после Гражданской войны и вступили в полярную игру. «Мир не может не признать, – писал Петерман, – что американцы, потратив огромное количество средств на войну, припасли и кое-что для науки».

Само собой, Петерман прекрасно знал о том, как Беннетт отправил Стэнли в Африку. Он понимал, что им двигало желание продать как можно больше газет, но все же путешествие Стэнли дало обществу новые знания, в то же время возбуждив его аппетит к дальнейшим открытиям. Вернувшись из Африки, Стэнли встретился с Петерманом в Готе, где профессор использовал все полученные путешественником сведения для создания новых карт африканского континента. Таким образом, Беннетт внес существенный вклад в науку, за который Петерман был ему благодарен.

Петерман полагал, что Беннетт и Делонг должны достичь Северного полюса с той же смелостью и уверенностью в своих силах, которые характеризовали марш Стэнли по Черному континенту. «Однажды, – сказал Петерман репортеру «Геральд», – полюс найдет человек, который работает столь же упорно и рассудительно, как Стэнли в Африке. Арктические исследования представляют огромный интерес для современной науки. Но все экспедиции поднимают новые вопросы. Чем больше мы видим, тем больше хотим увидеть и узнать. Успех лишь относителен».

Главным образом Беннетту хотелось посоветоваться с «его докторством» об угле атаки: откуда Делонгу стоит подойти к полюсу? Какой путь лучше всего подходит, чтобы пробиться сквозь лед и выйти в открытое полярное море?

Нечего и удивляться, что у Петермана на этот счет были готовы сложные теоретические выкладки. Прежде всего он велел забыть о Гренландии. Путь через пролив Смита не обещал ничего, кроме трудностей. Экспедиция Чарльза Холла стала лишь последним примером того, что ожидает любого, кто отправится в этом

направлении. Путешественников там ожидало охватывающее полюс кольцо непроходимого древнего льда, которое Петерман и другие ученые называли палеокристическим морем.

«Плавание через пролив Смита вошло в привычку, – сказал Петерман. – Люди верят, что это верный путь, потому что им так сказали двадцать или тридцать лет назад. В этом направлении ходили Франклин, Кейн, Холл и Хейс и многие другие знаменитые полярные исследователи, очарованные севером. Появилась иллюзия, что добраться до полюса, если и можно, то лишь по этому пути. Когда-то была такая же иллюзия об исследовании Африки. Вспомните об африканских экспедициях, которые упорно шли по старым, исхоженным тропам и находили лишь одно – разорение и гибель».

Несомненно, настало время для совершенно нового маршрута. Петерман читал трактаты Сайласа Бенга о Курошио и был знаком с идеей «термометрических врат». Он был согласен с Бенгом. Идти к полюсу нужно было через Берингов пролив, как и намеревался Делонг. Этим путем еще не ходили, а течение Курошио казалось достаточно теплым, чтобы размягчить лед и помочь кораблю пробить себе дорогу в открытое полярное море.

Но, по мнению Петермана, была и еще одна убедительная причина пойти через Берингов пролив. Неподалеку от северо-восточных сибирских берегов находился загадочный кусок суши, который на ряде карт назывался Землей Врангеля. О нем веками ходили легенды, но он казался лишь миражом, туманной грезой. Никто точно не знал, что это такое. Возможно, это был остров, возможно, континент, а возможно, волшебный портал на полюс. Возможно, его и не было вовсе. Прежде чем его назвали Землей Врангеля, на картах появлялись другие названия: Земля Тикеган, остров Пlovera, Земля Келлетта.

В 1822 году населяющие северо-восточные сибирские берега чукчи сообщили русскому путешественнику Фердинанду Врангелю о находящейся севернее земле, которую видно при благоприятных погодных условиях. Сами чукчи никогда там не бывали, но каждые несколько лет в ясные, погожие дни, когда туманы рассеивались и арктический свет преломлялся удачным образом, из моря, как во сне, поднималась гористая земля. Чукчи называли ее Невидимой Землей и рассказывали легенды о пропавшем народе, который ее населял. Они

также видели стада диких оленей, которые во время сезонной миграции уходили по льду на север, возможно именно на эту землю. В этом же направлении летели стаи гусей и морских птиц. Похоже, животным было известно что-то такое, о чем не знал человек.

Заинтересовавшись, барон Врангель попробовал подплыть к мифической земле, однако лед не позволил ему взглянуть на нее даже издалека. Около тридцати лет спустя капитану английского судна, отправленного на поиски пропавшей экспедиции сэра Джона Франклина, показалось, что он заметил в отдалении большой арктический остров. Позднее о нем сообщали капитаны многих китобойных судов, хотя их заявления и оспаривались. Немецкий китобой Эдуард Дальман даже утверждал, что в 1866 году ненадолго высаживался на этот остров.

Там точно что-то было – в этом Петерман не сомневался. Он полагал, что эта земля (судя по рассказам северных китобоев и старинным сообщениям русских путешественников) была окружена открытой водой. «Всем известно, – писал он, – что к северу от сибирского побережья на относительно небольшом расстоянии от него находится судоходное в любое время года море».

Теперь Петерман точно уверился: Беннетт и Делонг должны использовать это открытое море и взять курс на Землю Врангеля. Какой вклад в науку внесет долгожданное исследование этой земли! По дороге к полюсу, сказал Петерман, экспедиция Беннетта должна попытаться высадиться на Землю Врангеля, обследовать ее и объявить собственностью Соединенных Штатов.

Петерман придерживался необычной теории относительно Земли Врангеля: он полагал, что это продолжение северной Гренландии – что Гренландия простирается сквозь Арктику, представляя собой большой трансполярный континент. Петерман выпустил достаточно нелепую карту, на которой изобразил этот мнимый материк и назвал его Трансполярией. Гренландия вытянулась в северном направлении в сторону неизведанной Арктики и превратилась в длинный хобот, проходящий более тысячи миль через полюс и оканчивающийся Землей Врангеля. Этот несуразно длинный и узкий полуостров, оба берега которого омывали воды свободного ото льдов открытого полярного моря, – этот слоновий хобот гипотетической земли – на

карте выглядел просто абсурдно. Но Петерман упрямо стоял на своем и рьяно доказывал существование выдуманной им нелепости.

Идея Петермана состояла в том, чтобы группа Беннетта добралась до берегов Земли Врангеля и выяснила, куда они ведут. При необходимости там можно было перезимовать, охотясь на оленей и других животных, которые там обитали. Землю Врангеля можно было использовать в качестве своеобразной лестницы для достижения конечной цели. Добравшись до открытого полярного моря, они могли на корабле достичь полюса. Если же к морю выйти не удастся, они могли продолжить путь на собачьих упряжках и малых судах. В любом случае эта экспедиция не могла не внести существенный вклад в науку, подтвердив или опровергнув гипотезу Трансполярии. В ходе экспедиции исследователи должны были достичь северных рубежей, где еще не ступала нога человека.

Петерман настаивал, что это самый разумный план по достижению Северного полюса. «Возможно, я ошибаюсь, – сказал он репортеру «Геральд», – но опровергнуть мою теорию можно, только попробовав последовать ей. Я считаю, если одна дверь закрыта, стоит постучать в другую. Если один путь несет лишь поражения, стоит попробовать другой. Я не против любой экспедиции, которая предполагает честную работу в арктических регионах».

Но в то же время Петерман понимал, что плавание в Арктику чрезвычайно опасно. Он всегда подчеркивал это. «Великое дерзновение должно быть прекрасно спланировано, – написал он перед одной из немецких полярных экспедиций. – Такая задача под силу только великому человеку, великой личности. Если вы сомневаетесь в себе, отступитесь».

Петерман пообещал снабдить экспедицию Беннетта полным набором планов и карт Арктики и помочь исследователям любым другим доступным ему способом. Но за энтузиазмом по отношению к новому предприятию Беннетта скрывались печаль и некоторая покорность. Казалось, он скорбит – и в каком-то отношении это было правдой. Два года ранее одна из трех его дочерей умерла от неизвестной болезни, вызванной, как считается, «нервным перенапряжением».

Смерть дочери нарушила равновесие его существования. Он погрузился в тоску. В его генах была маниакальная депрессия:

несколько мужчин из его семьи – по имеющимся сведениям, включая его отца и брата, – покончили жизнь самоубийством. Петерман с женой Кларой были на грани разрыва. Он с головой ушел в работу, словно она была единственным, что у него осталось. Петерман иступленно цеплялся за свои арктические фантазии: он понимал, что экспедиция Беннетта может стать его последним шансом отстоять свои теории в глазах общественности. Он отчаянно хотел, чтобы Беннетту и Делонгу сопутствовала удача.

Вернувшись в Париж, Беннетт написал Делонгу пылкое письмо. «Я только что вернулся из спешной поездки в Готу, где встретился с доктором Петерманом. Не сомневаюсь, вы о нем наслышаны. Уверяю вас, проведенные с ним три часа полностью окупили мое изматывающее путешествие. Он сказал, что тридцать лет занимается изучением полярной проблемы и не сомневается, что полюса можно достичь».

Беннетт сообщил Делонгу, что идти надо через Берингов пролив – в этом Делонг был совершенно прав. «Петерман говорит, что можно обернуться за одно лето... если подобрать подходящее судно и найти капитана, имеющего опыт ледовой навигации».

В устах Петермана все это казалось таким заманчивым и таким простым, что Беннетт и сам почувствовал арктический зуд. Конечно, это было лишь мимолетным увлечением, но он теперь думал отправиться на полюс на собственном корабле. Должно быть, Делонг немало удивился, прочитав в конце его письма: «Я всерьез обдумываю возможность взять еще одно судно в дополнение к вашему и отправиться на нем по маршруту Петермана».

Глава 9

«Пандора»

С первой встречи Гордона Беннетта с Джорджем Делонгом желание издателя спонсировать экспедицию к Северному полюсу с каждым днем становилось все сильнее. В течение 1876-го и 1877 годов он тесно общался с Делонгом по почте и телеграфу, то и дело проверяя, не изменились ли стремления молодого офицера. «Он более чем когда-либо настроен все осуществить», – писал Делонг Эмме. Осенью 1876 года Беннетт убедил Делонга взять отпуск и приехать в Англию, чтобы найти подходящий корабль для плавания в Арктику. Само собой, Беннетт брал все расходы на себя.

Делонг обрадовался представившейся возможности. Он был озабочен инициативой офицера Управления кадров сухопутных войск США Генри Хаугейта, который выступил перед конгрессом с предложением основать в северной части Арктики американскую колонию, которая стала бы базой для полярных исследований. Мысль о том, что можно попытаться достичь Северного полюса по суше, а не по морю, беспокоила Делонга. При таком сценарии во главе исследований, скорее всего, встала бы армия, а не флот, а следовательно, Делонгу можно было забыть о лидирующей позиции. Ему ужасно хотелось найти подходящий корабль как можно скорее – ради самого себя и ради американского флота.

В декабре Делонг на пароходе отправился в Англию и обнаружил, что там полярные исследователи всюду обсуждают британскую арктическую экспедицию, которая недавно вернулась после безуспешной попытки покорения Северного полюса со стороны западного побережья Гренландии. Возглавляемая британским морским офицером Джорджем Нэрсом экспедиция установила новый рекорд северной широты, однако из-за цинги и ряда других проблем была вынуждена вернуться домой. Провал экспедиции Нэрса не на шутку озаботил Делонга, однако они с Беннеттом встретились в Сомерби-Холле, принадлежащем издателю классическом загородном имении в Линкольншире, и решили не прерывать свою миссию. Делонг приступил к работе. Он колесил по Англии в поисках подходящего

судна, посылая вперед своих агентов, которые втайне наводили справки в крупнейших портах страны. Три недели Делонг безостановочно путешествовал, позволяя себе немного вздремнуть и перекусить лишь в поездах. «Мой желудок уже не принимает чай, – жаловался он Эмме, – а из-за недостатка сна я стал чувствителен, как кошка».

Особенный интерес для него представляли шотландские порты. Учитывая, как хорошо в Шотландии был развит китовый и тюлений промысел, Делонг не сомневался, что найдет там «подходящее для борьбы со льдом» судно. Он бродил по докам Данди и Питерхеда и болтал с капитанами, порой пытаясь разговорить их порцией виски. Но он никак не мог найти ни одного судовладельца, который готов был одолжить свой укрепленный для плавания во льдах корабль. «Спрос на китовый ус невероятен, – с отвращением писал Делонг. – Все подходящие корабли весной и летом отправляются на китовый промысел».

Делонг решил посетить Гамбург и другие крупные европейские порты, но сперва остановился в Каусе, столице парусного спорта на острове Уайт в проливе Ла-Манш. Там он услышал о судне «Пандора», которое успешно вернулось из сложного плавания в Арктику – профинансировать это плавание помог Беннетт, а его корреспонденты были на борту и присылали репортажи в «Геральд». Делонгу сказали, что этот маленький корабль в настоящее время не используется и, возможно, даже выставлен на продажу. В «жуткий день», когда шторм обрушил на остров дождь со снегом, Делонг пришел в порт и не уходил оттуда, пока не нашел нужный корабль.

«Пандора» понравилась Делонгу с первого взгляда. Она показалась ему «аккуратным» судном. Этот трехмачтовый барк был также оборудован паровым двигателем, который приводил в движение винт. «Пандора» была 146 футов длиной и 25 шириной. При полной загрузке и оснастке ее осадка составляла 15 футов. На ней было 8 шлюпок, включая паровой катер и три вельбота^[3]. У нее был острый нос, усиленный для плаваний во льдах, и узкая скругленная корма. На «Пандоре» спокойно могли разместиться 30 человек – именно столько Делонг и собирался взять с собой в Арктику. Ее водоизмещение составляло 570 тонн.

Больше всего Делонга впечатлила славная история «Пандоры»: казалось, этому судну везде сопутствует удача. Построенная в английском Дэвенпорте, «Пандора» была спущена на воду в 1862 году и четыре года служила канонерской лодкой Королевского флота у берегов Африки, а затем перешла в частные руки. Когда с «Пандоры» сняли пушки, ее оснастили для плавания в Арктику, после чего она дважды ходила в Гренландию, где прекрасно зарекомендовала себя при плавании во льдах.

Делонгу понравилось, что «Пандора» раньше входила в состав Королевского флота. До этого момента большинство арктических экспедиций организовывалось Британским адмиралтейством. Делонг восхищался английскими успехами в этой сфере и, будучи офицером слабого флота, глубоко почитал нацию, которая давно и безраздельно властвовала над морями. Ему было приятно, что он, американец, будет командовать бывшей канонерской лодкой Королевского флота в Северной Арктике – казалось, Британия через Атлантику передает эстафетную палочку более юному и страждущему кандидату, который с готовностью подхватывает ее исследовательскую инициативу.

С «Пандорой» возникла лишь одна проблема: она не продавалась. Ее владелец, состоятельный, но несколько эксцентричный путешественник Аллен Янг, обожал свое судно. Янг лично был капитаном «Пандоры» в обоих ее плаваниях к берегам Гренландии. Ему нравились силуэт небольшого корабля и его надежность; ему нравилось, как легко она «слушалась руля». «Пандора» стала ему вторым домом, и он лелеял множество воспоминаний о проведенных на борту днях.

Порой стиль его путешествий казался несколько странным. Однажды при плавании по морю Баффина Янг поймал живого белого медведя, приковал его к шканцам, напоил смесью хлороформа и опиума и попытался приручить и сделать талисманом корабля. (Некоторое время у него на борту также жила свинья.) За доблестную службу своей стране на борту «Пандоры» Янга недавно произвели в рыцари.

Сэр Аллен плывал вдоль восточных берегов Баффиновой Земли в надежде осуществить давнюю мечту Британского адмиралтейства и найти Северо-Западный проход к Берингову проливу вдоль северного

берега Канады. Толстые льды вполне ожидаемо помешали ему, как помешали и всем предыдущим экспедициям, нацеленным на поиски Северо-Западного прохода. Но «Пандора» показала себя с лучшей стороны, даже оказавшись затертой во льдах. В какой-то момент судно, по словам Янга, «безнадежно застряло». Он слышал, как скрипят и стонут корабельные балки. Давление стало таким сильным, что команде пришлось подрывать лед с помощью пороха, однако «льдины по-прежнему напирали на наш несчастный корабль. Мы приготовились покинуть «Пандору», если она все же не выдержит ледового натиска. Мне казалось, что она попала в ледяную ловушку, выбраться из которой ей уже не суждено».

Эксцентричный путешественник Аллен Янг обожал свое судно. «Пандора» стала ему вторым домом, и он лелеял множество воспоминаний о проведенных на борту днях. Но лишь до поры до времени...

Но «Пандора» выстояла. Позже Янг обнаружил, что, несмотря на «ожесточенность схватки со льдом», самым серьезным из повреждений стала погнутая лопасть винта. Казалось, у этого маленького судна был собственный ангел-хранитель. «Мы все были здоровы, – гордо заявил Янг секретарю адмиралтейства. – Плавание прошло совершенно безопасно и комфортно».

Во время гренландских приключений Янг стал неразлучен со своим судном. Хоть Делонг и предлагал ему немаленькую сумму, сэр Аллен отказывался продавать «Пандору». Строго говоря, она была ему не нужна, но он хотел из сентиментальности оставить ее себе.

Но лишь до поры до времени. Год спустя, поддавшись импульсу, Янг решил все же продать «Пандору» и незамедлительно связался с Беннеттом. Беннетт приехал из Парижа и купил судно за 6000 долларов. Аллен вскоре пожалел о своем поспешном решении и снова связался с Беннеттом в надежде выкупить «Пандору» обратно. Но Беннетт не поддавался на уговоры.

Целый год Делонг читал об Арктике, не оставляя своей службы в Нью-Йорке, но вернулся в Англию, как только смог взять более продолжительный отпуск, чтобы руководить очисткой и переоснащением «Пандоры». На этот раз он взял Эмму и их пятилетнюю дочь Сильвию с собой. Они сняли комнату в скромном отеле в лондонском Вест-Энде по адресу Нью-Кавендиш-стрит, 15. Почти четыре месяца весной и летом 1878 года Делонг каждый день спускался к Темзе, где «Пандора» стояла в сухом доке на верфях Уолкера в Детфорде. Ему не хотелось пропустить ни единой детали переоснащения судна. «Малейшее упущение, – писал он, – может, в конце концов, стоить нам успеха экспедиции». Чтобы улучшить корабль, Беннетт принес в жертву некоторые детали и крепления его собственной яхты «Неустрашимая». По словам Эммы, Делонг «неусыпно следил за подготовкой «Пандоры» – да и она сама «закружилась в водовороте» суеты, когда началась разработка планов экспедиции.

В конце весны последовала череда званых ужинов и собраний, которые Делонгам казались очень долгими проводами. Делонг считал себя новичком в сфере арктических исследований, но в последние недели в Лондоне к нему относились как к крайне важной персоне. Он посетил Королевское географическое общество и встретился со множеством британских ученых и путешественников. Ветераны-полярники засыпали его просьбами присоединиться к экспедиции. Родственник величайшего английского арктического мученика сэра Джона Франклина устроил праздник в честь предстоящего плавания Делонга, во время которого Делонг пообещал при случае попробовать разузнать о судьбе давно пропавшего путешественника и его огромной экспедиции (от которой не было вестей уже тридцать три года). Сэр Аллен Янг тоже пригласил к себе Делонга и пожертвовал «Пандоре» существенную часть своей арктической библиотеки и карт.

Об экспедиции так много говорили, что даже маленькая Сильвия почувствовала приближение чего-то важного, хоть и не понимала, в чем именно дело.

«Куда папа собирается?» – в какой-то момент спросила она.

«На Северный полюс», – ответила Эмма, но Сильвия лишь пожалала плечами, решив, что это шутка. Разве папа мог отправиться в какое-нибудь сказочное место вроде центра Земли или поверхности Луны?

Лондонская «Таймс» обратила внимание на активность возле Темзы. «На верфях Уолкера переоснащают «Пандору», – объявила газета, – и можно сказать, что это совершенно новое судно. Вскоре она будет готова к выходу в море».

Делонг и Беннетт решили, что продолжить работы над «Пандорой» стоит в Гавре, где она простоит в доках еще месяц, будет официально переименована и занесена в американский реестр. Беннетт вернулся в Париж и принялся искать для судна новое имя, не обремененное зловещей мифической историей. Он полагал, что не сможет без зазрения совести отправить целую команду моряков в Арктику на корабле, названном в честь греческой истории о ящике, содержащем все беды и несчастья мира.

Делонг решил сам привести «Пандору» из Англии во Францию, а затем вокруг Южной Америки в Сан-Франциско, где на верфях американского флота закончат ее приготовления к плаванию. Эмма и Сильвия отправятся в Калифорнию вместе с ним и небольшой командой на борту «Пандоры». В середине следующего лета наконец начнется экспедиция, «Пандора» отправится к Берингову проливу и Северному полюсу.

Прекрасным солнечным утром в конце июня «Пандора» отошла от пристани в центре Лондона, куда ненадолго заходила за провиантом, и отправилась вниз по Темзе. Вестминстерское аббатство и собор Святого Павла быстро скрылись за горизонтом. В приподнятом настроении Джордж и Эмма отправились в город ее юности, город их встречи и город их свадьбы – французский Гавр.

Глава 10

Три года – или никогда

Стояла чудесная погода, и Джеймс Гордон Беннетт ходил по своему кораблю, изучая все его линии. «Пандора» была не такой юркой, быстрой и крупной, как несколько других его яхт, и вовсе не такой красивой. Но она казалась ему весьма «крепкой» и уже доказала свою надежность в нескольких ледовых одиссеях. Работа над ней была еще не окончена. И все же Беннетт, полагавший, что может заметить все недостатки в ходе поверхностной инспекции, не сомневался, что его новое приобретение уже почти готово к путешествию на север. Можно только гадать, что он увидел в этой крепкой яхте, но одно ему было ясно: ее плавание станет сенсацией.

Было 4 июля 1878 года. «Пандора» стояла на пристани возле мола в Гавре, точно там же, где стоял шлюп «Шенандоа» в тот вечер, когда Джордж и Эмма Делонг поженились у него на борту. «Пандора» доживала свой последний день – после обеда ей должны были официально присвоить новое имя.

Беннетт решил назвать ее «Жаннеттой» в честь своей сестры. Он купил все места в следующем из Парижа поезде и привез на церемонию обычный набор великосветских скитальцев и спортсменов, а также несколько репортеров «Геральд» для освещения событий. Его сестра Жаннетта тоже приехала в Гавр, а сопровождал ее – насколько это позволяли викторианские протоколы ухаживаний – ее поклонник Айзек Белл, богатый нью-йоркский торговец хлопком и инвестиционный магнат.

Однако самым знаменитым гостем мероприятия стал Генри Стэнли, американец валлийского происхождения, который, будучи корреспондентом «Геральд», пробирался по африканским джунглям в поисках Давида Ливингстона и стал еще известнее после публикации книги «Как я нашел Ливингстона» об этих приключениях.

Все встретились за обедом в прибрежном отеле и казино «Фраскати». На этом роскошном курорте в северной части Нормандии нежились богатые парижане, стремившиеся сбежать от летней городской жары. На пляже бриз колыхал полосатые парусиновые

навесы купальных кабин. Крепкие культуристы в пляжных трико окунались в холодные воды Атлантики, пока дети строили песчаные замки, а женщины в пышных шароварах дремали под зонтиками (купаться на публике в те годы для слабого пола считалось непристойным).

В приемном зале «Фраскати» Беннетт сидел за одним концом длинного банкетного стола, а Делонг – за другим. Издатель слушал один тост за другим и внимал всем поздравлениям, оценивая взирая на публику. Алкоголь постепенно давал о себе знать: аккуратно подстриженные усы Беннетта подрагивали, а на губах играла озорная улыбка.

Но он ничего не делал и ничего не говорил. Казалось, он наблюдает за праздником издалека. Как ни странно, в больших компаниях Беннетт терялся и не любил оказываться в центре внимания, даже когда заслуживал этого по праву. Он напоминал безразличного часовщика, который предпочитает запускать механизм в действие, а затем сидеть в стороне и наблюдать за результатами своего труда.

Делонг и Стэнли сидели рядом и «за обедом ни на минуту не прерывали разговора», как вспоминала Эмма. Делонг весьма отличался от эпатажного, самовлюбленного и несколько безрассудного путешественника, однако у них со Стэнли все же было много общего и им было, о чем поговорить. Полюса земли и сердце Африки – так называемые полярные и тропические пояса – оставались великими географическими загадками, и смелые исследования обоих путешественников спонсировал один и тот же любопытный покровитель.

У Стэнли было то, чего отчаянно желал Делонг: он добился славы, которая приходит после значительного достижения, дополненного литературным успехом. Делонг очень хотел написать книгу о своей арктической одиссее. Но Стэнли полусуто заявил, что экспедицию, в конце концов, опишет он. Именно новостей о таком приключении и жаждал снова Беннетт, стремясь повторить выход Стэнли на бис.

«Видите ли, Делонг, – сказал Стэнли, – я собираюсь написать второй том книги «Как я нашел Ливингстона». Он будет называться «Как я нашел Делонга!»»

После обеда все гости отправились в порт, где стояла «Пандора». Был теплый, подернутый дымкой день. На Сильвии была надета соломенная шляпка, на завязках которой от руки было написано «Жаннетта». Девочка бегала по пристани, ела абрикосы и невинно играла в тех же местах, где выросла ее мать. Пока гости собирались на берегу, Жаннетта Беннетт ненадолго отошла в сторону вместе с Айзеком Беллом. «Влюбленные, – заметила Эмма, – были очень увлечены друг другом», – и вернулась к началу церемонии.

Морским богам переименование «Пандоры» могло показаться неоднозначным. Ее мифологическое имя и так было достаточно тяжелым, а среди моряков к тому же господствовало суеверие, что менять название корабля ни при каких условиях нельзя. Одни утверждали, что это оскорбляет душу судна, а другие просто считали это ненужным испытанием судьбы.

Но Гордон Беннетт привык не считаться с обычаями. У него самого было достаточно морских суеверий, странных капризов и причуд, но этот к ним не относился: Беннетт хотел назвать корабль на собственное усмотрение.

Честно говоря, имя «Жаннетта» вряд ли подходило для арктического ледокола, но такова была мода того времени. Корабли (даже обреченные на суровую службу) называли в честь жен, матерей, племянниц и тетушек – словно бы имя любимой женщины, какой бы легкомысленной, глупой или величественной она ни была, могло смягчить все будущие невзгоды.

Скорее всего, Беннетт выбрал имя Жаннетты, потому что его терзало чувство вины. Навсегда покинув Нью-Йорк и обосновавшись в Париже, он почти не виделся с сестрой. Он оплачивал ее счета, но этим и ограничивалось его исполнение последней отцовской просьбы присматривать за благополучием Жаннетты. Сама Жаннетта не очень любила корабли и никогда не просила брата назвать судно в ее честь. И все же она послушно приплыла на пароходе из Америки и на поезде приехала из Парижа, чтобы почтить церемонию своим присутствием.

Делонг помог Жаннетте подняться на нос корабля. Достали бутылку лучшего шампанского. Само собой, на это Беннетт не поспешил. Как только перерезали ленточку, Жаннетта, кокетливо улыбаясь, разбила бутылку о свежеекрашенный корпус.

«Пандора» стала «Жаннеттой». Особым указом конгресса, который сумели провести представители Беннетта в Вашингтоне, ее зачислили в американский реестр, чтобы впоследствии объявить судном ВМС. На ее мачте гордо развевался американский флаг.

Генри Стэнли сделал шаг вперед и предложил тост, а затем призвал Делонга сказать несколько слов. «Я бы предпочел промолчать, – признался Делонг. – У вас, мистер Стэнли, есть полное право говорить, ведь вы уже справились со своей задачей. Мне лишь предстоит исполнить мою». Как всегда, Делонг не хотел давать никаких обещаний «достичь чуда. Нам предстоит тяжелая, лишенная романтики работа. Возможно, мы вернемся через три года, а возможно, не вернемся никогда».

Беннетт, как обычно, наблюдал за церемонией со стороны. Он оставался «на заднем плане, – писала Эмма, – и его невозможно было заставить выйти вперед и принять участие в праздновании». Быть может, мыслями издатель уже был далеко – на следующий день он собирался отплыть в Нью-Йорк, чтобы в очередной раз без предупреждения нагрязнеть с проверкой в офис «Геральд».

По окончании церемонии гости вернулись из порта в отель «Фраскати», где весь вечер поднимали тосты и потягивали бренди в голубоватых облаках сигарного дыма. После этого Беннетт и все приглашенные вернулись к своим делам, оставив Делонга одного планировать и организовывать свое плавание. Жаннетта вместе с Айзеком Беллом поспешила обратно в Нью-Йорк. Через несколько месяцев они поженились и вскоре начали строительство одного из элегантных «коттеджей» в Ньюпорте. Стэнли снова отправился в Африку и продолжил свои путешествия, которые и прославили, и демонизировали его – его опасные приключения отчасти вдохновили Джозефа Конрада на создание романа «Сердце тьмы».

Корабли называли в честь жен, матерей, племянниц и тетушек – словно бы имя любимой женщины могло смягчить все будущие невзгоды.

Беннетт пожелал Делонгу счастливого пути и сказал, что встретится с ним на погрузке «Жаннетты» в Сан-Франциско. Когда Делонг сообщил, что Эмма отправится в Калифорнию вместе с ним и преодолеет на борту корабля все 18 000 миль от Гавра, Беннетт был весьма поражен. Делонгу показалось, что он несколько сожалеет о своей холостяцкой жизни. «Должно быть, ваша жена вас очень ценит, – сказал Беннетт. – Ради меня на такое не пошла бы ни одна женщина».

Беннетт снабдил Делонга тремя членами команды: если все пройдет хорошо, они готовы были и присоединиться к экспедиции на Северный полюс. Двое из них, Альфред Суитман и Джон Коул, много лет служили на яхтах Беннетта. Долговязый британец Суитман был плотником и механиком, весьма ответственным и пугающе точным. Он сказал Делонгу, что его возраст составляет «38 5/6 лет». Живой ирландец Коул был боцманом. Немногим выше полутора метров ростом, он с ловкостью обезьяны умел карабкаться по такелажу. Коул, которого все называли Джеком, ходил в море с тринадцати лет. «Коул станет одним из лучших ваших матросов, – сказал Беннетт Делонгу. – В минуту опасности такой человек на вес золота».

На должность штурмана Беннетт предложил странноватого, но прозорливого моряка по фамилии Даненхауэр. Мастеру Джону Уилсону Даненхауэру было 29 лет. Он родился в Чикаго, окончил Военно-морскую академию и имел прекрасные рекомендации от самого бывшего президента США Улисса Гранта, который познакомился с Даненхауэром во время недавнего плавания по Средиземному морю на судне «Вандалия». Даненхауэр был высоким, статным мужчиной приятной наружности, с изящными тонкими руками, аккуратно подстриженной бородой и копной стоявших торчком темных волос. Его лицо светилось интеллектом, а большие, лопатообразные уши и пронзительный взгляд темных глаз оставляли впечатление, что от этого человека ничего не ускользает. Даненхауэр давно лелеял надежду достичь полюса. Он сказал Делонгу, что «всем сердцем» хочет отправиться в Арктику.

Делонгу он сразу понравился. Даненхауэр был блестящим собеседником и имел хорошее чувство юмора. Он читал много книг по астрономии, магнитным явлениям, физике и истории арктических исследований. Его познания в навигации казались безупречными.

Среди прочего он некоторое время служил в Военно-морской обсерватории США в Вашингтоне. И все же было в нем что-то такое, что настораживало Делонга. Однажды в Гавре американский офицер рассказал ему, что ходят слухи, будто у Даненхауэра когда-то были «проблемы с головой», из-за которых его объявили сумасшедшим. Когда Делонг поделился с Беннеттом этим тревожным известием, тот лишь мрачно ответил: «Если что-то и может свести человека с ума, так это арктический холод».

Несмотря на это, Делонг решил нанять Даненхауэра штурманом на период плавания вокруг Южной Америки и сделать это путешествие своего рода испытательным сроком. Делонг полагал, что, если Даненхауэр до сих пор страдает от «расстройства» разума, долгое плавание в Сан-Франциско точно вскрыет «все скрытые эффекты его старых проблем».

Беннетт согласился с этим планом. Единственная его прощальная просьба оказалась, как всегда, довольно странной: после отплытия «Жаннетты» из Гавра никому не разрешалось ни на секунду ее покидать до самого прибытия в Сан-Франциско. Хотя плавание могло занять более двухсот дней, никто ни при каких обстоятельствах не имел права сходить на берег, пока «Жаннетта» не минует Золотые Ворота.

Беннетт не объяснил причин столь необычного приказа. Это был один из его капризов – и он, конечно же, ожидал беспрекословного повиновения.

«Жаннетта» должна была отплыть из Гавра 15 июля. Тем утром множество детских подруг Эммы пришло на пристань пожелать ей счастливого пути. С собой они принесли прощальные гостинцы – французские сыры и другие деликатесы. «Они удивились моей смелости», – вспоминала Эмма, попутно замечая, что большинство француженок «слишком любят свою родину, чтобы без колебаний покинуть ее».

На прощание подруги подарили ей несколько цветков в горшках, чтобы таким образом оживить ее каюту. Эмма поставила их вокруг бизань-мачты, которая насквозь пронзала ее каюту, и связала десяток глиняных горшков веревками. Погруженная в зелень, ее каюта превратилась в небольшой островок тропических джунглей.

Первые недели путешествия оказались легкими. Держа курс на юго-запад, «Жаннетта» обогнула Португалию и Марокко, а затем миновала Канарские острова и вышла в открытый Атлантический океан. Погода стояла хорошая, море было спокойно, а ветер так благоприятствовал судну, что Делонгу ни разу не приходилось заводить паровой двигатель. «Когда мы шли под парусом, – вспоминала Эмма, – не было ни тряски, ни шума, лишь по оба борта тихонько плескалась вода». Стюард Сэмюэль, рожденный в Швейцарии, актер с безупречной дикцией, колдуя на камбузе, пел прекрасные арии. Как выяснилось, он целый сезон провел в труппе нью-йоркской Метрополитен-оперы.

Эмме и Джорджу ни разу не выпадало такого долгого периода совместного счастья. Они много читали, выбирая книги из великолепной библиотеки «Жаннетты», где были собраны все опубликованные работы о полярных путешествиях. Многие старые книги пожертвовал сэр Аллен Янг, а Беннетт передал «Жаннетте» всю свою библиотеку арктической литературы. Делонг также собрал впечатляющую коллекцию планов и карт, включая все известные карты мира севернее 65-й параллели. Многие из них были отпечатаны в географическом институте Петермана в Готе.

«Мы с головой ушли в изучение Арктики, – писала Эмма, – и лежащей перед нами великой цели». Даненхауэр часто присоединялся к ним в штурманской рубке, и тогда начиналось живое обсуждение лучшего маршрута через Берингово море, вероятных ветров и арктических течений. Они гадали и что случится, когда они достигнут Земли Врангеля. Погружаясь в эти разговоры, Эмма начала понимать, «как могущественна наука и как всепоглощающе пристрастие к ней».

Порой Джордж поднимал Эмму из кресла, и они рука об руку прогуливались по палубе, разговаривая в соленом тумане. Сильвия резвилась рядом. «Хотя нам с Сильвией предстояла долгая разлука с мужем и отцом, – писала Эмма, – мы не позволяли себе ни слова – даже ни единой мысли – сожаления и упрека».

Глава 11

Посвящение

Пятнадцатого июля, в тот же день, когда «Жаннетта» вышла из Гавра, в газете «Нью-Йорк геральд» была по случаю опубликована длинная статья об Августе Петермане. Под заголовком «Неизвестный мир Арктики: интервью с видным немецким профессором, доктором Августом Петерманом» и корреспондент газеты, и сам Петерман предвкушали открытия «Жаннетты» на далеком севере. К этому моменту Петерман стал путеводной звездой экспедиции – ее главным теоретиком, серым кардиналом. Хотя ни Делонг, ни Беннетт не считали слово Петермана нерушимой истиной, идеи профессора сформировали научную и интеллектуальную базу всего предприятия. Петерман передал Беннетту свои лучшие арктические карты и планы. Довольно любопытно, что ученый из Готы возлагал надежды на успех экспедиции, чтобы подтвердить свои гипотезы об Арктике.

В связи с этим Беннетт считал полезным привлечь внимание к тому, что Петерман одобряет грядущую экспедицию, и отправил берлинского корреспондента «Геральд» провести день с «прогрессивным и полным энтузиазма ученым из Готы». Был теплый летний день, в Готе работала ярмарка, и город гудел. Фермеры продавали вишню и свежую свинину, по тенистым улочкам прогуливались влюбленные. «На улице резвились белобрысые дети, – писал корреспондент «Геральд», – пивные были полны народа в удивительных национальных костюмах; все пили пиво и ели сыр».

Петерман пригласил корреспондента к себе на виллу и начал беседу с комплимента работодателю его интервьюера. «Я очень рад, что мистер Беннетт предложил организовать полярную экспедицию, – сказал он. – Насколько я знаю, «Жаннетта» идеально подходит для этого плавания». Петерман придерживался своей теории открытого полярного моря. «Центральная область полярного региона более или менее свободна ото льда», – сказал он, но подчеркнул, что она, вероятно, «судоходна не в любое время года, как Средиземное море или Мексиканский залив». И все же он добавил: «Я убежден, что для судна вроде «Жаннетты» она вполне проходима».

Петерман романтизировал корабли и не считал, что к Северному полюсу следует ехать на санях. По его мнению, хотя собачья упряжка и могла послужить «полезным дополнением», ее не стоило считать «необходимым элементом экспедиции». «Успеха в Арктике добьются не собаки, а человек. Я выступаю за морской путь. Нужно хорошее судно с паровым двигателем. Я восхищаюсь людьми, которые приводят свои суда домой».

Ученый из Готы был взволнован возможностью обнаружения человеческой цивилизации на Северном полюсе. «Меня ничуть не удивит, – признался он, – если эскимосов обнаружат прямо под полюсом. Это не так уж маловероятно».

Что касается погоды и санитарных условий, Петерман предполагал, что плавание «Жаннетты» окажется на удивление легким. «Что же до санитарных условий, арктические регионы в сто раз благоприятнее джунглей Конго, по которым путешествовал Стэнли», – заявил он. Петерман считал, что лишения могут потрепать нервы команде, но погода в Арктике на самом деле не так сурова, как кажется многим. «Холод вполне выносим, – сказал он. – Но долгая ночь сказывается на теле и духе».

«Значит, – спросил корреспондент «Геральд», – вы не сомневаетесь, что полюс будет обнаружен?»

«Это столь же очевидно, как и то, что мы нашли исток Конго, – ответил Петерман. – Надеюсь, полюс обнаружит экспедиция мистера Беннетта».

На этом интервью для «Геральд» было окончено. «Эти слова, – написал в заключение корреспондент, – стали своего рода благословением. Доктор произнес их, пока мы шли через сад от его дома к воротам. Вечерние тени постепенно сгущались, на старый город опускалась ночь. Казалось, Гота убаюкивает себя и погружается в сон».

Хотя Петерман в тот день отлично держался, в душе он ужасно страдал. Два года мучившая его маниакальная депрессия усилилась. Несколькими месяцами ранее, в мае 1878 года, он развелся со своей женой Кларой и через несколько дней, поддавшись порыву, женился на немке Тони Пфистер из Бернбурга. Его друзья и знакомые сочли этот поступок настоящим безумием, ведь он едва знал эту женщину, и через

несколько недель стало очевидно, что новый брак долго не продержится.

Петерман страдал, страдала и его жена. Он скучал по привычной жизни с Кларой и их дочерьми, которые вернулись в Англию. «Его терзали муки совести, – писал один из его ранних биографов. – С каждым днем его меланхолия становилась все сильнее».

Нервы Петермана сдавали. Он не спал, не ел, не мог сосредоточиться. Он потерял волю к жизни. Он больше не играл на пианино и не следил за международными новостями в газетах. Казалось, даже работа перестала его радовать. Берлин начал затмевать Готу в качестве нового центра картографии, публикации карт и исследовательских дебатов. Петерман чувствовал, что сдает позиции, что теряет свое господствующее положение в отрасли.

25 сентября 1878 года его обнаружили повесившимся на собственной вилле. Очевидно, он давно планировал самоубийство, поскольку оставил записку, датированную тремя неделями ранее. В последние месяцы жизни он оставил своим друзьям много странных намеков, которые в ретроспективе оказались весьма пугающими.

Получив известие о гибели мужа, Клара из Лондона написала другу семьи: «Я часто думаю, как обстоят дела на вилле Петермана. Боже, все это кажется мне страшным сном». Ее постигла «ужасная судьба», но Клара все еще считала себя «его несчастной женой, которую он так сильно недооценил».

Петермана с почестями похоронили в тенистом парке на окраине Готы. Весь мир признал его своего рода мучеником от картографии. Нет никаких свидетельств, что в последние часы он размышлял об Арктике. У него на столе лежала недописанная статья о некоторых аспектах исследования Африки. И все же, даже затягивая петлю, он понимал, что судно, способное осуществить его сокровенные мечты, было на пути к Сан-Франциско, а оттуда – к полюсу.

Интервью газете «Нью-Йорк геральд» стало последним публичным выступлением Петермана.

Глава 12

Вторые шансы

Когда «Жаннетта» достигла экватора, море стало маслянисто спокойным. В его водах кишели мурены, черепахи и дельфины. Однажды утром на борт залетело несколько летучих рыб. «Как раз вовремя, – сказала Эмма, – чтобы подать их на завтрак».

В нескольких сотнях миль от берега Бразилии «Жаннетта» попала в сильный тропический шторм. В разгар бедствия, когда волны захлестывали на борт, оторвался грот-гик «Жаннетты». Огромный грот трепыхался на ветру, судно едва не переворачивалось. Делонгу и Даненхауэру, в конце концов, удалось закрепить оторвавшийся гик, но шторм бушевал всю ночь, из-за чего в каютах плескалась вода.

Эмма лежала на койке, крепко прижимая к себе маленькую Сильвию и ожидая «быстрой и легкой смерти». Корабль качало на волнах, и подаренные Эмме горшки с цветами один за другим падали на пол. В кромешной темноте она слышала, как «горшки по очереди ныряют в воду». На следующее утро, осматривая разрушения, Эмма поняла, что все переломанные цветы и расколотые горшки придется «предать океану».

Угрюмый плотник Альфред Суитман на скорую руку сделал из запасной балки новый грот-гик, и «Жаннетта» поплыла дальше. Чуть позже на палубу сели две певчие птицы, которых, похоже, потрепало штормом. Должно быть, эти небольшие птицы прилетели из Бразилии – никто на борту не смог определить их вид. Одна из них уселась прямо на короткие и жесткие волосы Даненхауэра. «Наверное, она решила, что это куст!» – рассмеялась Эмма. Измотанные, побитые штормом, птицы явно пролетели не одну сотню миль.

Две «маленькие гости» стали талисманами корабля и сразу всем полюбились. Их появление казалось всей команде знаком судьбы. Эмма забрала их к себе в каюту и попыталась вылечить: она давала им зерно, хлеб и старый сыр, но птицы не притрагивались к еде. Одна из них скоро умерла, вероятно от голода и усталости. Стюарт Сэмюэль сочинил стихотворение о ее «печальной судьбе». После торжественной

церемонии он вложил стихи и мертвую птицу в бутылку и выкинул бутылку в море.

Другая птица, кажется, пошла на поправку. Но через несколько дней дверь в каюту Эммы случайно распахнулась, и птица вылетела наружу. Команда высыпала на палубу и попыталась ее поймать, но птица взмыла в воздух и улетела в море. «Она трижды пыталась вернуться на борт, и нам казалось, что у нее получится, – писала Эмма. – Но скоро силы покинули ее, она упала в воду и утонула, что немало опечалило всех нас».

Когда «Жаннетта» подходила к южной оконечности Аргентины и проплывала возле Огненной Земли, мастер Даненхауэр отозвал Делонга в сторону и сказал, что должен кое в чем признаться.

Даненхауэр сообщил, что однажды страдал от приступа «меланхолии». Он случился тремя годами ранее, когда он проплывал на судне «Портсмут» возле Гавайев. Даненхауэр не знал наверняка, что вызвало его депрессию, но в то время у него были «проблемы дома» в Вашингтоне. В ходе шестимесячного плавания он заходил в разные порты, но так и не получил ожидаемого важного письма. Делонг решил, что речь идет о сердечных делах: Даненхауэр казался ему человеком, который, как и он сам, был не лишен романтики.

Как бы то ни было, меланхолия Даненхауэра усиливалась с каждым часом. Корабельный врач выписал ему больничный. Улучшения не наступило, и, в конце концов, его отправили обратно в Вашингтон, где он согласился обратиться за медицинской помощью в Государственную больницу для безумных.

Даненхауэр полагал, что его не будут изолировать. Однако стоило ему переступить больничный порог, как его стали считать ненормальным: его изолировали ото всех, на его жалобы не обращали внимания, его письма во внешний мир выкидывали. Он пытался сбежать, но его схватили и бросили в камеру с мягкими стенами. Возможно, он томился бы там до сих пор, если бы его живущие в Вашингтоне родители не были лично знакомы с министром ВМС, который, узнав о госпитализации Даненхауэра, добился его немедленной выписки.

«Я решил, что вы должны знать правду, – сказал Даненхауэр Делонгу. – Уверен, я здоров, как и любой другой флотский офицер. Я

ни на секунду не терял рассудка».

Капитану Делонгу нужно было серьезно обдумать слова Даненхауэра, но он оценил откровенность штурмана и тот факт, что Даненхауэр рассказал обо всем по доброй воле. «Я поверил ему», – написал Делонг. Так как проблемы у Даненхауэра возникли тремя годами ранее и с тех пор, очевидно, более не давали о себе знать, Делонг решил более не сомневаться в своем штурмане. Он свято верил, что любой человек заслуживает второго шанса. К тому же у Даненхауэра были прекрасные рекомендации: если он справлялся с работой под командованием президента У. Гранта, он справится и на «Жаннетте».

Даненхауэр прекрасно проявлял себя в этом плавании и был весьма интересным собеседником. Он не выказывал никаких признаков депрессии. «Он жив и весел, – писал Делонг, – и очень внимателен к своей службе... он хороший матрос и превосходный штурман». Если в Сан-Франциско не выяснится ничего иного, Делонг решил взять Даненхауэра с собой на Северный полюс.

Через 80 дней с начала путешествия «Жаннетта» вошла в Магелланов пролив. Несколько недель Делонг и Даненхауэр маневрировали по опасным поперечным потокам, которые огибают сложное хитросплетение окутанных туманом островов, пока «Жаннетта» наконец не оказалась в бурлящем Тихом океане. Поднимаясь вдоль берега Чили, Делонг понимал, что нужно зайти в порт и починить наспех сделанный грот-гик, но приказ Беннетта не сходить на сушу не давал капитану покоя. К досаде Эммы, он решил идти на север без остановок. «Мы так давно не видели суши, – писала Эмма, – что мне с каждым днем все сложнее контролировать свое желание ступить на твердую землю».

В Южном полушарии стояла весна, но возле заснеженного кончика Южной Америки все еще было морозно. Джордж и Эмма много времени проводили возле дымящего открытого очага, читая в дрожащем свете пламени. Ветра дули так часто, что Сэмюэлю пришлось натянуть направляющие между камбузом и столовой, но даже тогда он часто спотыкался «и тарелки летели на палубу, из-за чего нам доставалось на одно блюдо меньше».

Немного севернее, у берега Чили, на «Жаннетту» неожиданно налетел шквалистый ветер. В Тихом океане «вздымались могучие» волны, и «Жаннетта», по свидетельству Эммы, «кренилась всякий раз, когда волна разбивалась о борт». В один ужасный миг корабль так накренился, что кромка правого борта коснулась воды. «Горизонт вдруг покачнулся, на нас обрушился новый порыв ветра. Нам не оставалось ничего иного, кроме как держаться и полагаться на корабль». «Жаннетта» набирала воду и, казалось, была на грани затопления.

В следующую минуту шквал прошел мимо, ветер утих, и «Жаннетта» восстановила равновесие. В столовой Сэмюэль подал всполошившейся команде кофе с орехами. Невозмутимый Делонг как ни в чем не бывало спустился с мостика. «Никто ни словом не обмолвился, – писала Эмма, – что мы чудом избежали гибели».

У берегов Перу и Эквадора погода улучшилась, и стало теплее. Эмма и Джордж почти все вечера проводили на палубе, наслаждаясь тропическим воздухом. Эмма писала, что ей не забыть те проведенные рядом с мужем октябрьские ночи: «сверкающие южные созвездия, легкий ход корабля и такой тихий свист стюарда, что мы боялись вздохнуть, чтобы не рассеять чары». Тихонько потрескивало дерево, стонали натянутые веревки, и ветер шелестел в оснастке. Джордж Делонг с женой никогда в жизни не были так счастливы. Много лет его пристрастие к морю оставалось для Эммы загадкой, препятствием к их близости. Теперь оно на время их свело.

«Жаннетта» прошла мимо Мексики и мимо Калифорнийского полуострова, а затем достигла изрезанного берега Калифорнии. Через два дня после Рождества «Жаннетта» вошла в Золотые Ворота. В ее угольной яме осталось единственное ведро угля.

Судно преодолело 18 000 миль от Гавра за 166 дней. Делонг счел, что «Жаннетта» великолепно показала себя, как и мастер Даненхауэр. Во исполнение странного каприза Беннетта никто ни разу не сошел на берег.

Глава 13

Американская арктическая экспедиция

Капитан Делонг изучал свой потрепанный погодой корабль в золотистых лучах калифорнийского солнца, проверяя каждый клапан, каждую деталь, каждый пояс обшивки его длинного корпуса. Он гадал, где скрываются ее слабости. Есть ли гнилые балки? Неплотные швы? Малейший недочет мог стоить жизни ему самому и всем тем, кто отправится с ним в Арктику. «Жаннетта» выдержала долгое путешествие – и прекрасно себя показала, – но Делонг понимал, что она не готова к грядущей встрече со льдами. Работы было еще много, а времени – мало. Чтобы «Жаннетта» выдержала давление пакового льда, ее нужно было укрепить так, как до этого не укрепляли ни одно идущее в Арктику судно.

Большую часть января 1879 года корабль провел на верфи Мар-Айленд возле Сан-Франциско, ожидая инспекции специально приглашенной комиссии флотских инженеров. Верфь Мар-Айленд была единственной военно-морской верфью на западном берегу США. Иногда там строили новые корабли, но в основном обслуживали и инспектировали суда Тихоокеанской эскадры. Комплекс литейных мастерских, трубных и механических цехов, домов, пилорам, дымовых труб и грузовых стрел окружал плавучий сухой док, устроенный на болотистом острове, где река Напа впадает в дальнюю часть залива Сан-Франциско.

Каждое утро колокольный звон возвещал о начале смены, и бригады ремесленников – плотников и кузнецов, жестянщиков и извозчиков, слесарей и маляров, конопатчиков и бондарей – приступали к своей шумной работе. Верфь Мар-Айленд была западным аванпостом зарождающейся американской мощи, прекрасно оснащенной ремонтной мастерской пока еще крошечного, но уже растущего флота, который медленно переходил от парусов к паровой тяге, от дерева к металлу. На крыше штаба была установлена покрытая медью статуя огромного белоголового орлана, который чуть нагнулся к воде, словно бы прощаясь с американскими кораблями, уходящими в далекие области Тихого океана.

Многие прекрасные суда – бриги, мониторы, корветы, шхуны и военные шлюпы – были спущены на воду на Мар-Айленде или проходили там полный ремонт. Но самым славным украшением верфи в XIX веке стал старый, построенный в Бостоне 54-пушечный фрегат «Независимость», который, согласно наблюдению одного историка флота, почти 70 лет был «столь же неотъемлемой частью порта Мар-Айленда, как и кричащие чайки».

В окружении стоящих возле верфи военных судов изящная «Жаннетта» казалась хрупкой и неприметной. Осмотрев ее, флотские инженеры вынесли неодобрительное заключение. По их мнению, чтобы «Жаннетта» могла выстоять в схватке со льдом, над ней нужно было еще немало поработать – и особенно над ее корпусом. Для них было загадкой, как эта яхта, еще будучи «Пандорой», вообще смогла пережить три плавания в Арктику.

Само собой, инженерам полагалось проявлять осторожность, и они понимали, что их рекомендации мало что изменят во флотской иерархии, тем более что все расходы покрывал Беннетт. И все же их оценка оказалась весьма радикальной: они постановили, что нужно полностью перестелить палубы, соорудить переборки, установить новые бойлеры, перестроить угольные ямы и усилить весь корпус дополнительным слоем обшивки. Они также посоветовали добавить немалое количество балок и креплений. Список необходимых ремонтных работ все рос и рос, в конце концов их оценочная стоимость достигла 50 000 долларов.

Делонг был поражен результатами экспертизы, хотя и понимал, что многие рекомендуемые работы действительно необходимы и в итоге пойдут на пользу ему и его команде. Советы инженеров пугали его. «Нужно остановить их, – писал он, – иначе они нас погубят». Несмотря на то что Беннетт никогда не отказывался оплатить счет, Делонг считал себя обязанным удостовериться, что инженеры не потребовали проведения ненужных работ, чтобы обмануть далекого – и весьма расточительного – издателя. «Я считаю ваши интересы своими, – написал Делонг Беннетту вскоре после прибытия в Калифорнию. – Я всеми силами стараюсь сократить расходы, как если бы мне самому пришлось оплачивать счета».

Все работы должны были провести на верфи Мар-Айленд, но Делонг понимал, что настоящие эксперты по части ремонта кораблей,

их оснащения, снабжения продовольствием и комплектации команды были сосредоточены в трех тысячах миль от Сан-Франциско – на восточном побережье США. Делонг хотел проконсультироваться с Военно-морским министерством, со Смитсоновским институтом, с Военно-морской академией и с лучшими американскими учеными и теоретиками Арктики, не говоря уже о представителях Беннетта в «Геральд». Смерть Августа Петермана в Готе, о которой Делонг узнал вскоре после прибытия в Сан-Франциско, оставила пустоту в душе экспедиции, и Делонг чувствовал, что эту пустоту нужно заполнить профессиональными оценками и авторитетными мнениями, которые можно было получить лишь на восточном побережье.

Но главное, Делонгу претило быть во власти политических сил, которым он не мог лично противостоять. Здесь, в Калифорнии, по его словам, ему «недоставало пушек, чтобы поднять шум». Полагая, что «полезнее всего» будет отправиться в Вашингтон, Делонг написал министру ВМС и получил разрешение на длительное путешествие на другой конец страны.

Следить за ежедневными работами на Мар-Айленде Делонг оставил мастера Джона Даненхауэра. После прибытия в Калифорнию его симпатия к Даненхауэру только возросла. Делонг посоветовал штурману запастись терпением и выдержкой для общения с инженерами, но при этом зорко следить за расходами. «Деньги часто расходуются по пустякам, – сказал Делонг Даненхауэру и велел ему внимательнее относиться к расходам Беннетта, чем к своим собственным. – Я оставляю вас за старшего и прошу вас приложить все усилия для исполнения моих желаний».

В первую неделю февраля Делонг вместе с Эммой и Сильвией в Окленде сел на поезд «Юнион Пасифик» и отправился в Вашингтон.

Поездка на восток заняла неделю, и в ходе нее Делонг начал обдумывать другой животрепещущий вопрос: кого взять с собой на полюс? Пока он с переменным успехом набрасывал список возможных участников экспедиции и в Вашингтоне надеялся большую часть времени посвятить беседам с кандидатами. Для плавания ему нужно было около тридцати человек – двадцать матросов с разными специальностями, пять флотских офицеров, ледовый лоцман, врач, пара гражданских ученых и один или два погонщика собак.

Зачем кому-либо вызываться добровольцем на такую рискованную и сложную миссию в Арктике? Эти молодые мужчины жаждали славы, которой их отцы добились на полях сражений Гражданской войны, и желали испытать свое мужество в опасном и авантюрном предприятии – если не на войне, то в какой-нибудь подобной ситуации.

Но зачем кому-либо – будь то офицер, матрос или ученый – вызываться добровольцем на такую рискованную и сложную миссию в Арктике? Отчасти ее притягательность объяснялась героическими стремлениями нового поколения: большинство кандидатов, как и сам Делонг, пропустили величайший конфликт в американской истории. Эти молодые мужчины жаждали славы, которой их отцы добились на полях сражений Гражданской войны, и желали испытать свое мужество в опасном и авантюрном предприятии – если не на войне, то в какой-нибудь подобной ситуации.

Несколько кандидатов уже бывали в Арктике и влюбились в ее странный свет, вопиющую пустынную и прекрасную инаковость. Их, как и Делонга, постигла полярная лихорадка, и они не могли не вернуться на север, хотя порой и сами были не в состоянии объяснить причины этого стремления.

Определенной притягательностью обладала и сама возможность принять участие в исследовательской экспедиции. Сложно преувеличить, какой значительной, блистательной и заманчивой казалась некоторой части американской публики миссия «Жаннетты». Добавьте к этому элемент национализма – стремление обогнать другие страны и первыми достичь полюса, – и плавание Делонга становилось невероятно притягательным для молодых людей определенного склада.

Делонг уже получил не одну сотню заявок из Америки и со всего света. Трясаясь в поезде, он набросал ответные письма самым перспективным кандидатам. Однако многие соискатели казались весьма подозрительными. Делонга заваливал письмами не по годам

развитой подросток, который уверял, что готов отправиться в Арктику даром, «издавать газету и долгими зимними вечерами устраивать всевозможные представления на потеху команде».

В идеале Делонг искал холостых мужчин в отличной физической форме – прекрасных матросов, которые очень мало пили и готовы были работать за флотское жалованье. Делонг ничего не имел против иностранцев, но они должны были уметь читать и писать по-английски. Среди всех он выделял скандинавов, но считал вполне подходящими англичан, шотландцев и ирландцев. Испанцам, итальянцам и особенно французам стоило «отказывать сразу же», как Делонг написал в своей заметке, что было довольно странно, учитывая, что его жена выросла во Франции, а сам он происходил из французских гугенотов. Он хотел, чтобы на борту был хороший музыкант, который сможет скрасить одинокие гиперборейские вечера. Кок должен был быть мастером своего дела и уметь импровизировать, так как ему придется готовить странную пищу.

Но главное – Делонг искал во всех абсолютной преданности флотской дисциплине, или, по его собственным словам, «безоговорочного подчинения любому приказу, каким бы он ни был». Этого качества страшно не хватало участникам миссии «Поляриса» и других арктических экспедиций.

Джон Даненхауэр станет штурманом «Жаннетты» – в этом Делонг не сомневался. Британский плотник Альфред Суитман и ирландский боцман Джек Коул так хорошо показали себя в плавании вокруг Южной Америки, что Делонг решил взять с собой и их. Швейцарский актер и оперный певец Сэмюэль, который в путешествии из Гавра стал для всех глотком свежего воздуха, в Арктику не собирался. Он больше не хотел работать корабельным стюардом и надеялся вернуться на нью-йоркскую сцену. Из-за этого Делонгу пришлось искать другого стюарда. Еще до отъезда из Сан-Франциско он начал поиски работников камбуза среди растущего китайского населения города. Даненхауэр вскоре должен был побеседовать с несколькими кандидатами из Чайна-тауна.

Делонг уже знал, кто займет место старшего офицера и первого помощника капитана – на эту должность он прочил своего старого друга лейтенанта Чарльза Уинанса Чиппа. Делонг не забыл доблестной

службы и мудрых советов Чиппа на борту «Малой Джуниаты». У Чиппа был огромный опыт: он более 10 лет служил во флоте и за это время ходил на шлюпах, фрегатах и канонерских лодках и бывал, казалось, везде – не только в Арктике, но и в Сиаме, на Кубе, в Норвегии, на острове Формоза, в Леванте, Корее и Северной Африке. Чипп родился и вырос в Кингстоне – историческом городе на берегу Гудзона примерно в 90 милях к северу от Манхэттена – и в 1868 году с отличием окончил Военно-морскую академию. Чипп был высок и строен, зачесывал назад редеющие темные волосы и носил густую бороду. У него были серьезные, глубоко посаженные глаза. Он отличался крайней немногословностью. «Он редко улыбается и очень мало говорит», – писал Делонг, но Чипп был «безгранично надежен и честен» и зарекомендовал себя как безупречный офицер. Беннетту пришлось послать лишь одну телеграмму в Военно-морское министерство, чтобы Чиппа, который в те дни служил в Китае, перевели на «Жаннетту». Пока Делонг ехал на поезде в Вашингтон, Чипп на пароходе плыл по Тихому океану в сторону Сан-Франциско.

Делонг также выбрал и другого флотского офицера: Джордж Мелвилл должен был стать судовым механиком «Жаннетты». Дальний родственник великого писателя, Мелвилл слыл настоящим гением по части машин – вечно измазанным в машинном масле мастером, который чувствовал себя как дома среди стучащих бойлеров и мощных струй пара. Ему было 38 лет, и он обладал громким голосом, крепким телосложением и огромной лысой головой, которая словно бы вылезала из кудрявой бороды, подобно слишком большому для своего гнезда яйцу. Он родился в Нью-Йорке и, как и сам Делонг, вырос в Бруклине. Мелвилл не чурался крепкого словца, но при этом не пил, не играл в азартные игры и был лишен большинства остальных пороков. Он успел зарекомендовать себя на верфях Нью-Йорка и Бостона, стал экспертом по торпедам и плавал на нескольких боевых кораблях, в том числе и вместе с Делонгом. В общей сложности Мелвилл провел во флоте более трети своей жизни. Будучи самоучкой, он прекрасно разбирался в минералогии, зоологии и многих других областях.

Многочисленные таланты Мелвилла так ценились во флоте, что начальство даже не хотело давать ему отпуск. Не хотела отпускать его и привыкшая к лишениям жена Гетти, которая с тремя детьми жила в небольшом пенсильванском городке Шерон-Хилл в окрестностях

Филадельфии. Гетти была красивой женщиной, но не могла справиться со своим пристрастием к алкоголю, имела ужасный характер и была психически нестабильна, что, вероятно, может объяснить стремление Мелвилла как можно чаще отправляться в долгие плавания, которые позволяли ему быть вдали от дома. «Над ним мрачной тучей висели тайны его домашней и семейной жизни», – вспоминал один из его знакомых. Подобно Делонгу, во время плавания к берегам Гренландии Мелвилл подхватил арктическую лихорадку и был твердо настроен однажды вернуться на север. Он много читал о «полярной проблеме» и имел собственные представления о способах ее решения. Делонг считал Мелвилла «прекрасным человеком и братом». Через месяц Мелвилл должен был прибыть в Сан-Франциско.

С особенным пристрастием Делонг выбирал и судового врача. Когда он навел справки, нашелся лишь один первоклассный флотский врач, который был готов и нацелен отправиться в Арктику – сверхштатный хирург-ассистент Джеймс Маркем Эмблер. Спокойному, симпатичному доктору Эмблеру был 31 год. Он происходил из знатной семьи (его отец тоже был врачом) и вырос в округе Фокир в штате Виргиния у подножия Голубого хребта, неподалеку от Вашингтона. Будучи подростком, он служил кавалеристом во время Гражданской войны, но в основном томился в убогом союзном лагере для военнопленных. Эмблер окончил Вашингтонский колледж (ныне Университет Вашингтона и Ли) и медицинский факультет Университета Мэриленда. Он три года практиковал медицину в Балтиморе, а затем в 1874 году поступил во флот.

Помимо прочего, Эмблер служил на корвете во время длительного плавания по Вест-Индии. Он недавно обручился, и поэтому, согласно одному историку, «ему заметно недоставало энтузиазма для арктической экспедиции». Но, выжив в лагере для военнопленных, молодой врач ничуть не боялся ужасов Арктики. Делонг собирался встретиться с Эмблером в Вашингтоне – доктор как раз был в отпуске и приехал навестить семью в соседней Виргинии.

По прибытии в Вашингтон Делонги заселились в фешенебельный отель «Эббитт-Хаус» на углу Четырнадцатой улицы и F-стрит, который был популярен среди высокопоставленных офицеров армии и флота.

Это было шестиэтажное здание с мансардой и роскошным рестораном, в котором подавали всевозможные деликатесы вроде «зажаренного на открытом огне красноголового нырка со смородиновым соусом». Один из люксов отеля занимал генерал Уильям Текумсе Шерман, другой – адмирал, герой Гражданской войны Дэвид Диксон Портер. На следующие три месяца «Эббитт-Хаус» стал Делонгу домом и операционной базой.

Через несколько дней Делонг встретился с военно-морским министром Ричардом Уиггинтоном Томпсоном. Юрист и политик из Индианы, Томпсон был долговязым, очевидно лишенным чувства юмора человеком 70 лет с седыми волосами, глазами навывкате и большим острым носом. Он никогда не служил во флоте и до смешного не подходил на должность военно-морского министра. Весьма показательная, хотя, возможно, и выдуманная, история гласит, что вскоре после назначения невежественный по части морского дела Томпсон проводил инспекцию нового боевого корабля и, спустившись под палубу, воскликнул: «Боже, да эта посудина полая!»

Однако, несмотря на недостаток знаний, министр Томпсон был полон решимости поддержать полярную экспедицию Делонга и заверил молодого капитана, что сделает все возможное, чтобы плавание обрело национальное значение. «Я хочу, чтобы во время этой экспедиции в ваших руках было сосредоточено не меньше власти, чем в руках адмиралов, командующих флотом, – сказал Томпсон Делонгу. – Это плавание должно окончиться успехом, поэтому вам следует заранее защититься от любого недовольства, неподчинения и несчастья». Томпсон был настроен оптимистично и полагал, что через Берингов пролив Делонг «сумеет пробиться к полюсу».

По настоянию Томпсона, конгресс не стал медлить и 27 февраля принял постановление, в котором экспедиция Делонга формально провозглашалась американским проектом. При этом было отмечено, что почти все расходы берет на себя частное лицо – Джеймс Гордон Беннетт. В постановлении говорилось, что все члены экипажа «Жаннетты» «во всех отношениях подчиняются военному кодексу и военно-морскому уставу и дисциплине». Технически будучи только лейтенантом ВМС США, Делонг становился капитаном экспедиции и наделялся полномочиями вести судно в Арктику под флагом

американского флота и поддерживать «субординацию в случае любого мятежа» в команде. Проекту, который теперь получил полную государственную поддержку, присвоили новое имя: Американская арктическая экспедиция.

Несколько недель Делонг охотился за официальными лицами в кабинетах и коридорах Военно-морского министерства – как он сам выразился, «постоянно мозоля им глаза» – и, в конце концов, добился всего, чего хотел. Постоянно связываясь с Даненхауэром посредством телеграфа, Делонг издали наблюдал за всеми этапами реконструкции «Жаннетты», при этом почти ежедневно контактируя с Беннеттом, который оставался в Париже. «Мне достаточно одного слова из Сан-Франциско, чтобы загореться и тотчас открыть огонь по министерству», – писал Делонг издателю. Беннетт, в свою очередь, по телеграфу отвечал, что он рад слышать, «как продвигаются дела в Вашингтоне».

В целом Делонг был чрезвычайно доволен своей работой. Министр Томпсон пообещал ему при необходимости вмешаться, если инженеры Мар-Айленда начнут проводить на «Жаннетте» бесполезные и необоснованные ремонтные работы. Томпсон также дал слово, что флот выделит военный корабль, чтобы доставить на Аляску дополнительные запасы угля и продовольствия, «если в Сан-Франциско найдется для этого подходящее судно».

Иными словами, поездка Делонга на восточное побережье проходила исключительно хорошо. Вашингтон словно бы открывал перед ним и его экспедицией все двери – не только Военно-морского министерства, но и конгресса, Смитсоновского института, даже Белого дома. Однажды Делонга пригласили на ужин с президентом Ратерфордом Хейсом и первой леди. Эмма сочла президента «спокойным и приятным джентльменом, который не производит особенного впечатления», и это описание перекликается с другими свидетельствами современников о робком выходце из Огайо. Пятикратно раненный герой Гражданской войны, он был избран – иногда даже говорят: «назначен» – на должность в ходе одних из самых грязных президентских выборов в американской истории, проиграв прямые выборы и получив кресло только после того, как конгресс передал республиканскому кандидату двадцать спорных голосов выборщиков. Из-за этого многие демократы отказались

признать легитимность выборов и назвали нового президента мошенником.

Встреча Делонгов с президентом Хейсом была во многом формальной. «Он ничего не знал об исследованиях Арктики, – писала Эмма, – и принял нас из чувства долга». Если вечер и показался им скучным, это отчасти объяснялось неприятием алкоголя со стороны первой леди Люси Хейс – из-за отказа от подачи алкоголя ее даже прозвали Лимонадной Люси. Поговаривали, что при Хейсах в Белом доме «вода лилась рекой».

Учитывая явное безразличие президента Хейса к грядущей полярной экспедиции, Эмма надеялась, что чуть более живая миссис Хейс спасет положение, «но даже она не сумела скрасить этот вечер». Когда Делонги собрались уходить, Люси вручила им огромный букет, что Эмма сочла любезным, но насквозь «фальшивым» жестом.

Через несколько дней Делонг наконец встретился с Джеймсом Эмблером, которого собирался взять на должность судового врача. Флотский доктор навестил его в «Эббитт-Хаусе» и немного рассказал о себе. Делонгу он сразу понравился, но доктор Эмблер, как выяснилось, принес плохие новости: он втайне навел справки о медицинских аспектах «расстроенного разума» Джона Даненхауэра, и ситуация оказалась гораздо тревожнее, чем полагал Делонг.

Эмблер посетил Государственную больницу для безумных и побеседовал с врачами, которые лечили Даненхауэра от «меланхолии». Те считали весьма вероятной новую вспышку безумия, которая вполне может постичь Даненхауэра, особенно если он отправится в столь суровую среду, как Арктика.

Затем Эмблер копнул глубже. В Военно-морском бюро медицины и хирургии он разыскал медицинские записи Даненхауэра, которые велись на борту «Портсмута» – того самого судна, на котором он служил в районе Гавайев в 1875 году, когда впервые проявилась его болезнь. В этих записях сообщалось, что Даненхауэра признали «негодным к службе», поскольку в дополнение к тяжелой депрессии он также страдал от шейных абсцессов. Эти неприглядные абсцессы, по мнению Эмблера, могли свидетельствовать о том, что Даненхауэр болен сифилисом, тем более что врач «Портсмута» отметил, что их происхождение «не связано со службой». Кроме того, в записях говорилось, что «угрюмый» и «подавленный» Даненхауэр «несколько

раз признавался врачу в сильном желании броситься за борт и положить конец своим страданиям».

Эмблер сказал Делонгу, что однозначно придерживается мнения о недопустимости участия в арктической экспедиции человека, который не только был признан неуравновешенным и страдающим от депрессии, но и имел суицидальные наклонности. Эмблер полагал, что симптомы Даненхауэра – как физические, так и психические – могут вернуться в любой момент. «На мой взгляд, – писал он позже, – коварная болезнь может вернуться даже через много лет».

Делонг был потрясен таким заключением, ведь он сработался с Даненхауэром и даже доверил ему подготовку «Жаннетты» к плаванию на верфи Мар-Айленд. Даненхауэр знал об экспедиции больше, чем кто-либо еще, за исключением лишь самого Делонга. «Я не могу его заменить», – писал Делонг Беннетту. Он опасался, что исключение Даненхауэра из команды повергнет того в отчаяние, от которого он, возможно, уже никогда не оправится. «Если он действительно подвержен депрессии, его списание может приблизить конец, которого все мы хотели бы избежать». С другой стороны, Делонг понимал, что Эмблер прав. «Мой долг, – писал он, – вполне понятен».

Не зная, как подойти к этому, Делонг посоветовался с братом Даненхауэра, известным вашингтонским адвокатом. Делонг попросил его найти семейный предлог, по которому брат не сможет отправиться в Арктику, придумать историю «домашнего толка», которая избавит Даненхауэра от личного и профессионального конфуза. Делонг сказал брату Даненхауэра, что «пытается найти справедливое решение, которое устроило бы все стороны, и, как ни странно это прозвучит, ничуть не менее семьи Даненхауэра беспокоится о его интересах». Однако брат Даненхауэра отказался пойти на эту хитрость. Даненхауэр «участвует – и точка», – сказал он.

Семья Даненхауэра имела политические связи в верхушке Военно-морского министерства, и его родители начали закулисную борьбу, чтобы их сына официально признали годным к путешествию в Арктику. Через несколько недель Военно-морское министерство выпустило уведомление, в котором все сомнения во вменяемости Даненхауэра признавались «официально беспочвенными». Делонгу велели не предпринимать «никаких шагов и не выражать сомнений в способности какого-либо офицера исполнять свои обязанности, если

он не дает к этому ни малейшего повода». Читая между строк, Делонг понял, что исключение Даненхауэра из команды сочтут нападками на офицера, из-за чего он может пойти под трибунал.

У Делонга были связаны руки. Нравилось ему это или нет, Даненхауэр отправлялся в Арктику.

В течение трех месяцев, проведенных в Эббитт-Хаусе, Делонг был так занят текущими делами, что едва находил время на сон. «Я работал не покладая рук, – писал он, – и постоянно сталкивался с трудностями». Он часами отслеживал провизию, оборудование и научный инвентарь для «Жаннетты». Он приобрел портативную обсерваторию, которую можно было развернуть на льду, чтобы делать астрономические и метеорологические наблюдения. Он купил небольшую темную комнату для проявки экспедиционных фотографий. Он изучил все новые опреснительные установки, набрал разнообразное магнитное и метеорологическое оборудование и запасся химикатами для консервации биологических образцов.

Он заказал 54 000 фунтов пеммикана (смесь вяленого мяса, ягод и жира) и различных консервов. Чтобы справиться с цингой – бичом всех арктических экспедиций, – он попробовал напиток из забродившего кобыльего молока под названием кумыс, который, как утверждалось, широко использовался кочевниками в степях Казахстана. Решив, что это непрактично, он протестировал состав для концентрации сока лайма, а затем отправил в Сан-Франциско дюжину бочек с кислой и вязкой жидкостью.

Делонг хотел, чтобы экипаж «Жаннетты» ни в чем не испытывал недостатка. Планировалось, что на корабле будут богатая библиотека, первоклассный лазарет, арсенал современных винтовок и револьверов, большая коллекция игр и даже маленький орган для музицирования в часы досуга. Делонг хвалился, что «не упустил, кажется, ничего из необходимого «Жаннетте» в полярной глуши». Эмма никогда прежде не видела мужа столь погруженным в заботы. Она писала, что Делонг «без устали» всех подгонял и проверял. «Его бдительность не знала границ, от него не ускользало ни мельчайшей детали».

Он раздобыл телеграфные ключи, батареи и многие мили медной проволоки, которые планировал прокладывать по льду, чтобы его офицеры могли связываться с отправленными на разведку группами.

По совету Смитсоновского института Делонг побеседовал с Александром Грэхемом Беллом о «телефонах», которые произвели фурор на Всемирной выставке. Делонг приобрел два телефона в надежде наладить дальнюю связь во льдах.

Делонг также хотел взять в Арктику воздушные шары. Эта идея очень понравилась Беннетту, который был за любые новые изобретения и устройства. Делонг предположил, что, прикрепив воздушный шар к мачте «Жаннетты», можно «подняться гораздо выше и обозреть больший радиус», чем с палубы корабля. С помощью впередсмотрящего в корзине воздушного шара Делонгу было бы проще определять, как лучше всего проходить по ледовым полям. «Один подъем, – писал он, – может спасти нас от множества дней изнурительного пути в неверном направлении». Делонг полагал, что воздушные шары можно использовать и в качестве «подъемной силы» для тяжелых саней, тем самым «облегчая их продвижение по льдинам и торосам».

Но затем Делонг проконсультировался с двумя величайшими «аэронавтами» того времени – американским воздухоплателем Сэмюэлем Кингом из Филадельфии и его французским коллегой Вильфридом де Фонвиелем – и отказался от своей идеи. Эксперты сошлись во мнении, что, чтобы нагреть достаточный объем газа для подъема шара в воздух, потребуется неприемлемое количество угля. Разочарованный, Делонг написал Беннетту, что «не рекомендует использование шаров, так как их применение не столь полезно, сколь затратно», если только им не суждено по счастливой случайности «наткнуться на угольную жилу» во льдах Арктики.

О воздушных шарах пришлось забыть, но что насчет электрических ламп? Делонг заметил, что полярные экспедиции десятилетиями «страдали от недостатка света в долгие зимние месяцы». Он считал, что электрические лампы – которые тогда назывались «искусственным солнцем», – будут невероятно полезны, а порой и вовсе незаменимы для его команды. Он представлял, как опутает корабль проводами и зажжет яркие огни, в свете которых его экипаж сможет работать, заниматься спортом и даже играть в мяч на льду.

В то время Томас Эдисон проводил эксперименты в задрюпанной лаборатории в городке Менло-Парк в штате Нью-Джерси и пытался

устранить «дефекты» лампы накаливания. Технология была еще несовершенна, но несколько более простая форма иллюминации – дуговые лампы – уже получила ограниченное распространение и использовалась, главным образом, на промышленных предприятиях. Дуговые лампы, которые предполагали прохождение высоковольтного тока по маленькому зазору между двумя углеродными стержнями, давали очень яркий, но при этом очень резкий свет. Роберт Льюис Стивенсон терпеть не мог ослепительное сияние дуговых ламп. «Теперь по ночам сияют новые городские звезды, – писал он. – Ужасные, неестественные, противные человеческому глазу. Это лампы кошмаров!»

И все же Делонг очень хотел взять лампы на морозный север. «Во время полярной зимы мне хочется время от времени освещать корабль, – писал он Эдисону, – и позволять команде получать от этого света заряд духовной и физической бодрости». Свет на Северном полюсе казался романтичной и в то же время весьма практичной идеей. Мог ли молодой изобретатель предложить Делонгу что-нибудь подходящее для описанной цели?

Эдисон не стал медлить с ответом и, конечно же, почувствовал, какой рекламный потенциал таится в отправке его изобретения на Северный полюс. Он сказал, что лампы накаливания еще проходят тестовую фазу, но вот систему дуговых ламп можно взять с собой хоть сейчас. В ответном письме Делонгу он предложил, чтобы один из представителей Беннетта из «Геральд» приехал к нему в лабораторию и лично оценил его дуговые лампы и генераторы.

«Геральд» тут же отправил к Эдисону ведущего корреспондента из отдела науки Джерома Коллинса, и для него на втором этаже лаборатории была устроена демонстрация. Дуговые лампы – всего пятнадцать штук – сияли очень ярко, даже слишком ярко. Они питались от разработанного Эдисоном механизма с ручным приводом. В письме Делонгу Эдисон объяснил, что он будет прекрасно работать, «пока у ваших матросов достанет на то сил. В отсутствие пара динамомашину можно вращать вручную, причем работники могут сменять друг друга, что не даст им замерзнуть». На случай, если экипаж Делонга все же устанет вращать аппарат, Эдисон готов был предоставить небольшой, дающий две лошадиные силы паровой генератор, который позволит команде перевести дух.

Делонг согласился на покупку и заказал в Электроосветительной компании Эдисона четыре цепи по 15 углеродных ламп (то есть всего 60 дуговых ламп), а также все необходимые провода, динамо-машину и остальное оборудование. Служащий компании из Менло-Парка записал, что «машину для освещения Северного полюса уже отослали». Система дуговых ламп, поездом отправленная в Сан-Франциско, как обещалось, должна была светить ярче трех тысяч свечей. «Под этими лампами, – заметил Делонг, – даже цветы растут».

Глава 14

Что под силу человеку

Пока Делонг был в Вашингтоне, корабельщики Мар-Айленда медленно, но верно обновляли «Жаннетту». Ее переоборудовали и переоснащали как снаружи, так и внутри.

В трюм флотские инженеры поместили несколько двойных деревянных и обитых железом балок, чтобы судно могло выдержать давление льда. Нос «Жаннетты» заполнили деревом, а снаружи укрепили новой обшивкой из самого прочного американского вяза. Ее днище дополнительно обшили орегонской сосной толщиной шесть дюймов. Все зазоры и щели залили горячим дегтем. Палубы перестелили. Каюты реорганизовали и установили в них койки для 33 человек. Угольные ямы существенно расширили, чтобы в них вместилось более 132 тонн угля. Установили мощные насосы. Перебрали двигатели. Пошили новые паруса. Заменяли такелаж. Судно полностью покрасили и законопатили.

На спардеке (верхней палубе) инженеры установили паровой брашпиль, который при тяжелой ледовой обстановке мог поднимать руль и винт, защищая их от повреждений. Брашпиль также можно было использовать для буксировки корабля, то есть для его продвижения по протокам с помощью веревок и цепей, прикрепленных к ледовым якорям. Машинисты Мар-Айленда сконструировали два новеньких бойлера и установили на судно опреснительную установку, которая давала более 500 галлонов пресной воды в день.

Жилые помещения «Жаннетты» были полностью переоборудованы для низких температур. Ее рубка и бак были изолированы толстым войлоком. Плотники соорудили новые свесы и галереи, полують завесили несколькими слоями толстого крашеного брезента. Установили новую систему отопления. На Аляске заказали полные комплекты меховых костюмов, сапог, перчаток и одеял. Купили сани, спиртовки и восемь теплых палаток, разработанных для установки в Арктике.

По свидетельству одного историка флота, «Жаннетта» оказалась «лучше подготовлена ко встрече со льдом, чем любой исследовательский корабль до нее». Когда в мае Делонг вместе с Эммой прибыл в Калифорнию, он отправился напрямик на верфь и довольно оглядел свое новое судно. Его поразила трансформация, произошедшая за время его отсутствия. «Корабль меня полностью устраивает, – написал он. – О большем я не мог и мечтать».

Делонг похвалил Даненхауэра за прекрасную работу. «Он выполнил все мои указы», – сказал капитан. Каким бы масштабным ни было преобразование «Жаннетты», сумма в итоговом счете не дошла до 50 000 долларов. Делонг решил, что благодарить за это следует бдительного Даненхауэра, и теперь его еще сильнее начало терзать чувство вины за то, что он думал об исключении штурмана из команды.

В июне Делонг в сопровождении комиссии офицеров с верфи повел «Жаннетту» в залив Сан-Франциско, чтобы испытать новые двигатели и силу вращения. Судно перестроили с оглядкой на структурную целостность, а не на маневренность и скорость. Хотя «Жаннетта» оказалась немного неповоротливой, все испытания она прошла достойно.

В мае и июне на Мар-Айленд начали прибывать закупленные на восточном побережье инструменты и провиант. На борт подняли дуговые лампы Эдисона, телефоны Белла и телеграфное оборудование. Портативную обсерваторию частично собрали. Темную комнату доставили вместе с несколькими коробками стеклянных пластинок и других фотографических материалов. Грузчики подняли на судно оружие «Жаннетты» – винтовки и карабины «Ремингтон», многозарядные винчестеры, английские самовзводные револьверы, две гарпунные пушки, 10 дульнозарядных винтовок, 20 000 патронов, 500 ударных капсулей, 6 бочек минного пороха и 70 фунтов картечи. Следом загрузили навигационное и научное оборудование: хронометры, гидрометры, озонметры, магнитометры, барометры-анероиды, нивелиры, секстанты, маятники, зенитные телескопы, микроскопы, пробирки, бунзеновские горелки и теодолиты.

Несмотря на потенциал изобретения Эдисона, Делонг понимал, что основным источником света во время долгих зим будет свет масляных ламп. Поэтому на «Жаннетту» подняли 250 галлонов

спермацетового масла, несколько сотен фунтов жира, несколько тысяч фитилей и всевозможные лампы: фонари с выпуклыми стеклами, глобусные, переносные и ручные фонари.

Последними загружали еду, воду и медикаменты – провизии должно было хватить 33 мужчинам на три года. Наблюдая за приготовлениями, можно было сказать, что разнообразия в диете не предвиделось: на борт подняли 2500 фунтов жареной баранины, 3000 фунтов тушеной говядины и солонины, 3000 фунтов соленой свинины и 100 фунтов языка. Пить предполагалось кофе, чай и бульон, а также ежедневные порции сока лайма. Но любителям напитков покрепче отчаиваться тоже не стоило: одну из кладовых корабля до потолка заполнили бочками бренди, портера, эля, шерри, виски и рома, а также пива «Будвайзер».

Делонг тем временем подыскивал людей на оставшиеся позиции в команде «Жаннетты». Офицеры, ученые и матросы начали съезжаться на Мар-Айленд, чтобы познакомиться друг с другом и с укрепленным ледовым ковчегом, который на следующие несколько лет станет им домом. В команде было три молодых китайца, которых Даненхауэр нанял в Сан-Франциско на должности кока, стюарда и юнги. Офицеры Чарльз Чипп и Джордж Мелвилл прибыли в Калифорнию месяцем ранее и помогали Даненхауэру на верфи с последними приготовлениями «Жаннетты».

Теперь на Мар-Айленд стекались остальные ключевые игроки. Делонг понимал, что ему нужен «ледовый лоцман», прекрасно знакомый с поведением пакового льда и суровыми особенностями Северного Ледовитого океана. В конце концов такой человек нашелся на одной из верфей Сан-Франциско. Это был опытный капитан китобойного судна Уильям Данбар, который родился и вырос в городе Нью-Лондон в штате Коннектикут. Ему было 45 лет, и его суровое лицо огрубело от солнца и соленого ветра. Серьезный и ответственный, Данбар коротко стриг рано поседевшие волосы. Он ходил в море с десяти лет. Охотник на китов и тюленей, Данбар не раз бывал в опасных водах Берингова пролива, где, по сообщению одной газеты, научился «прекрасно обращаться с плавучими льдинами и максимально эффективно использовать ресурсы».

Данбар также ходил по холодным водам вокруг Антарктиды и избородил всю южную часть Тихого океана, где его однажды пришлось спасать с необитаемого кораллового острова после того, как его судно налетело на риф. Хотя Данбар был самым старшим участником экспедиции, Мелвилл заметил, что он «крепок и энергичен и представляет собой прекрасный пример бывалого шкипера-северянина». Данбар должен был стать глазами «Жаннетты» – ожидалось, что он будет сидеть в вороньем гнезде и оттуда следить за движением льда. Заполучив его в команду, Делонг посчитал себя настоящим счастливецом.

На должность натуралиста экспедиции Делонг нанял гражданского ученого из массачусетского Салема по имени Рэймонд Ньюкомб. Застенчивый, болезненно бледный, похожий на гнома, с подростковым пушком на подбородке, 29-летний Ньюкомб имел прекрасные рекомендации Смитсоновского института. Он работал в Комиссии США по рыбе и рыболовству и сам описывал себя как «исследователя естественной истории, орнитологии и зоологии – низших отрядов». Он происходил из именитой семьи из Новой Англии (его дед был героем Войны за независимость и сражался в битве при Лексингтоне). Делонгу Ньюкомб показался приятным, хоть и стеснительным человеком, обладающим педантичным интеллектом. Однако натуралист мало путешествовал и почти не бывал в море. Лучше всего он чувствовал себя в окружении скальпелей, глицериновых паст и используемых в таксидермии испаряющихся кислот. Ему предстояло показать себя в Арктике.

В экспедицию записался еще один гражданский ученый, ирландец Джером Коллинз, который был гораздо внушительнее Ньюкомба. Крепкий Коллинз учился на инженера в Корке, был прекрасным рассказчиком и работал главным метеорологом «Геральд» Беннетта. Именно он был тем корреспондентом отдела науки, которого Беннетт отправил в Менло-Парк побеседовать с Эдисоном об электрических лампочках. Будучи пионером в прогнозировании погоды, Коллинз многое сделал для развития международной метеорологии и углубления понимания господствующих ветровых режимов. Находясь в Нью-Йорке, он анализировал грозовые фронты, которые двигались к востоку по Атлантике, и посредством телеграфа передавал предупреждения в офисы «Геральд» в Лондоне и Париже, чтобы

европейские читатели могли подготовиться к надвигающимся штормам. Он сумел усовершенствовать методы предсказания погоды, благодаря чему его особенно отметили на Метеорологическом конгрессе в Париже.

Но Коллинза нельзя было назвать тихим погодным энтузиастом. В молодости он был видным активистом ирландских республиканцев и одним из основателей военизированного тайного общества «Гэльский клан». До переезда в Нью-Йорк он некоторое время прожил в Англии, где организовал заговор с целью освобождения из лондонской тюрьмы нескольких товарищей по тайному братству, но в итоге операция провалилась, из-за чего Коллинзу пришлось на время скрываться. Затем он возглавил исследование возможности использования подводных лодок для диверсионной деятельности против британского флота.

С течением времени политические взгляды Коллинза, похоже, смягчились. Его карьера не раз делала крутой поворот. Прежде чем заняться метеорологией, он работал на строительстве гаваней, наведении мостов и железнодорожных изысканиях, а также принимал участие в смелом проекте по осушению соленых болот Нью-Джерси неподалеку от Манхэттена.

Коллинза Делонгу порекомендовал Беннетт. Ирландцу предстояло стать метеорологом, фотографом и «ведущим ученым» экспедиции, а также быть «специальным корреспондентом» «Геральд». Коллинз был веселым и подвижным, он пел и играл на фортепиано – и мог поддержать интеллектуальную беседу практически на любую тему. Как выяснилось впоследствии, у него также была непоправимая тяга к каламбурам.

Даненхауэр считал, что Коллинз – воплощенный дилетант, этакий чересчур говорливый тип, который, как выразился штурман, «знает обо всем понемногу, но ни о чем не осведомлен достаточно хорошо». Однако Делонг, хоть и был сначала настроен скептически, похоже, все-таки обрадовался появлению Коллинза. «У него огромный запас знаний, – написал капитан Беннетту, – и я не сомневаюсь, что в Арктике он сделает себе имя».

День отплытия «Жаннетты» приближался, и Делонга мучил вопрос, когда и как Джеймс Гордон Беннетт прибудет в Сан-Франциско, чтобы пожелать команде счастливого пути. Беннетт

согласился приехать при условии, что он инкогнито доберется до Калифорнии. Издатель настаивал, чтобы газеты – включая его собственную – ничего не знали о его прибытии на восточное побережье США.

Он собирался сесть на пароход компании «Уайт Стар Лайн», идущий из Ливерпуля в Нью-Йорк. Там под покровом ночи он должен был пересесть на ожидающую его яхту, которая, по одному из свидетельств, должна была, «подобно фантому, доставить его на берег», где в Нью-Джерси он собирался сесть в выкупленный железнодорожный вагон с затемненными окнами. Согласно плану, Беннетт должен был на этом поезде доехать до Омахи, а там пересесть в другой специально подготовленный вагон компании «Юнион Пасифик», который и должен был доставить его в Калифорнию как раз к отплытию «Жаннетты».

Делонг не понимал одержимости Беннетта секретностью. Это казалось ему весьма странным. «Как бы упорно вы ни пытались остаться на заднем плане, – писал он Беннетту, – всем все равно известно, что это вы отправляете корабль и оплачиваете экспедицию». По словам Делонга, скрыть тот факт, что Беннетт был «в сущности главой и покровителем экспедиции», было невозможно.

Но Делонг не замечал, что тяга Беннетта к отчужденности и таинственности была весьма в его характере. Он стремился в тень, прямо как совы, которые украшали его виллу, его яхты и его рабочие кабинеты. Он не умел действовать прямо и открыто. Беннетт был истинным фантомом – и такому непосредственному человеку, как Делонг, было просто не под силу понять своего покровителя. Нельзя было предсказать, когда прибудет Беннетт. Делонгу оставалось лишь осторожно навести справки в компаниях «Уайт Стар Лейн» и «Юнион Пасифик» и ждать.

Любовь Беннетта к интригам плаща и шпаги привела к неожиданному развитию событий, которое не на шутку встревожило Делонга. В 1878 году выдающийся финско-шведский путешественник профессор Нильс Адольф Эрик Норденшёльд отправился в многолетнее плавание по Северо-Восточному проходу, то есть вдоль всего северного побережья Евразии от Финляндии до Берингова пролива. Большую часть года от Норденшёльда и его судна «Вега» не было никаких вестей, и Беннетт, который все еще надеялся повторить

триумф истории «Стэнли находит Ливингстона», вбил себе в голову, что Делонгу нужно сначала разыскать Норденшёльда у северо-восточных сибирских берегов и лишь затем отправляться на полюс. Даже если Норденшёльд не пропал, Беннетт чувствовал, что встреча двух путешественников сможет стать величайшей сенсацией, которая поднимет продажи газет по всему миру. И все же поиски скандинава были непростой задачей и требовали совершить крюк, из-за которого «Жаннетта» могла потерять несколько недель, а то и месяцев, тем самым лишившись возможности в полной мере использовать таяние льда в течение короткого арктического лета.

Хотя Делонга разозлило новое поручение, он не знал, от кого оно исходило. Беннетт сообщил о своем желании разыскать Норденшёльда не прямо Делонгу, а военно-морскому министру Томпсону, который передал его просьбу дальше. «Уверен, вы согласитесь, – писал Беннетт Томпсону, – что из гуманистических побуждений первым делом нужно разыскать профессора Норденшёльда и оказать ему помощь». В ответ министр написал, что «спасение профессора Норденшёльда будет считаться первоочередной задачей», а затем отдал официальный приказ Делонгу.

«По достижении Берингова пролива, – гласил новый приказ, – вам следует навести справки в тех регионах, где может быть получена какая-то информация о судьбе профессора Норденшёльда. Если в результате у вас появятся достаточные основания полагать, что с ним все в порядке, вы пойдете дальше к Северному полюсу. Если же нет, вам следует взять тот курс, который, по вашему мнению, будет необходим для спасения его экспедиции».

Делонг был в ярости. Он не понимал, почему в министерстве готовы поставить под удар успех его миссии ради спасения иностранной экспедиции, которая, как подсказывало ему чутье, вовсе не пропала и даже не оказалась в опасности. Он считал, что во флоте поднимают «ненужную тревогу» насчет скандинавского путешественника, и с ним соглашалось большинство мировых экспертов по Арктике. Норденшёльд планировал идти вдоль заснеженных сибирских берегов и не терять земли из виду – еще четыре-пять месяцев от него и не ожидалось вестей. «Я столь же уверен в безопасности Норденшёльда, – сказал Делонг, – как и в том, что завтра взойдет солнце». Он так и не догадался, что на самом деле

приказ объяснялся желанием Беннетта опубликовать еще один сенсационный газетный репортаж. Делонга тревожило, что охота на Норденшёльда может отнять у него все лето. «Когда мы обнаружим их, вполне возможно, нам будет уже поздно идти дальше на север», – волновался он. В результате «Жаннетта» фактически могла потерять целый год.

Ответ Делонга на эту загвоздку оказался таким же, какой он автоматически давал при встрече со всеми остальными преградами: не теряя оптимизма, он лишь с большим рвением продолжил подготовку к отплытию. «Полагаю, моя решимость возрастает, – писал он Эмме, – прямо пропорционально количеству трудностей, которые встают у меня на пути». С Норденшёльдом все было в порядке – в этом он был уверен. Делонг решил ненадолго остановиться в нескольких деревнях на сибирском побережье и быстро развеять все сомнения. Если повезет, этот крюк займет у него всего неделю-другую. Исполнив флотский приказ, он собирался пойти на север.

За десять дней до отплытия Делонг провел на Мар-Айленде церемонию ввода корабля в строй, после которой экспедиция стала официально подчиняться командованию ВМС, а «Жаннетта» вошла в состав американского флота. Собрав на борту всех офицеров и других членов команды, Делонг зачитал военный кодекс и официальный приказ о выходе в море «Жаннетты». На капитане была парадная форма с золотыми шнурами и эполетами. В его пенсне играли искры солнечного света, отражавшегося от воды залива, к портупее была пристегнута блестящая шпага. Рядом с ним стояли Чипп, Даненхауэр, Мелвилл и Эмблер, фуражки которых были щегольски заломлены набок. Эмма тоже присутствовала на церемонии и держала синий шелковый флаг, который сшила для экспедиции: этот флаг предполагалось установить на вновь открытых землях и на Северном полюсе.

Двадцать три матроса в синей флотской форме стояли на своих местах на палубе вместе с ледовым лоцманом Данбаром и двумя гражданскими учеными, Ньюкомбом и Коллинзом. Делонг зачитал отрывки из переданного по телеграфу послания Беннетта, который обещал, что в случае пропажи или гибели «Жаннетты» он спасет моряков. «Я не пожалею ни денег, ни сил, чтобы отправить вам

помощь», – поклялся издатель. Если же команду «Жаннетты» ждет гибель, женатые мужчины хотя бы могли утешать себя тем, что «их вдовы получают его покровительство».

Эмма подняла на мачте синий шелковый флаг, и он затрепетал на ветру вместе с американским. Теперь судно отправлялось в Сан-Франциско для погрузки последних припасов. Пути назад уже не было. Корабль был официально введен в строй, и его имя отражало новый статус: теперь он звался **USS «Жаннетта»**.

Делонг светился от гордости за свое судно и моряков. «Я всем сердцем предан нашей цели, – написал он Беннетту. – Мы не остановимся, пока «Жаннетта» не выйдет из строя и не падем мы сами... У нас отличная команда, отличная еда и отличный корабль. Полагаю, у нас есть все необходимое, чтобы дерзнуть и проверить, что под силу человеку».

Глава 15

Новый захватчик

Однажды поздно вечером в первую неделю июля 1879 года Делонг вместе с Эммой сидел в гостиной их люкса в отеле «Палас» в Сан-Франциско. Повсюду лежали книги, карты, учетные журналы и планы корабля. День отплытия приближался, и Делонга обуревали всевозможные мысли.

В отель «Палас», который открылся четырьмя годами ранее, было вложено 5 миллионов долларов. Он считался самым большим и фешенебельным отелем мира и, как выразился Эндрю Карнеги, «был построен, чтобы затмить все сущее». В «Паласе» были высокие потолки, и каждый из 755 номеров был снабжен отдельной ванной комнатой, прообразом кондиционера и электрическими кнопками, с помощью которых гости могли по интеркому сообщить о своих желаниях целой армии гостиничных служащих. «Палас» был также оборудован новейшими гидравлическими лифтами, облицованными панелями красного дерева, – эти лифты называли «поднимающимися комнатами».

Джордж и Эмма наслаждались уединением в этом роскошном отеле. Сильвию на время отправили к сестре Эмме в Айову. Но над ними довлела горечь неминуемой разлуки. Дни пролетали один за другим, но мыслями Джордж был далеко и не мог сосредоточиться на тысяче мелочей, связанных с путешествием. Эмма почти всегда была рядом. Она читала его письма, вместе с ним строила планы и давала оценку его идеям, в то же время «изо всех сил стараясь, чтобы чувства не возобладали» над ней. Во время плавания вокруг Южной Америки Эмма изучила «Жаннетту» вдоль и поперек и принимала такое деятельное участие в планировании экспедиции, что Джордж стал считать ее одной из участниц грядущего вояжа.

Отчасти Эмма хотела присоединиться к мужу в полярном путешествии, но все же понимала, что это невозможно. Мечта достичь Северного полюса принадлежала одному лишь Джорджу. Его одержимость Арктикой казалась вполне очевидной и неизменной, она напоминала яркое пламя. Все последние пять лет – все его усилия и

приготовления – в итоге сводились к этой неделе. «Он много лет ждал этого часа, – писала Эмма. – Он никогда не стремился ни к славе, ни к богатству. Он был из тех людей, кто жаждет великих свершений не из честолюбия, а потому, что лишь великие дела способны удовлетворить их пламенные сердца».

Позже тем же вечером Делонг оторвался от чтения и взглянул на Эмму. На ней было черное бархатное платье и лазурное кольцо. Эмму озадачила тоска в его глазах.

«Я подумал, – сказал он, – что ты была бы прелестной вдовой».

Сердце Эммы пропустило удар. Обычно Джордж не поддавался унынию. Он не лелеял мрачных мыслей и не был склонен к сентиментальности. Эмме захотелось броситься к нему и предаться чувствам, но она себе не позволила. Впоследствии она написала: «Я боялась, что плотина прорвется и мы оба сломаемся». Она боялась, что, если это произойдет, «между ними возникнет невыраженная печаль... которая испортит их последние дни вместе».

Но Джордж на этом не закончил. «Если это случится, – сказал он, – не облачайся в глубокий траур». Если ему было суждено погибнуть в Арктике, он хотел, чтобы Эмма одевалась просто и элегантно – и была такой же красивой, как в тот вечер.

Собравшись с духом, Эмма ответила: «Я не стану вдовой».

Джордж не стал ее переубеждать. Дороги назад уже не было. Если у него и были плохие предчувствия, отменить плавание было невозможно. Как он позже написал Эмме: «Я участвую в великом предприятии, от которого никто из нас не мог меня отговорить».

Позже Джордж подозвал Эмму и усадил к себе на колени. «Я обвила его руками за шею и положила голову ему на плечо», – вспоминала она. Обнимая друг друга, они пытались продлить мгновение, пока за окнами «Паласа» проносились экипажи и шумели улицы холмистого города. «Мы около часа тихо говорили, сдерживая собственные чувства».

За несколько предшествовавших этому недель случилось кое-что примечательное: Джордж Вашингтон Делонг стал национальным героем. Его восхваляли американские и иностранные газеты. Он чувствовал, что на него возложены надежды всего народа, и это помогало ему справляться с мрачными мыслями. Но он не ожидал, что

в одночасье станет знаменитостью. Внезапная известность несколько смущала его. Он не умел и не был научен блистать в лучах славы, а потому всячески увиливал от этой необходимости.

По сообщению газеты «Сан-Франциско Экзаминер», Делонг дерзнул «сцепиться с северным сфинксом и раскрыть его секреты». Репортер из «Геральд» Беннетта превозносил Делонга за то, что он «готов положить свою жизнь на алтарь полярных исследований». Газета «Нью-Йорк коммерциал адвертайзер» провозгласила: «Если успех увенчает усилия отважного командора, это станет одной из величайших географических побед человечества. Решение тайны севера будет событием века». Одна газета из северной части штата Нью-Йорк пошла дальше и сказала, что экспедиция «Жаннетты» «стоит на пороге открытия, в сравнении с которым меркнет даже открытие Америки Колумбом».

В этих восторженных статьях начали появляться намеки, что с «Жаннеттой» связаны стремления молодой республики стать мировой державой, а гордость за это дерзновение переполняет сердца нации. «Еще неизвестно, что обнаружит «Жаннетта» под строгим командованием Делонга, – написала «Сан-Франциско кроникл». – Он пойдет по новому маршруту и применит хитроумные приспособления, которые не использовались ранее. Преуспее ли новый захватчик? Вырвет ли он у Арктики столь долго хранимый секрет?»

Специальный корреспондент «Геральд» Беннетта прибыл в Сан-Франциско, чтобы в подробностях описать отплытие «Жаннетты», но о самом Беннетте по-прежнему не было слышно. Отсутствие покровителя невыносимо печалило Делонга, он считал это плохим предзнаменованием. Беннетт же был верен себе и до последнего не отвечал Делонгу, ограничиваясь лишь расплывчатыми фразами, что, конечно же, придет посмотреть, как стартует его проект.

Затем откуда-то из Европы пришла такая телеграмма: «Премного сожалею, приехать и пожелать ему счастливого пути не смогу, но надеюсь встретить его по успешном возвращении. Скажите ему, что я безмерно верю в его энергию и смелость и искренне благодарю его за верность мне. Надеюсь, Америку ждет успех в этом начинании». Однако, если же Делонга постигнет неудача, Беннетт подчеркнул, что не пожалеет сил и средств на его спасение.

В этом был весь Беннетт: бесцеремонный, отчужденный, напыщенный и в то же время почти безгранично щедрый в отношении финансовых трат. Он был холодным человеком, сидящим на теплом мешке с деньгами. Возможно, он и вовсе не собирался приезжать в Сан-Франциско, он презирал толпу и различные проявления чувств и терпеть не мог «оправдывать ожидания». Он попрощался с Делонгом в Гавре, и этого было достаточно. Он готов был продемонстрировать свою веру в Делонга, исправно выписывая ему чеки.

На самом деле он выписал крупный чек на той самой неделе. Военно-морской министр Ричард Уиггинтон Томпсон ранее обещал Делонгу, что на Аляску пошлют быстрое судно с хорошим углем, чтобы на время облегчить ношу «Жаннетты». Флотское руководство также предложило, чтобы до Берингова пролива «Жаннетту» сопровождал военный корабль. Но затем вспыхнула война между Чили и Боливией, из-за чего «пришлось увеличить присутствие в южной части Тихого океана».

Незадолго до отплытия военно-морской министр прислал Делонгу финальное сообщение, в котором пожелал ему удачи в плавании и вверил его прекрасное судно «на поруки всемогущего Бога». Он также сообщил Делонгу, что в Сан-Франциско нет свободного корабля для перевозки угля и сопровождения «Жаннетты». Это рассердило Делонга и заставило его спешно искать альтернативу. «Правительство бросило нас на произвол судьбы, – написал он, – и предоставило нам самим решать свои проблемы... мы обездолены». В момент особенной досады он написал, что судьба экспедиции «висит на волоске».

Не моргнув и глазом, Беннетт телеграфировал, что зафрахтует частное судно «Фрэнсис Хайд». Эта шхуна водоизмещением 92 тонны, снабженная дополнительными угольными ямами, стоила Беннетту десятков тысяч долларов, но он не видел в этом проблемы. Он телеграфировал Делонгу из Парижа: «Любое ваше требование будет исполнено».

Делонг с благодарностью ответил ему: «Слава богу, у меня есть покровитель, который поддерживает меня, когда с этим не справляется моя страна». И все же решение Беннетта не присутствовать при отплытии сильно задело его. «Меня словно пронзило током, – написал Делонг Беннетту. – Когда вы телеграфировали, что не приедете, это стало ужасным ударом по будущему успеху экспедиции».

В последние дни перед отплытием «Жаннетты» Делонг был главной знаменитостью Сан-Франциско. Куда бы он ни пошел, его встречали с ликованием, и шляпы летели в воздух. «Палас» завалили адресованными ему письмами. Друзья и доброжелатели присылали ему талисманы на удачу и всяческие амулеты, которые советовали взять с собой на борт, включая даже флейту, якобы обладавшую магической силой. «Если вы сыграете на ней неподалеку от берега, – гласила сопровождавшая ее записка, – не сомневаюсь, все волки тут же завоюют в ответ». Общество по распространению религиозной литературы передало экипажу «Жаннетты» коробку Библий. Губернатор Калифорнии Уильям Ирвин обнародовал резолюцию, в которой восхвалял «отважного и умелого капитана» и его «команду целеустремленных людей». Известная местная ясновидящая, уверявшая, что «видит бестелесными глазами», провела вызвавший огромный интерес сеанс, в ходе которого якобы выяснила, что Делонг «зайдет дальше любого из живущих», переживет свое путешествие и «спокойно умрет» в своей постели.

Делонг получил бесчисленное количество писем от теоретиков Арктики и всяческих чудаков. Один из них торжественно заявлял, что после пересечения 87-й параллели Делонг с командой «войдут в область... где их встретит тропический жар, поднимающийся из полого центра земли». Другой писал, что экспедиция Делонга докажет «возможность коммерческой трансокеанической коммуникации между Тихоокеанскими регионами и Англией» через Берингов пролив, Делонгу нужно лишь проложить маршрут, который впоследствии будет обозначен системой маяков и буев.

Тем временем газетчики со всей страны осаждали Делонга в попытках договориться об «эксклюзивном» интервью. Капитан всем отвечал отказом, иногда даже грубовато добавляя: «Мне нечего сказать по этому поводу». Делонг давно научился ценить сдержанность и к тому же не мог тратить время на пустые интервью. «Он уже промерз, – заметил один репортер, – и оттаивать не собирается».

В один из дней Калифорнийская академия наук устроила прием в честь Делонга и его офицеров. На мероприятие съехались заслуженные ученые со всего западного побережья. Всем им было любопытно, что Делонг хочет отыскать в Арктике и чего достичь. В

ответ на их вопросы Делонг смущенно поднялся и сказал несколько слов:

«Очень сложно, быть может даже невозможно, в начале такой экспедиции заранее сказать, что «собираешься сделать». После пересечения 71-й параллели мы окажемся в огромном белом пятне. В связи с этим увольте меня от необходимости объяснить, что мы «будем делать». Если вы будете столь любезны, чтобы не забыть о нас, пока нас не будет, мы попытаемся рассказать вам, «что сделали», по возвращении, и это, позвольте заметить, будет гораздо интереснее. Я хочу лишь искренне поблагодарить вас за интерес, который вы проявляете к нашему необычному начинанию».

Ученые академии предложили тост, после которого Делонг и его офицеры покинули прием под аплодисменты собравшихся.

Через несколько дней Делонг посетил Торговую биржу Сан-Франциско, чтобы побеседовать с другими экспертами – большой группой капитанов китобойных судов, которые оказались в порту. Встречу устроил близкий друг Делонга знаменитый художник Уильям Брэдфорд, который славился своими арктическими пейзажами и был на короткой ноге со многими китобоями. Брэдфорд считал, что Делонгу стоит выслушать «все, что они могут ему рассказать, и учесть те предложения, которые они сделают на основании собственного опыта».

Встреча обернулась семинаром об арктических погодных условиях, в котором Брэдфорд выступал в качестве модератора. Капитаны китобойных судов один за другим поднимались и брали слово. Они были суровыми, закаленными в море мужчинами, происходившими в основном из Новой Англии. Никто лучше них не понимал коварства Арктики. Они были из того же братства, с которым Делонг встретился в Нью-Бедфорде несколькими годами ранее, когда выяснил, что попытка достичь Северного полюса через Берингов пролив станет фактически «движением под гору». Теперь капитаны рассказали Делонгу все, что знали о господствующих течениях, жестоких ветрах и странном поведении льдов в Беринговом проливе. Они делились своим опытом, рассказывали легенды и слухи и повторяли все, что сами слышали о таинственной Земле Врангеля.

Делонг был благодарен им за советы и подробно расспросил их об Арктике. Они без обиняков рассказали ему об опасностях пакового льда. Летом 1871 года 32 китобойных судна, на борту которых было более тысячи человек, вошли в зону льдов к северу от Берингова моря и погибли. И все же многие китобои полагали, что при должном упорстве Делонг все же отыщет открытое полярное море. «Мы все завидуем капитану Делонгу, – написал один из китобоев, капитан Бенджамин Франклин Хоман. – Как прекрасно, тепло и приятно будет в теплом море возле Северного полюса, где отыщутся все формы жизни и летних плодов. О такой плантации мы можем только мечтать».

Другой китобой, по воспоминаниям Брэдфорда, хранил «зловещее молчание, не высказывая собственного мнения и не внося никаких предложений». Этим немногословным капитаном был легендарный Эбenezер Най. Будучи состоятельным капитаном судна «Маунт-Уолластон», он также владел значительными долями других китобойных судов. Най, которому было 57 лет, родился в Нью-Бедфорде, в штате Массачусетс, работал китобоем с девяти лет и славился едва ли не волшебной удачливостью в море. Он трижды терпел кораблекрушение в Арктике и однажды в течение 21 дня дрейфовал в шлюпке по южной части Тихого океана, потеряв при этом 70 фунтов веса. Брэдфорд считал капитана Ная «одним из самых старших, отважных и лучших людей на этой службе... Не было никого, кто бы плавал по холодным морям и знал об их опасностях больше него».

Встревоженный молчанием Ная, Брэдфорд в конце концов встал и попросил его взять слово. «Капитан Най еще не высказал своего мнения, – объявил он, – но мы все хотим его услышать».

Най неохотно поднялся и изложил свои мысли. «Джентльмены, – начал он, – сказать здесь особенно нечего». Он заметил, что сам отправился бы охотиться на китов вдоль той же самой ледовой шапки неподалеку от Земли Врангеля, куда шел и Делонг. «Лейтенант Делонг, – спросил Най, – у вас очень крепкое судно?»

«Да», – ответил Делонг. После всех ремонтных работ на Мар-Айленде он полагал, что «Жаннетте» «под силу пробиться на полюс».

«И оно великолепно оснащено?» – продолжил Най.

«Да», – снова кивнул Делонг.

«И вы берете с собой довольно припасов и как можно больше угля?»

Делонг и тут ответил положительно.

Капитан Най обдумал все услышанное. «Что ж, – наконец сказал он, – тогда выводите судно на лед и позвольте ему дрейфовать. Возможно, вы и пройдете ледовое поле. А может, отправитесь в преисподнюю – шансы примерно равные».

Словно в подтверждение слов капитана Ная, рассвет 8 июля, в день отплытия «Жаннетты», был весьма суровым. Все утро по небу над Сан-Франциско бродили грозовые тучи. Шкиперы на Торговой бирже не обрадовались этой мгле и предсказали «Жаннетте» «ненастную погоду». «По дороге на север ей придется чертовски несладко», – заметил один из капитанов. Но к обеду солнце начало пробиваться сквозь тучи, а сильный ветер сменился легким юго-восточным бризом, попутным для «Жаннетты». Вскоре облака рассеялись, туман остался лишь на горе Тамальпаис. Как выразился один репортер: «Природа уступила».

Когда по всему городу зазвонили церковные колокола, народ начал стекаться на пристань и занимать места на склонах Телеграфного холма, который к обеду, по свидетельству одного из очевидцев, стал напоминать «огромного ошетилившегося дикобраза». Видавшая виды верфь Мейгса в конце Маркет-стрит качалась под весом множества зевак. На Эмбаркадеро полицейские возвели баррикады и размахивали дубинками, чтобы сдерживать настроения толпы.

Объект всеобщего внимания стоял на якоре возле острова Йерба-Буэна, слегка покачиваясь на волнах. Паруса «Жаннетты» были подняты, из трубы время от времени вырывались облачка черного дыма. «Исправный маленький барк, – писала «Дейли Альта Калифорния», – притягивал к себе взгляды не одной тысячи глаз». На грот-мачте «Жаннетты» развевались американский флаг и синий шелковый флаг экспедиции, который сшила Эмма. Корабль был свежеекрасен и сиял чистотой. Под весом угля и провизии, взятой на борт, «Жаннетта» сидела довольно низко. Одни участники экспедиции ходили по палубе и карабкались по такелажу. Другие, по словам репортера, облокотились на фальшборт и «печально смотрели на город

богатства и роскоши, по улицам которого им, возможно, было уже никогда не пройти».

На волнах залива качались десятки яхт – изящных прогулочных судов с дерзкими именами вроде «Забава», «Волшебный», «Быстрый», «Дева» и «Испуганная лань». Весь флот местного яхт-клуба ответил на призыв командора выйти в море и сопроводить Делонга в плавание. Среди яхт были также буксиры, рыболовецкие суда и зафрахтованные пароходы, полные доброжелателей. Капитаны этих разномастных кораблей кружили по заливу в ожидании отплытия «Жаннетты».

К двум часам все офицеры и матросы «Жаннетты», за исключением Делонга, уже поднялись на борт. Капитан все еще оставался с Эммой в своем люксе в отеле «Палас». В парадной форме он сидел за столом и писал официальное письмо в Вашингтон.

Сан-Франциско, Калифорния,
8 июля 1879 года
Достопочтенному Р. У. Томпсону,
военно-морскому министру

Сэр,

имею честь сообщить Вам, что «Жаннетта», во всех отношениях готовая к плаванию, сегодня в три часа отправляется в путешествие в арктические регионы. Понимая возложенную на меня огромную ответственность, я прошу разрешения заверить Вас, что постараюсь исполнить свой долг с честью для судна, для флота и для страны. Настоящим я хочу засвидетельствовать, что благодаря щедрости и великодушию мистера Джеймса Гордона Беннетта экспедиция ни в чем не испытывает недостатка.

Ваш покорный слуга Джордж В. Делонг

Вскоре после завершения письма Делонг кивнул Эмме, и они вместе спустились вниз на одной из «поднимающихся комнат» «Паласа» и сели в ожидавший их на улице экипаж, который быстро довез их до пристани в конце Вашингтон-стрит. Когда ровно в три часа

Делонги вышли из экипажа, толпа взревела. Проводить «Жаннетту» пришло более 10 000 человек.

По замечанию Делонга, «толпа была приличная», и Телеграфный холм «почернел от людей». Он повернулся к собравшимся и приветственно снял фуражку, а затем они с Эммой протиснулись сквозь плотный строй официальных лиц и подошли к воде. Там на глазах у тысяч наблюдателей, которые свистели и размахивали шляпами, они сели в маленькую лодку и отплыли к «Жаннетте». Планировалось, что Эмма будет сопровождать Джорджа до Золотых Ворот, где наконец простится с мужем. Оттуда она вместе с близким другом Делонгов Уильямом Брэдфордом, который уже ждал их на борту «Жаннетты», вернется в город на одной из сопровождающих судно яхт.

Около четырех часов «Жаннетта» снялась с якоря, и ее винт ожил. Судно медленно повернуло к Аляске. Оно было так сильно нагружено углем и провизией, что скептики даже сомневались, сумеет ли Делонг обойти хотя бы самые медленные айсберги Арктики. «Жаннетта» «двигалась очень медленно, – заметил корреспондент «Кроникл», – словно бы специально подначивая сатирические ремарки о ее способности в минуту будущей опасности вовремя выбраться из медленно смыкающихся ледяных челюстей». В газете «Вальехо» написали, что при такой скорости «не пройдет и десяти лет, прежде чем она достигнет Северного полюса... при попутном ветре».

Пока «Жаннетта» скользила по заливу, ее сопровождали яхты, а люди толпились на палубах зафрахтованных паровых паромов, выкрикивая слова прощания в облаках носовых платков. Механику Мелвиллу такие проводы показались «поистине королевскими»: «множество людей ликовало, раздавались оглушительные ружейные выстрелы». Делонг чуть не прослезился от такого «проявления всеобщей любви».

И все же капитан не мог не заметить, что флотского руководства на пристани не было. «В толпе провожающих не было ни одного морского офицера, – писал Делонг. – Это весьма меня огорчило». Отсутствие сослуживцев было особенно подозрительно, поскольку Делонг знал, что три корабля Тихоокеанского флота – «Бдительный», «Аляска» и «Гускарора» – стояли на якоре всего в нескольких милях в стороне. словно бы это было недостаточно оскорбительно, флотский

буксир по своим делам прошел мимо «Жаннетты» к Мар-Айленду, не удосужившись даже посвистеть ей в знак приветствия. По мнению Эммы, такое «несправедливое отношение» флота объяснялось завистью к мировой славе «Жаннетты» и осуждением гибридной, частно-государственной природы этого проекта со стороны высших чинов.

Но когда «Жаннетта» подошла к Золотым Воротам, армия в некотором роде искупила вину флота: 4-й артиллерийский полк устроил салют из 11 пушек, установленных на бастионах форта. Грохот выстрелов разнесся над водой и обрадовал команду «Жаннетты». Коллинз пришел в восторг при виде огромных пушек, «отскакивающих от отдачи и испускающих густые клубы белого дыма, которые затем стелились по морю». Мелвилл назвал этот салют «торжественным завершением проводов... Никогда еще отплытие не было таким помпезным».

Делонг ответил на армейский салют, приспустив флаги, а из «медных глоток» сопровождающих яхт донеслась разноголосица гудков. «Мы увидели старый флаг, развевающийся высоко над твердыней Дяди Сэма, – написал Коллинз. – Прощайте, храбрецы! Пускай ваши пушки всегда приветствуют друзей и пугают врагов. Никто на борту не выказал ни намека на меланхолию. Мы все счастливы осознавать, что миллионы людей желают нам добра».

Вскоре «Жаннетта», покачиваясь на волнах, вышла в открытый океан и взяла курс на северо-запад. Небо впереди было туманно, дул холодный ветер. Коллинз попытался поднять настроение в кают-компании, сев за небольшой орган и исполнив для Эммы и Джорджа несколько отрывков из новой комической оперы Гилберта и Салливана «Корабль Ее Величества «Пинафор»». Около шести часов яхта «Забава» подошла к корме. Делонг понял этот маневр: Эмме и Брэдфорду пора было возвращаться в Сан-Франциско. «Час пробил... время настало, – написал Коллинз. – Нам пора проститься с цивилизацией».

Эмма ненадолго осталась наедине с доктором Эмблером, который за последние месяцы стал ей близким другом. «Станете ли вы другом моему мужу? – спросила она врача. – Вы ведь знаете, как одинока жизнь командующего офицера».

Эмблер пообещал ей поддерживать Делонга, но затем добавил, что Арктика – особенное место. «Не сомневаюсь, мы все потеряем там чувство меры, – сказал он. – Прошу, не судите нас слишком строго».

Делонг прервал их разговор коротким: «Пора». Пока с помощью шлюпбалки на воду спускали шлюпку, Эмма пожала руки всем офицерам, держась, по свидетельству Коллинза, «с героической стойкостью». Затем она повернулась к команде. «Будьте дружны и работайте рука об руку... Вы должны преуспеть! – сказала она. – Умоляю, будьте опорой своему капитану».

Джордж и Эмма спустились в шлюпку, за ними последовал Брэдфорд. Когда матросы поплыли к «Забаве», по словам Коллинза, «в глазах собравшихся на юте «Жаннетты» сверкнули слезы». Краткое путешествие между судами показалось Брэдфорду мучительным. «Молчание угнетало, – написал он впоследствии. – Его нарушал лишь скрип уключин да плеск воды». Достигнув «Забавы», Делонг сжал руку жены и просто сказал: «Прощай». Она обвила его шею руками, и они поцеловались. Только тогда, написал Делонг, его «постигло полное понимание этой разлуки... Он был потрясен».

Эмма поднялась на борт яхты, а затем обернулась и взглянула на Джорджа, словно бы, как показалось Брэдфорду, «безмолвно молясь за его безопасность». Брэдфорд видел, что «горечь разлуки усиливалась ее сожалением, что она не может разделить с мужем его испытания». Делонг, казалось, дрогнул, «как будто на мгновение лишившись мужества», но тут же взял себя в руки, повернулся к матросам и уверенно отдал приказ: «Гребите назад». Вскоре он вернулся на свой корабль.

Эмма смотрела вслед «Жаннетте», пока она не превратилась в серую точку на горизонте. Когда она скрылась из виду, Эмма спустилась в каюту, и «Забавка» пошла обратно в Сан-Франциско. «Я желала лишь одиночества, – написала Эмма. – Меня охватила полная апатия. Казалось... все кончено».

На борту «Жаннетты» Делонг сел за стол и с удовольствием сделал в бортовом журнале запись о долгожданном начале Американской арктической экспедиции. Он заметил: «Судно выходит в плавание к неизвестной части света, лежащей к северу от Берингова пролива. Да пребудет с нами божья милость».

Репортер «Кроникл» написал, что «Жаннетта» превратилась в «длинный черный силуэт на фоне яркого заката». И затем исчезла. «Три года спустя Делонг, вероятно, возвестит о своем возвращении. Пока что он потерян для мира. Он уплыл во тьму, и нам остается лишь всматриваться в нее в ожидании появления белых парусов «Жаннетты».

Часть III
Чудесный край, чтобы учиться
терпению

Глава 16

Тупик

Когда «Жаннетта» на всех парах шла на север, к Берингову проливу, другое известное на весь мир судно шло на юг вдоль тихоокеанского побережья России. Этим судном была «Вега», которой командовал путешественник Адольф Норденшёльд. Мир еще не знал об этом, но финско-шведский ученый и первооткрыватель месяцем ранее покинул свою зимовку в северо-восточной Сибири и подходил к берегам Японии, где собирался объявить о своем значительном достижении: Норденшёльд стал первым человеком, которому удалось пройти по Северо-Восточному проходу, то есть северным ходом обогнуть всю Евразию. Стараясь не отходить далеко от берега, «Вега» успешно миновала 18 000 миль Русской Арктики.

Делонг с самого начала знал, что с Норденшёльдом все в порядке и он вообще не подвергался риску. Подобно Ливингстону в Африке, скандинав вовсе не требовал «спасения», но Беннетт ни за что не хотел упустить возможность встречи Делонга и Норденшёльда и не терпел возражений.

Однако Норденшёльд вышел из зоны льда в крайне неудобный для Делонга момент. Делонг разминулся с ним всего на неделю. Когда Делонг добрался до Аляски, «Вега» как раз подходила к принадлежащим Японии Курильским островам. Как выразился один из историков Арктики, «где-то в туманном Беринговом море между Алеутскими островами и заливом Нортон «Жаннетта» в разные стороны разошлась с кораблем, который должна была искать».

Тем временем в Вашингтоне назревала еще одна проблема. В начале лета после нескольких лет серьезного изучения северной части Тихого океана и Берингова моря в порт вернулась шхуна, зафрахтованная для исследования береговой линии и геодезии США. Гидрографы и метеорологи, нанятые для геодезических исследований, до сих пор проводили кропотливый анализ океанических течений, глубин, солености, температур и господствующего ветрового режима. В частности, им хотелось узнать больше о Куроисио – японском Черном

течении. Большую часть данных еще только предстояло проанализировать, но уже начали вырисовываться кое-какие схемы.

Их выводы говорили о том, что течение Куроисио не такое сильное, теплое и надежное, как атлантический Гольфстрим. Поднимаясь вдоль побережья Японии и уходя в открытый океан, Куроисио разделялось на множество более мелких течений, постепенно теряя свою силу. Фактически в Беринговом проливе господствовали холодные течения, стремящиеся в южном направлении.

Итоговый отчет исследования должен был составить выдающийся натуралист из Гарварда Уильям Хэйли Долл. Долл был ученым широких интересов: он публиковал статьи по орнитологии, антропологии, океанографии и палеонтологии и провел множество метеорологических исследований для Смитсоновского института. Он много путешествовал по Аляске, где его имя стало хорошо известно.

Отчет Долла о Черном течении был вполне однозначен. «От Куроисио не отходит заметного рукава в северном направлении, между Алеутскими островами и Камчаткой, – написал он. – Никакого теплого течения из Берингова моря не входит в Берингов пролив. Пролит не в состоянии пропускать сквозь себя теплое течение достаточной силы, чтобы оказывать какой-либо ощутимый эффект на состояние полярного бассейна к северу от него. У нас нет сведений, которые бы намекали на легкий проход этим путем к полюсу или вообще куда-либо на север. На данный момент исследования никоим образом не подтверждают широко распространенное, но необоснованное мнение, что где-то в полярном море могут находиться крупные пространства, свободные ото льда».

Когда были опубликованы эти пугающие выводы, Делонг уже отплыл из Сан-Франциско, а потому так и не ознакомился с ними. Они поставили под вопрос почти все научные теории, на которых основывалась экспедиция «Жаннетты» и которые раз за разом получали подпитку в глазах общественности. После отплытия «Жаннетты» «Геральд» заявил, что «нет смысла отрицать, что теплое течение идет из Теплого океана в Северный Ледовитый через Берингов пролив». Но результаты исследования береговой линии и геодезии США показали, что под полярную шапку не заходит никакого теплого течения. Не было никаких термометрических врат. Скорее всего, не было и открытого полярного моря. Теории Сайласа Бенета, Мэтью

Фонтейна Мори и покойного Августа Петермана оказались совершенно несостоятельными.

Пока «Жаннетта» держала курс на север, в Вашингтоне ученые и чиновники медленно осознали новую информацию. Полученные данные свидетельствовали, что плавание Делонга, которое, в сущности, еще даже не началось, было абсолютно бесполезной затеей.

Внимательно изучил данные исследования и другой ученый – уважаемый химик и врач по имени Томас Антиселл. В своем обращении к Американскому географическому обществу в Нью-Йорке доктор Антиселл сделал беспощадные выводы. Врата, к которым направлялся Делонг, «на самом деле не были входом в Северный Ледовитый океан». «Фактически, – сказал он, – Тихий океан не имеет северного выхода, а Берингов пролив представляет собой не что иное, как тупик».

Глава 17

Во льдах

12 августа, чуть более месяца после выхода из Золотых Ворот в открытое море, «Жаннетта» вошла в бухту Сент-Майкла на Аляске. Как только она бросила якорь в заливе Нортон, часовой форта зарядил старинную чугунную пушку, оставшуюся здесь еще от русских, и сделал несколько выстрелов в честь «Жаннетты».

Основанное в 1833 году по приказу императора Николая I торговое поселение Сент-Майкл теперь стало центром американских операций на новой, еще не освоенной территории далекого севера. Городок был невелик – несколько старых пакгаузов, склад боеприпасов, пара скоплений небольших домов и старая русская православная церковь. Но именно этот порт стал последней остановкой Делонга на пути в неизвестность. Здесь он собирался пополнить запасы, взять на борт дополнительное количество угля, купить меха и собак и отправить корреспонденцию.

Сент-Майкл находился менее чем в сотне миль от самого северного рукава дельты Юкона, где красновато-коричневые воды реки втекали в холодное море. В Сент-Майкле часто бывали китобои, зверобои, шахтеры, охотники, торговцы и коммерческие агенты, которые продавали все необходимое для путешествия по Аляске. Считается, что каждый год в Сент-Майкле продавались огромные количества мехов и кож общей стоимостью более миллиона долларов.

Стоял сезон, когда прибывали корабли из Сан-Франциско, поэтому сотни индейцев и эскимосов лагерем стояли возле форта, ожидая встречи с представителями меховых компаний, чтобы обменять шкуры, меха и сушеную рыбу на ситец, ружья и ром. Индейцы группами сидели у костров, сложенных из плавникового леса, прибитого к берегам могучего Юкона. Было время бесчинств, драк и всяческих соревнований под полуденным солнцем, время пьяных игр и буйств.

Делонг хотел, чтобы его команда успела насладиться несколькими деньками арктического лета и принять участие в веселье, которое царило в этом суетливом порту на самой северной оконечности

американской империи. И все же Сент-Майкл показался ему «жалким местом». Делонг счел, что там чувствуется налет разложения, гниения и распутства, подпитываемого выпивкой и алчностью. Однако он понимал, что это, скорее всего, последняя на долгие годы их встреча с цивилизацией – или хотя бы ее подобием. «Возможно, Сент-Майкл еще покажется нам, – написал он, – истинным раем на земле».

Делонгу понадобилось 35 дней, чтобы пройти почти 3000 миль от Сан-Франциско до Сент-Майкла. Грузенное углем судно, по замечанию Делонга, «качалось и ворочалось, как свинья», но первые несколько дней все в целом шло гладко, и настроение на борту было приподнятым. Вечером Коллинз садился к органу и наигрывал мелодии, которые на бубнах и народных скрипках подхватывали другие участники экспедиции.

Поначалу Коллинз держал в узде свой веселый нрав, но вскоре уже начал смешить команду каламбурами. Как только шлюзы открылись, вода хлынула мощным потоком: Коллинз больше не мог сдерживаться. «Одни были хороши, – писал Делонг, – другие же – просто отвратительны». Частенько его каламбуры были непостижимы для остальных членов команды, поскольку основывались на шутке, к примеру, ирландской, которую другие просто не понимали. «Некоторое время мы отказывались понимать его остроты, – писал Делонг, – и смотрели на него невинно и любопытно, точно малые дети, по нескольку раз прося его объяснить смысл шутки, пока он наконец не восклицал, что наш интеллект, должно быть, слабеет по мере отдаления от Сан-Франциско. Теперь же мы позволяем ему каламбурить, хвалим удачные колкости и ругаем плохие».

В целом Делонг был донельзя доволен своим экипажем. Его подчиненные стали «маленькой семьей, лучшей командой в истории. Не было никаких признаков несогласия, никто не роптал». Команда Делонга представляла собой срез Америки «позолоченного века», то есть *иммигрантской* Америки: это были суровые, самодостаточные люди, которые жаждали лучшей жизни, чем та, что осталась в Старом Свете. Среди них были немцы, два датчанина, два ирландца, финн, шотландец, норвежец и русский. Были также американцы французского, голландского, шотландского и ирландского происхождения и три китайца.

В целом Делонг был донельзя доволен своим экипажем. Его подчиненные стали «маленькой семьей, лучшей командой в истории. Не было никаких признаков несогласия, никто не роптал».

Делонгу особенно понравились кок А Сэм и стюард Чарльз Тонг-Синг, нанятые в Чайна-тауне Сан-Франциско. По мнению Делонга, А Сэм готовил весьма хорошо и совершенствовался с каждым днем. Он мастерски пек хлеб, но кофе, на вкус моряков, заваривал слабовато, однако постепенно входил в курс дела и, похоже, был доволен своей работой. Делонгу казалось, что Сэм и Чарли «никогда не унывали», «не тревожились о будущем и не печалились о прошлом».

Но третий китаец, нанятый Делонгом, юнга А Синг, оказался настоящей катастрофой. Нервный, неуклюжий и бестолковый А Синг не говорил по-английски и за трапезой в столовой вечно спотыкался, разливая напитки и роняя еду, разбивая тарелки и чашки. По мнению Делонга, он был «совершенно бесполезен». «Из-за его глупости я уже едва не поседел», – писал капитан. А Сэм и Чарльз Тонг-Синг постоянно поправляли юнгу, извергая потоки китайской брани, но в улыбке А Синга было что-то тревожное. Болезненно любезная и неизменная, эта улыбка всех сводила с ума – и в особенности Мелвилла. По свидетельству Делонга: «Стоило мне лишь слово сказать, и Мелвилл тут же ссадил бы его с корабля и пристрелил без промедления».

На острове Уналашка из Алеутского архипелага Делонг ненадолго зашел в порт, чтобы взять кое-какой груз, включая меха, тюленьи и оленьи шкуры, одеяла, шесть тонн сушеной рыбы и 150 тонн угля. Он отправил корреспонденцию с направляющимся на юг пароходом и пошел дальше на север, в туманное Берингово море, к Сент-Майклу.

Несколько дней «Жаннетту» качало на высоких волнах, из-за чего менее опытных участников экспедиции поразила ужасная морская болезнь. По замечанию Делонга, А Синг напоминал «оживший труп». «Он казался собственной тенью, его длинная коса растрепалась в

спутанный клок волос, развевающихся на ветру, – писал Делонг. – Я не на шутку боялся, что он не выживет». Но хуже всех пришлось ирландцу-шутнику. «Несчастный Коллинз так страдал, что не заметил бы, даже если бы лишился матери, – свидетельствовал Делонг, радостно добавляя: – Его каламбуры на несколько дней прекратились». Но, как ни печально это было для капитана, когда «Жаннетта» подошла к Сент-Майклу, Коллинз полностью оправился и принялся «снова изводить» экипаж.

В Сент-Майкле Делонгу около недели пришлось дожидаться шхуны «Фрэнсис Хайд», которую Беннетт зафрахтовал в Сан-Франциско для перевозки дополнительных запасов угля. В это время капитан занялся другими вопросами. Он запасся копченой рыбой и сырым мясом и нанял эскимосов для пошива меховых костюмов и одеял из тюленьей кожи. Он купил сапоги из оленьих шкур, а также волчьи и норочьи шкуры. Он расспросил всех местных, не слышали ли они об экспедиции Норденшёльда (но никто о ней не знал). Представители Аляскинской торговой компании передали ему дополнительный запас оружия и боеприпасов. У эскимосов он купил сорок ездовых собак – «прекрасные животные, молодые и энергичные, они очень радостно встретили меня, когда я пришел с ними познакомиться».

Делонг изначально хотел взять с собой собак, но на Аляске понял, что ни он сам, ни члены его команды не знают, как ухаживать за ними и управлять упряжками. В связи с этим он прошелся по городку, чтобы пригласить двух опытных погонщиков присоединиться к экспедиции. Он быстро нашел двух молодых мужчин, согласных отправиться в Арктику: один из них, Алексей, назвался охотником и привел с собой друга по имени Анегин. Хотя оба они немного говорили по-английски, об экспедиции они почти ничего не знали: они не понимали, ни куда она направляется, ни какие цели перед собой ставит, ни с какими рисками сопряжено участие. Их в основном привлекла возможность заработать огромные, по их меркам, деньги: Алексею обещали платить 20 долларов в месяц, а также выделять небольшое содержание для его жены и ребенка. Более того, по окончании экспедиции ему сулили возможность забрать домой невероятную ценность – многозарядный

винчестер с тысячей патронов. Жалованье более молодого и холостого Анегина было немного меньше.

В конце концов груженная углем шхуна «Фрэнсис Хайд» прибыла в порт, и Делонг назначил отплытие на 21 августа. Тем утром двое эскимосских погонщиков поднялись на борт и познакомились с «Жаннеттой». Ненадолго на палубу взойшла и эскимосская девушка. Это была жена Алексея – крепкая, застенчивая молодая женщина, широкая улыбка которой не могла скрыть ее тревоги за мужа. С ними пришел и их маленький сын. Их прощание тронуло всех моряков «Жаннетты», многие из которых, без сомнения, скучали по своим подругам и женам. Супруги держались за руки, сидя на мешках с картошкой возле входа в каюту.

Коллинз описал этот момент в репортаже для «Геральд». Он счел, что жена Алексея «в сложившихся обстоятельствах вела себя в высшей степени достойно» и выказывала «стойкость вкупе с привязанностью к мужу». Они некоторое время тихо беседовали друг с другом, и в их глазах блестели слезы. В небе летали чайки, судно подрагивало, пока на него поднимали последние грузы. Когда эскимосская пара «обменялась клятвами вечной верности, – написал Коллинз, – я был очень тронут».

Возможно, вспоминая о собственном прощании с Эммой, Делонг тоже проникся моментом. Он решил подарить женщине что-то в память о корабле, на котором ее муж проведет следующие два-три года, и не нашел ничего лучше фарфоровых чашки и блюда с золотистой маркировкой «Флот Соединенных Штатов». Их сыну Делонг подарил губную гармошку. Жена Алексея с благодарностью приняла его дары. Казалось, «при виде этих сокровищ ее обуяли эмоции, – заметил Коллинз, – и она тотчас спрятала их в карманы, скрытые среди складок ее мехового платья».

Когда Делонг объявил, что провожающим пора покинуть корабль, Алексей не хотел отпускать жену. «Рука в руке, они бродили по палубе, – вспоминал Мелвилл, – пока наконец не попрощались с огромной нежностью, оставив в стороне все сомнения и страхи».

Прежде чем взять курс на север, Делонгу нужно было выполнить еще одну задачу – раскрыть тайну местоположения скандинавского путешественника Адольфа Норденшёльда. Он не обязан был *найти* Норденшёльда, но не мог не предоставить убедительных

доказательств, что его судно «Вега» без проблем перенесло зимовку и не нуждается в помощи. Эта задача по-прежнему тяготила Делонга, но приказ исходил от самого военно-морского министра, поэтому послушаться его он был не вправе. Само собой, Делонг не знал, что тайна уже раскрыта. Он боялся, что ему придется потерять недели, может даже месяцы, на эту глупую затею. Вечером 21 августа «Жаннетта» снялась с якоря и вместе со шхуной «Фрэнсис Хайд» взяла курс на запад, к сибирскому побережью, где капитан рассчитывал раздобыть сведения о «пропавшем» путешественнике.

Когда «Жаннетта» в качку пересекала Берингово море, на борт захлестнула огромная волна, которая ударила в стену каюты Делонга. Окно разбилось, внутрь хлынула вода. «Я дремал в кресле, – написал он, – как вдруг оказался погребенным под водой среди осколков стекла, а все мои вещи поплыли в разные стороны».

Достигнув русского залива Лаврентия, Делонг отправил на берег отряд с целью разузнать о Норденшёльде. Чукчи, похоже, знали об иностранном корабле, который перезимовал в замерзшей бухте вверх по побережью. Кое-кто даже вспомнил, что в июле видел пароход, идущий вдоль берега на юг.

Не теряя времени, Делонг повернул на север, к островам Диомида и Берингову проливу. 27 августа в открытом море возле пролива «Жаннетта» и ее угольный тендер «Фрэнсис Хайд» приготовились разойтись в разные стороны. Делонг взял последние запасы угля и передал на другое судно корреспонденцию, включая его последнее письмо домой, Эмме. Он также решил отослать обратно в Сан-Франциско бестолкового юнгу А Синга. От него не было никакого толку. «Я уволил китайского парнишку, – написал Делонг. – Философски приняв неизбежное, он взошел на борт шхуны с той же глупой детской улыбкой, которая не сходила с его лица во время нашего плавания».

Затем «Жаннетта» взяла курс на север, а шхуна «Фрэнсис Хайд» повернула на юг. В связке писем, которые были переданы на «Фрэнсис Хайд», оказался и написанный Коллинзом для «Геральд» репортаж, завершавшийся словами: «Чувствуя поддержку всего, что осталось на родине, мы отправляемся на север, надеясь на божью милость и удачу. Прощайте!»

Делонг направился прямо к мысу Восточный, который теперь называется мысом Дежнева и представляет собой самую восточную точку Евразии. Там, используя погонщика Алексея в качестве переводчика, он узнал от живущей в деревне старухи, что корабль путешественников действительно останавливался на зимовку на Колючинской губе выше по побережью.

После пересечения Полярного круга «Жаннетта» пристала к берегу у мыса Сердце-Камень. Там местные жители несколько часов вели моряков Делонга по поросшей мхом тундре к укромному месту, где, по их уверениям, без проблем перезимовала иностранная экспедиция. Там разведчики Делонга обнаружили навесы, несколько консервных банок с маркировкой «Стокгольм» и клочки бумаги с надписями на шведском. Кроме того, как выразился Даненхауэр, они нашли «весьма примечательные снимки профессиональных красавиц Стокгольма». Чукчи показали морякам подаренные им пуговицы с гравировкой, которые оказались шведскими, датскими и русскими. Прибегнув к жестам и пантомиме, чукчи объяснили, что иностранный пароход ушел на восток, как только растаял лед.

По мнению Делонга, этих свидетельств было вполне достаточно, чтобы объявить о раскрытии тайны и снять с себя обязанности детектива. «Полагаю, мы все обрадовались наконец узнать, – написал он, – что Норденшёльд в безопасности и мы можем отправиться к Земле Врангеля... ликуя, мы решили продолжить свой путь».

Итак, теперь ничто не мешало Делонгу взять курс на север. 31 августа он вывел «Жаннетту» из Колючинской губы и повел туда, где предполагалось обнаружить Землю Врангеля. Ему нужно было нагнать потерянное время и не упустить последние летние дни, чтобы продвинуться как можно севернее. «Наконец-то, – заметил Даненхауэр, – мы почувствовали, что начался наш арктический вояж».

Первые два дня они шли под парусом по свободным ото льда морям, но затем стали встречать все более крупные осколки дрейфующих льдов. Было ясно и холодно, температура колебалась в районе минус шести градусов Цельсия. Налетевший на судно шквал покрыл всю оснастку гладкой белой пленкой, став предвестником грядущей непогоды. «Все вокруг покрылось снежной пеленой, – написал Делонг. – Было очень красиво». Снег его не тревожил, зато

тревожил лед. «Вокруг нас наблюдается постепенное схождение крупных льдин, – заметил он. – Похоже, нас окружает паковый лед равномерной толщины около семи футов».

Неожиданно ранний ледостав компенсировался хорошими новостями: 4 сентября дежуривший в вороньем гнезде Данбар увидел остров Геральд – хорошо знакомый китобоям крошечный утес в Чукотском море. Не связанный с газетой Беннетта остров был назван в 1849 году человеком, который первым увидел его и высадился на его берег, сэром Генри Келлетом, капитаном британского судна «Геральд». Остров Геральд был точно отмечен на приблизительных планах Делонга, но он знал, что за ним, милях в пятидесяти к западу, в тумане лежит Земля Врангеля, призрачный трансполярный континент Петермана. Именно он был фактической и символической целью Делонга, но капитан до сих пор не мог его разглядеть.

На следующий день моряки все же увидели Землю Врангеля – или же им так показалось. «В первой половине дня, – писал Делонг, – мы несколько раз отчетливо различили землю к юго-востоку от острова Геральд. Сперва мне показалось, что это был ложный остров, не более чем мираж, но затем я разглядел заснеженные горные вершины, пики которых были так хорошо очерчены, что не могли быть лишь миражом, и укрепился во мнении, что мы на самом деле видели Землю Врангеля».

Когда берег заметили еще несколько раз, экипаж больше не сомневался: перед ними была Земля Врангеля! Моряки обрадовались при мысли, что до земли, где можно будет перезимовать и начать исследования неизведанной территории, осталось совсем немного.

Однако радость длилась недолго, поскольку теперь корабль сталкивался со все более крупными кусками льда, которые после столкновения медленно отплывали в сторону. Поднявшись в воронье гнездо, Делонг старался как можно точнее читать картину водяных вихрей и шел вперед, пробиваясь сквозь смыкающийся лед. «Борта исцарапаны и изрезаны, – писал он, – но эти шрамы получены в благородной битве со льдом».

Плавание во льдах напоминало Делонгу о его гренландском вояже на «Малой Джуниате». Ему часто приходилось снова и снова таранить лед, прежде чем судну удавалось пройти дальше. Обычно трещины

паутиной расходились во все стороны от носа корабля, после чего «Жаннетта», по словам Делонга, «раздвигала льдины и протискивалась вперед». Пробиваясь по узким протокам, Делонг все больше и больше полагался на советы Данбара. Старик из Новой Англии видел то, чего не видели другие, и различал во льду непостижимые для остальных картины. Как сказал Мелвилл, он был «заслуженным моряком и арктическим авторитетом... с таким острым взглядом, который появляется только после сорока лет плавания по морям».

Порой команде приходилось использовать паровой брашпиль и с помощью крюков и веревок цеплять «Жаннетту» ко льдинам и рывками двигать ее вперед. Паровой двигатель «Жаннетты» ревел, работая на износ, в воздух вырывались клубы дыма и горячего пара, паровой брашпиль скрежетал от натуги. Иногда, чтобы сэкономить уголь, Делонг спускал моряков и собак на лед, где они ценой титанических усилий пытались сдвинуть судно с места. В тяжелом, влажном воздухе раздавалось натужное рычание людей и зверей, которые вели корабль по зазорам в ледяном покрове. Матросы закапывались в снег, натягивая веревки, а собаки изо всех сил тянули «Жаннетту» вперед.

Но возможности Делонга таяли на глазах. Лед встал со всех сторон от судна и перекрыл путь. Все трещины стремительно закрывались. «Мы проверили все полыньи в северном направлении, – писал Мелвилл, добавляя: – Лед отрезал нам и путь назад». Как только судно проходило по очередной трещине, Мелвилл оглядывался и замечал, что эта трещина затягивается снова, смыкаясь подобно огромному стальному капкану.

Давление на корабль было ужасным. Во всех направлениях гремели взрывы, и острые осколки льдин с силой сталкивались друг с другом, время от времени формируя торосы. Тут и там сквозь трещины во льду прорывались небольшие гейзеры волн. Гигантские льдины с жутким скрежетом налетали друг на друга и медленно рассыпались на части, покачиваясь на волнах.

Делонг пытался найти путь к Земле Врангеля, но все было тщетно. Лед сбивал его с пути и направлял на северо-восток, все дальше и дальше от его цели. Экипаж еще несколько раз увидел Землю Врангеля – по прикидкам Делонга, это было «плоскогорье с

несколькими пиками», – но она стремительно отдалялась. «Это земля, к которой ровно два месяца назад мы отплыли из Сан-Франциско, надеясь исследовать ее грядущей зимой, – сетовал Делонг. – Но человек предполагает, а Бог располагает».

Корпус «Жаннетты» теперь содрогался пуще прежнего, она расталкивала все более внушительные льды. Толщина ледового покрова во многих местах достигала 15 футов. Несколько раз нос судна высоко задирался, наползая на льдину, ненадолго замирал, а затем скатывался обратно в воду.

И все же «Жаннетта» не сдавалась, несмотря ни на что. Делонг доверился инженерам Мар-Айленда, которые существенно укрепили корпус судна, и пока их работа окупала себя. «Судно сильно трясло, – писал Даненхауэр, – но это не наносило ему никакого вреда. Корабль прекрасно справлялся с толчками».

В воскресенье, 7 сентября, моряки почувствовали, как нарастает давление по правому борту, после чего огромная льдина вытолкнула «Жаннетту» на лед – из-за этого судно сильно накренилось. Другие льдины сомкнулись вокруг корабля. Под давлением балки «Жаннетты» затрещали. Через несколько минут «Жаннетта» оказалась в ловушке. Перегруженный паровой двигатель визжал, испуская клубы густого дыма, но судно не могло сдвинуться ни на дюйм. Как выражались китобой Арктики, корабль «затерло во льдах».

Даненхауэр написал: «Мы загребли жар, спустили якоря и остались там. Продвинуться дальше мы не могли». «Жаннетта» стояла под углом, из-за чего моряки не могли спокойно, не опасаясь падения, ходить по палубе, нормально сидеть и лежать на своих койках. Лед становился все тверже, с громкими хлопками испуская пузыри воздуха, разрушая собственные полости и карманы. Постепенно лед превращался в цемент.

Осмотревшись, Делонг задумался, что сделал не так. Данные водного термометра не давали никаких намеков на теплое течение, направленное на север. Куда же подевалось Куросио? Если термометрические врата и существовали, они явно были не здесь. Открытое полярное море казалось дальше, чем когда-либо. «Лед простирается до горизонта, – написал Делонг. – При взгляде на него кажется не только, что он никогда не таял и не превращался в воду...

но и что он никогда не растает. Чтобы освободить нас из плена, нужно как минимум землетрясение».

Конечно, он с самого начала знал, что «Жаннетта» в какой-то момент окажется затертой во льдах, но не предполагал, что это случится так рано и на столь южной широте. До наступления зимы он надеялся достичь 80-й параллели, но теперь они застряли во льдах на 72-й. Это было даже неловко. Делонг планировал сойти на берег Земли Врангеля и найти там защищенную бухту, в которой сможет поставить «Жаннетту» на якорь вдали от опасного давления пакового льда. Но теперь «Жаннетта» оказалась в ловушке гораздо более могучих сил, о коварстве которых Делонг не хотел и думать. Теперь он, как никогда, проклинал задержки из-за бессмысленных поисков Норденшёльда. Делонг полагал – и, возможно, был прав, – что потерянная неделя у сибирских берегов стоила ему возможности высадиться на Землю Врангеля и до наступления Нового года достичь каких-либо значительных успехов в исследовании новых территорий или побить рекорд северной широты.

Хотя «Жаннетту» и затерло во льдах, ее капитан не потерял присутствия духа. Он надеялся, что это лишь временная задержка, обусловленная отклонением от обычной сезонной схемы. Китобои Арктики сказали ему, что «во второй половине сентября и в начале октября в этих широтах наступает бабье лето», – оптимистически писал он. Он не сомневался, что следующий период теплой погоды их «освободит». «Полагаю, сейчас наблюдается исключительное состояние льда, – заметил он, – и сентябрьские шторма разобьют лед и откроют нам выход».

Но порой Делонг считал, что застрял на всю зиму. Казалось, он решил смириться с этим и найти какой-нибудь смысл в задержке. «Это чудесный край, чтобы учиться терпению, – написал он. – Моему разочарованию нет предела; его глубину, возможно, никому не понять. Нам не осталось ничего, кроме как искать плюсы в сложившемся положении и оставаться на месте».

Судно прорывается сквозь полярную шапку, расталкивая льдины, и держит курс на север и запад, но, похоже, не

справляется с задачей... Больше «Жаннетту» никто не видел.

Пока лед смыкался вокруг «Жаннетты», вдоль южной границы ледовой шапки вела промысел американская китобойная флотилия, которая спешила поймать последнюю добычу в этом сезоне перед возвращением в Сан-Франциско. Капитаны флотилии заметили, что на севере, милях в десяти от них, неподалеку от острова Геральд, стоит судно. Даже издали капитан китобойного барка «Хелен Мар» по фамилии Болдри разглядел, что это пароход и что ему придется несладко.

Болдри изучил его в подзорную трубу и попытался понять, что он делает. Он не сомневался, что на том судне не китобои. Было слишком поздно идти в том направлении и пытаться пересечь границу изученного мира. Но дрожащие клубы дыма подсказали ему, что судно прорывается сквозь полярную шапку, расталкивая льдины, и держит курс на север и запад, но, похоже, не справляется с задачей.

Когда барк «Хелен Мар» и сопровождавшие его корабли «Морской бриз» и «Рассвет» вернулись в Калифорнию, наблюдения их капитанов попали в газеты Сан-Франциско. Больше «Жаннетту» никто не видел.

Глава 18

В кругу франтов

В том августе, пока Делонг пробивался на север, Джеймс Гордон Беннетт был в Ньюпорте, в Род-Айленде, где проводил лето в компании приятелей и навещал сестру – Жаннетту Беннетт Белл. Его яхта стояла на якоре в порту, и большую часть лета он ходил под парусом, разъезжал в экипаже и пировал с друзьями. Его бестактность в доме Мэев уже простили, и его снова приняли в общество ньюпортских «дачников». Беннетта стали считать душой компании, таким желанным провокатором. После его прибытия в Ньюпорт 2 августа в газете «Ньюпорт Меркьюри» написали: «Все сразу стали ждать открытия сезона вечеринок и спортивных игр, ведь мистер Беннетт обладает необходимыми энергией и настойчивостью, чтобы дать старт веселью».

Беннетт был членом солидной и консервативной «Ньюпортской читальни» – аристократического клуба, куда принимали только самых знатных и состоятельных джентльменов. «Читальня» казалась ему ужасающе скучной, и одним августовским днем он решил потрепать ей перья. Судя по всему, он пьянствовал со своим старым приятелем Генри Огастесом Кэнди, заядлым английским игроком в поло и капитаном британской кавалерии. Беннетт бросил Кэнди вызов – очевидно, подкрепив его пари, – чтобы тот сделал что-то такое, что всколыхнет чопорных членов «Читальни». Кэнди принял этот вызов и разработал план.

Ближе к вечеру одетый в форму для поло капитан Кэнди оседлал своего коня и поскакал к серовато-желтому зданию «Читальни» на Бельвью-авеню. Он на коне поднялся по ступенькам, въехал в парадную дверь и в приемный зал. Говорят, вышколенный стюард вскричал: «Сэр, сюда на лошади нельзя!» Но Кэнди не обратил на него внимания и направился в салон, а затем проехался по бару и остальным комнатам, полностью игнорируя опеших членов клуба, которые читали журналы, потягивая джинс с тоником. Затем Кэнди мастерски развернул коня, выехал обратно через парадную дверь и ускакал прочь.

Кэнди выиграл пари с Беннеттом и зарекомендовал себя великолепным наездником, но после этого члены клуба незамедлительно исключили его из своих рядов и навсегда запретили им с Беннеттом появляться в здании «Читальни». Холодная реакция «Читальни» на розыгрыш была вполне предсказуема, но все равно задела тонкие чувства Беннетта. В пылу негодования он решил основать новый клуб, более спортивный и разнузданный и менее скованный традициями. Он назвал его «Ньюпортским казино».

Беннетт купил большой земельный участок на Бельвью-авеню неподалеку от «Читальни». «Ньюпортское казино» должно было стать роскошным дворцом веселья – в отпор всем, кто называл Ньюпорт скучным. В нем планировалось организовать дорожки для боулинга, поставить бильярдные столы, построить теннисные корты, а также устроить театр, ресторан, несколько баров и бальный зал. Беннетт нанял лучшего из доступных ему архитекторов – молодого Стэнфорда Уайта из знаменитой фирмы «Макким, Мид и Уайт». Вскоре начертили планы и заложили фундамент. Торжественное открытие было назначено на следующее лето.

В голове у Беннетта постепенно зрела идея: «Ньюпортское казино» могло устраивать соревнования по теннису. В прошлом Беннетт успешно познакомил Соединенные Штаты с поло и теперь хотел привезти в Америку новомодный английский спорт. Он представлял, что его казино станет колыбелью американского тенниса.

Остаток года Беннетт изучал планы. Ему вскружило голову от волнения. Уж он покажет «Ньюпортской читальне», где раки зимуют! Тем летом Беннетт о чем только не думал, но об Арктике даже не вспоминал.

Глава 19

Если случится несчастье

После того как «Жаннетта» покинула Сан-Франциско, Эмма Делонг поняла, что ей нужно, по ее же словам, «морально подготовиться к очень долгому ожиданию». В тот день она вернулась в свой номер в отеле «Палас» и впала в ступор. Силы покинули ее. У нее не осталось ни воли, ни интереса к миру. «Мне не хотелось ничего делать, – написала она. – Мне не хотелось даже думать». Сильвия временно жила у ее сестры на Среднем Западе, поэтому заботиться ей было не о ком. Ее родители были в Австралии – они должны были прибыть в Сан-Франциско к отплытию «Жаннетты», но их пароход задерживался, так что до их приезда оставалась еще неделя. На несколько дней Эмма превратила свой номер в темную пещеру, из которой никуда не выходила.

Один из близких друзей Делонгов Уильям Брэдфорд, который сопровождал Эмму обратно на берег от Золотых Ворот в день отплытия «Жаннетты», часть года проводил в Сан-Франциско и держал там студию. Однажды он зашел проведать Эмму, увидел, как она страдает, и предложил ей немного отвлечься и посетить Йосемити.

Услышав это, Эмма просияла. Она никогда там не была и не видела красот Калифорнии. Брэдфорд собрался взять с собой краски и фотографическое оборудование и запечатлеть великолепные пейзажи, пока Эмма будет гулять по долине и устраивать пикники в компании его жены.

Эмме всегда было приятно общаться с Уильямом Брэдфордом. Он был спокойным человеком 56 лет с открытым и добрым лицом, кудрявыми рыжими волосами и исключительно кустистыми бакенбардами. В течение жизни он успел девять раз посетить Арктику, в основном путешествуя вокруг Гренландии, и всегда возвращался домой не только здоровым, но и ободренным. Он был одним из самых выразительных и убедительных проповедников северного мира. Его тщательно выполненные виды Арктики прекрасно продавались по обе стороны Атлантики. Одну из его работ приобрела сама королева Виктория. Он также был уважаемым членом Американского

географического общества в Нью-Йорке, а прочитанные им по всему миру лекции немало возбудили общественные фантазии о великом севере. Благодаря Брэдфорду Арктика стала казаться экзотическим и притягательным краем, страной особого величия. Он так описывал ее и так изображал на своих картинах и фотографиях, что Арктика обрела собственную эстетику – даже будучи опасной, она манила к себе.

«Нет явления... более блистательного, чем шторм, который обрушивается на край ледяной шапки, – писал Брэдфорд. – Волна за волной, обрушиваясь с ужасающей силой и мощью, вода ударяется о лед, ломает его, разрывает на части и раскалывает на куски, выбрасывая огромные осколки на не поддающуюся натиску поверхность. Эта величайшая война стихий незабываема».

По сути своей, работа Брэдфорда основывалась на тяге человека к неизведанному. В душе он был путешественником, он разделял и одобрял стремление Делонга на север. Родившийся в маленьком городке неподалеку от Нью-Бедфорда в штате Массачусетс, Брэдфорд принадлежал к Гудзонской школе живописи и славился изображением затертых во льдах китобойных судов, причудливых айсбергов, укутанных в меха людей, сражающихся с полярными медведями, и ледниковых фьордов, освещенных полуночным солнцем. Хотя все его сюжеты были проникнуты одиночеством и даже отчаянием, он умудрялся вдохнуть в них красоту и волшебство.

Эмма находила утешение в компании друга, которому столь суровые земли казались такими притягательными. Она старалась думать, что Джордж направляется в воспетый Брэдфордом романтический край. Спокойствие его картин и поведения успокаивали и ее саму.

Поэтому Эмма присоединилась к Брэдфордам, и они на поезде и на конном экипаже двинулись на восток, к Сьерра-Неваде. Они проехали между секвой в лесу Калаверас – одно из гигантских деревьев обещали назвать Жаннеттой в честь экспедиции. Они добрались до Йосемити и своими глазами увидели водопады и огромные гранитные скалы – Эль-Капитан, Хаф-Доум, Сентинел-Доум. Эмме нужна была такая экскурсия. «Хотя сначала я пребывала в апатии, – писала она, – виды постепенно очаровывали меня. Это было мне на пользу, и вскоре силы вернулись ко мне, и я снова начала радоваться жизни».

По возвращении в Сан-Франциско Эмма ожила. Ее родители приплыли из Австралии и ждали ее в отеле «Палас». Эмма была рада встретиться с ними и вместе бродить по холмистому городу. Затем они сели на поезд до Берлингтона в Айове, где вместе с мужем, генералом С. Л. Глазго, жила ее сестра. Сильвия несколько месяцев жила у них, и теперь чета Глазго пригласила Эмму вместе с дочерью остановиться у них на все время экспедиции «Жаннетты». Именно в этом городке, построенном на высоком берегу Миссисипи, Эмма и провела большую часть своего «очень долгого ожидания». Она исправно писала письма Джорджу, понимая, что они, возможно, так до него и не доберутся, и называла их «письмами в никуда». Они стали для нее целительной практикой. Она писала каждое письмо в трех копиях, чтобы отправить одновременно в несколько арктических деревушек – в торговые и промысловые центры Аляски, Гренландии и норвежского Шпицбергена. Гренландию и Шпицберген она включила в свой список в надежде, что «Жаннетта», достигнув Северного полюса, переплывет открытое полярное море и выйдет из льдов по другую сторону Арктики.

Вскоре после того как Эмма обосновалась в доме Глазго, она подхватила таинственный вирус, из-за которого несколько недель не вставала с постели. Пока из Арктики не было никаких вестей, и она начинала волноваться. Но когда она окрепла и наконец смогла сесть, с Аляски прибыла целая стопка корреспонденции. Письма Джорджа наконец нашли ее.

В одном из них он написал, что повесил фотографии Эммы и Сильвии в изголовье своей койки. Во время долгого плавания вокруг Южной Америки Джордж привык, что они обе рядом с ним на «Жаннетте», и теперь все время представлял их рядом. «Каждый день я по нескольку раз захожу в кают-компанию, – писал он, – и ужасно расстраиваюсь, когда не нахожу тебя там! Не знаю, смогу ли я привыкнуть, что тебя нет рядом». 9 августа он написал: «Порой мне кажется, что слава всех полярных экспедиций мира не заменит мне счастья хоть пять минут провести рядом с тобой».

Джордж по-прежнему хранил подарок, который Эмма вручила ему, когда он начал ухаживать за ней в Гавре – маленький талисман, сопровождавший его в море в холостые годы. «Я нашел синий

мешочек с локоном твоих волос и крестом, – написал он, – и теперь ношу его в кармане и скучаю по тебе столь же сильно, как и одиннадцать лет назад». В один из конвертов была вложена его фотография с подписью: «Моей жене, чтобы ей было на что смотреть, когда она гадает, где я».

В основном письма были короткими и сухими, в них в подробностях описывалось путешествие – что было вполне естественно, ведь Джордж считал Эмму помощником капитана экспедиции. Но тон последнего письма, датированного 27 августа, гораздо мягче. Включенное в последнюю за сезон пачку полярной корреспонденции, оно было последней весточкой перед входом в зону льдов.

27 августа

Мы поднимаем на борт последние припасы и отплываем в семь часов вечера. Погода прекрасная – дует легкий южный ветер, море спокойно. Мне не терпится отплыть. И все же это словно новое прощание. Однако я взялся за это дело и не собираюсь его бросать.

Прощай. Шлю тебе тысячу поцелуев. С божьей помощью я еще дам тебе повод гордиться мужем. Не забывай меня – настанет день, когда я вернусь к своей жене и дочери. Да хранит тебя Бог, где бы ты ни была, и да хранит он твою любовь ко мне.

Если же случится несчастье и мы уже не встретимся в этом мире, не сомневайся, что всегда была верна мне словом и делом. Другой столь любящей жены не найти. Мое сердце и моя душа принадлежат тебе... моя любимая, моя дорогая, прощай.

Глава 20

Обман и западня

Весь сентябрь и весь октябрь «Жаннетта» оставалась в ледовых тисках. Делонг больше не питал иллюзий: они застряли на всю зиму. Пора было разбивать лагерь. Делонг велел матросам снять руль и закрепить его на палубе, чтобы его не повредило льдами. Затем он приказал им покрыть двигатели свинцовыми белилами и смазать и осушить трубы, чтобы они не замерзли. Он выдал всем комплекты меховой одежды. Он велел плотникам сколотить надстройку для палубной рубки и утеплить ее стены несколькими слоями войлока. Чтобы снизить потерю тепла через корпус, он приказал матросам окружить «Жаннетту» снегом по самый леер.

В основном «Жаннетта» дрейфовала в северо-западном направлении, но льдины порой двигались хаотично, меняя направление день ото дня и даже от минуты к минуте. Не раз команда корабля обнаруживала, что несколько недель, а порой и месяцев спустя они возвращались на то же место. «Жаннетта» стояла, сильно накренившись на правый борт, и время от времени содрогалась от порывов ветра, но в остальном казалась вполне стабильно вмороженной в свою ледяную ловушку. Мелвилл заметил, что корабль был словно «вплавлен... в лед». Делонг же счел, что «Жаннетта» стоит «столь же твердо, как в сухом доке».

Дрейфуя во льдах, они не сводили глаз с Земли Врангеля. Проходя к северу от нее, они увидели ее с того ракурса, который еще не покорялся человеку. Казалось, они зашли на темную сторону Луны. Когда они прошли вдоль берега, Делонгу стали очевидны две вещи. Во-первых, им было не достичь Земли Врангеля, поскольку льдины относили их слишком далеко от нее и двигались слишком быстро, чтобы можно было без опаски сойти с корабля.

Во-вторых, они все же сделали значительное открытие: обогнув Землю Врангеля, Делонг понял, что она не соединяется с другими землями на севере. Правда заключалась в том, что Земля Врангеля была довольно крупным островом, но не континентом. Идея Петермана о трансполярном материке оказалась ошибочной. «Теория

доктора Петермана не оправдалась, – написал Даненхауэр, – поскольку обособленность земли очевидна». Земля Врангеля никоим образом не была связана с Гренландией. (Вот вам и «ваш хваленый континент», – ворчал Мелвилл.) Карты можно было менять: Земли Врангеля больше не было – она стала островом Врангеля.

Делонг также опроверг и миф о существовании термометрических врат. Ледовая шапка, в которой намертво застрял его корабль, сама собой, заставила Делонга сомневаться в прославленной теории Сайласа Бента, но медленное и тщательное накопление «Жаннеттой» научных данных убедило капитана в этом мнении. Каждый день его люди спускались на лед и бурили скважины, чтобы измерить глубину океана, скорость течения, соленость, точную силу притяжения и температуру. Ни разу при этих измерениях они не обнаружили ни единого намека на существование теплого течения, направленного на север или вообще куда-либо. Куросио нигде не было. Смотря на бесконечные ледовые просторы, Делонг проклинал блестящую идею, которая завела его в ловушку. Капитан написал: «Объявляю термометрические врата Северного полюса обманом и западней».

Вскоре у Делонга появились сомнения даже в драгоценной идее о существовании открытого полярного моря. Этот неумолимый лед никак не походил лишь на «кольцо» или «пояс», который можно преодолеть. Казалось, он простирался во всех направлениях, а его давление позволяло предположить наличие невероятно больших масс еще более толстого льда. «Может, это море всегда мертво? – гадал Делонг. – Может, лед никогда не уходит? Должен же он куда-то уходить. Сейчас я бы не удивился, если бы узнал, что океан промерз до самого экватора. Полагаю, эти льдины будут болтаться здесь до скончания века».

Поздними вечерами, курия в кают-компании, Делонг и Даненхауэр начали постигать истину: они уже подозревали, что полюс покрыт огромным и постоянным, хоть и непрерывно движущимся, ледяным панцирем. Там не было ни крупных материков, ни бассейнов открытой воды, но этот лед, похоже, двигался по часовой стрелке, подгоняемый течениями и ветрами. Даненхауэр писал: «Некоторые из нас полагают, что полярный регион покрыт огромной «ледяной шапкой», которая

медленно двигается в направлении стрелок часов, однако в ряде областей направление дрейфа меняется».

Экспедиция «Жаннетты» таким образом лишилась своих организующих идей и всей таинственной романтики и постепенно начала заменять их осознанием того, что на самом деле представляет собой Арктика. Это, в свою очередь, привело Делонга к пониманию, что его ждет бесконечно более опасное путешествие. Они все еще могли достичь Северного полюса, но почти наверняка не могли до него *доплыть*.

Пока что Делонгу пришлось сконцентрироваться на устройстве корабельного хозяйства. Постепенно складывался распорядок дня: все были на палубе к семи. В семь пятнадцать разжигали печи камбуза. Завтрак подавали в восемь. До полудня занимались делами на палубе. В полдень проводили измерения.

Затем все спускались на лед и два часа упражнялись. Иногда они надевали снегоступы и ходили вокруг корабля, нередко с винтовками наготове, на случай, если покажутся моржи, тюлени или другие промысловые звери. Бывало, они находили ровный участок на льду и надевали коньки. Часто они играли на льду в футбол.

Обед подавался в три часа дня, после чего печи камбуза гасили, чтобы беречь уголь. Между семью и восемью часами пили чай с легкими закусками. Вечером Даненхауэр давал уроки навигации для всех желающих, а остальные офицеры собирались в кают-компанию, чтобы покурить и подвести итоги дня. В десять выключали свет.

Ром и другой алкоголь были под запретом и разрешались Делонгом только по праздникам. Первого числа каждого месяца доктор Эмблер проводил медицинский осмотр всех без исключения офицеров и членов команды. По воскресеньям Делонг зачитывал военный кодекс, а затем проводил краткий молебен.

Таков был устоявшийся порядок дней, но у некоторых участников экспедиции были и свои задачи. Даненхауэр большую часть времени занимался метеорологическими и астрономическими наблюдениями. В свободное от осмотра пациентов время доктор Эмблер проходил по каютам и проверял, не скопился ли там углекислый газ, а также с помощью нитрата серебра оценивал соленость питьевой воды.

Двое эскимосов, Алексей и Анегин, в основном занимались, по меткому выражению Делонга, «бандитской шайкой» собак, которые почти постоянно дрались друг с другом, скулили и пачкали палубы. Алексею и Анегину так не нравились душные каюты, что они соорудили себе пристанище прямо на палубе. Они были отличными охотниками – раз в пару дней на корабле появлялись свежие тюленьи туши, – но порой делали странные, мистические вещи, которые пугали остальных моряков. Они говорили с луной. Они приносили табак в жертву льду. Иногда они с поразительной точностью предсказывали поведение собак. Однажды, подстрелив гигантского моржа, Алексей снял рукавицу, засунул руку в горло своей жертвы, а затем вытащил ее и измазал теплой кровью лоб. «На удачу», – сказал он. В другой раз, убив тюленя, Алексей отделил небольшие кусочки его задних ласт, вытащил желчный пузырь и осторожно опустил все это в полынью. «Пусть будет еще один тюлень», – объяснил он. И все же Делонг был доволен эскимосами и видел во всех их действиях «спокойное достоинство».

Двое китайцев, А Сэм и Чарльз Тонг-Синг, редко покидали камбуз, где научились готовить такие деликатесы, как тюленьи котлетки, жареные чайки и любимое блюдо команды – моржовые сосиски. «На удивление вкусная вещь», – заметил Делонг. Тюленей и моржей, настаивал он, «не стоит гнушаться». Сэм и Чарли спали тоже на камбузе, в небольшом, отгороженном занавеской отсеке, где они поддерживали безукоризненную чистоту. Помимо пения и игры в карты было лишь одно занятие, которому они с радостью предавались в свободное от готовки время: иногда они выходили на лед и запускали цветастых воздушных змеев с длинными бумажными хвостами. Это зрелище было по нраву и всем остальным участникам экспедиции. Сэм и Чарли, по свидетельству Делонга, были «словно бы бесстрашны... при любой погоде, при любых обстоятельствах... они были столь же несокрушимы в этом холоде, как и в сезон тропической весны. Они не дружили с другими матросами, но тем не менее всегда пребывали в приподнятом настроении и наслаждались обществом друг друга».

Рекомендованный Смитсоновским институтом натуралист Ньюкомб в основном охотился на птиц, собирал любопытные образцы и зачерпывал с океанского дна синюю муть, в которой искал морские

организмы. Его кабинет быстро стал походить на скотобойню: повсюду лежали разлагающиеся туши животных – или их части, – вонь которых в сочетании с резкими запахами необходимых для работы химикатов была поистине тошнотворной. В его коллекцию уже попали зародыш моржа, множество морских звезд и двустворчатых моллюсков, различные виды полярных рыб, несколько тупиков, альбатрос с 7-футовым размахом крыльев и две редкие розовые чайки. Большинство моряков считало Ньюкомба – которого многие называли Ньюней, – жутковатым и странным. Как заметил Мелвилл, «чем меньше мне придется с ним общаться, тем лучше».

Делонгу Ньюкомб тоже казался немного странным, но он был впечатлен его усердием. «С естественной историей у нас нет никаких проблем, – писал он. – Все звери и птицы, которые приближаются к кораблю, в конце концов прощаются с жизнью». Ньюкомб редко общался с другими участниками экспедиции. «Может, он и молчалив, – замечал Делонг, – но у него есть свой угол в штурманской рубке по левому борту, где он с удовольствием проводит время в окружении своих инструментов».

В целом команда была более или менее спокойна. Делонг называл ее «нашей маленькой колонией» и с радостью отмечал, что «все пребывают в добром здравии и хорошем расположении духа... Каждый вечер они берут музыкальные инструменты, играют на них и поют. У нас столько хороших голосов, что я подумываю об организации хора».

Однако неизбежно начала устанавливаться однообразная рутина. «Нам не свойственно жить в таком тесном товариществе, – писал Делонг, – и мы все время как будто мешаем друг другу». Он признавал, что иногда некоторые члены команды, казалось, пребывали «не в духе», а «время тянулось медленно», но это для него было вполне ожидаемо. «Если бы жизнь внутри Полярного круга сулила безграничный комфорт, – рассуждал Делонг, – сюда бы стремился каждый. Нам стоит быть благодарными, что мы не испытываем более серьезных неудобств».

Если ежедневные порядки и ритуалы и проходили гладко, это была заслуга одного человека – лейтенанта Чарльза Чиппа, старшего помощника капитана судна. Чипп был весьма нелюдим и казался таким молчаливым и угрюмым, что порой окружающим становилось

неловко. В свободное время он в основном изучал полярные сияния, которые часто танцевали в ночных небесах. Но Делонг во всем полагался на своего заместителя. «Чипп спокойно и настойчиво приводит все в порядок, – замечал он, – и уже сформировал работающую систему. Сегодня я инспектировал корабль и обнаружил, что все блестит, а матросы одеты по форме. «Жаннетта» напоминает военное судно».

Чипп прекрасно следил за порядком, но, когда порядок рушился, Делонгу приходилось полагаться на Мелвилла. Казалось, для механика не было ничего невозможного: он мог починить любую вещь и решить любую проблему. «Я все больше убеждаюсь, что он – настоящее сокровище», – сказал о нем Делонг. Если отказывал какой-то механизм, он разбирал его и переделывал, доставая запчасти из других машин. Еще летом, когда в двигателе сломался шток поршня, Мелвилл беззаботно заявил Делонгу, что может сделать новый – или, если капитану угодно, хоть *двадцать* новых; ему все было едино.

В руках у Мелвилла обычно была либо трубка, либо паяльник, либо сварочная горелка. Он постоянно чинил что-то и придумывал способы усовершенствовать жизнь на корабле. Он разработал новый метод записи скорости ветра. Он соорудил машинку для подгонки подошв к меховым сапогам, которые матросы шили из купленных на Аляске шкур. Когда дистиллятор стал давать слишком соленую воду, Мелвилл разобрал аппарат на части и собрал его заново, после чего вода стала совершенно чистой. Когда Делонг спрашивал его, можно ли сделать такое-то устройство, он подходил к чертежной доске и тотчас принимался набрасывать схемы. Обычно следовал ответ: «Да, это возможно», – который и стал девизом Мелвилла.

Мелвилл с удовольствием пел громоподобным голосом и ругался с таким жаром, что Делонгу пришлось даже сделать ему официальный выговор за сквернословие. Но он, по словам Делонга, «всегда сиял и радовался жизни». Казалось, «запасы его энергии неисчерпаемы», а «богатство его идей... поражает».

«Мелвилла можно назвать одним из столпов этой экспедиции, – писал Делонг. – По-моему, он может собрать двигатель из пары обручей для бочки».

В ежедневный распорядок команды «Жаннетты» входило устройство медвежьих капканов, куда в качестве приманки клали окровавленные внутренности тюленей, подстреленных Алексеем. Пока что участники экспедиции видели нескольких белых медведей издалека и часто натывались на следы медвежьих лап, но Делонгу хотелось, чтобы на столе появились свежие медвежьи стейки. В первые недели в медвежьи ловушки попало лишь двое экспедиционных ездовых собак, которых вытащили из стальных тисков израненными, но не искалеченными навсегда.

Рано утром 17 сентября Чипп и ледовый лоцман Данбар отправились проверить капканы. Один из них – примерно в миле от корабля – сработал. Пойманный медведь сумел оторвать капкан от ледового якоря и оставил за собой кровавый след. Пока медведь тащил капкан, он оставил на льду глубокую борозду, которая безошибочно обозначала путь побега зверя.

Чипп и Данбар поспешно вернулись на корабль, чтобы сообщить о находке и собрать все необходимое для полноценной охоты на медведя. Мелвилл и Делонг присоединились к ним, и вскоре четверо мужчин спустились на лед. Примерно час они шли по кровавому следу, а затем заметили следы еще двух медведей, которые с обеих сторон сопровождали раненого зверя. Делонг сравнил их с «двумя друзьями, которые поддерживали его при отступлении».

«Мелвилла можно назвать одним из столпов этой экспедиции, – писал Делонг. – По-моему, он может собрать двигатель из пары обручей для бочки».

Шесть миль они шагали по льду, тяжело дыша и обливаясь потом в своих тяжелых мехах. Наконец они добрались до низины и увидели медведя, который мучился от боли, не в силах сбросить с себя капкан. Это был молодой самец. В капкан попала лишь небольшая часть его левой передней лапы. С ним был и один из спутников – молодая самка. «Самка не пыталась покинуть его, – восхищенно заметил Делонг. – Она выбегала вперед и возвращалась назад, словно чтобы заставить

его идти дальше. Заметив нас, оба медведя поднялись на задние лапы и жалобно заревели».

Мелвилл сказал, что медведи двигались по льдине «с неуклюжестью коровы и скоростью оленя, из-за чего снег летел во все стороны, как перья в шторм». Иногда «любопытство самца пересиливало его здравомыслие, и он останавливался, чтобы изучить этих странных существ, которые осмелились вступить с ним в схватку, ведь он властитель полярных регионов».

Когда раненый медведь и его спутница обернулись, чтобы встретить смерть, Данбар и Чипп открыли огонь из винчестеров, а Мелвилл выстрелил из казнозарядного ремингтона. Выстрел Делонга оказался решающим, и вскоре, по словам капитана, «все было кончено».

Чиппа и Данбара отправили обратно на корабль, чтобы привести людей и притащить сани для перевозки добычи. Через несколько часов они вернулись вместе с большей частью команды. Казалось, всем хотелось увидеть все своими глазами, и вскоре, как написал Делонг, «начался настоящий праздник». Матросы соорудили весы и взвесили зверей: самка весила 422 фунта, а самец – 580.

Медведи оказались довольно мелкими – месяц спустя Данбар убил зверя весом в полтонны, – но это были первые медведи, убитые в экспедиции, поэтому их запомнили надолго. Захвативший с собой фотографическое оборудование Коллинз запечатлел охотников с их трофеями. Затем с медведей содрали шкуру, а туши разделали и погрузили на сани вместе с мехом. Работая не покладая рук, все члены команды вымазались в крови и желчи, но при этом «торжествовали, – заметил Делонг, – как после крупной победы», понимая, что на ужин точно будет свежее мясо.

Серийный убийца птиц Ньюкомб не тушевался в тени охотников на крупную дичь. Он тоже спустился на лед и неподалеку от остальных один подстрелил, по его собственным, не лишенным гордости словам, «семь прекрасных молодых чаек», туши которых пополнили его коллекцию будущих чучел.

К середине октября, когда на «Жаннетту» начала спускаться арктическая тьма, Делонг решил, что настал час для электрических ламп Эдисона. Капитан возлагал большие надежды на это

поражающее воображение изобретение американского гения, считая, что, сияя в ночи над кораблем, огни смогут поднять боевой дух всей команды.

Задача зажечь лампы Эдисона была невероятно важна для Джерома Коллинза. Он был ведущим ученым экспедиции. Именно он беседовал с Эдисоном в Менло-Парке и лично заказывал дуговые лампы, динамо-машину и остальное оборудование. Коллинз даже больше Делонга верил в живительную силу огня для моряков.

Но Делонга мучили сомнения насчет Коллинза. Помимо прочего, ирландский метеоролог должен был исполнять обязанности официального фотографа экспедиции и действительно сделал множество снимков с помощью произведенной Американской оптической компанией камеры с двухзатворным механизмом и фокусирующими мехами – ее он использовал и в тот день, когда убили медведей. Однако была проблема: Коллинз уносил проэкспонированные пластинки в темную комнату, но готовые фотографии оттуда так и не появлялись. Причина была унижительна и даже оскорбительна для Коллинза: он не мог найти проявочные химикаты, которые заказывал в Сан-Франциско. Он обшарил все полки и коробки с фотографическими пластинками. Судя по всему, их так и не погрузили на борт. Коллинз понимал, что винить в этом недосмотре можно было лишь его самого.

К счастью, Мелвилл взял с собой собственное фотографическое оборудование и проявочные химикаты. В будущем именно он стал делать большую часть экспедиционных снимков.

Еще одной задачей Коллинза была организация «обсерватории» на льду. Портативная обсерватория представляла собой удерживаемый ледовыми якорями брезентовый шатер, в котором предполагалось хранить все метеорологическое оборудование. По приказу Делонга Коллинз и лейтенант Чипп протянули в обсерваторию телефонный провод, чтобы с корабля всегда можно было связаться с тем, кто работал в шатре. Но когда Коллинз подсоединил новое изобретение Белла, оно проработало совсем недолго, после чего сигнал пропал. При намокании ломкая медная проволока не позволяла подсоединить ее должным образом, из-за чего постоянно обрывалась и падала на лед. Очевидно, предоставленная лабораторией Белла проволока 24-го калибра не годилась для этой задачи. Как бы то ни было, телефоны

оказались бесполезны. Винить в этом Коллинза было неправильно, однако Делонг почему-то посчитал это еще одним примером общей безалаберности ведущего ученого.

Истинным ведущим ученым экспедиции оказался Мелвилл, который был гораздо эрудированнее и изобретательнее Коллинза и более искусно обращался со всем необходимым для исследований оборудованием. Коллинз действительно был экспертом по части погоды, но, казалось, что больше всего его волновала «наука» каламбуров, репертуар которых к этому времени уже исчерпался. Членам команды наскучили его словесные игры – «У меня от ваших слов уши вянут!» – вскричал однажды Ньюкомб, – но он не останавливался. Репертуар его музыкальных номеров тоже истощился. Садясь за маленький орган и в сотый раз начиная играть отрывки из Гилберта и Салливана, он не видел, что давно действует всем на нервы.

Однако Коллинз прекрасно видел, что Мелвилл постепенно смещал его с должности. Уязвленный Коллинз все чаще уединялся в своей каюте и начал нарушать установленные Делонгом правила. Он не упражнялся вместе со всеми и не позволял доктору Эмблеру осматривать себя для составления ежемесячного медицинского отчета. Он спал допоздна, все утро курил и неохотно выполнял свои обязанности. С каждым днем он все больше отчуждался от общества.

Коллинз оказался в невероятной ситуации. Скорее всего, он не был создан для такой работы. У него было много талантов, но не в сфере флотской жизни. Он никогда прежде не бывал в долгом плавании – ни в Арктику, ни куда-либо еще – и никогда не работал под началом столь строгого и неумолимого человека, как Джордж Делонг. Он совершенно не понимал, что Делонг – безусловный начальник этого корабля и всего, что происходит на палубе и за ее пределами. К тому же Коллинзу была свойственна характерная для всех ирландцев ненависть к гонениям – однажды почувствовав ее, он уже не мог об этом забыть. Его столкновение с Делонгом было неизбежно.

Отчасти проблема заключалась в его неопределенном положении: он не был ни офицером, ни матросом, а занимал промежуточную позицию, будучи прекрасно обученным гражданским ученым, который хоть и мог обедать вместе с офицерами, не имел никаких офицерских регалий. Он считал, что эта ситуация изначально загнала его в

«ловушку», и, возможно, был прав. Коллинз был, пожалуй, самым образованным из всех участников экспедиции и знал, что Беннетт лично выбрал его для освещения событий, а потому считал себя вправе не соблюдать флотскую дисциплину, однако у Делонга на этот счет было иное мнение. Конечно же, Коллинз полагал, что его должны уважать гораздо больше.

По всем этим причинам успех ламп Эдисона был величайшей проверкой истинной роли Коллинза на борту «Жаннетты».

15 октября Коллинз вынул из ящиков шестьдесят углеродных ламп, после чего Делонг приказал развесить их на реях. Для генерации энергии завели небольшой паровой двигатель – бойлер Бакстера. Коллинз подсоединил его к динамо-машине Эдисона, а к ней, в свою очередь, подключил связку ламп. Несколько часов Коллинз возился с механизмами и проводами. Но даже когда давление пара достигло семидесяти фунтов на дюйм, устройство Эдисона даже не мигнуло. Маленькая игла установленного на аппарате гальванометра едва подрагивала.

Моряки с надеждой смотрели на реи, но лампы никак не зажигались. Никто не мог скрыть своего разочарования. Казалось, родина их подвела.

Коллинз был сбит с толку. Да, он не проверил лампы в Сан-Франциско, но в Менло-Парке он своими глазами видел, как прекрасно они работали, освещая лабораторию Эдисона «ярче трех тысяч свечей». Почему же они не работали теперь?

Делонг велел Мелвиллу разобраться с проблемой. Разобрав устройство Эдисона, тот пришел к выводу, что оно, должно быть, промокло во время качки в Беринговом море. Он просушил аппарат и попробовал размотать все провода и повторно их изолировать, но это не помогло. Даже Мелвилл, умелый Вулкан «Жаннетты», был не в силах зажечь лампы Эдисона.

Через несколько дней доктор Эмблер рассказал Делонгу, что видел любопытный сон об этих лампах. В его сне на борт «Жаннетты» с экскурсией поднялся давно пропавший британский путешественник сэр Джон Франклин. Доктор Эмблер провел Франклина по кораблю и с восторгом поведал ему об электрических огнях, о которых во время Франклина, конечно же, не могли и мечтать. Но Франклин

бесцеремонно его перебил. «Ваша электрическая машина, – сказал он, – гроша ломаного не стоит».

«Меня терзают опасения, что Франклин прав, – писал Делонг. – Лампы Эдисона совершенно бесполезны. Слишком много времени потеряно на попытки починить эту машину». Возможно, винить стоило Эдисона, но Делонг обратил свой гнев на Коллинза. Как бы то ни было, лампы, по словам Делонга, «отправились туда, где раки зимуют», то есть были брошены и забыты. Рассерженный, он велел Коллинзу упаковать их обратно в коробки и поставить в кладовую. Коллинз был подавлен. Его настроение было мрачнее черной Арктики.

Дни становились все короче и холоднее, света было все меньше. Солнце медленно уползало с полярного небосклона. 16 ноября оно скрылось совсем и не вернулось еще несколько месяцев. Приходилось довольствоваться спермацетовыми свечами и масляными светильниками. Вот вам и Томас Алва Эдисон со своей идеей «осветить Северный полюс».

Следующие семьдесят два дня «Жаннетта» пребывала в темноте.

Глава 21

Почти вечность

Не прошло и недели, как Делонг провозгласил лампы Эдисона «совершенно бесполезными», когда лаборатория изобретателя в Менло-Парке совершила исторический прорыв. Несколько месяцев Эдисон работал над лампой накаливания, которая должна была стать надежной и безопасной и давать постоянный мягкий свет, который бы не моргал и не затухал сам по себе. Фокус был в том, чтобы найти подходящий материал для крепкой нити накаливания. Он пробовал платину, углерод, деревянные щепки, хлопковые и льняные нити, даже леску. Но теперь он с гордостью рассказывал репортерам, что понял принцип нового устройства. Он был, по его заверениям, «так прост, что его понял бы и чистильщик сапог».

Вечером 21 октября 1879 года Эдисон экспериментировал с нитью накаливания, изготовленной из карбонизированного волокна. На небольшой платформе в его лаборатории стояла вакуумная лампа, накрывающая новую нить. Когда он подал ток, лампа, не мигая, горела целый час, затем два часа, затем три. Понаблюдав за непрерывным светом в течение чуть более сорока часов, Эдисон устал от эксперимента и принялся усиливать ток, пока нить наконец не зашипела и не оборвалась.

«Электрическая лампа доведена до совершенства», – сообщил он газете «Нью-Йорк таймс». Хотя это было не совсем точно, до появления лампы накаливания осталось совсем недолго – и она уже знаменовала собой огромный скачок вперед относительно системы дуговых ламп, которую Эдисон продал Делонгу. Его компания также существенно улучшила надежность динамо-машин: та модель, которую Эдисон предоставил экспедиции «Жаннетты», плохо работала у всех его покупателей, но после внесения изменений следующие поколения аппаратов оказались вполне надежными.

К началу ноября Эдисон подал заявку на патент для своей лампы накаливания и попробовал новую нить из карбонизированного бамбука. Она прекрасно горела более тысячи двухсот часов. К началу декабря Эдисон уже всю демонстрировал свое изобретение публике

и принимал первые заказы. «Благодаря нам электричество станет таким дешевым, – сказал он, – что только богачи продолжат жечь свечи».

Наступала новая эра. Делонг не дождался ее всего несколько месяцев. Когда Беннетт спросил Эдисона, как долго будут гореть новые лампы, изобретатель ответил, пожевывая табак: «Почти вечность».

Глава 22

Невидимые руки

Примерно в то же время, когда исчезло солнце, лед снова задвигался. Шум был ужасен – сначала лед оглушительно трещал, раскалываясь на части, а затем трещал под его натиском корпус корабля. Ранним ноябрьским утром «Жаннетта» заходила ходуном. Делонга разбудили звуки «притирки и ломания льда». По его словам, «с ними не выдерживал сравнения ни один звук на суше. Они походили разве что на одновременно звучащие гром, визг, стон и грохот упавшего дома».

Капитан вышел на палубу, чтобы осмотреться по сторонам, и сравнил лед с «плавающим мрамором». Вскоре к нему присоединились остальные. Мелвиллу показалось, что сначала шум походил на «отдаленные артиллерийские залпы», но затем стал громче. «Гигантские льдины колыхались и двигались, словно под действием невидимых рук, и огромные осколки, сталкиваясь, пронзительно верещали кошмарную песню».

Даненхауэр счел, что лед «в большем хаосе, чем старое турецкое кладбище». Моряки в ужасе наблюдали, как крупные льдины «расталкивало, как игрушки», из-за чего корабль, по словам Ньюкомба, время от времени стонал, как «чудище в смертных муках». Шум был так страшен, что собаки заскулили, и Ньюкомбу их стоны показались «в высшей степени жуткими».

Затем лед начал сдавливать корабль – буквально душить его. На швах проступили капли сосновой смолы и дегтя. В какой-то момент палуба *вздулась*. Деревянные доски сильно выгнулись – Делонг даже ожидал, что они сломаются.

Несколько раз он готовился покинуть корабль. Припасы вынесли на палубу, шлюпки подготовили к спуску, сани нагрузили провизией на сорок дней. Делонг велел команде собрать рюкзаки и скатки и спать в одежде. Им не оставалось ничего иного, кроме как слушать – и ждать.

«Мы живем в ужасном ожидании, – написал Делонг. – Может, у теплого камина и тянет почитать о зимнем ледоставе, но на самом деле он так страшен, что человек от него может безвременно постареть.

Кризис может случиться в любую секунду, но мы можем лишь каждое утро радоваться, что он не наступил ночью, а ночью радоваться, что он не настал в течение дня. Можно сказать, что мы живем на пороховом заводе и ждем взрыва».

Был момент, когда Делонг решил, что «Жаннетта» гибнет. В небе светила луна, со всех сторон раздавался треск ломающегося льда, по которому бежали трещины. Две гигантские ледовые пластины напирали друг на друга, усиливая давление. От них откалывались новые и новые льдины, которые, сталкиваясь, запускали цепную реакцию сдвигов, происходивших все ближе к кораблю. Делонг, Чипп и несколько матросов стояли на крыше палубной рубки и наблюдали за приближением волны разрушений, которая двигалась к «Жаннетте» со скоростью потерявшего управление поезда. Схватившись за гроташтаг, Делонг скомандовал: «Всем держаться!» Испуганные моряки схватились за ближайšie веревки и ванты и, вполголоса молясь, стали ждать столкновения. «Ледяная волна шла прямо на нас, – писал Мелвилл, – и, ошеломленные, мы молча наблюдали за ее приближением».

Затем она ударила по корпусу, пробила дыру в правом фальшборте и забросала палубу блестящими осколками. Корабль содрогнулся и накренился. Всех потрянуло. Кому-то попало ледяными зарядами в лицо. И все же расправа была хоть и ужасной, но недолгой: уже через несколько секунд лед начал трескаться по другую сторону корабля, словно под ним проплывало какое-то здоровенное чудовище. Все замолчали. Тишину нарушали лишь визги испуганных собак.

«Жаннетта» чудом избежала смертельных повреждений. «С кораблем сейчас все в порядке, – писал Ньюкомб, – но неизвестно, надолго ли. Я собрал рюкзак и подготовил ружье, чтобы покинуть его по первому требованию и уйти... бог знает куда». Мелвилл был поражен, что «Жаннетта» выстояла. «Ее время еще не пришло, – заметил он и высоко оценил проделанную на верфи Мар-Айленд работу. – Мощные бейфуты выдержали давление».

Подобно прощенным грешникам, моряки с энтузиазмом приступили к починке корабля. «Матросы пели и шутили, демонстрируя немалую выдержку, – писал Мелвилл, – при этом очищая палубы ото льда и отгаливая крупные осколки, которые

давили на легкие фальшборта. Дисциплина в команде была выше всех похвал».

Делонгу спасение «Жаннетты» показалось ниспосланным свыше. «Паковый лед не место для корабля. Я всем сердцем желаю, чтобы мы как можно скорее из него выбрались. Но только конченный атеист не увидит божественного вмешательства в таких удивительных избавлениях».

К концу ноября лед наконец-то встал. 2 декабря Делонг счел, что снова можно спать спокойно. «Сегодня я собираюсь раздеться перед сном», – написал он, готовясь к роскоши, которой был лишен целых три недели. Впрочем, он все равно страдал от бессонницы и во время ледяной блокады вряд ли хоть час проспал, не просыпаясь.

Теперь он взял в привычку перед сном спускаться на лед. Эти полуночные прогулки доставляли ему удовольствие. Только во время них он мог остаться один и погрузиться в размышления. Он укутывался в меха, раскуривал пенковую трубку и бродил вокруг корабля по чистому льду, за кучами мусора и горами золы. В холодном свете луны и звезд закованная во льды «Жаннетта» казалась «вышедшей из сказки». В сотне ярдов от корабля «открывался вид самой дикой и самой жуткой красоты». «Величественная тишина» заставляла человека «почувствовать, как он жалок и ничтожен в сравнении с такими грандиозными творениями природы». Гуляя, Делонг часто видел полярные сияния, метеоритные дожди, лунные гало и удивительные ложные луны. Однажды ночью на льдах неподалеку от «Жаннетты» плясал таинственный шар света – он моргал и пульсировал, разгорался и затухал, полностью гас, а затем вспыхивал ярче прежнего, чтобы потанцевать еще немного.

«Полагаю, это одна из самых прекрасных ночей, которые я видел в жизни, – написал Делонг после одной из прогулок. – На небе ни облачка, ярко сияет луна и мерцают звезды. Воздух совершенно спокоен, и ничто не нарушает очарования момента. Корабль стоит живописно. Провода тянутся к треноге и к обсерватории, кое-где снег примят и покрыт ледяной коркой – там спали собаки. Силуэт «Жаннетты» очень четок на фоне неба. Все ванты и реи покрыты толстым слоем снега и инея – зрелище просто великолепно».

Но затем Делонг одернул себя, словно устыдившись этих дифирамбов. «Я начинаю их, но не могу закончить, – написал он. – Я словно знаю песню, но никогда не помню слов. Эти поэтические описания мне не даются».

Как только «Жаннетту» затерло во льдах, Делонг начал беспокоиться о психическом состоянии Даненхауэра. Капитан полагал, что многочисленные ужасы льда, меланхолия полярной тьмы и граничащий с клаустрофобией страх, который может постичь любого живущего в условиях заточения, представляют собой превосходный инкубатор безумия. В связи с этим Делонг присматривал за Даненхауэром, опасаясь, что депрессия штурмана – его «расстроенный разум» и «психические проблемы» – могут вернуться.

Пока что этого не произошло. Делонг был донельзя доволен и впечатлен своим штурманом. Даненхауэр вместе с Чиппом и Мелвиллом стал одним из столпов экспедиции. Он был энергичен и трудолюбив и обладал отличным чувством юмора. Частенько по вечерам они задерживались в кают-компании, курили, смеялись, изучали карты и проводили собственные арктические семинары. Вообще-то Даненхауэр даже подбадривал Делонга. «Его стараниями мы не предавались хандре, – писал Делонг. – Мы все его высоко ценим. И все же есть в нем что-то такое, что я никак не могу разгадать. Я не могу заставить себя *безоговорочно* ему доверять, как бы мне того ни хотелось».

Единственной медицинской проблемой Даненхауэра пока что оставалось раздражение левого глаза. У него, очевидно, развился конъюнктивит, из-за которого глаз щипало и жгло. Сначала доктор Эмблер не придавал этому значения. Штурман так много работал за скудно освещенным столом, всматриваясь в морские карты, производя расчеты и проверяя показания приборов, что возникновение проблем со зрением казалось неизбежным. Строго говоря, пока корабль оставался во льдах, работы у штурмана почти не было, но Даненхауэр постоянно вел наблюдения, чтобы определить точное положение «Жаннетты», одновременно продвигаясь к решению более важных научных вопросов, стоящих перед экспедицией. По словам Делонга, Даненхауэр так много времени посвящал учебе, что «казалось, будто

книги готовы сбежать вместе с ним». Все сходились во мнении, что штурману стоит сделать передышку и дать глазам отдохнуть.

Но через несколько недель состояние Даненхауэра ухудшилось. Боль стала такой сильной, что он лишился способности здраво рассуждать. Снова осмотрев его, доктор Эмблер заметил, что у него что-то не в порядке с радужкой. Она казалась воспаленной и «вялой» и приняла странный оттенок – более или менее похожий на цвет грязи. Из глаза сочилась вязкая жидкость.

В конце декабря Эмблер решил проверить всю медицинскую историю Даненхауэра. После длительных расспросов штурман признался, что однажды страдал от венерического заболевания, но полагал, что его вылечили. Доктор Эмблер сказал, что это не так, и поставил ему диагноз «сифилитический ирит». Это был довольно типичный симптом вторичного сифилиса. Сифилис был странной и коварной болезнью, которая проявлялась в бесконечных недугах тела и разума. Часто он маскировался под другую болезнь и делал это так успешно, что врачи даже называли его великим имитатором. Эмблер уже видел и лечил сифилитический ирит. Этот недуг мог быть весьма серьезным. Даненхауэр вполне мог ослепнуть на левый глаз – ему надлежало быть исключительно осторожным или же полагаться на счастливый случай. Кроме того, оставалась вероятность, что ирит поразит и правый глаз.

Эмблер прописал Даненхауэру укол ртутного препарата в ягодицу – таким в то время было стандартное, пускай и сомнительное, лечение сифилиса, которое давало бесчисленные вредные побочные эффекты. Чтобы облегчить боль, Эмблер наложил на глаз больного компресс, пропитанный раствором опиума. Он также закапал в глаз Даненхауэру небольшую дозу атропина, чтобы расширить зрачок. Его план заключался в том, чтобы не позволять зрачку сужаться, не давая радужке коснуться хрусталика. Если же капли не помогут, Эмблер понимал, что придется оперировать и вынимать из глаза рубцовую ткань, пока радужка и хрусталик не слились в единый шрам.

По словам Эмблера, некоторое время глаз Даненхауэра не мог выносить никакой свет – даже пламя свечи и лунное сияние. Эмблер велел штурману носить затемненные снежные очки и тщательно закрывать проблемный глаз. Каюта Даненхауэра и так напоминала гробницу, но теперь окно полагалось завесить брезентом. Ему

предписывалось прекратить любые навигационные и астрономические наблюдения. С этого дня Даненхауэр не должен был покидать своей пещеры.

Казалось, судовой врач приговорил его к неопределенному сроку одиночного заключения. Однако Эмблер пообещал Даненхауэру, что не скажет Делонгу о сифилисе, по крайней мере пока. Эмблер отчитался перед капитаном и сообщил ему, что Даненхауэру выписан больничный, поскольку у него «отказал» левый глаз. Не упоминая о венерическом заболевании, Эмблер проинформировал Делонга, что штурман может на один глаз ослепнуть.

Эти новости шокировали Делонга. Он очень переживал за своего друга и коллегу. «Теперь он отрезан от нашей жизни, – писал он, – и мы ничего не можем с этим поделать. Нам остается лишь время от времени навещать его и беседовать с ним в темноте. Однако он не теряет присутствия духа. Обладая сильной волей, он решил смириться с ситуацией и бороться с болезнью».

Рождественское утро было темным и мрачным. Завывал ветер, было так холодно, что стягивающие болты и металлические крепления по всему кораблю потрескивали в балках. Заснувшая в снегу собака за ночь так крепко примерзла ко льду, что ее пришлось откапывать лопатой. Провести измерения не получилось, поскольку линзы приборов не очищались от инея. Во внутренних помещениях корабля долго накапливавшийся конденсат осел на стенах, потолках, изголовьях коек и всех остальных поверхностях.

«Это самый тоскливый день моей жизни, – писал Делонг, – и он явно прошел в самой тоскливой части света». Тем рождественским утром он чувствовал, что праздновать ему нечего. Он не знал, что в ту самую неделю Военно-морское министерство в Вашингтоне повысило его в звании до капитан-лейтенанта. Подумав об Эмме и Сильвии и домашнем уюте, он с трудом заставил себя встать с кровати.

Настроение Делонга несколько поднялось, когда на корму поднялись несколько матросов, которые принесли с собой меню, тайком напечатанное на маленьком печатном станке «Жаннетты». Рождественский обед был назначен на три часа, а после него была обещана развлекательная программа. Когда Делонг прочитал роскошное меню, у него потекли слюнки.

СУП

Жюльен

РЫБА

Пряный лосось

МЯСО

Арктическая индейка (жареный тюлень)
Холодная ветчина

ОВОЩИ

Консервированный зеленый горошек
Сакоташ
Макароны с сыром и помидорами

ДЕСЕРТ

Английский консервированный сливовый пудинг с
холодным соусом

Пирог

Мускатные финики, инжир, миндаль, фундук,
английские грецкие орехи, изюм, конфеты-ассорти прямой
поставки из Франции

ВИНА

Светлый херес

ПИВО

Лондонский стаут
Французский шоколад и кофе
Галеты
Сигары

АРКТИЧЕСКИЙ ПАРОХОД «ЖАННЕТТА»

Затертый во льдах, 72 градуса северной широты.

Рождественский обед оказался удивительно хорош – у многих моряков на глазах даже выступили слезы. По завершении трапезы предложили тост, и каждый, по словам Делонга, сделал глоток-другой «прекрасного коктейля», который Мелвилл смешал из ирландского виски и нескольких секретных ингредиентов. После обеда Алексей сплясал традиционный танец Аляски, а затем начались простые танцы под народную скрипку Адольфа Дресслера и аккордеон Альберта Кюне. Праздничная атмосфера обладала целебным эффектом. Была лишь одна печаль – Коллинз на обед не явился. Он угрюмо сидел в своей каюте. После неудачи с лампами Эдисона Коллинз не на шутку захандрил. В этот день он был особенно не в настроении для веселья.

Но морякам каким-то образом удалось убедить его заняться организацией песенного вечера для встречи Нового года. Коллинзу понравилась эта идея. Он решил поставить целое представление, написать сценарий всех номеров и сопроводительный текст, намереваясь основательно сдобрить его своими лучшими каламбурами.

В полночь 31 декабря часовой громко зазвонил в корабельный колокол, возвещая о наступлении нового года. Офицеры и матросы собрались на шканцах и крикнули ура «Жаннетте». Следующим утром один из матросов раздал всем отпечатанные программки, в которых сообщалось о вечернем представлении «Прославленных менестрелей «Жаннетты»». Среди прочего были обещаны оркестровая увертюра, соло на скрипке, джига в исполнении энергичного моряка Джека Коула

и «оригинальный комический номер всемирно известного Анегина с Великого Северо-Запада».

В половине девятого тем вечером все собрались в рубке, где была устроена сцена. Висел занавес, светильники служили огнями рампы, все вокруг было украшено флагами. В задней части рубки устроился Даненхауэр, левый глаз которого был надежно закрыт толстой повязкой. Коллинз начал представление с пролога, в котором зачитал несколько «головоломных загадок». Все они были составлены по принципу его излюбленных каламбуров, но товарищи по команде так обрадовались его возвращению в общество, что никто не стал возражать.

«Чем, – спрашивал Коллинз, – эта стойка похожа на мистера Джеймса Гордона Беннетта?»

Чем же?

«Тем, что она поддерживает корабль».

«А почему у «Жаннетты» никогда не кончится топливо?»

«Потому что у нас Коул на борту!»^[4]

Не обращая внимания на хохот, Коллинз продолжал в том же духе и в конце концов озвучил загадку или стишок про каждого члена команды. Затем началось настоящее представление – с песнями, сценками и танцами. Действия перемежались «мимическими интерлюдиями» – немymi сценами, в которых актеры изображали «матросов, оплакивающих павшего товарища» (здесь два моряка трагично смотрели на пустую бутылку из-под бренди), и «старую добрую королеву Анну» (ею был Анегин, одетый в женское платье). Выступления были глупыми, а актеры неопытными, но программа всем понравилась. Делонг заметил, что скрипичное соло Кюне оказалось «довольно неплохим, особенно учитывая тот факт, что моряцкое ремесло не щадит нежных пальцев музыканта». А Сэм и Чарльз Тонг-Синг исполнили кантонскую балладу, а затем сцепились в притворной драке на ножах. После этого, по словам Делонга, «мистер Коул с судейской важностью сплясал нам джигу».

Еще ни разу после отплытия из Сан-Франциско на судне не царило такое веселье. «Мы разошлись в одиннадцать часов, – написал Делонг, – совершенно довольные своим кораблем, всеми менестрелями, самими собой и тем, как мы отметили первый день лета Господня 1880-го».

Часть IV

Нас не сломить

Мой дражайший муж,
я чувствую, что настало время получить весточку от тебя. Надеюсь, ты оставлял письма, которые могут обнаружить и доставить мне. Я жажду снова увидеть твой почерк и готова отдать все на свете, чтобы вновь встретиться с тобой!

Каждый день в пять часов мне кажется, что ты скоро вернешься домой и мне нужно подготовиться к этой встрече. Часто я представляю тебя в твоей каюте на корабле. Ты сидишь в своем большом кресле, куришь трубку после ужина, совсем один, и я ужасно хочу оказаться рядом.

Прощай на целый год. Это последняя в 1880 году отправка писем в Арктику – и последний шанс для меня послать тебе весточку. Будем надеяться, что радость встречи уже не за горами и что я не состарюсь и не одряхлею в ожидании тебя.

Эмма

Глава 23

В пустынном, скованном льдом море

*ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ
НОВОЙ ОПЕРЫ «ЖАННЕТТЫ»!
На углу Бак-авеню и Кабак-стрит
Билеты по доступной цене! Всего 0,00 доллара
Представление начинается в 20:30
Сани можно заказывать на 22:00
Лучшая выпивка в баре Ли
в нескольких шагах от театра*

Прошел целый год, но ничего не изменилось: та же освещенная газовыми светильниками сцена, те же истосковавшиеся по солнцу актеры, те же музыканты и те же инструменты. Та же тоскливая погода, те же животы и тот же праздничный обед, те же растрескавшиеся губы и тот же разбавленный ром. Коллинз снова блистал и сыпал каламбурами перед зрителями, собравшимися на очередной праздничный вечер. Коул танцевал безумную джигу, эскимосы исполняли традиционные пляски, Сэм и Чарли пели кантонские баллады. Все было по-прежнему.

К концу подходил 1880 год, но «Жаннетта» так и не выбралась из льда. На короткое время в самые жаркие августовские деньки морякам показалось, что она, возможно, вырвется из плена, но затем неумолимый лед снова сомкнулся вокруг корабля. Судно уже шестнадцать месяцев было затерто во льдах и за это время преодолело тысячу триста километров, чего было вполне достаточно, чтобы добраться до полюса и даже миновать его. Однако маршрут «Жаннетты» был так запутан и полон поворотов и отступлений, что в настоящее время она находилась всего в трехстах милях к северо-западу от того места, где она впервые вошла во льды.

Само собой, моряки уже изрядно действовали друг другу на нервы, но все были живы и по большей части здоровы. Хотя запасы угля опасным образом истощились, на корабле все еще было уютно и тепло. Сдохло несколько собак, но экипаж «Жаннетты» был цел и

невредим – и она, подобно Ковчегу, колыхалась на волнах замерзшего моря.

Но второй год во льдах стал таким тяжелым испытанием, что выдержать его можно было лишь с помощью некоторого легкомыслия. Поэтому к наступлению нового, 1881 года подготовили новое представление. По прибытии в «оперу» каждому гостю выдали бутоньерки из цветной бумаги. После музыкальной увертюры Коллинз зачитал стихотворение:

В пустыне ледяной среди морей
Мы собрались, чтоб праздник наш отметить,
Чтоб новый год как подобает встретить
И провести как можно веселей.
Но мысли наши быстро улетают
Через леса, озера и моря
К тем, кто расстался с нами, ведь не зря
«Как там мой муж и сын?» – они гадают.

Затем началось представление. Костюмы были немного интереснее, чем годом ранее, а декорации немного сложнее, но в остальном все казалось до боли знакомым. Из выступающих особенно отличился молодой британский кочегар Уолтер Шарвелл, который преобразился, по словам Делонга, в «весьма миловидную девицу», надев парик и белые чулки и уместив в сидящем по фигуре ситцевом платье выдающийся бюст из тряпья. Эта дамочка всем понравилась. Она кокетливо танцевала и выглядела слишком убедительно для целой команды одиноких мужчин, которые почти пятьсот дней не видели женщины.

Представление закончилось исполнением гимна США, после которого Делонг встал, чтобы сказать несколько слов по случаю наступления нового года. Описывая последние двенадцать месяцев, капитан не мог скрыть горечи и разочарования. Они были не ближе к Северному полюсу, чем при первой встрече со льдом. В своем дневнике Делонг заметил, что они дрейфовали, как «современный «Летучий голландец» – тридцать три человека, измученные до глубины души». Прошедший 1880 год ничего им не принес. Это был

год апатии, год монохромной монотонности – год замершего времени. Казалось, ничего не изменилось.

И все же это было не совсем верно. Оглядываясь назад, Делонг видел взлеты и падения. Он вспоминал моменты героизма, маленькие радости, добротную работу. Были прекрасные механические изобретения и удивительные атмосферные явления, которые словами не описать. Были бурные охоты на медведей – включая и ту, во время которой удалось подстрелить самца весом 943 фунта. Были такие теплые дни, что люди на солнце краснели как раки, но однажды в феврале температура достигла 58° ниже нуля. Моряки не одну тысячу раз сыграли в шашки и покер, нарды и шахматы. Когда стало теплее, они соскребли старую краску и перекрасили почти весь корпус «Жаннетты». Четвертого июля они подняли флаги и ленты и дали залп из ружей в честь независимости своей родины. Когда короткое полярное лето снова сменилось зимой, лед, по свидетельству Делонга, «снова начал жутко трещать и скрипеть, словно торжествуя».

Мелвилл заметил, что жизнь на льду уже давно перестала казаться диковинной. «Наши запасы шуток и рассказов полностью исчерпались, а их темы потускнели от частого использования, – написал он. – Команда корабля – как офицеры, так и матросы – разделилась по интересам; родственные души стали гулять, беседовать и охотиться парами. В кают-компаниях теперь меньше разговаривают и больше читают, а старшие офицеры с каждым днем сходятся все ближе».

Хотя на самом деле они почти никуда не продвинулись, все они точно совершили путешествие в те области психики, где мало кто бывал, и погрузились в такие глубины, откуда на поверхность вышли те качества, о существовании которых они и не догадывались. Сложно представить, как проявляли себя истинные их черты. Во время воскресных молебнов капитан неизменно упоминал историю Иова. «Записано, что на его долю выпало немало тягот и невзгод, которые он переносил с удивительной стойкостью, – писал Делонг. – Но, насколько известно, Иов никогда не оказывался затертым в паковых льдах».

В минуты слабости Делонг подумывал о том, чтобы покинуть «Жаннетту» и отправиться в Сибирь или на Аляску. Но он не мог решиться на такое. «Мне претит эта мысль, ведь мы слишком многое

вынесли, – замечал он. – Нам следует оставаться на корабле, пока он нас не подведет».

Минута величайшей слабости настала 19 января 1880 года. Из подпалубных помещений донесся страшный крик лейтенанта Чиппа: «Людей к помпам!» «Жаннетта» наконец не выдержала давления и ударов льда. Она дала сильную течь – вода прибывала со скоростью около четырех тысяч галлонов в час. Когда об этом узнали, в трюме было уже почти по пояс воды. Но было так холодно – температура воздуха не поднималась выше 30° ниже нуля, – что вода мгновенно превращалась в слякоть.

На палубе Делонг начал подготовку к отходу с корабля. Но в трюме за дело взялся матрос Уильям Найндеман, который продемонстрировал всю силу своей личности. Тридцатилетний эмигрант с немецкого острова Рюген, Уильям Фридрих Карл Найндеман числился в команде матросом второго класса, но исполнял свои обязанности первоклассно. Выпавшие на его долю испытания выделяли его из остальных членов экипажа. Найндеман выжил в гренландской экспедиции «Поляриса» под руководством Холла и вместе с Тайсоном проплыл 1800 миль на льдине, только чтобы вернуться в Арктику на поиски пропавших товарищей. До катастрофы «Поляриса» Найндеман выжил в другом кораблекрушении – тремя годами ранее он входил в команду частной американской яхты, которая затонула у берегов Северной Африки. Найндемана спасли тунисские арабы, которые захватили его в плен и потребовали выкуп в 15 000 долларов. Казалось, Найндеман был необычно удачливым человеком, которого не только пьянила Арктика, но и не страшили тяготы морской жизни. За несколько месяцев до отплытия «Жаннетты» он получил американское гражданство. Найндемана взяли в команду на должность старшего матроса.

Почти с самого отплытия Найндеман выделялся на фоне остальных матросов: он лучше всех работал, меньше всех жаловался, был энергичнее других и охотнее вызывался добровольцем на опасные задания. На второй день после выхода из Сан-Франциско ему на руку упала тяжелая крышка люка, которая едва не отрубила ему палец. Обеспокоенный доктор Эмблер зашил рану, но немец как ни в чем не бывало вернулся к работе, отказавшись взять больничный даже на

день. «Найндеман работает как лошадь, – писал Делонг, – и, похоже, не знает усталости».

Найндеман не обращал внимания и на холод. Складывалось впечатление, что кровь иначе циркулирует у него в жилах. Во время холодной зимней охоты он почти ничего на себя не надевал. В его каюте было холоднее, чем во всех остальных. Он мог босиком ходить по снегу. Он был полярным человеком до мозга костей. Как Коллинз заметил в одном из своих стихков, «с тех самых пор, как согрешил Адам, / Никто не жаждал Арктики сильнее, чем Найндеман».

Теперь Найндеман ворвался в затопленный трюм. Более двадцати четырех часов он трудился в холодном сумраке, заdraивая течь всем, что попадалось под руку – войлоком, дегтем, жиром, гипсом, цементом, золой. Большую часть времени ему помогал другой здоровяк – британский плотник и механик Альфред Суитман. Моряки, казалось, не замечали холодной жижи, которая доходила им до колен, в то время как остальные не могли провести в ней больше нескольких минут и уходили из трюма с распухшими и посиневшими ногами.

Пока они трудились, Мелвилл соорудил систему паровых насосов и сифонов, а другие матросы без остановки откачивали воду ручными помпами. Чтобы система Мелвилла заработала, он разобрал на части генератор Эдисона. Затем он собрал турбину, чтобы поднимать вверх еще больше воды, используя в качестве лопастей пустые консервные банки. Вскоре механизм, по словам Делонга, «приятно затарахтел». Капитан счел, что таким изобретением «не стыдно поделиться с потомками».

Тем временем Найндеман и Суитман продолжали работать. Когда им удалось сократить течь до нескольких сотен галлонов в час, они принялись сооружать особенно прочную переборку в передней части трюма, в форпике. Так они трудились шестнадцать дней почти без передышки. Они спали по очереди всего по несколько часов и часто пропускали трапезы. Когда новая переборка была закончена и полностью заdraена, течь стала еще слабее. Кризис миновал, а корабль был спасен. Найндеман и Суитман свалились в изнеможении. Делонг сделал особую пометку в судовом журнале, рекомендуя представить обоим моряков к медали Почета.

Хотя их старания увенчались успехом, течь так никогда и не будет полностью устранена. Остаток плавания «Жаннетту» будет

сопровождать тарахтение и звяканье насосов – напоминание о том, что до катастрофы однажды оставалось всего несколько сильных ударов.

Делонг постарался узнать Найндемана получше. Было в нем самом и в его упорной работе что-то такое, чего капитан никак не мог понять. Он казался потрясающим мазохистом, которому идет на пользу экстремальный холод. У него не было флотского звания, но в глазах Делонга он уже вышел на передний план экспедиции.

Найндеман не отвечал на похвалы и держался особняком. Владелец черных усов и обветренной кожи, он не показывал чувств и говорил с сильным немецким акцентом – он был человек не слова, а дела. Он не посещал и воскресные молебны Делонга. «Я верю в природу, – говорил он. – Природа – мой бог. Я не верю в загробную жизнь. Все наказания мы получаем в этом мире».

В 1880 году собаки стали ключевой частью приключений «Жаннетты». Они охотились и выли, они резвились на льду, они служили источником нескончаемых головных болей, но при этом были незаменимы. Однажды тридцать собак притащили на корабль сани с громадным убитым моржом, весившим 2800 фунтов. Моряки познакомились с собаками, дали им клички и выбрали любимцев. Косматка. Том. Ртуть. Джек. Принц. Смайк. Бисмарк. Пэдди. Скинни. Фокси. Бандюган. Палец. Ворчун. Лодырь. Джо. Джим. Армстронг. Волк. Бинго. Они ели почти что угодно – гнилую рыбу, тюленьи потроха, моржовый жир, подпорченную пищу, всевозможные похлебки и каши – и, как ни странно, не испытывали проблем со здоровьем. «Они толсты, как пончики, – писал Делонг, – и ленивы, как люди в тропиках».

Собаки постоянно дрались, иногда даже до смерти, но все же чувствовали некоторое родство друг с другом, благодаря чему время от времени возникали моменты невероятной нежности. Казалось, собак понимал один Алексей. Он всегда заранее замечал, как зарождается собачья вражда.

Однажды они с Данбаром взяли нескольких матросов и отправились охотиться на моржей. По дороге Бинго высвободился из упряжки, что вызвало немалую зависть у других собак, тотчас попытавшихся его догнать. Алексей сказал Данбару: «Ну вот, теперь другие псы его накажут» (за побег). Днем охотники с пустыми руками

вернулись на корабль. Примерно через полчаса Ханс Эрихсен сообщил Делонгу, что Бинго убили в жестокой собачьей драке.

Предсказание Алексея оказалось пугающе верным. Делонг написал: «Хотя прошло три или четыре часа, собаки не забыли о побеге, подстерегли Бинго на безопасном расстоянии от корабля, набросились на него и к появлению Эрихсена искусали так сильно, что пес скончался через десять минут после того, как его подняли на борт. Мы содрали с него шкуру, чтобы позже сшить из нее одежду, а тушу оставили на морозе на крыше рубки – быть может, она пойдет в пищу его убийцам».

Сам Делонг привязался к крепкому псу по кличке Ворчун. В начале плавания Ворчун ввязался в драку и подхватил инфекцию, из-за которой у него ужасно распухла морда. Делонга восхищала «удивительная воля к жизни» Ворчуна. «Хотя я и понимаю, что он теперь бесполезен, – писал капитан, – я хочу, чтобы в этих негостеприимных краях он жил как можно более полной жизнью. Порой кажется, что он уходит. Сегодня, например, он лежал на подстилке из старого тряпья и словно бы готовился испустить последний вздох. Занятый астрономическими наблюдениями, я решил пристрелить его после обеда. Когда я пришел к нему, оказалось, что он не только не издох за это время, но и отошел ярдов на сто от подстилки, резвый и полный жизни».

Делонг заметил, что к Ворчуну часто подходит другой пес, Джек. «Джек присматривает за ним, защищает его от остальных, водит его за собой, чистит ему шкуру», – записал капитан. Такая нежная забота тронула Делонга – казалось, Джек не получает от нее никакой выгоды. Но в конце концов состояние Ворчуна ухудшилось до такой степени, что Делонг счел негуманным оставлять его в живых. «За несколько дней, – написал капитан, – он превратился в собственную тень. Он лежал на льду, и жар его тела вытапливал яму, в которой он постепенно скрывался из виду».

Ворчуна завели за другой борт корабля и пристрелили. «Несчастный пес мертв», – записал Делонг и заметил, что его друг Джек «как будто не может осознать его исчезновение». По словам капитана, Джек «беспокойно» осматривал ледовую лежанку Ворчуна. «Но такова жизнь».

Даненхауэр тем временем тоже не сдавался. Весь 1880 год штурман провел в своей темной каюте. Его запущенный сифилис стал давать и другие симптомы, включая бляшки у него на ногах, во рту и вокруг губ. Было похоже, что он действительно ослепнет на левый глаз. Хотя доктор Эмблер упорно капал атропин, вязкая субстанция в глазу появлялась снова и снова, склеивая радужку с хрусталиком.

В январе, когда боль стала невыносима для штурмана, доктор Эмблер решил оперировать. Он дал Даненхауэру немного опиума и позвал трех крепких матросов, чтобы держать руки и ноги штурмана. Затем Эмблер, вооруженный скальпелем и резиновым зондом, рассек роговицу и изучил передний отдел глаза. При помощи отсасывателя он «выпустил много мутной жидкости» – именно так он описал процедуру в своем отчете. Боль была чудовищна, но Даненхауэр стойко ее переносил.

Время от времени в каюту заглядывал Делонг, который наблюдал за операцией. «Я не знал, чему восхищаться больше, – писал он, – мастерству и проворству хирурга или же стойкости и выносливости Даненхауэра».

Операция прошла относительно успешно, но в течение следующих шести месяцев Эмблеру предстояло оперировать снова и снова, чтобы выпустить из глаза все «гниющее вещество». В целом в течение 1880 года Даненхауэр перенес более дюжины операций.

Теперь Делонгу уже сказали правду – что Даненхауэр страдает от сифилиса и знал это еще до поступления на «Жаннетту». Эмблер до последнего держал диагноз в тайне, но, когда появились бляшки, все стало очевидно. Капитана поразила и рассердила эта новость. Диагноз объяснял не только проблемы с глазом и высыпания на коже, но и «психические симптомы» – записанные в его карте признаки депрессии. Было широко известно, что от сифилиса можно сойти с ума. И не важно, что Даненхауэр *полагал*, будто полностью излечился, ведь в то время лекарства от сифилиса не существовало. По мнению Делонга, скрывая свою болезнь, Даненхауэр совершил непростительный грех, поскольку пошел на сознательный обман и тем самым поставил под угрозу всю экспедицию. Зная о своем недуге, Даненхауэр должен был с самого начала отказаться от плавания.

И все же капитана не могли не растрогать безоговорочная стойкость и невозмутимость, с которой Даненхауэр переносил свою

болезнь. «Теперь над ним регулярно нависают скальпель и зонд, – писал Делонг. – Нет никаких улучшений. Он героически переносит свое заточение и боль операций. Но для экспедиции он навсегда потерян. Боюсь, он потерян и для самого себя».

Когда Делонг размышлял о 1880 годе, его больше всего раздражало, что они двигались кругами: несмотря на все лишения, они по-прежнему находились примерно там же, откуда начали. Это напоминало Делонгу работу машин, которые выполняют определенные повторяющиеся действия и не останавливаются, пока не заканчивается топливо. Он сетовал на «механическое снабжение системы пищей, теплом и одеждой, чтобы работал человеческий двигатель». Человек, по его словам, был «на самом деле совершенной машиной. Стоит запустить его и постоянно обновлять завод, и он будет функционировать монотонно, как часы».

Он также вспоминал о сельскохозяйственных и тягловых животных, которые всю жизнь бродят туда-сюда по крошечному полю. «Меня всегда интересовало, задается ли вращающая лесопильную установку лошадь вопросом, почему она пристегнута к этой бесконечной жерди и к чему вообще приводят ее действия. Она обычно не видит ни самой пилы, ни результатов работы и заканчивает день в том же самом месте, с которого начала. Насколько позволяет лошадиный разум, она понимает, что будет заниматься тем же самым и завтра, и послезавтра. Если лошади дарована способность размышлять, мне очень жаль беднягу. Теперь я понимаю ее мысли и чувства».

Но после таких сентиментальных рассуждений Делонг обычно одергивал себя. «Здесь в голову приходит много чепухи, – писал он, – и совершается много глупостей, над которыми еще суждено посмеяться в будущем». Он утверждал, что в душе всегда был оптимистом. Его девизом была фраза *Nil desperandum* – «Никогда не отчаивайся». «В этом заточении, – рассуждал он, – что-то неуловимое и неопределенное твердит мне, что все закончится хорошо. Внутренний голос подсказывает мне, что это еще не конец моим трудам и стремлениям».

Поэтому в канун нового, 1881 года, когда Делонг встал перед командой, он хотел передать морякам частичку надежды, которая

каждый день давала им силы жить. Однако он не был силен по части речей и ничего не готовил заранее. Сделав пару затяжек из трубки и выпив по случаю праздника, он наконец сказал:

«Как и любое событие в жизни, это плавание можно разделить на две части: ту, что уже миновала, и ту, что еще предстоит. Мы вот-вот проводим старый год и встретим новый. За последние шестнадцать месяцев мы преодолели 1300 миль. Каждый день нас подстерегали опасности. Льды били и давили нас, толкали и разворачивали, сжимали и толкали. Корпус корабля давно сломался бы, если бы не сила сердец, которые бьются у него внутри. Мы целый год откачивали воду с тонущего корабля и поддерживали его в пригодном для жизни состоянии. И мы все еще здесь. Мы смотрим в будущее, надеясь сделать что-нибудь достойное самих себя и достойное развевающегося над нами флага. Нас не сломить».

Что-то в его словах тронуло команду. Собравшиеся в рубке возликовали. *Nil desperandum! Нас не сломить!* В полночь раздались традиционные восемь ударов в колокол в честь уходящего года и восемь в честь наступающего. Делонг пожелал всем спокойной ночи, на некоторое время задержался в кают-компании с Мелвиллом и Данбаром, а затем ушел к себе и черкнул в дневнике несколько строк. «На арктическом пароходе Соединенных Штатов «Жаннетта» официально возвестили о начале 1881 года на 73°48' с. ш. и 177°32' в. д. Я начинаю новый год в этой тетради, переворачивая страницу, и надеюсь, что с божьей помощью мы перевернем страницу и в нашей тетради удачи».

Мой дорогой муж, я поставила елку для Сильвии, и она была в восторге. Мы нарядили ее накануне Рождества, а утром я привела Сильвию в зал, и она увидела елку во всем ее великолепии, окруженную бесчисленными куклами и безделушками. Но тем чудесным рождественским утром у елки нам было очень одиноко. Будем надеяться на следующее Рождество.

В это время года часто дают обещания, и я тоже пообещала достаточно многое. И главное – я перестану волноваться и снова буду веселой, исполненной сил и

надежд. Полагаю, ты сейчас в полной темноте, но к февралю увидишь солнце. Как же ты, наверное, по нему скучаешь!

Твоя любящая Эмма

Глава 24

Открытая земля

Весной 1881 года «Жаннетта» продолжила беспорядочно дрейфовать среди арктических льдов, медленно продвигаясь на северо-запад. На льду появились новые трещины и разломы – первые признаки приближающегося тепла, – но надежды на освобождение было мало.

Рассвет 17 мая был тусклым и мрачным, но днем свинцовые тучи расступились и открыли горизонт. В семь часов вечера бдительный Данбар сидел в вороньем гнезде и в подзорную трубу наблюдал за ломающимися льдинами, пока остальные моряки занимались своими рутинными делами. В последнее время Данбар странно себя вел – что-то явно его тревожило. Мысли моряка занимали едва заметные изменения скорости ветра и направления дрейфа льдин. Около недели ему казалось, что в некотором отдалении на подветренной стороне что-то мешало свободному движению льда, из-за чего ледовая корка раскалывалась на более мелкие части.

Вдруг Данбар хрипло крикнул морякам на палубе, но его слова были так неожиданны и удивительны, что те не сразу осознали их значение. «Земля! – крикнул он. – Вижу землю! Впереди по правому борту!»

Это было просто видение в отдалении, примерно в пятидесяти милях от корабля, серая область среди торосов и трескающихся льдин. Несколько дней капитан Делонг изучал диковину, гадая, не иллюзия ли это – вдруг это было лишь преломление света, некая фата-моргана? Он не был уверен, что видит, потому что часто темная область скрывалась в тумане и дымке, а над ней висели низкие облака. Но через несколько дней облака рассеялись, и остров стал прекрасно различим невооруженным глазом: высокая коническая масса земли, подобно вулкану, была изрезана ущельями, а на ее крутых склонах белел снег. Сомнений быть не могло. Перед ними была земля – они видели землю впервые за более чем четыреста дней, прошедших с того момента, когда в начале 1880 года от них скрылся остров Врангеля. Облегчение

Делонга ясно чувствуется в его дневниковой записи: «Значит, в этом мире все же есть кое-что, кроме льда».

Пока «Жаннетта» дрейфовала к новой земле, Делонг сверился с картами. Ни на одной из них, включая самые последние, полученные Беннеттом от Петермана, не было отмечено никакой земли на многие сотни миль в любом направлении. Последний год они дрейфовали по арктическим регионам, где не бывало еще ни одно судно. Должно быть, на лице Делонга засияла улыбка, поскольку вывод был очевиден. «Мы что-то открыли, – написал он. – Слава богу, наше плавание прошло не совсем впустую».

Делонг продолжил описывать новую землю в восторженном ключе: «Я не знаю и даже не думаю, какой вклад вносит этот пустынный остров в глобальную экономику природы. Но это твердая земля, и на ней любой сможет понять, где именно он находится».

Он назвал открытую землю островом Жаннетты и принялся строить планы по высадке. Моряки были вне себя от счастья. «Вдруг, – написал Мелвилл, – все юные пророки забрались на высокие торосы, чтобы разглядеть новую землю. Все были так возбуждены, словно перед ними вдруг возник второй Гошен». Рассматривая остров в бинокль, моряки уже воображали, будто видят на его берегах животных и перелетных птиц. «Особенно зоркие энтузиасты, – отмечал Мелвилл, – отчетливо различили оленей, а другие, еще более знающие, даже заявили, что могут отличить самок от самцов».

Затем, 25 мая, Данбар заметил другую землю. Сначала ему показалось, что это лишь часть острова Жаннетты, однако 27 мая стало очевидно, что это другой остров, значительно больший по размеру и отстоящий от первого примерно на 30 миль в северо-западном направлении. Более того, корабль двигался прямо к нему, оставляя маленький остров Жаннетты в стороне.

В связи с этим капитан Делонг и остальные моряки сместили фокус внимания на эту новую, более крупную землю. Делонг назвал ее островом Генриетты в честь матери-ирландки Беннетта и шхуны, на которой Беннетт выиграл свою первую трансатлантическую регату. Как и Жаннетта, имя было слишком мягким и женственным для столь суровой земли, однако не стоит забывать, что моряки целых двадцать три месяца были лишены женского общества. Моряки не могли насмотреться на остров. По словам Делонга, остров Генриетты был

«центром притяжения всех глаз... столь же долгожданный, как оазис в пустыне». Он стал их талисманом, их фетишем. «Мы глядим на него, – писал Делонг, – мы оцениваем его, определяем оставшееся до него расстояние и надеемся на попутный ветер, который прибьет нас к его берегам. Не стоит и сомневаться, что мы готовы поверить, будто на нем находится золотая жила, которая сделает всех нас великими богачами».

Моряки представляли, как найдут тихую гавань на острове Генриетты и на время разобьют лагерь, где залатают все течи корабля, будут питаться свежим мясом и с удовольствием предаваться почти забытому наслаждению ходить по твердой земле. «Мы обрадуемся высадке на берег не меньше, чем если бы вдруг оказались в Центральном парке, – писал Делонг. – Большинство из нас перед сном внимательно смотрит на наш остров, чтобы убедиться, что он никуда не исчез».

К концу мая очертания острова Генриетты стали четче. Коллинз и Ньюкомб делали набросок за наброском: на острове были высокие мысы, скалистые горы и спускающиеся к берегу ледники. Он казался круглым возвышением диаметром около четырех миль, был покрыт вечным снегом, скован подтаявшим настом, обточен ветрами и отшлифован льдами. Но Делонг надеялся, что внутренняя часть острова или скрытые у его берегов бухты полны жизни. Возможно, там найдутся медведи или моржи, прибитый к берегу плавниковый лес, пресная вода и птичьи колонии, где можно будет разжиться яйцами. Он представлял себе летнюю идиллию, столь необходимую для восстановления сил всей команды.

Но льды двигались непредсказуемо, и Делонг опасался, что корабль, хотя и продвигался в направлении острова Генриетты, в конце концов мог взять другой курс и пройти мимо него, как прошел мимо острова Жаннетты. 31 мая, заметив, что возможности для высадки сокращаются, Делонг решил отправить небольшой отряд людей и собак на остров, чтобы они ступили на землю и провели беглую разведку. Затея была невероятно рискованной: льдины беспрестанно сталкивались и раскалывались, из-за чего отряд вполне мог оказаться в изоляции и уплыть на одной из льдин на верную гибель. Путешественники могли провалиться в полынью. Единственного шторма или нежданно спустившегося тумана могло оказаться

достаточно, чтобы скрыть отряд из зоны видимости корабля на достаточно долгое время, чтобы его уже невозможно было отыскать снова.

И все же Делонг счел, что выгоды разведывательной миссии существенно перевешивают ее риски, и выбрал «весь цвет» команды для отправки на остров Генриетты. Главным он назначил зверски компетентного Мелвилла. Проводником стал Данбар, который лучше всех знал опасные особенности льда. С ними шли четверо самых крепких и выносливых матросов «Жаннетты»: Найндеман, Эрихсен, Шарвелл и пожарный Джеймс Бартлет. Делонгу хотелось самому возглавить экспедицию – таким было его «стремление». Однако Чиппа поразила какая-то кишечная инфекция, из-за которой он присоединился к Даненхауэру в списке больных. В связи с этим Делонг решил, что с его стороны будет безответственно оставить корабль и команду ради такой серьезной задачи.

В девять часов Мелвилл собрал весь отряд на льду. 15 собак были запряжены в упряжку Макклинтока, на которой покоилась шлюпка. Моряки взяли с собой винтовки, патроны, палатку и провизию на 10 дней. Всего у них было около тонны оборудования и провианта. Остальная часть команды тоже спустилась на лед и подбадривала товарищей. Было даже сделано несколько залпов из большой латунной пушки. Участники экспедиции разделялись впервые за два года. На грот-мачте подняли огромный черный флаг, который должен был служить ориентиром для Мелвилла.

Как только Мелвилл дал знак, под визги собак и оклики моряков отряд отправился к погребенному под снегом острову Генриетты. Судя по прикидкам, до острова было всего 12 миль, однако смельчакам предстояло пройти сквозь самый невероятный ландшафт, который Мелвилл назвал «диким буйством» и «ледовым хаосом».

В пятистах метрах от корабля на пути отряда возникла большая полынья, из-за чего Мелвиллу пришлось спустить на воду шлюпку и переправить сани и припасы на другую сторону. Но моряки долго не могли заставить собак нырнуть в обжигающе холодную воду – над ледовой шапкой раздавался их протестующий вой. Двое псов вырвались из упряжки и побежали обратно к кораблю. Там их поймали несколько быстроногих матросов, которые вернули собак Мелвиллу, после чего тот снова поставил их в упряжку.

Делонг велел часовому, сидящему в вороньем гнезде, весь день и всю полярную ночь не спускать глаз с ушедших товарищей. Отряд Мелвилла перебирался через торосы, часто отклоняясь от прямого маршрута. Они двигались до смешного медленно. Наблюдать за ними было все равно что наблюдать за цепочкой жуков-скарабеев, ползущих по полной преград пустыне. Сначала они превратились в скопление точек на льду, затем слились в единое пятно и в конце концов стали лишь крапункой, пока к середине следующего дня не скрылись из виду, затерявшись среди ледяных гор.

Вскоре капитана Делонга озаботили другие проблемы. Давление льда на корму всю неделю усиливалось. Течи, которые сопровождали «Жаннетту» с момента первого заточения во льдах, стали сильнее. Делонг приказал круглосуточно откачивать воду ручными помпами и снова завел турбину. Ее крупные продолговатые лопасти вращались на холодном ветру и поднимали из затопленного трюма более 100 галлонов воды ежечасно. И все же, несмотря на это, матросы едва справлялись с задачей. По расчетам Делонга, корабль набирал 4874 галлона воды каждый день.

Чтобы ослабить давление на корму, Делонг приказал матросам взять топоры, кувалды и ледовые пилы и освободить руль и винт. «Лед тверд, как кремль, – писал Делонг, – и цепляется за корабль, как старый и усталый друг». Ледовые тиски были сжаты так сильно, что при откалывании кусков вместе с ними из швов вылетали и куски пакли. Кое-где на осколках льда оставался рисунок обшивки «Жаннетты».

Словно этого было мало, Делонгу пришлось столкнуться с самым серьезным за все плавание медицинским кризисом. На следующее утро после ухода отряда Мелвилла доктор Эмблер сообщил, что значительное число оставшихся моряков – по крайней мере семеро – страдает от загадочного «недуга». Что бы это ни была за болезнь, Эмблер боялся начала эпидемии. («Что дальше?» – раздраженно вопрошал Делонг.) Несколько недель моряки жаловались на любопытный набор симптомов: апатию, проблемы со сном, отсутствие аппетита, потерю веса, анемию, металлический привкус на языке и особенно острые спазмы в кишечнике. Некоторые заметили легкую дрожь в руках, другие увидели кровь при мочеиспускании.

«Лед тверд, как кремль, и цепляется за корабль, как старый и усталый друг». Ледовые тиски были сжаты так сильно, что из швов вылетали куски пакли. Кое-где на осколках льда оставался рисунок обшивки «Жаннетты».

В последнее время количество жалоб возросло, и теперь болезнь поразила Чиппа, Ньюкомба, Кюне, Алексея, А Сэма, Чарльза Тонг-Синга и даже самого доктора Эмблера. Ньюкомб особенно мучился от боли и, по свидетельству Делонга, казался «совсем поникшим». Еще печальнее Ньюкомбу стало, когда он понял, что не сможет присоединиться к отряду Мелвилла при высадке на остров Генриетты. Ньюкомб полагал, что, будучи натуралистом экспедиции, он обязан изучить птиц и других животных, которых моряки могут встретить на новом острове. Но он не мог подняться с постели.

Доктор Эмблер не был уверен в диагнозе, но несколько дней медицинских изысканий позволили ему предположить, что вызвало столь странное недомогание. Он решил, что ему виной было *отравление свинцом*. Если он был прав, дело было серьезным. Токсическое действие свинца могло вызывать бред, конвульсии, отказ почек и даже смерть. Доктор понимал, что ему нужно немедленно найти источник заражения. От этого зависела судьба экспедиции.

Несколько дней Мелвилл и пятеро его помощников шагали по льду. Обледенелые берега острова становились все ближе, но идти оказалось гораздо сложнее, чем Мелвилл себе представлял. Цепочку возглавлял Данбар, который в качестве ориентира нес в руках черный шелковый флаг. Морякам приходилось преодолевать высокие торосы, из-за чего им не удавалось продвинуться более чем на несколько миль за день. «Миллионы тонн льда стояли нагроможденными друг на друга, – писал Мелвилл, – словно жуткие останки после битвы, которую постоянно ведут между собой огромные ледовые массы, и одни гигантские льдины будто бы постоянно убегали от других, идущих за ними по пятам».

Нагруженная провизией и палаткой шлюпка качалась на санях Макклинтока. Моряки привязали к ней длинные брезентовые лямки и тащили ношу вместе с собаками. Порой от хасок было больше проблем, чем помощи. Они рычали и скалились друг на друга, несколько раз морякам приходилось разнимать их драки. Среди неровных льдин собаки постоянно выскальзывали из упряжи и, по свидетельству Мелвилла, «безнадежно запутывались в поводьях, подобно целому ведру угрей».

На четвертый день пути стало очевидно, что им не достичь острова Генриетты, таща за собой шлюпку, забитую тонной припасов, поэтому Мелвилл решил оставить лодку, взять провизии на один-единственный день и совершить «рывок» к цели. День был ясный и солнечный, и очертания острова Генриетты были такими четкими, что Мелвиллу казалось, будто он может коснуться их рукой. «Черные зубчатые скалы», – писал он, – были «испещрены железными прожилками» и словно бы оплавлены в «огромной доменной печи». Моряки поспешно установили шлюпку на высоком торосе и рядом с ней поставили черный флаг, который должен был стать ориентиром для их возвращения. На конце шеста Эрихсен на всякий случай укрепил свою яркую войлочную шапку.

Мелвилл понимал, что оставлять лодку и провизию «весьма опасно» и что без проблем вернуться к ней можно будет лишь «с изрядной долей удачи», особенно если установится плохая погода. Но он не видел другого способа достичь острова Генриетты, оставив себе хоть жалкий шанс вернуться на корабль живыми и невредимыми.

Существенно облегчив свою ношу, они продвинулись достаточно далеко. На следующее утро, позавтракав свиными копытцами, приготовленными в бараньем бульоне, они снова двинулись в путь, но тут выяснилось кое-что тревожное: неумолимое солнце, сиявшее накануне, повредило зрение Данбара – его поразила сильная снежная слепота. Закаленный китобой большую часть жизни провел в море и немало бывал в Арктике, но никогда еще не страдал от этого старого как мир недуга – офтальмии, ожога конъюнктивы, болезни сварщика. Самый зоркий из всех, Данбар должен был служить проводником и идти впереди остальных, выбирая самый безопасный путь. Но он не видел и своей руки. У него слезились и подергивались глаза, он мучился от жжения. Его зрачки были сужены, а роговица воспалена.

Перед глазами у него танцевали странные точки. И все же Данбар не готов был признать эту ужасную правду – и не сказал о своем недуге, пока остальные не заметили, что с ним явно что-то не так.

Мелвилл попытался поддержать Данбара и велел ему ехать в санях. Ему не стоило ковылять по льду, как пьянчуге, ведь так он мог покалечиться. Но ледовый лоцман отказывался быть обузой. Когда Мелвилл приказал ему сесть в сани, Данбар воскликнул: «Тогда оставьте меня здесь!»

«Он всячески умолял меня бросить его на льду, – написал Мелвилл. – Он впервые в жизни оказался сломлен, и это терзало его». Несмотря на отчаянные протесты Данбара, моряки усадили его в сани («что пришлось старику не по нраву», – заметил Мелвилл) и двинулись дальше. Теперь ледовым лоцманом стал Эрихсен, который вышел вперед, вооружившись черным флагом.

Острова они уже не видели – он скрылся за пеленой метели. Однако Мелвилл шел по компасу и точно знал, что они уже почти у цели. Моряки взяли хороший темп и не останавливались, пока сани не провалились под лед и едва не погрузились в холодную морскую воду. Беспомощно проклиная все на свете, Данбар схватился за поперечную планку. Эрихсен поспешил ему на помощь. Крупный, мускулистый датчанин одним рывком вытащил сани из воды и установил их на льду, словно перед ним была лишь детская игрушка. Восхищаясь «геракловой силой» Эрихсена, Мелвилл гадал, что бы они без него делали. В этот раз он практически наверняка спас жизнь Данбару.

Тем же вечером, 2 июня, шестеро мужчин ступили на берег острова Генриетты. Окрыленные, усталые и обрадованные, они пересекли небольшую полоску пляжа и вышли к черным скалам, поросшим мхом и лишайником. Они впервые за 642 дня ступили на землю. Данбар пришел в восторг от возможности «пройтись по суше». Было здорово и в то же время странно снова оказаться на твердой земле. Ходить по ней было совсем не так, как ходить по наклонной корабельной палубе или по плавающим заснеженным льдинам. Ноги моряков совсем отвыкли от этого, из-за чего поначалу их походка была неуверенной и нетвердой.

Хотя остров Генриетты образовался еще в древности – вулканическим породам на острове было не менее пятисот миллионов лет, – до высадки отряда Мелвилла на него, судя по всему, не ступала

нога человека. Осознание этого вызвало у механика сложные чувства: похоже, открытие острова показалось ему и прекрасным, и жутким. Ради этого и жили все путешественники, именно это и толкало их к исследованиям. Именно эта радость и искупала все их лишения. В то же время Мелвиллу было страшно. Никто и никогда здесь не бывал. Возможно, здесь никто и не должен был оказаться. «Мы молча осматривали окрестности, – писал он. – Тишина была ужасна». Они высадились на «черном чудище», крутые мысы которого вздымались к небесам «многие века, многие тысячелетия, ожидая нашего прибытия».

Они достигли края света. Более чем на тысячу миль на восток и почти на тысячу миль на запад остров Генриетты был самой северной точкой земли, одиноким осколком суши в суровой Арктике. В этой части света не было твердой земли, которая находилась бы ближе к крыше мира.

Мелвилл объявил эту девственную землю американской территорией «во имя великого Иеговы и президента Соединенных Штатов». Затем он «крестил» остров несколькими каплями бурбона из маленькой плетеной фляги. Эрихсен установил среди скал американский флаг. Позже, поднявшись выше на берег, отряд Мелвилла довольно осмотрел ледовое поле, сквозь которое они пробились к земле. В десяти милях от них виднелся призрачный силуэт затертой во льдах «Жаннетты», которая сместилась в сторону под тревожным углом.

На следующий день им предстояло поспешить. Но пока что они разбили палатку, залезли внутрь и, по словам Мелвилла, быстро погрузились «в объятия Морфея».

На борту «Жаннетты» доктор Эмблер и капитан Делонг исступленно искали источник заражения. Симптомы проявились еще у нескольких членов команды, и Эмблер не на шутку встревожился.

Сначала подозрение пало на систему опреснения воды. Делонг приказал полностью разобрать аппарат и внимательно проверить, нет ли там признаков проникновения свинца в воду. Внутри было обнаружено несколько свинцовых переходников, однако все они были в таком хорошем состоянии, и казалось маловероятным, что именно они вызвали все острые симптомы.

Эмблер смог найти корень проблемы лишь на следующий день. На ужин были тушеные помидоры, которыми они уже несколько месяцев питались почти каждый вечер. Одному из матросов на зуб попало что-то твердое, и он вытащил изо рта металлический шарик. Внимательно изучив содержимое своих тарелок, остальные моряки нашли и другие шарики. Они не придали этому значения, но вдруг кто-то спросил: «Кто стрелял по томатам?»

Это натолкнуло доктора Эмблера на мысль. Внимательно осмотрев кусочки металла, он пришел к выводу, что перед ним свинец и что природная кислота помидоров за долгие месяцы путешествия вступила в реакцию со свинцовым припоем, который использовался для запечатывания жестяных банок, в которых хранились томаты. Некоторые банки оказались в плохом состоянии, а их содержимое было покрыто черной пленкой оксида свинца. В течение последних месяцев моряки принимали в пищу небольшие, но постоянно растущие дозы свинца.

Симптомы проявлялись бессистемно и далеко не у каждого, поскольку у всех был разный обмен веществ. «Любопытно, что многие из нас вообще ничего не ощущают, – писал Делонг, – ведь все мы питаемся одинаково». С другой стороны, он заметил, что Чарльз Тонг-Синг, который вместе с Ньюкомбом страдал сильнее остальных «свинцовых инвалидов», обожал помидоры: «Ему особенно по вкусу этот овощ, его от томатов за уши не оттащишь».

С самого начала экспедиции доктор Эмблер настаивал, чтобы команда регулярно употребляла в пищу помидоры, чтобы избежать цинги. Как и цитрусы, они по праву считались хорошим противощитовым средством (хотя в те годы наука еще не понимала причину этого – высокое содержание витамина С). Но такой поворот событий привел к противоборству двух опасностей арктических путешествий: пища, способная тебя спасти, хранилась в таре, которая могла тебя убить.

«Какой смысл, – ворчал Делонг, – на два года избавлять себя от цинги, если ужасный свинцовый яд убьет тебя на третий?»

Несмотря на слабость, доктор Эмблер взял ситуацию в свои руки. Испорченные помидоры выкинули, после чего он разработал новое меню, в которое вошли повышенные дневные нормы лаймового сока. Через несколько дней Эмблер заметил, что больные пошли на

поправку. Но он переживал за Мелвилла и остальных членов его группы. Их могла поразить та же болезнь, из-за которой они могли потерять способность передвигаться.

К этому времени капитан Делонг начал «постоянно тревожиться» за безопасность разведывательного отряда. По его расчетам, группа Мелвилла уже должна была вернуться. В последние два дня опустился густой холодный туман, который ограничил зону видимости пятьюдесятью ярдами. Часовые в вороньем гнезде потеряли из виду не только отряд Мелвилла, но и сам остров.

Делонг часами всматривался в туман, надеясь, что он рассеется, и ища очертания людей на льду. По его словам, им оставалось лишь «заняться знакомым делом и слепо ждать». Он приказал время от времени стрелять из пушки, чтобы подавать отряду звуковой сигнал, раз уж визуальные маяки оказались бесполезны. Делонг начал сомневаться в своем решении отправить отряд на обследование острова. Он боялся, что совершил ужасную ошибку.

Рано утром 3 июня группа Мелвилла быстро позавтракала и отправилась обследовать остров Генриетты. Почти половину острова покрывали ледники. Не было никаких признаков жизни, за исключением больших колоний птиц – в основном чистиков, которые гнездились на скалистых утесах, покрытых следами гуано. Эти птицы никогда прежде не видели людей и не боялись их. Шарвелл взял дробовик, подошел к гнездам и пристрелил несколько птиц. Чистики как ни в чем не бывало остались на своих местах, не чувствуя опасности.

Затем моряки разошлись по острову и принялись делать зарисовки, производить измерения и осуществлять главную прерогативу путешественников – давать названия географическим объектам. На острове появились гора Сильвия, гора Чиппа, пик Данбара и мыс Беннетта. Когда отряд Мелвилла забрался на очередной уступ, Данбар нарек его Головой Мелвилла, но остальные прозвали Лысой Головой в честь блестящей лысины главного корабельного механика. Там, в расселине на высоте 250 футов над уровнем замерзшего моря, они построили тур из камней, внутрь которого Мелвилл положил цинковый кейс с несколькими номерами газеты «Нью-Йорк геральд» и медным 18-дюймовым цилиндром,

содержащим описание плавания «Жаннетты», составленное капитаном Делонгом.

Хотя Мелвилл и «сиял от успеха их предприятия», он не стал задерживаться на острове Генриетты. Он понимал, что им следует как можно скорее возвращаться к шлюпке с припасами, а затем и к кораблю, пока он не скрылся из виду и не уплыл слишком далеко. Моряки прихватили с собой немного сувениров – мох, образцы камней и убитых Шарвеллом птиц, – и, менее суток проведя на вулканической скале, сложили все в сани и двинулись обратно. Эрихсен вел всех за собой, держа в руке черный шелковый флаг.

Погода была «паршивой» и «жестокой». Из-за густого тумана первые два дня им пришлось полагаться исключительно на компас. Их тормозили открытые полыньи, несколько раз сани проваливались в воду. Лед ломался и трескался так громко, что собаки постоянно пребывали на грани паники. Хуже того, Найндемана поразила серьезная болезнь. Его мучили сильнейшие спазмы, скорее всего вызванные тем же отравлением свинцом, которое обнаружилось на корабле. Мелвилл никогда не видел Найндемана в таком состоянии, ведь он всегда был самым крепким и выносливым членом команды, но сейчас немец явно «переживал муки ада», как написал сам Мелвилл.

Тем вечером, когда все собрались в палатке, Мелвилл открыл ящик с лекарствами и вытащил для Найндемана пузырек раствора капсикума. Получаемый из кайенского и другого острого перца экстракт капсикума в то время был распространенным средством от спазмов. Но пальцы механика так замерзли и задубели, что он никак не мог открыть пузырек. Всегда готовый помочь Эрихсен вытащил пробку и дал Найндеману несколько капель раствора. Затем датчанин неловко повернулся и разлил экстракт капсикума себе на руки. Не придав этому значения, он сунул пузырек обратно в ящик и вытащил оттуда флакон с прованским маслом, которым щедро намазал свое усталое тело, натертый пах, воспаленные глаза и обожженное солнцем лицо.

Вдруг тело Эрихсена словно обожгло огнем – он забыл, что не смыл с рук экстракт капсикума. «Результат, – заметил Мелвилл, – стал полной неожиданностью для него и отрадой для нас». Выпучив глаза и закричав от резкой боли, Эрихсен выскочил из палатки, сбросил с себя всю одежду и бросился в снег, чтобы унять жжение. По свидетельству

Мелвилла, он извивался, «как угорь». Все, кто остался в палатке, включая и Найндемана, разразились хохотом.

Данбар, прищурившись, сквозь смех крикнул голому матросу: «Эрихсен, там снег не зашипит от твоего жара?»

К 3 июня Делонг уже места себе не находил от беспокойства. Куда пропал Мелвилл? Капитан осознал, что отправка разведывательного отряда при такой плохой видимости была бесполезной, если не глупой, затеей. Ему оставалось лишь продолжать стрелять из пушки и надеяться, что Мелвилл придет на звук.

Утром 4 июня небо прояснилось. Было холодно, лопасти турбины вращались на ветру. Часовые не видели отряда Мелвилла, но остров Генриетты видели прекрасно. Делонг велел матросам развести на льду большой костер и время от времени подбрасывать в него паклю и деготь, чтобы дым был как можно чернее. Если Мелвилл был в пределах двадцати миль от корабля, он не мог его не заметить. Но ни его самого, ни его людей по-прежнему не было видно.

«Слава богу, мы высадились на только что открытой части нашей земли, и опасное путешествие прошло без потерь».

В какой-то момент к кораблю подошел белый медведь, очевидно почуявший едкий запах дыма. Он почесался о воткнутую в лед жердь и обнюхал оставшихся ездовых собак, лежавших на льду возле судна. Первым отреагировал Эдвард Старр. Он схватил винтовку и выстрелил, но не попал в медведя. Затем он спрыгнул на лед, побежал за ним и сделал еще два выстрела. «Мишка бросился прочь, – написал Делонг, – и бежал все быстрее, пока пули свистели надо льдом. Но увы! 600 фунтов свежего мяса все же удрали от нас».

В шесть часов утра 5 июня часовой в вороньем гнезде забил тревогу и крикнул: «Вижу отряд!» Делонг выбежал на палубу и действительно разглядел шелковый флаг, реющий среди торосов в нескольких милях от «Жаннетты». Капитан так разволновался, что

бросился на мостик, чтобы лучше разглядеть все в бинокль. Поднимаясь по ступенькам, Делонг вдруг почувствовал сильный удар по голове, упал и чуть не потерял сознание. Ошарашенный, он встал на ноги. Кровь текла по лицу и капала на шканцы. А Сэм в ужасе посмотрел на капитана и воскликнул: «О боже! Какая огромная дыра!»

Желая как можно скорее узнать о продвижении Мелвилла, Делонг совсем забыл о недавно восстановленной турбине. Одна из ее острых лопастей рассекла ему кожу на голове и оставила четырехдюймовую рану – достаточно серьезную, чтобы доктор Эмблер настоял на визите капитана в лазарет. Но прежде Делонг хотел убедиться, что все моряки из отряда Мелвилла целы и невредимы. Дрожащими руками держа бинокль, он наблюдал, как люди один за другим появляются из-за ледового хребта. С «огромным облегчением» Делонг насчитал шесть крошечных фигурок, шагающих по паковому льду. Впереди всех с черным флагом шел Эрихсен в старой войлочной шапке.

«Слава богу, – писал Делонг, – мы высадились на только что открытой части нашей земли, и опасное путешествие прошло без потерь».

Доктор Эмблер зашил и забинтовал рану Делонга, и вскоре капитан присоединился к остальным морякам, которые уже спустились на лед, чтобы приветствовать своих товарищей. Они обнимались, смеялись и пили виски, а «собаки радостно поскуливали». Мелвилл не мог даже понять, «кто обрадовался больше – встречающие или встречаемые».

Когда Мелвилл спросил о толстой повязке на голове у капитана, Делонг смущенно ответил, что он «вступил в схватку с турбиной». Затем он улыбнулся и обнял Мелвилла. «Молодец, старина, – сказал он. – Рад видеть вас снова».

Глава 25

Новости

В ту же неделю, когда Делонг с командой радовались открытию нового клочка земли, другое американское судно плыло вдоль восточных сибирских берегов по Берингову проливу с Аляски. Этот корабль, укрепленный пароход «Корвин», пробирался вдоль изрезанной границы ледовой шапки, ожидая, пока летнее солнце растопит замерзшие врата Арктики.

Капитан «Корвина» Келвин Хупер был офицером Службы таможенных судов США – предшественницы современной береговой охраны. Перед вышедшим в мае из Сан-Франциско «Корвином» стояло множество задач: во время своего сезонного плавания он должен был доставлять арктическую корреспонденцию, следить за состоянием китобойной флотилии, препятствовать нелегальным перевозкам виски и огнестрельного оружия, надзирать за исполнением торговых и охотничьих соглашений на Аляске и проверять трюмы кораблей на предмет нарушения сезона охоты на тюленей. Но главной целью «Корвина», в которой воплотились все надежды и страхи целой нации, было выяснение судьбы «Жаннетты».

Когда Хупер стал посещать крошечные поселения на сибирских берегах, картина постепенно начала вырисовываться. Рассказываемые на разных языках и передаваемые из уст в уста от деревни к деревне истории обросли невероятными подробностями. Чукчи рассказывали о кораблекрушении на севере, в нескольких сотнях миль от берега. Американское судно, по их свидетельствам, застряло во льдах и дрейфовало не один месяц, а затем все же не выдержало давления, из-за чего его корпус сломался, и щепки разлетелись по льду. Команду преследовали болезни и ужасные несчастья. Некоторые чукчи даже утверждали, что своими глазами видели тела погибших.

Хупер заинтересовался этими историями, хоть и отнесся к ним с некоторым недоверием. «Несмотря на известную тягу местных жителей к обману, – писал он, – в их словах все же содержится доля правды». Вдруг это «Жаннетта» потерпела кораблекрушение? Или же это было одно из американских китобойных судов, пропавших

прошлой осенью, среди которых были «Зоркий» и «Маунт-Уолластон» под командованием легендарного Эбenezера Ная? Или же все истории были просто выдумкой и хитрые чукчи сочинили их на ходу, желая получить награду?

Как бы то ни было, капитану Хуперу нужно было узнать больше. К концу первой недели июня он пробился на север, к границе ледовой шапки, идя по следу этого трагического рассказа.

Весь прошлый год американские газеты трубили о необходимости отправки спасательной миссии для выяснения судьбы Делонга. Некоторые газеты даже объявили Делонга и его команду погибшими. Зимой Эмма Делонг также начала выступать за отправку спасательной экспедиции, и к началу 1881 года требования разрешить загадку «Жаннетты» стали громче: люди хотели знать, куда пропал Делонг и все его люди. Казалось, страна отправила своих сынов в путешествие к центру земли или на другую планету, и теперь всем хотелось выяснить, что с ними стало, во имя науки, во имя национальной гордости и общего успокоения.

На самом деле многие «эксперты» по Арктике были оптимистичны в своих оценках плавания «Жаннетты» и полагали, что отсутствие новостей – хороший признак, так как это означает, что судно сумело пробиться сквозь пояс льдов и теперь приближается к Северному полюсу. «Не вижу никаких причин волноваться о судьбе «Жаннетты», – сообщал газетам австро-венгерский исследователь Арктики Карл Вайпрехт. – Нельзя ожидать, чтобы судно, перед которым стоит задача исследовать необитаемые регионы, постоянно было на связи с домом... Мистеру Делонгу нет смысла выходить на границу зоны льдов ради передачи новостей. Отсутствие вестей... следует считать признаком успеха».

Беннетт считал точно так же. Он писал Эмме Делонг: «Надеюсь, вас не пугают глупые спекуляции безответственных газет о судьбе «Жаннетты». Я совершенно уверен в полной безопасности корабля и команды. Отсутствие вестей от них кажется мне лучшим доказательством успеха их миссии». На встрече Американского географического общества в Нью-Йорке исследователь Арктики Айзек Хейс заявил, что волноваться о Делонге не стоит. «Не думаю, что «Жаннетта» оказалась раздавлена льдом или безнадежно затерта», –

сказал он. Присутствующей в зале Эмме устроили стоячую овацию. «Сегодня среди нас оказалась миссис Делонг, – сказал Хейс, – и я хочу заверить ее, что не сомневаюсь в благополучии ее мужа, хоть и полагаю, что рядом с ней он был бы счастливее».

Может, и так, но конгресс все же заваливали прошениями об организации спасательной экспедиции. Американское географическое общество молило Белый дом и ВМС США сделать хоть что-нибудь. Новый президент Джеймс Гарфилд, который заступил на должность в марте, полностью поддержал спасательную операцию. Конгресс выделил около 200 000 долларов на оснащение необходимых для этого предприятия судов, и организацией экспедиции занялась спешно созданная комиссия по спасению «Жаннетты», которую возглавил уважаемый контр-адмирал. Беннетт при первой необходимости готов был предоставить дополнительное финансирование. Комиссия по спасению настаивала, что поиски «Жаннетты» носят исключительно предупредительный характер. Причин волноваться не было. «История исследования Арктики полна великих опасностей, чудесных избавлений и успехов даже там, где надеяться было не на что, – заключалось в первом отчете комиссии. – Мы полагаем, что «Жаннетта» и ее отважная команда в безопасности».

И все-таки Эмма Делонг с каждым днем все больше беспокоилась за мужа и остальных членов экспедиции. Она получала письма от жены Джорджа Мелвилла Гетти, которая не сомневалась, что все моряки «Жаннетты» давно погибли. Письма Гетти Мелвилл казались весьма странными. Заявляя, что она ясновидящая, Гетти писала: «В этом мире мне с мужем уже не встретиться». Она уверяла, что к ней являлся призрак ее мужа: «Он пришел ко мне, как и обещал в случае гибели, и был белым как полотно». Эмма решила, что миссис Мелвилл, вероятно, психически нездорова, но весной 1881 года ее собственные страхи о судьбе «Жаннетты» лишь усиливались по мере приближения даты отплытия в Арктику спасательных судов.

«Корвин» отправился первым из трех американских кораблей. Военный корабль «Альянс» должен был выйти из Норфолка, взяв на борт двести человек, и отправиться в арктические регионы к северу от Норвегии, куда теоретически могла пойти «Жаннетта» после достижения Северного полюса и выхода с другой стороны полярной шапки. Третье спасательное судно «Роджерс» выходило из Сан-

Франциско летом и должно было проследовать немного другим маршрутом через Берингов пролив к замерзшему океану. Гордон Беннетт отправил лучших корреспондентов «Геральд» на «Альянс» и «Роджерс», а Эмма Делонг передала капитанам обоих судов копии своих писем мужу – «писем в никуда», которые она писала весь год.

Что касается «Корвина», полученные из Вашингтона инструкции капитану Хуперу были сформулированы в таком ключе, который не допускал и мысли о возможной катастрофе «Жаннетты». «Вам надлежит подробно расспросить обитателей Арктики о продвижении и местонахождении парохода «Жаннетта», – гласили приказы, – при возможности связаться с ним и оказать любую необходимую помощь». В приказах Хуперу выражалась уверенность, что он «доставит новости» о пропавших путешественниках. По пути ему предстояло сообщить всем встреченным ими китобоям, зверобоям, охотникам на моржей, ремесленникам и местным жителям о поисках Делонга и объявить награду за достоверную информацию о судьбе «Жаннетты». К концу сезонного плавания «Корвин» должен был преодолеть более пятнадцати тысяч миль.

Хуперу предстояло как можно скорее достичь Берингова пролива и, как только подтаает лед, направиться напрямик к Земле Врангеля. Делонг с самого начала говорил, что он хочет взять курс на эту землю и оттуда взять курс на Северный полюс. Капитан сообщил Эмме, что при движении вдоль восточного побережья Земли Врангеля каждые двадцать пять миль будет оставлять в цинковых контейнерах под хорошо различимыми каменными турами послания будущим путешественникам. В связи с этим Хуперу было приказано разыскать эти туры и восстановить историю, которая содержится в оставленных посланиях.

Пароход «Томас Корвин» был самым приспособленным для арктических плаваний судном на западном побережье. Построенный в Портленде в 1876 году, он представлял собой одновинтовую паровую топсельную шхуну длиной 137 футов. Ее корпус был сделан из крепкой орегонской пихты, скрепленной оцинкованным железом и деревянными гвоздями. Хотя «Корвин» был не так крепок, как «Жаннетта», он три года верой и правдой отслужил в Арктике. На этот раз перед отплытием его корпус укрепили дубовой обшивкой, которая могла выдержать давление льда.

Командовал «Корвином» рассудительный моряк, который не получил формального образования, но имел природную склонность к математике и навигации. Уроженец Бостона, 39-летний Келвин Лейтон Хупер был флегматичным, строгим человеком с блестящими напомаженными волосами и кустистыми бакенбардами, переходящими в усы. В 12 лет он поступил юнгой на корабль и уплыл из дома, в 21 стал первым помощником капитана клипера, а после Гражданской войны посвятил свою жизнь Службе таможенных судов. Эта профессия требовала от него быть одновременно капитаном, дипломатом, детективом, таможенным офицером и пограничным шерифом открытых морей. Его корабль был хорошо вооружен, и он обладал правом конфисковывать имущество, задерживать суда, налагать штрафы, арестовывать подозреваемых в совершении преступлений и, при необходимости, убивать их. Суровое лицо морского волка наталкивало на мысль, что в этом случае он не будет терзаться угрызениями совести. Новая малонаселенная американская территория Аляски была диким и жестоким краем. Если там и можно было уповать на закон, то закон этот вершил Келвин Хупер.

Помимо выполнения других задач, поставленных перед Хупером на это летнее плавание, команда «Корвина» также должна была заниматься едва ли не бесконечным количеством научных и географических наблюдений: измерять глубины, засекают температуру и давление, корректировать карты, обрисовывать береговые линии, собирать образцы.

Самым знаменитым – или стоящим на пороге славы – ученым на борту «Корвина» был родившийся в Шотландии ботаник, который в последнее время изучал роль ледников в формировании ландшафта долины Йосемити. Поджарый мужчина с клочковатой рыжей бородой и горящими голубыми глазами полубезумного барда, он регулярно писал статьи для сан-францисской газеты «Ивнинг буллетин», но в глубине души был поэтом. Его звали Джон Мьюр.

Прежде чем стать выдающимся американским натуралистом, прежде чем вступить в природоохранные баталии, которые привели к созданию системы национальных парков и вдохновили современное зеленое движение, Джон Мьюр был неутомимым ученым-универсалом, писавшим для журналов и газет, чтобы оплачивать

далекие путешествия в совершенно дикие места. Как и все остальные обитатели области залива Сан-Франциско, Мьюр прекрасно знал об экспедиции «Жаннетты» и стремлении американского народа узнать ее судьбу. Сан-Франциско считали портом приписки «Жаннетты», поэтому городские газеты беспрестанно спекулировали о текущем местонахождении Делонга.

Однако самого Мьюра не интересовала тайна «Жаннетты». Будучи знакомым с Хупером, он решил принять приглашение капитана и взойти на борт «Корвина», чтобы получить возможность отправиться в путешествие для изучения гораздо более удивительных тайн, а именно роли льда в формировании очертаний континентов, процесса возникновения сухопутных перемычек, отливов и течений древних океанов.

Прежде Мьюр дважды бывал в южной части Аляски и был очарован ее грандиозной нетронутой красотой. Но он никогда не пересекал Полярного круга, не видел вечной мерзлоты и не испытывал на себе давления пакового льда. Историк-натуралист позднее написал, что во время плавания на «Корвине» Мьюр хотел «заглянуть в глубины времен... В душе он был человеком природы и всегда интересовался самой общей картиной». Он хотел исследовать доисторические процессы творения, которые хоть и закончились миллионы лет назад, все еще были различимы в крупном масштабе.

Мьюр иммигрировал в Соединенные Штаты еще мальчиком, но до сих пор не избавился от шотландского говора. Он вырос в Висконсине и несколько лет учился в университете штата в Мадисоне, а затем отправился в тысячемильное пешее путешествие по американскому югу во Флориду, откуда поплыл на Кубу. После долгих странствий Мьюр осел в Калифорнии и прожил там тринадцать лет. Большую часть времени он проводил в горах Сьерра-Невады, где пас овец, обследовал долинный ледник, активно изучал гигантские секвойи в живой природе, безуспешно трудился над толстой книгой о ледниковом периоде, первым покорял высочайшие вершины Калифорнии и работал проводником в Йосемити.

Недавно женившись, Мьюр обещал своей жене Луизе оставить жизнь скитальца и осесть вместе с ней на принадлежащем ее отцу огромном фруктовом ранчо на золотых холмах к северо-востоку от Окленда. Но тяга к путешествиям оказалась сильнее: всего через два

месяца после рождения первенца Мьюр записался в команду «Корвина», чтобы отправиться в плавание как минимум на шесть месяцев, а если корабль застрянет во льдах, то и еще на целый год. Мьюр полагал, что его ждут «прекрасные морозные дни».

Когда в первую неделю мая «Корвин» отплыл из Сан-Франциско, на Маринских холмах желтели золотистые маки, а с провожавших пароход до выхода из залива яхт доброжелатели выкрикивали напутствия экипажу – все это напоминало миниатюрную версию проводов, которые жители Сан-Франциско в свое время устроили «Жаннетте». Команда «Корвина» насчитывала двадцать человек, включая нескольких юнг-японцев. Пройдя Золотые Ворота, Хупер повернул на север и две недели плыл по Тихому океану, после чего прошел сквозь туманные Алеутские острова, где корабль потрепало несколько снежных шквалов и сильнейший шторм.

«Корвин» должен был сделать несколько остановок на Алеутских островах. Насколько мог судить Мьюр, коренных алеутов не пощадил их контакт с «цивилизацией» – сначала русской, а теперь американской. Китобои, зверобои и представители меховых компаний познакомили их с новыми грехами, одновременно лишая их возможности делать все по-старому. «Заклучив контракт с компаниями, алеуты выплачивают старые долги, – писал Мьюр, – а остаток денег тратят на бесполезные безделушки, не идущую ни в какое сравнение с их мехами одежду и пиво, из-за чего быстро уподобляются свиньям, начинают таскать друг друга за волосы, бить своих жен и так далее. Через несколько лет здоровье подводит их, они уже не так искусно охотятся, предоставленные самим себе дети погибают, и все разрушается».

Войдя в Берингово море, «Корвин» сделал несколько остановок на островах Прибылова, где Аляскинская торговая компания каждый год убивала и свеживала около ста тысяч морских котиков. Чем дальше плыл «Корвин» – оказываясь в местах, не столь подверженных внешним воздействиям, – тем лучше становилась ситуация. На сибирском берегу возле бухты Провидения Хупер посетил крошечную деревню, в которой жили около тридцати чукчей. Капитана и его спутников пригласили в одну из лачуг, наполовину погребенную под землей, крыша которой представляла собой нагромождение костей и

жердей, покрытых моржовыми шкурами. Внутри Мьюр с удивлением обнаружил «несколько очень чистых, уютных и роскошных спален, стены, пол и потолок которых были обиты мехом; свет давали ворваневые^[5] светильники, фитилем для которых служили клочки мха». Мьюру местные жители показались счастливыми, сытыми и словно бы живущими в гармонии с окружающим миром. «После целого дня охоты при плохой погоде чукча возвращается в это меховое убежище, снимает одежду, раскидывает усталые руки и ноги и спит полностью обнаженным даже в этих суровых краях».

«После целого дня охоты чукча возвращается в это меховое убежище, снимает одежду, раскидывает усталые руки и ноги и спит полностью обнаженным даже в этих суровых краях».

Хупера тронуло гостеприимство чукчей, которые усадили моряков возле очага, хотя предложенную ими еду капитан и счел несъедобной – это были вареные тюленьи потроха, ферментированное моржовое мясо, сырое китовое мясо, свернувшаяся кровь и ягоды в вонючем масле. Несмотря на то что «еда вызывала... тошноту, – писал Хупер, – нельзя не отметить щедрость местных жителей, которые с готовностью делятся с гостем лучшим, а зачастую и единственным что имеют».

Американцы покурили вместе с чукчами и выпили чаю, после чего им пришлось принять участие в спортивных соревнованиях: беге наперегонки, метании копья, толкании камней и переноске огромных вязанок плавучего леса. Чукчи были очень сильны и выносливы, однако, похоже, не умели плавать. Судовой врач «Корвина» Ирвинг Росс написал: «Они питают глубокое отвращение к воде», хотя искусно управляют с «маленькими узкими каноэ, которые напоминают морские велосипеды». Доктор заметил, что чукчи невероятно добры к детям, «которым не свойственны капризы, типичные для наших детских». Его одновременно удивила и оттолкнула сексуальная неразборчивость чукчей – «женщин свободно

предлагали незнакомцам в качестве знака гостеприимства, и они явно выказывали предпочтение белым мужчинам».

Мьюр подробно описал чукчей – их улыбки и смех, их доверчивую натуру и мимолетные мгновения нежности между отцами и сыновьями. Его воодушевила такая жизнь, которая казалась очень хрупкой, но все же сохраняла черты древней полноты. Наблюдая за прощанием мужа с тихо плачущей женой, Мьюр так расчувствовался, что решился даже перефразировать Шекспира: «Люди разных стран равны – и в жизни диких чукчей немало тому подтверждений». Ему показалось, что они «воспитаны лучше белого человека, при этом не обладая и половиной его алчности, бессовестности и бесчестности... Эти люди весьма заинтересовали меня, ради знакомства с ними стоит приехать и в такие дали».

В конце мая в бухте Маркуса к западу от острова Святого Лаврентия моряки «Корвина» впервые услышали обрывки истории о крушении американского корабля. Чукчи приплыли к ним на лодке и поднялись на борт, где с энтузиазмом поведали о том, что им известно. Они сказали, что трое охотников на тюленей пошли по льду в западном направлении от мыса Сердце-Камень – пустынного куска земли в нескольких сотнях миль к северу – и обнаружили затертый во льдах корабль, тела погибших моряков которого лежали на палубе и в каютах. По словам Мьюра, охотники, очевидно, забрали с корабля мешок с деньгами и «кое-какие предметы, которые им удалось унести и которые они впоследствии показывали другим чукчам, благодаря чему история и передавалась от поселения к поселению и оказалась известна даже так далеко от северных берегов».

Мьюр поверил словам чукчей. Ему показалось, что они рассказали историю «с полной уверенностью, словно и сами верили своим словам». Однако, как и Хупер, Мьюр допускал, что они лишь охотились за объявленным вознаграждением. «Мы слушали их с большим скепсисом», – заметил он.

На следующий день в заливе Святого Лаврентия «Корвин» встретил еще нескольких чукчей, которые тоже знали историю о кораблекрушении. Они поднялись на борт, чтобы продать моржовые бивни и сапоги из тюленьей кожи. Старик по имени Яруча сел на обледенелую палубу «Корвина», попросил воды и начал рассказ. По

свидетельству Мьюра, он говорил «громко, страстно и звучно, и сопровождал свою речь активной жестикуляцией». С помощью переводчика, который сносно владел «английским китобоя» (если верить Мьюру, в нем было «три четверти ругательств и почти четверть жаргона»), Яруча описал, что мачты корабля сломались под натиском льда, шлюпки разбились, а трюм заполнился водой. Старик даже сказал, что на льду вокруг судна валялись «жуткие трупы». Однако он сомневался, был ли этот корабль единственным или же их было два.

Хупера насторожили театральность рассказа и обилие слишком ярких деталей, которые, по мнению капитана, «были так искусно и аккуратно вплетены в историю, что человеку, незнакомому с характером чукчей, оказалось бы сложно понять, что большая их часть была придумана на ходу». Яруча никак не замолкал – Мьюр утверждал, что слова лились из него «нескончаемым потоком... как древний горный источник, и порой из его груди вырывалось едва ли не львиное рычание... Он не мог сдержать своего красноречия даже за едой». Позже Яруча спросил, может ли Хупер продать ему рома, и, «неистово жестикулируя», объявил, что ром «сделает его гораздо счастливее». Капитан Хупер вскоре узнал от других жителей деревни, что Яруча славится своей болтовней – по словам Хупера, он был «одним из худших старых плутов в этих краях». Другой чукча категорически заявил, что он «плохой человек, все равно что пес».

И все же Хупер расспросил Яручу о Земле Врангеля, где, по его прикидкам, попал в ловушку Делонг. Капитан показал старику карту и спросил, знает ли тот о загадочном участке суши, лежащем среди океана к северу от сибирских берегов. Яруча немедленно ответил: «О да, там водится много песцов». Он сказал, что жители северо-восточного побережья Сибири часто навещают туда, чтобы охотиться на полярных лис. «Но на более сложные вопросы он ответить не смог, – написал Хупер, – и признался, что сам не встречал никого, кто бывал там, но в молодости слышал о таких».

С другой стороны, история Яручи о кораблекрушении американского судна в общих чертах совпадала с тем, что капитан Хупер узнал в бухте Маркуса. «В целом, – размышлял Хупер, – здесь, похоже, есть доля правды, и я совершенно убежден, что местные действительно нашли что-то на севере».

Хупер понял, что на «Корвине» ему никак не добраться до предполагаемого местонахождения погибшего корабля. Лед не давал им пройти дальше и мог не растаять еще целый месяц. Хуперу нужно было нанять чукчей-проводников и несколько собачьих упряжек и отправить небольшой отряд на север, чтобы проверить услышанное.

Когда Хупер объявил, что собирается так поступить, Яруча ответил, что идти туда нет никакого смысла: вся команда корабля погибла, а его остов отнесло в сторону.

«Мы будем искать их живыми или мертвыми», – возразил Хупер.

Но Яруча настаивал на своем. Лед и снег в это время были слишком мягкими для легкого передвижения на санях. Заметив, что американцы все же намереваются разыскать своих павших соотечественников, Яруча, по словам Хупера, «счел нас неисправимыми белыми глупцами» и продолжил свою болтовню.

В поисках собак и погонщиков Хуперу пришлось зайти в несколько деревень по обе стороны Берингова пролива. Ему повезло на островах Диомида – двух вулканических клочках земли по разные стороны линии перемены дат в самом центре пролива. Хотя острова разделяло менее трех миль, Большой Диомид, или остров Ратманова, принадлежал России, а Малый Диомид – США. Хупер купил девятнадцать собак у живущих на островах эскимосов, обменяв каждую на мешок муки.

Затем Хупер пошел обратно к сибирским берегам, чтобы найти еще собак и проводников. В одном поселении капитан обнаружил человека по прозвищу Чукча Джо, который в достаточной степени владел английским, чтобы стать переводчиком экспедиции. После этого Хупер посетил деревушку Тапкан, состоявшую из двадцати хижин, растянувшихся по побережью. Обитатели деревни вышли навстречу отряду Хупера. По словам Мьюра, их «радушно приняли и усадили на почетные места на оленьих шкурах. Все чукчи добродушно улыбались, когда мы пожимали им руки, и пытались повторить наши приветствия. Когда мы рассказывали о своих планах, нас внимательно слушали даже женщины и дети». Двумя годами ранее неподалеку отсюда зимовал Норденшёльд на судне «Вега», и один из жителей деревни принес сделанные в России вилку, ложку и компас, которые скандинавский путешественник вручил ему в качестве подарка.

Отряд Хупера пригласили в одну из покрытых оленьими шкурами хижин. Там одна женщина нянчилась с ребенком, а другая жарила на углях тюленью печень. Побеседовав со старейшинами Тапкана, Хупер смог договориться, чтобы несколько человек и деревенских собак присоединились к его экспедиции. Когда они пошли по льду обратно к «Корвину», один из нанятых тапканских мужчин услышал звук, от которого у него замерло сердце. «Его маленький сын горько заплакал, узнав, что отец уходит в поход, – написал Мьюр, – и не успокаивался, как бы ни старались женщины. Мы пошли быстрее, но и в полумиле от деревни был слышен его плач».

Когда «Корвин» развернулся, жители деревни остались стоять у кромки льда. Многие из них, конечно же, гадали, суждено ли им снова увидеть своих мужчин и собак.

На следующий вечер «Корвин» оказался в ледовой западне Чукотского моря. Сломался дубовый руль корабля. Его обломки подняли на палубу, и команда несколько часов впопыхах соорудила новый руль, не обращая внимания на завывания собак.

Расталкивая непрестанно движущиеся льдины, Хупер добрался до острова Колючин, где отряд должен был сойти на берег и отправиться в долгое путешествие на собачьих упряжках. Экспедицию возглавил первый лейтенант Уильям Херринг. Его сопровождали третий лейтенант Рейнольдс, матрос Гесслер, несколько погонщиков собак и Чукча Джо, который служил переводчиком. У них было двадцать пять собак и четверо саней. Они взяли с собой провизии на два месяца и обтянутую шкурами лодку, чтобы преодолевать водные преграды.

Хупер дал лейтенанту Херрингу предельно ясные приказы. По свидетельству Мьюра, они должны были обследовать берег с целью найти «команду «Жаннетты» или сведения о судьбе экспедиции; расспросить всех встреченных местных жителей и обследовать обширные прибрежные регионы на предмет каменных туров или других возможных сигналов». Они должны были зайти как можно дальше на северо-запад и как минимум добраться до мыса Джаркин, а затем вернуться в Тапкан, где «Корвин» постарается встретиться с ними примерно через месяц.

Моряки и собаки спустились с корабля и по льду дошли до острова Колючин. «Собаки резво бежали вперед, обгоняя друг друга, –

писал Мьюр, – [но] выходцу с солнечного, цивилизованного юга, пожалуй, не представить более жуткого сочетания неба, холодной воды, льда и снега». «Корвин» повернул обратно к Аляске, чтобы выполнить другие задачи и собрать дополнительные сведения. «Мы пошли своим путем, – заметил Мьюр в своем дневнике, – и отряд постепенно скрылся из виду в снежной пелене».

Мой драгоценный муж,
нам стоит благодарить судьбу за то, что предпринимается столько попыток тебя спасти. На поиски отправлено так много экспедиций, что одна из них точно должна вас разыскать. Лето обещает быть непростым: мы будем ждать новостей от тебя и твоего возможного возвращения. Надеюсь, нам не придется томиться в ожидании еще целый год! И все же я буду надеяться, пока не угаснет последний луч надежды.

Зима в Нью-Йорке прошла очень быстро. Я очень мало ходила в театр – как ни странно, у меня не было никакого желания. Теперь я не получаю от спектаклей такого наслаждения, как в компании с тобой.

Порой я представляю, что ты застрял во льдах, не в силах контролировать движение корабля, и совсем потерял надежду. Но я отбрасываю эти мысли. Я надеюсь и молюсь, что вы живете дружно и во всем поддерживаете друг друга, что ваш маленький отряд не поразила никакая болезнь.

Твоя любящая жена

Эмма

Глава 26

Смертельные удары

В первую неделю июня 1881 года, пока «Жаннетта» дрейфовала в западном направлении, остров Генриетты растворялся в сером тумане, скрываясь у нее за кормой. Хотя Мелвилл не нашел на острове Генриетты почти ничего, что можно было бы похвалить – ни крупных зверей для охоты, ни тихих бухт, ни плавникового леса, – Делонг все равно не мог скрыть своей печали. «Остров Генриетты остался в прошлом, – написал он. – Через несколько дней он и вовсе скроется из виду».

Корабль по-прежнему был зажат между крупных льдин, но они постепенно растрескивались и подтаивали в теплеющем море. Тут и там моряки замечали большие полыньи, и вид открытой воды и пенистых волн, разбивающихся о льдины, был отрадой для их глаз, долго лишенных счастья лицезреть это. Они хорошо знали открытый океан, и именно открытый океан, если получится до него добраться, оставался их единственным свободным путем домой.

И все же Делонга в большей степени заботило не возвращение домой. По его расчетам, корабль находился чуть более чем в семистах милях от Северного полюса, и отчасти капитан все еще надеялся достичь цели своего путешествия – или хотя бы совершить рывок на север, чтобы побить рекорд северной широты. Учитывая плачевное состояние судна, он понимал, что это в высшей мере непрактичная затея, однако не мог отказаться от стремления покорить север, особенно теперь, когда вокруг них показывалось все больше открытой воды.

Делонг был настроен решительно, но весенняя погода оставалась капризной. За какой-то час яркое солнце могло смениться туманом, штормовым ветром, дождем, моросью, колючим инеем и снова солнцем. Вокруг то и дело раздавался громкий треск, когда тающий пак раскалывался и сталкивался с новыми и старыми плавучими массами льда. В воздух летели тысячи осколков. И все же пока «Жаннетта» оставалась надежно зафиксированной в центре ледового острова – Мелвилл называл его «нашей дружественной льдиной» – и

не чувствовала толчков. «Мы движемся медленно и величественно, – писал Делонг, – как горделивая фигура среди ревущей пустыни».

Несмотря на изменчивость погоды, общая тенденция была очевидна: весна быстро уступала место лету. «Наконец-то, – писал Делонг, – становится все теплее. Давно пора». Солнце теперь висело над горизонтом и никогда не скрывалось за ним. В тепле проявлялись признаки жизни. Казалось, моряки слышали гул, с которым вращалась сама Земля.

Однажды утром сидевшему в вороньем гнезде Данбару показалось, что он заметил китов, которые всплыли на поверхность в далекой полынье. В другой день большая – численностью более полутысячи особей – стая гаг пролетела в северном направлении. Никто не знал, почему они летят именно туда. Может, на севере были еще острова или даже предсказанный Петерманом полярный континент? Возбужденные при виде птиц собаки бежали за стаей, пока у них на пути не возникла огромная полынья.

Все указывало на возвращение лета, и настроение Делонга поднялось. Обрадовались и все остальные. Тепло и вода давали предвкушение свободы. Со дня на день во льду могла образоваться крупная трещина, которая позволила бы наконец освободить «Жаннетту». «Мы знали, что приближается важный миг, – писал Даненхауэр, – когда «Жаннетта» наконец освободится из циклопического захвата».

Однако было непонятно, пойдет ли это освобождение ей на пользу. Корабль так долго пребывал во льдах, что никто не был уверен, сможет ли он снова поплыть, когда окажется на воде. Оставалась вероятность, что ледовая колыбель «Жаннетты», хоть и таила в себе немало опасностей, была единственным, что до сих пор удерживало судно на плаву. Даненхауэр, к примеру, волновался о том, как они «поплывут среди этого хаоса». Казалось, он не сомневался, что освобожденная «Жаннетта» окажется в гораздо большей опасности, чем грозила ей в «чудовищных тисках». Он полагал, что корабль «разлетится на куски под ударами враждебных льдин, среди которых «Жаннетта» будет все равно что стеклянной игрушкой».

В первую неделю июня лед непрерывно таял, что было весьма многообещающе. Мелвилл заметил, что корпус «Жаннетты» постепенно выправлялся: деревянные планки, которые долгое время

были сжаты давлением льдов, принимали старые очертания и расправлялись от одного конца до другого. Впервые почти за год течь ослабла – непрерывный поток воды сократился до тонкого ручейка.

Постоянно сияющее солнце обнажило все неприглядные последствия зимовки, которые Мелвилл назвал «гадкими результатами шести месяцев жизни на одном месте сорока собак и тридцати трех мужчин». Началась весенняя уборка: Делонг велел матросам надраить все поверхности, выбить все одеяла, вытряхнуть все шкуры. Вонючие, словно Авгиевы конюшни, кладовые были очищены от костей, крысиного помета, шерсти, потрохов и собачьих фекалий. Моряки откачали лужи стоячей воды, которые, по словам Делонга, давно «мучили их обоняние». Все движимое имущество было вынесено на лед, вычищено и высушено под ярким солнцем. Изголодавшаяся по солнечному свету команда с удовольствием напряженно работала на свежем воздухе, ведь за долгую зиму, по свидетельству Мелвилла, все «неестественно побледнели, как овощи, растущие в темноте».

После открытия острова Жаннетты и успешной высадки на остров Генриетты командный состав стал выказывать сдержанный оптимизм. Все чувствовали, что экспедиция, несмотря на ужасные тяготы, добилась значительного успеха и сумела обследовать многие сотни миль планеты, где раньше не ступала нога человека. Даненхауэр полагал, что они внесли существенный вклад в географию, понимание морских течений и метеорологию Арктики, в то же время опровергнув множество неверных идей. В конце концов, писал Делонг, они «развенчали множество теорий других людей». Наконец-то можно было отказаться от теории открытого полярного моря и термометрических врат. Куроисио, как выяснилось, никак не влияет на изменение климата и таяние льда к северу от Берингова пролива. Земля Врангеля оказалась всего лишь островом, не имеющим никакой связи с Гренландией. Посредством постоянного измерения подледных глубин экспедиция Делонга ближе всех подошла к установлению географической правды: полярный бассейн действительно был покрыт океаном, как и предсказывал Петерман, но этот океан круглый год стоял скованный льдом.

Они внесли существенный вклад в географию, понимание морских течений и метеорологию Арктики, в то же время опровергнув множество неверных идей. Они «развенчали множество теорий других людей».

Они выяснили и кое-что еще. То ли из-за течения, то ли из-за ветра движение льдов хоть и было беспорядочным, все же имело доминирующее направление – в сторону полюса. Так что идею китобоев нельзя было назвать абсолютно неверной: в некотором роде это и правда был естественный «путь под гору» к вершине мира.

Кроме того, «Жаннетта» сделала вклад в науку о питании и медицину: как ни удивительно, никто из команды не погиб и не подвергся ужасам цинги. «Если нам удастся выбраться отсюда, не потеряв ни одной жизни, – писал Даненхауэр, – плавание следует считать великим успехом».

К концу первой недели июня на борту одновременно царили новообретенный оптимизм и растущая тревога. Моряки усердно выполняли рутинные обязанности, но не могли не замечать, что грядет нечто судьбоносное – возможно, чудесное, а возможно, катастрофическое. Делонг заявил: «Наступил ключевой момент нашего плавания».

Около полуночи 11 июня нечто судьбоносное действительно произошло. Светлой полярной ночью, пока большинство моряков спало, лед с громким треском расступился, и «Жаннетта» соскользнула в воду. Даненхауэру показалось, что она словно бы «съехала с холма, отклонившись от спусковой дорожки». Оказавшись на воде, она выпрямилась и чуть покачнулась на холодных волнах.

Почти два года проведенный в ледяном плену корабль снова... поплыл. Это было странно. Моряки вскочили со своих коек, натянули одежду и высыпали на палубу, чтобы увидеть все своими глазами.

«Жаннетта» не просто плыла, она явно не собиралась тонуть. Мелвилл и Делонг осмотрели корабль изнутри и снаружи. Течи в трюме были ничтожны. Окруженная льдом лагуна, в которой плавало судно, была совершенно спокойна и кристально чиста – в ней впервые после выхода из Калифорнии можно было разглядеть весь корпус до

самого кия. Дюйм за дюймом обследовав весь корабль, капитан вздохнул с облегчением: «Жаннетта» казалась целой и невредимой. По словам Делонга, «на корпусе не было никаких повреждений», и теперь он не видел «никаких сложностей в управлении кораблем». Долгие месяцы, которые «Жаннетта» провела в руках укрепивших ее корпус инженеров с Мар-Айленда, очевидно, не прошли зря: корабль выдержал почти два года, будучи зажатым во льдах.

Моряки возликовали. Как выразился Даненхауэр, корабль наконец-то «освободился из ледовых когтей» и «тихо покачивался на поверхности прекрасной голубой воды... в маленькой полынье, которая как раз вмещала в себя его корпус». Неподалеку кружились жуткие льдины, но пока казалось, что «Жаннетте» ничего не угрожает.

Корабль так идиллично смотрелся в своем маленьком пруду, что к трем часам следующего дня, 12 июня, Делонг попросил Мелвилла достать фотоаппарат и снять портрет «Жаннетты». Мелвилл с радостью выполнил его просьбу и спустился на лед с треногой и другим фотографическим оборудованием. Пока он возился с камерой, с охоты вернулись Бартлет и Анегин, которые принесли с собой свежую тушу тюленя, оставившую на снегу кровавый след.

По словам Мелвилла, лед был спокоен и корабль выглядел «поразительно живописно», покачиваясь на волнах в лучах яркого солнца. Мелвилл сунул голову под драпировку и сделал последнюю в истории фотографию «Жаннетты».

Полчаса спустя, когда Мелвилл удалился в темную комнату, чтобы проявить снимок, льдины снова начали сдвигаться. Моряки услышали ужасный треск, лед надавил на корабль так, как не давил еще ни разу. По словам Делонга, натиск возобновился «с ужасной силой» и «корабль трещал по швам». Понимая, что «Жаннетта» в опасности, Делонг поспешно оделся и выбежал на палубу. Стоял жуткий шум, словно «Жаннетту» калечили и пытали. Ньюкомб отчетливо ощущал, как она «содрогается и стонет», и слышал «громкий гул и треск палубных швов; вся обшивка так и плясала». Делонг бегал по кораблю, замечая все новые и новые тревожные признаки. «Спардек выгнулся дугой, – писал он, – а правый борт будто бы снова прогнулся». На корабль с невероятной силой напирала две отдельные льдины. Вместо

того чтобы выталкивать корпус наверх, как это часто бывало, они словно бы наоборот утягивали его под воду.

Делонг спустился на лед вместе с Данбаром и оценил ситуацию. «Что вы об этом думаете?» – спросил капитан.

«К завтрашнему дню корабль окажется либо подо льдом, либо поверх него», – сурово ответил лоцман.

Мелвилл в это время был в темной комнате и не хотел бросать работу, пока не проявится снимок. Работая в темноте, он прислушивался к скрипу и треску, пока портрет «Жаннетты» лежал в поддоне с химикатами.

Давление усиливалось с каждой минутой. Затем огромный ледовый кулак ударил по правой угольной яме, и вскоре в трюм начала поступать вода. «Корабль словно ударили под дых, и он стремительно давал осадку, – писал Ньюкомб. – Еще не построили судна, которое способно выдержать объятия льда». Некоторые моряки, решив, что это конец, подскочили к своим койкам и схватили рюкзаки, заранее упакованные на случай подобной катастрофы.

Наконец раздалась команда, услышать которую они с ужасом ожидали многие месяцы. «Покинуть корабль! – воскликнул Делонг. – Покинуть корабль!»

В тоне капитана слышался напор, но не паника. Казалось, он давно смирился с тем, что этот момент рано или поздно настанет, и заранее подготовился к нему. Он стоял на мостике, изучая беспорядочное движение льда и покуривая трубку.

Несколько месяцев назад Делонг разработал план на случай возникновения этой ситуации и подробно описал, что именно из снаряжения и продовольствия надо спасать и в каком порядке. Моряки успели не раз изучить и отработать свои действия. Каждый член команды имел собственную задачу и собственный лимит времени. Теперь Делонг принялся спокойно руководить операцией, и все взялись за работу.

Широкие доски прислонили к борту, чтобы использовать в качестве сходней. На лед спустили судовые журналы и прочие официальные документы «Жаннетты», обернутые в брезент. Доктор Эмблер сопровождал страдающих от отравления свинцом. Алексей и Анегин вывели всех собак. Даненхауэр снял повязку с глаза и собрал все навигационные инструменты и карты. Старр спустился в арсенал,

который стремительно заполняло водой, и стал поднимать оттуда ящики с боеприпасами. Коул и Суитман с помощью шлюпбалок спустили на лед катера и один из вельботов. Данбар изучил окружающий лед и выбрал самое безопасное место для лагеря. Все остальные спустили с корабля продовольствие, меха, палатки, технический спирт, медикаменты, веревки, оружие, весла, упряжки, сани и маленькую деревянную шлюпку.

Услышав шум, Мелвилл бросил свой портрет «Жаннетты» и оставил стеклянную пластинку плавать в поддоне. Выбежав из темной комнаты, он увидел жуткую трещину на потолке моторного отсека. Поднявшись на палубу, он принялся помогать остальным.

К восьми часам вечера «Жаннетта» накренилась на 23° на правый борт. Никто из команды не мог стоять на палубе без дополнительной опоры. Лед продолжал напирать. Кают-компания была полна воды. Повсюду слышались треск ломающихся гвоздей, скрип дерева и скрежет металла. «Каждый следующий толчок, – писал Мелвилл, – приходился в самое сердце корабля и сотрясал весь корпус, подобно смертельным ударам». Забортные трапы, по словам Ньюкомба, «соскочили с креплений и стучали по палубе, как по огромному барабану».

Делонг был рад, что им удалось сохранить все самое важное. На корабле остались бесполезные лампы Эдисона и предоставленное Беллом оборудование. Все фотопластинки, проявленные в ходе экспедиции, включая только что сделанный Мелвиллом снимок, хранились слишком далеко, поэтому их так и не достали. Полагая, что матросам уже небезопасно оставаться на тонущем корабле, Делонг приказал всем покинуть «Жаннетту» и спуститься на лед. Вода поднималась так быстро, что последние работавшие в трюме моряки не смогли подняться по лестнице и были вынуждены воспользоваться палубным люком.

Капитан Делонг, казалось, хотел ненадолго остаться наедине со своим гибнущим кораблем. Он прошел по наклонившейся палубе, держась за веревки и битенги, чтобы не упасть. Он был первым, последним и единственным капитаном «Жаннетты» и совсем не хотел ее покидать. Последние три года этот корабль был его жизнью. Он нашел его, обогнул на нем мыс Горн и руководил его перерождением в Сан-Франциско. Он миновал на нем тысячи не нанесенных на карты

милей и зашел дальше всех остальных в эту область Арктики. «Жаннетта», по сути, принадлежала ему. И теперь он ее терял.

Он печалился и неустанно корил самого себя. «Будет сложно, – писал он, – получить известность как капитан, который предпринял полярную экспедицию и потопил свой корабль на 77-й параллели... Полагаю, если я и сам пойду ко дну вместе со своим кораблем, это уже ничего не изменит».

Делонг еще немного постоял в тишине. Жуткие звуки разрушения немного стихли, остался только шорох льющейся в трюм воды. Делонг печально махнул своей фуражкой из медвежьей шкуры и воскликнул: «Прощай, наш корабль!» Затем он спрыгнул на льдину и отдал строгий приказ больше никому не подниматься на борт.

Они провели ту ночь на льду – тридцать три моряка и собаки до последнего наблюдали, как уходит под воду их дом. Уложив все вещи ровными и длинными рядами, они установили палатки. Погода была достаточно теплой – температура колебалась в районе пяти градусов ниже нуля – и настроение моряков, как ни странно, оставалось приподнятым. Мелвилл даже назвал его «веселым» – но таким веселым, как бывают мальчишки, которые посвистывают на кладбище, чтобы придать себе смелости. Алексей заявил, что чувствует себя «много хорошо». Джордж Лаутербах играл на губной гармошке, моряки пели песни и шутили, пытаясь отвлечься от происходящего в нескольких сотнях ярдов от них.

К полуночи «Жаннетта» опрокинулась на бок, как смертельно раненный зверь. Ее нижние реи коснулись льда. Считая, что нет смысла смотреть на агонию корабля, Делонг приказал морякам укладываться спать.

Они разошлись по палаткам, положили прорезиненные одеяла на лед и залезли в спальные мешки. Через час лагерь разбудил громкий треск. Огромная трещина образовалась прямо под палаткой капитана, ровно там, где спал Делонг. Если бы вокруг него не лежали другие моряки, которые прижимали одеяло своим весом, Делонг, а с ним, возможно, и Эрихсен, наверняка упали бы в обжигающе холодную воду.

Трещину перекрыли досками, чтобы никто не провалился. Данбар заново оценил состояние льда под лагерем и признал его опасным. В

связи с этим по команде Делонга моряки ушли на сто ярдов в сторону, в более надежное место, переправили туда припасы, лодки, сани и собак и снова разбили лагерь. Заснуть им удалось лишь после трех часов.

К этому моменту «Жаннетта» почти затонула. Кончик ее трубы вот-вот готовился уйти под воду. Она по-прежнему лежала на боку и колыхалась при движении льда. Время от времени корабль издавал тихий вздох или стон, но битва для него была окончена.

В четыре утра, при смене караула, случилось кое-что примечательное. С громким металлическим скрежетом «Жаннетта» вдруг снова поднялась на поверхность, подобно неваляшке, и несколько долгих минут стояла вертикально. Казалось, она вернулась к жизни. Но затем она стала опускаться в воду, стремительно набирая скорость. Стоявший на часах Кюне крикнул: «Если хотите увидеть гибель «Жаннетты» – смотрите сейчас!»

Пока корабль тонул, реи поднялись вертикально и встали параллельно мачтам, напомнив, по мнению Мелвилла, «огромный и тощий скелет, простирающий руки над головой».

Затем «Жаннетта» скрылась в водовороте. По словам Даненхауэра, больше ничего не осталось «от нашей старой и доброй подруги «Жаннетты», которая много месяцев боролась с напором арктического монстра». Она затонула на $77^{\circ}15'$ с. ш. и 155° в. д., чуть более чем в семистах милях к югу от Северного полюса.

Чувства моряков невозможно было описать. Как сказал Мелвилл, они остались совсем одни «в том смысле, который мало кому под силу понять». «Наше единственное средство спасения, с которым было связано немало приятных воспоминаний, – продолжил он, – затонуло у нас на глазах. Теперь мы оказались в полной изоляции и не могли рассчитывать ни на какую помощь».

Они были почти в тысяче миль от ближайшей земли – арктического побережья Центральной Сибири. Даже если бы они могли достигнуть его, таща за собой все вещи и лодки, эти края были едва ли не самыми отдаленными и суровыми на планете. О редких поселениях в Центральной Сибири почти ничего не было известно, не существовало и точных карт ее береговой линии и рек. Сибирь знали в основном как место, куда цари ссылают преступников и политзаключенных – и ссылают навсегда. Делонг и остальные моряки

понимали, что их жизнь висит на волоске: их единственной надеждой было совершенно безнадежное место.

И все же среди тоски и отчаяния моряки чувствовали и некоторое облегчение. Они двадцать один месяц провели в ледовом плену, но теперь период бездействия, ожидания, беспомощного дрейфа и тяжелого монотонного заключения наконец закончился. Они знали, что ждет их впереди. У них оставалось всего несколько месяцев на спасение. Они понимали, что теперь им предстоит великая борьба за выживание – и все же им не терпелось приступить к действию. «Мы обрадовались, – писал Мелвилл, – потому что избавились от бесполезного корабля и теперь могли отправиться в долгое путешествие на юг – и чем раньше, тем лучше».

Ночь была тихой, а лед – на удивление спокойным. Казалось, он тихо переваривает только что поглощенный кусок. Моряки смотрели на полынью на месте «Жаннетты». От корабля не осталось ничего, кроме деревянного сундука, который плавал вверх ногами в воде. Реквиемом по кораблю, по свидетельству Ньюкомба, стал «протяжный вой единственной собаки».

Часть V
Край творения

Глава 27

Все сгнили

В течение июня спасательный корабль «Корвин» бороздил Берингово море и посещал деревни и форты по обе стороны от пролива. Пробираясь сквозь лед и туман, капитан Келвин Хупер выполнял свои обычные поручения, ожидая возвращения санного отряда, который должен был принести новости об американском корабле, потерпевшем крушение где-то на севере. «Корвин» встретил несколько американских китобойных судов – в основном приписанных к портам Нью-Бедфорда и Нантакета, – капитаны которых сообщили, что для них настал успешный год: после необычно мягкой зимы лед отступал дальше и быстрее, чем они ожидали, и многие корабли уже заполнили трюмы китовым жиром и усом. Порой Хупер издали замечал длинные черные столбы дыма из огромных чанов, в которых китобойи вытапливали жир, заполняя бочки ворванью.

Мягкая зима и быстро отступающий лед дали капитану Хуперу повод надеяться на благополучный исход экспедиции Делонга. Если его корабль затерло во льдах где-то на севере, в этот год он точно мог освободиться из ледового плена. «Если «Жаннетта» еще жива, – написал Хупер, – в этот год ей нет причин не выйти в открытое море, поскольку лед отступит гораздо дальше, чем в прошлые годы».

В задачи Хупера входило патрулирование мысов и островов Аляски в поисках торговцев ромом, которые нелегально снабжали местных жителей алкоголем, что катастрофически сказывалось на здоровье последних. Именно в связи с этим в конце июня капитан Хупер высадился на острове Святого Лаврентия – обледеневшей вулканической скале посреди холодного моря ровно к западу от дельты Юкона. Часть территории американской Аляски, остров Святого Лаврентия был около ста миль в длину и примерно двадцати в ширину. Тремя годами ранее население острова составляло более полутора тысяч юпиков, проживавших в десятке развитых деревень на побережье. Их древняя, богатая культура была основана на моржовом промысле. Но затем в одну зиму численность населения резко

сократилась – большинство юпиков погибло от какой-то болезни или голода.

Около шести часов вечера 24 июня 1881 года Хупер поставил «Корвин» на якорь у южного берега острова, возле небольшой эскимосской деревни. Капитан вместе с Мьюром, смитсоновским натуралистом Эдвардом Нельсоном и судовым врачом Ирвингом Россом на маленькой шлюпке поплыли к берегу, осматривая окрестности в бинокль. Остров, по словам Мьюра, представлял собой «унылую массу черной лавы, испещренную вулканами и покрытую снегом. На нем не было ни единого дерева». Пристав к берегу, они прошли по каменистому пляжу и запорошенному снегом мху. Тут и там сквозь снег пробивался вереск и другие яркие цветы. Но когда моряки подошли к деревне, там никого не оказалось. «Мы заволновались, – писал Мьюр, – что в живых не осталось ни одной души».

Тут они услышали шум. На высоком холме над деревней возле нескольких летних хижин стояли эскимосы. Они вышли из своих лачуг и спустились навстречу американцам. Мьюру показалось, что они были «весьма рады их видеть». Хупер спросил их, куда пропали все обитатели деревни. Эскимосы странно улыбнулись и ответили: «Все сгнили – все ушли».

«Умерли?»

«Да, умерли!»

Хупер поинтересовался, где похоронили покойных. Эскимосы завели американцев за один из домов, где на скалистом склоне лежали восемь разлагающихся тел. Мьюр записал, что их проводники «улыбнулись при жутком зрелище оскалившихся черепов и белых костей, проступающих сквозь коричневую, сморщенную кожу».

Бродя по деревне, моряки начали понимать масштабы голода. Мьюр насчитал около двухсот тел, большинство было «прикрыто гниющими шкурами», но некоторые трупы «до костей обглодало воронье». Многие лежали «среди помоев, куда их перенесли выжившие родственники, у которых еще оставались на это силы».

По свидетельству Хупера, на земле и в домах было так много трупов, что «было практически невозможно не спотыкаться о них». В одном из домов Мьюр насчитал целых тридцать тел – «примерно

половина была сложена в углу, подобно дровам, а остальные лежали в постелях, словно бы они встретили свою смерть в полной апатии».

К началу 1879 года обитатели острова Святого Лаврентия начали голодать и умирать. Они съели собственную одежду из тюленьих шкур и китовые шкуры, которыми покрывали хижины и выстилали лодки. Когда еды не осталось, они забили всех собак, но и этого было мало.

Чтобы не смотреть на это ужасное зрелище, немногие выжившие – их было всего около дюжины – перебрались в летние хижины на холме.

Что же именно произошло на острове Святого Лаврентия? Многие китобойи полагали, что его обитателей поразила какая-то эпидемия, но другие считали, что массовую гибель вызвали ужасные неудачи, преследовавшие юпикских охотников летом и осенью 1878 года, которые, в свою очередь, были вызваны изобилием рома и виски, нелегально продаваемых на остров Святого Лаврентия американскими контрабандистами. При наличии алкоголя жизнь юпиков словно вставала на паузу. «Пока не кончится ром, – писал Хупер, – они только пьют и дерутся». По словам Мьюра, из-за пьянства они «пренебрегали необходимостью, как всегда, заготавливать запасы на зиму». Возле одной из хижин Хупер действительно обнаружил восемь пустых бочонков из-под виски.

Вслед за этим наступила особенно суровая зима, которая принесла с собой гораздо больше льда, чем обычно, из-за чего стало гораздо сложнее обнаруживать тюленей и китов. К началу 1879 года юпики на острове Святого Лаврентия начали голодать. Они съели собственную одежду из тюленьих шкур и китовые шкуры, которыми покрывали хижины и выстилали лодки. Это на время притупило их голод, но вызвало ужасную болезнь. Когда еды не осталось, они забили всех собак, но и этого было мало. Обитатели острова Святого Лаврентия начали умирать по двое и по трое.

Население острова стремительно сокращалось: более тысячи человек, то есть две трети от общего числа, не пережило 1879 год – тот самый год, когда «Жаннетта» отплыла из Сан-Франциско и прошла мимо этого острова на пути к Северному полюсу. Однако общепринятая версия лишь частично объясняла массовый голод. Алкоголь и суровая зима, конечно же, сыграли свою роль – и алкоголь особенно. Но всеобщее вымирание спровоцировало и кое-что другое: в стремлении увеличить ценность своей добычи последние десять лет американские китобойные суда в Арктике в огромных количествах убивали моржей. В 1870-х американские китобойные суда вывезли не менее 125 000 моржей из области Берингова залива. Их отлов стал прибыльным дополнением к китобойному бизнесу. Китобои вытапливали ворвань из подкожного жира моржей, а бивни продавали на рынках слоновой кости в далеких Англии и Китае. Только за один сезон 1876 года было убито более 35 000 моржей Берингова моря.

В сравнении с рискованным арктическим китобойным промыслом «моржовый промысел» казался до смешного простым. Вместо того чтобы метать копья и гарпуны с неустойчивых открытых судов, китобои, как выяснилось, могли просто спускаться на лед и убивать огромное количество моржей точными выстрелами в голову. Затем начиналась разделка туш, добыча жира и вытапливание ворвани. Разжигая чаны на борту корабля, китобои получали больше двадцати галлонов ворвани с каждого взрослого моржа. Менее чем за десять лет эта промышленная добыча лишила юпиков основного источника пищи и разрушила их сезонные ритмы охоты. К началу 1880-х годов во многих областях Берингова моря почти не осталось моржей.

Это была арктическая версия уже знакомой американцам истории о бизонах и индейцах на Великих равнинах. Здесь, как и там, массовое истребление основного объекта охоты коренных народов за несколько коротких лет привело к катастрофическим переселениям, возникновению страшных зависимостей и культурному апокалипсису.

Джон Мьюр ужаснулся увиденному на острове Святого Лаврентия. «Зрелище было неопишимо жутким, – написал он о своих наблюдениях. – Чайки, чистики и утки плавали и летали вокруг, наслаждаясь жизнью, чистое соленое море белыми волнами набегало

на берег, а цветущая тундра простиралась до заснеженных вулканов, но в деревне царил дух кошмарной и свирепой смерти».

Насколько мог судить Мьюр, американское присутствие в Арктике до той поры было исключительно благотворным. Случившееся на острове Святого Лаврентия казалось крайним проявлением более мощных сил, действующих на северных окраинах Америки. Теперь Мьюр видел, что здешние ледовые пустоши были столь же уязвимы, сколь и широки: жизнь здесь определяли хрупкие ритмы миграции, взаимодействия популяции и привычки, на формирование которых ушла не одна тысяча лет. И все же история вершилась прямо у него на глазах.

Население острова стремительно сокращалось: более тысячи человек, две трети от общего числа, не пережило 1879 год – тот самый год, когда «Жаннетта» отплыла из Сан-Франциско и прошла мимо этого острова на пути к Северному полюсу.

Аляска принадлежала Америке чуть больше десяти лет. Влияние России, которое и так было достаточно слабым, уже полностью исчезло. Нельзя сказать, что контакты с русскими охотниками и торговцами улучшили жизнь аборигенов Аляски – до этого было весьма далеко, – но российские меховые концессии редко достигали такого уровня организации и беспощадной эффективности, который практиковали американские китобои, торговые агенты и меховые компании. Систематическое появление в этих краях всего лишь нескольких вещей – многозарядных винтовок, выпивки, денег, промышленных методов разделки звериных туш – привело к рекордно быстрому разрушению традиционной культуры Аляски.

«Даже там, где речь не идет об алкоголе, – писал Мьюр, – некоторые продукты, предметы одежды, ружья и подобные вещи, поставляемые торговцами, оказывают губительное воздействие на местных жителей, из-за чего они становятся менее самостоятельными и менее искусными в охоте». Мьюр волновался, что «через несколько

лет, если наше правительство не окажет помощь этим людям, за которых оно теперь в ответе... все они до единого навсегда исчезнут с лица земли».

29 июня «Корвин» бросил якорь возле ледового тороса неподалеку от крошечной деревушки Тапкан. С севера дул сильный ветер, корабль качало на высоких волнах. Осмотрев берег в бинокль, капитан Хупер с радостью и облегчением заметил американский флаг, который развевался над белой палаткой: лейтенант Херринг вернулся сюда вместе с остальными участниками санной экспедиции. Команда оживилась. Морякам не терпелось встретиться с товарищами. «На корабле гадали, – писал Хупер, – что им удалось разузнать. Нашли ли они «Жаннетту»?»

Хупер хотел было отправить на берег отряд, но вдруг заметил, что группа Херринга поспешно свернула лагерь и по льду направилась к «Корвину». Разведчики шли почти целый день, но наконец-то добрались до корабля и поднялись на борт. К тому времени волнение на море усилилось, и Хупер понял, что не может оставаться на якоре в изначально выбранном месте. Быстро расплатившись с погонщиками собак из Тапкана – им вручили винтовку, патроны, рулон ситцевой ткани и еще кое-что, – Хупер развернул «Корвин» и пошел в открытое море.

Когда море наконец успокоилось, Хупер вызвал отряд Херринга к себе в каюту и узнал, что случилось за прошедший месяц.

2 июня отряд Херринга, в который входило трое американцев и трое местных погонщиков собак, высадился на острове Колючин и отправился в ледовый поход. Сначала им пришлось весьма нелегко – сани ломались, собаки грызлись друг с другом, пробираться приходилось по глубокой слякоти, – но им повезло встретить нескольких местных охотников на тюленей, которые привели их в свое поселение в двадцати пяти милях к западу.

В деревне насчитывалось двадцать шесть хижин и около трехсот жителей. Старейшина тепло принял американцев и пригласил их в свою лачугу, где вдоволь напоил их русским чаем. Херринг расспросил его об американском корабле, потерпевшем крушение к западу от деревни, но старейшина никогда о нем не слышал. Он сказал

Херрингу, что большинство обитателей деревни никогда в жизни не видело белого человека – этим объяснялся их интерес к американским гостям, в честь которых устроили настоящий пир с олениной и свежей треской. До четырех утра никто не ложился спать – все пили кофе и делились историями.

Отдохнув один день, отряд Херринга снова двинулся в путь и неделю продвигался на запад вдоль арктических берегов, по ночам разводя костры из плавучего леса, чтобы просушить насквозь промокающие меха. Хотя по дороге им попало несколько деревень, в основном они двигались по снежным пустошам. По пути они тщетно искали каменные туры или другие знаки, оставленные моряками «Жаннетты». Когда они достигли крошечного поселения Онман, в котором было всего пять хижин, местные жители рассказали Херрингу, что слышали о потерпевшем крушение судне, и добавили, что в двадцати милях к западу находится деревня Ванкерем, где лучше знают эту историю.

Лейтенант Херринг поспешил в Ванкерем, и там его радушно пригласили в одну из хижин. Он подарил хозяевам табак и кофе и объяснил цель своего визита. Обитатели деревни улыбнулись и закивали, а затем позвали трех мужчин, которые своими глазами видели потерпевший крушение корабль. Чукча Джо перевел их рассказ:

«Прошлой осенью, когда устанавливался новый лед, мы охотились на тюленей возле острова, который зовем Конкарпио, и там увидели остов корабля, дрейфующий в направлении острова. Мы подошли к нему. Судно было наполовину заполнено водой. Три мачты срубили под корень, чтобы использовать в качестве дров.

В каюте мы нашли четыре тела – три лежали на койках и одно плавало в воде. Они были мертвы уже давно. Их кожа высохла, почернела и крепко пристала к костям. Поднимался ветер, и мы побоялись там оставаться. Мы взяли кое-какие вещи и покинули корабль. Следующей ночью ветер сменился и подул на юг, корабль отнесло от берега. Больше мы его не видели».

Лейтенант Херринг спросил о вещах, которые они унесли с корабля. Может, они нашли какие-нибудь книги или бумаги?

«Нет, – ответили чукчи, – нам они ни к чему».

Херринг объяснил, что хочет идентифицировать корабль. Было ли в нем что-нибудь необычное, что-нибудь не такое, как на остальных судах?

Охотники ненадолго задумались, а затем сказали: «Мы видели, что высоко на корабле кто-то прикрепил оленьи рога». Херринга озадачила эта странная деталь: вряд ли капитан вроде Делонга позволил бы так украсить корабль американского флота. Нарисовав при помощи охотников схему корабля, Херринг сумел определить, что рога висели на утлегаре.

Херринг поинтересовался, что именно охотники забрали с корабля. Те ненадолго ушли и вернулись с небольшим свертком. Среди их добычи оказались две поперечные пилы, топор, гарпун, пузырек с опиумом, бритва, очки, подсвечник и металлическая сковорода со штампом производителя из Филадельфии. Ни на одном из предметов не было личных имен, но на рукоятке столового ножа обнаружилась гравировка в виде буквы «З».

Поблагодарив охотников, Херринг щедро заплатил им за предметы, которые, по его мнению, могли помочь с идентификацией корабля. Он спросил обитателей деревни, слышали ли они когда-нибудь о таинственной Земле Врангеля, лежащей где-то подо льдом на севере. Как он впоследствии сказал Джону Мьюру: «Они все покачали головами и сказали, что ничего не знают о земле в тех краях. Но один старик сообщил, что давным-давно слышал что-то о группе людей, которая пришла по льду с неизвестной земли на севере».

Удостоверившись, что местные не знают больше ни о каких других американских судах на сотни миль от деревни, Херринг решил вернуться в Тапкан до наступления лета, пока прибрежный лед не стал еще опаснее. Его отряд запряг собак и двинулся на восток. Тапкана они достигли к середине июня.

Пока американцы ждали возвращения «Корвина», их пригласили на деревенский праздник по случаю первой успешной охоты на моржей. В хижину старейшины принесли отрезанную голову моржа, которую торжественно положили на пол в самом центре. Жители деревни столпились вокруг усатого трофея, после чего старейшина обратился ко всем с длинной речью и велел своему младшему сыну положить моржу в пасть освященное оленье и тюленье мясо в качестве

жертвы. Церемония продолжилась на улице, где кусочки мяса бросили во все стороны света. После этого чукчи забили в барабаны, запели ритуальные песни и начали танцевать. Измотанные долгим походом американцы с любопытством наблюдали за происходящим.

В Тапкане лейтенант Херринг встретился с группой охотников на моржей, которые заявили, что не только видели «Жаннетту», когда она шла на север, но и ненадолго поднимались к ней на борт. Это было в конце лета 1879 года, когда Делонг остановился неподалеку от мыса Сердце-Камень, надеясь узнать судьбу экспедиции Норденшёльда. Охотники сообщили Херрингу, что корабль был «пароходом с тремя мачтами» и что на борту были двое аляскинских эскимосов, которых они узнали по декоративным серьгам в губах. Они также сказали, что видели «на палубе большое число собак и саней».

Все детали были верны, и это впечатлило лейтенанта Херринга. Он посчитал, что полученное описание «доказывает, что местные жители... замечают все, что проходит возле берега. Если бы с тех пор деревню навестило какое-нибудь судно или группа белых людей, местные знали бы об этом и до нас бы дошли эти сведения».

Капитан Хупер внимательно выслушал рассказ лейтенанта Херринга. Его особенно заинтересовали две детали. Первой была буква «З» на рукоятке столового ножа, который он осмотрел самолично. Второй – сообщение охотников об оленьих рогах, прикрепленных к утлегарю корабля. Рога висели на утлегаре американского китобоя «Зоркий». Это было его отличительной чертой, хорошо известной капитанам китобойной флотилии.

Картина сложилась. Потерпевшим крушение кораблем точно была не «Жаннетта». Это был «Зоркий», деревянный китобойный барк водоизмещением 215 тонн, приписанный к порту Нью-Бедфорда в штате Массачусетс и находящийся под командованием капитана Чарльза Смитерса. В последний раз другие арктические китобои видели «Зоркий» в октябре 1879 года к юго-западу от острова Геральд, где его затерло во льдах. «Зоркий» вез ворвань и китовый ус общей стоимостью 16 000 долларов. Смитерс отплыл с Гавайев с командой из тридцати человек, и теперь Хупер подозревал, что все они погибли.

Но в отношении «Жаннетты» надежда не была потеряна. Капитан Хупер по-прежнему полагал, что экспедиция Делонга выжила и

застряла на таинственной Земле Врангеля или в непосредственной близости от нее.

Капитан Хупер чувствовал, что быстро тающий лед и необычно теплая погода давали ему лучшую в жизни возможность дойти до Земли Врангеля. В первую неделю июля «Корвин» отплыл от сибирских берегов и взял курс на восток, к Сент-Майклу на Аляске.

12 июня 1881 года

Мой дорогой муж,

я чувствую, что этим летом снова встречу с тобой или получу от тебя весточку, и не могу дождаться этого момента.

Да хранит тебя Бог! Где бы ты ни был, пусть он поможет тебе и твоим товарищам целыми и невредимыми вернуться домой. Передавай от меня привет всем моим друзьям с «Жаннетты» – я не смею писать «на «Жаннетте», ведь она, возможно, уже покоится на дне океана, а вы боретесь за жизнь на шлюпках или на льду.

Не бойся, дорогой, я не сдамся ни при каких обстоятельствах и с распростертыми объятиями встречу тебя, когда бы ты ни вернулся...

Эмма

Глава 28

Nil desperandum

Не падая духом, команда Делонга начала длинный путь по замерзшему океану, направляясь обратно в знакомый мир или хотя бы туда, где можно было с высокой вероятностью разыскать других людей. Растянувшись на несколько миль, их караван, по словам Мелвилла, напоминал цепочку «странствующих насекомых». Идти было очень тяжело, но моряки, как ни странно, были счастливы – счастливы наконец-то выбраться из тесных кают корабля, снова оказаться в движении и сообща преодолевать новые трудности. Они шли в сторону России, к арктическим сибирским берегам, но им казалось, что они направляются домой, к женам, матерям и подругам, жирным курицам и свежим овощам, мягким постелям и теплым очагам, сплетням и рассказам и, если и не к славе, то к ликованию признательной родины.

Вооруженные биноклями и карманными буссолями Делонг и Данбар первыми шагали в тумане и отмечали путь черными флагами, которые втыкали прямо в лед. Они называли этот путь «дорогой», но на самом деле это была, скорее, более или менее безопасная тропа, проложенная между движущимися льдинами, торосами, ледяными горами и блестящими лужами талой воды. Не говоря уже о том, что капитан и ледовый лоцман – который к этому времени полностью излечился от снежной слепоты – полагались лишь на собственное чутье.

«Идите по дороге! – кричали они. – Не сворачивайте!» Моряки лишь смеялись над абсурдностью этого приказа. Как свидетельствует Даненхауэр, «снег доходил до колена», а «горы льда было не своротить и инженерным войскам». И все же они не останавливались. Их лица обгорели на солнце, губы растрескались, от мехов разило кислотой. Не снимая затемненных снежных очков, моряки распевали песни и пробирались все дальше среди бесконечных луж, наста и ледяных валунов.

Июньское солнце светило сквозь туман и обладало поразительной проникающей способностью, словно бы рентгеновскими лучами

пронизывая снег. Свет обнажал грязный лед, на котором кое-где виднелись признаки жизни – клешни крабов, медвежьи экскременты, раковины моллюсков, обглоданные кости, гусиные перья, семена, коряги, океанские губки. Круговорот океана и движение льда смешивали все – старое и новое, животное и растительное – в единую арктическую кашу.

Доктор Эмблер ухаживал за больными, Алексей и Анегин следили за собаками. Но остальные владели жалкое существование тяглогового скота, на веревках таща за собой более восьми тонн провизии и оборудования, погруженных на самодельные сани, крестовины которых были сделаны из обручей бочек из-под виски, а тяжелые дубовые полозья подбиты гладким китовым усом. Кроме трех видавших виды лодок, они тащили сундуки с лекарствами, боеприпасы, кастрюли, камбузные плиты, шесты для палаток, весла, винтовки, судовые журналы и дневники, брезент для парусов, научные инструменты, деревянную шлюпку, двести галлонов технического спирта и многое другое.

Отправляясь в путь, они провели учет еды и насчитали 3960 фунтов пеммикана^[6], 1500 фунтов галет, 32 фунта говяжьих языков, 150 фунтов говяжьего экстракта Либиха, двенадцать с половиной фунтов свиных копыт, а также значительное количество свинины, ветчины, виски, бренди, шоколада и табака. Каждый фунт и каждую унцию с самого начала точно взвесили, а затем распределили по саням таким образом, чтобы все, за исключением больных, тащили одинаковую ношу.

Перенести все за одну ходку они не могли, поэтому им приходилось возвращаться и проделывать тот же путь еще раз – а порой и еще два раза. Это означало, что для многих моряков одна миля пути на самом деле приравнивалась к пяти пройденным милям. Целый день этого сизифова труда предполагал до двадцати пяти миль беспрестанной борьбы. Даже на твердой, сухой земле такой труд любой считал бы рабским, но слякотный лед, испещренный зияющими полыньями и глубокими трещинами, был худшим из возможных ландшафтов – по словам Делонга, он пребывал в «совершенном хаосе».

Морякам часто приходилось спускать шлюпки на воду, пересекать узкие протоки, снова высаживаться на лед и грузить лодки на сани.

Порой они использовали крупные плавучие льдины в качестве парома, втыкая в них крюки и с помощью веревок подтягивая льдины, на которых стояли их вещи, к следующему ледяному берегу. «Дорожная команда» орудовала кирками, чтобы расчистить путь по твердому льду, сбить верхушки высоких торосов или перекинуть, по словам Делонга, «перемычку» или «подвесной мост» через изумрудные лужи талой воды.

По свидетельству Мелвилла, к концу каждого дня моряки были «выжаты как лимон». Одни падали в изнеможении. Другие дрожали от гипотермии от частых погружений в холодную воду. Делонг, который часто помогал морякам тащить поклажу, писал, что «более усталых и голодных смертных было не найти... Ныла каждая кость». Даненхауэр вторил капитану и замечал, что моряки каждый день «провозглашали самым тяжелым в жизни».

И все же поразительно, насколько довольными они были в первые недели этого путешествия, когда они жили и трудились, как волю. Это отмечали почти все. Они крепко спали, обладали зверским аппетитом и каждый день, как никогда ясно, понимали цель своего существования.

«Сейчас мы живем роскошно... и пребываем в добром здравии, – с удивлением писал Делонг в начале пути. – Все бодры и веселы, наш лагерь кажется очень живым... отовсюду доносится пение». Мелвилл заметил, что моряки постоянно «перекрикивались» и часто «разражались хохотом, добродушно подшучивая друг над другом... Не было еще ни одной команды, которая сумела бы без жалоб выдержать столь суровые испытания». Шагая по льду, моряки пели старинные ирландские баллады и дорожные песни вроде «Каменистой дороги в Дублин».

Так и шагал я с шумною оравой,
Они прибились все ко мне на полпути.
И дружно мы все раскидали камни,
Без них мне было в Дублин не дойти.

Какой бы суровой ни была ледовая шапка, она была и прекрасной. Под льдинами непрерывно колыхалась морская вода, шорох которой

успокаивал своим постоянством, подобно шелесту крыльев миллиона насекомых. Кое-где моряки натыкались на странные и величественные монументы из старого спрессованного льда невероятной аквамариновой синевы. Тут и там морские водоросли оставили ярко-оранжевый налет, который называли арбузным снегом.

Делонг замечал, как солнце мерцает в тумане – «блестит и моргает, как глаз старого пьянчуги». Тяжелый, влажный воздух, по его наблюдениям, звенел «стонами и скрипами со всех направлений», когда большие «снежные носы» вздымались дюйм за дюймом на месте столкновения ледовых плит. Время от времени крупные льдины с громким чавканьем переворачивались, увлекая за собой мелких рыбешек, застрявших в их полостях. Рыбешки начинали неистово биться, пытаясь освободиться из ловушки.

Команда Делонга покинула место гибели «Жаннетты» вечером 18 июня. Прежде чем отправиться в путь, Делонг написал записку: «Мы сворачиваем лагерь и выдвигаемся в южном направлении по льду, надеясь с божьей помощью достичь Новосибирских островов и оттуда на лодках доплыть до сибирского побережья». Капитан обернул записку кусочком черной резины и засунул в маленькую бочку для воды, которую оставил на льду в надежде, что она, «возможно, попадет кому-нибудь в руки».

Как и в случае с остальными деталями плавания, Делонг предвидел вероятность такого отступления и давно разработал подробный план действий. Казалось, он продумал все до мелочей. Сначала он решил перестроить суточную картину: предполагалось, что днем моряки будут спать, а прохладными вечерами идти вперед. К концу июня вечерние температуры колебались в районе шести градусов ниже нуля. Ночью снег был тверже, а света оставалось достаточно – полностью никогда не темнело. Избегая резкого полуденного солнца, они оберегали себя от снежной слепоты и перегрева. «Ужинать» планировалось в восемь часов утра, после чего моряки должны были расходиться по палаткам и спать целый день, пока их мокрые меховые одежды будут сохнуть при температуре, поднимающейся до пяти градусов выше нуля.

Делонг не один час потратил на совершенствование системы организации рангов. Он разделил тридцать три участника экспедиции

на три группы по одиннадцать человек. Каждой группе были выделены лодка, сани и своя часть лагеря. Возглавлял группу один из офицеров. У каждой лодки и у каждой саней было собственное имя, флаг и девиз. Одним из девизов был «In hoc signo vinces» – «Сим победишь»; другим – «Nil desperandum» – «Никогда не отчаивайся».

Такая система более мелких команд лежала в основе организации для долгого марша домой. Члены каждой команды вместе тащили поклажу, вместе отдыхали, вместе готовили, вместе ели, вместе спали и, при необходимости, готовы были вместе умереть. Делонг не случайно разделил всех таким образом – он надеялся пробудить в моряках командный дух и чувство локтя: никто не хотел подводить товарищей, но при этом хотел, чтобы его команда обошла остальных. Досконально продуманная и в то же время простая, эта система обращалась к личной гордости каждого и вдохновляла всех работать во имя группы.

Кроме того, Делонг полагал, что разделение экспедиции на команды поможет справиться с раздражением и досадой. Внимательно изучив историю исследования Арктики, Делонг не желал допустить возможного бунта. Он не мог забыть, какая судьба постигла капитана Холла при плавании на «Полярисе». Делонг понимал, что случается, когда морякам, терпящим ужасные лишения, позволено свободно высказывать свое недовольство, и как быстро все плохое – хоть настоящее, хоть выдуманное – раздувается в глазах людей, из-за чего единственный неправильно истолкованный инцидент или слух может озлобить команду.

Моряки начали поход в хорошем боевом духе, но Делонг понимал, что это может быстро измениться, поэтому ему следовало держать все под контролем. Его особенно тревожил Коллинз, который продолжал хандрить и не скрывал своей враждебности по отношению к капитану. Присматривать стоило и за Даненхауэром – он не считал свою сифилитическую слепоту столь тяжелой, какой она казалась Делонгу, хотя и спотыкался на каждом шагу, как заправский пьяница. Кроме того, его гордость страдала от вынужденного пребывания в списке больных. Представляя возможные варианты развития событий, Делонг пришел к выводу, что разделение моряков на три группы, растянутые на несколько миль, поможет снизить вероятность зарождения идей о мятеже во время их путешествия.

Делонг не сомневался, что путешествие будет долгим и недовольства среди моряков не избежать. Он понимал, что поход по арктическим ледовым полям к открытой воде потребует «нечеловеческих усилий». Насколько он помнил, в анналы исследований еще не попало ни одно путешествие, подобное тому, которое они собирались предпринять. По его оценкам, они находились примерно в тысяче миль от сибирских берегов, но у них на пути могли оказаться Новосибирские острова – необитаемый и малоизвестный архипелаг в зоне вечной мерзлоты, контуры которого были неточно нанесены на карты. Надеяться на спасение, само собой, не стоило. Насколько понимал Делонг, никто во всем мире не имел ни малейшего представления, живы ли они и где находятся.

Их выживание зависело лишь от них самих. Как выразился Даненхауэр, они должны были в буквальном смысле «трудиться во имя жизни». Делонг понимал, что «при движении на юг они в конце концов выйдут к открытой воде». На несколько месяцев им предстояло стать животными и по 12 часов в день тянуть ляжку. Но шесть человек были слишком слабы для этого – симптомы отравления свинцом до сих пор не прошли, из-за чего моряки были «ни на что не годны». Некоторые из больных могли идти самостоятельно, если им не приходилось ничего нести или тащить за собой, но другие не могли ступить и шага – их нужно было везти на больничных санях. Хуже всех себя чувствовал Чипп. Он был так измотан, что не мог ни одеться, ни подняться на ноги. Накачивая его бренди и опиумом, доктор Эмблер замечал, что Чипп «мучился от боли и спазмов и не мог найти покоя... Все обстоятельства против него... Он бледен, его пульс едва прощупывается».

«Как же нам его вытащить? – вопрошал Делонг, тревожась о своем старом друге Чиппе. – Прошлой ночью он беспрестанно стонал и ворочался. Я очень сильно за него переживаю».

Делонг понимал, что у них очень мало времени на то, чтобы достичь цели: провизии у них было всего на шестьдесят дней. После этого они могли выиграть еще несколько недель, съев собак. Но не более. Помимо ограниченного количества пищи, ограничено было и число теплых дней арктического лета. Капитан Делонг знал, что им нужно во что бы то ни стало до прихода зимы добраться до Сибири. Им предстояла борьба со временем и с доступными калориями –

двигаться нужно было быстро, но эффективно. Но при такой слякоти это было невыполнимо. «Наши перспективы, – с поразительной сдержанностью написал Делонг, – весьма незавидны». Он гадал, когда исчезнет присущее всем его морякам чувство юмора.

Его опорой был Мелвилл. Делонг понимал, что ему не совершить ледовое паломничество без него. Механик был тверд и рассудителен, не раз доказывал свою бесконечную преданность делу и, казалось, обладал неисчерпаемыми ресурсами гибкости. Болезни обходили его стороной, и никто не слышал из его уст ни единой жалобы. Делонг во всем полагался на Мелвилла и без лишних слов писал в своем дневнике: «Пока он таков, какой есть – сильный и здоровый, – я не пропаду».

На борту «Жаннетты» моряки никогда не голодали. Два года их рацион был достаточно обилён и разнообразен, чтобы удовлетворить каждого. Теперь, на льду, он сократился до двух продуктов. У них был говяжий экстракт Либиха, который они ели в качестве теплого бульона, как консоме, и пеммикан – питательная смесь вяленого мяса, ягодного пюре и животного жира, которая последние несколько десятилетий служила отличным подспорьем для многих исследовательских экспедиций. Пеммикан был калорийным и сытным, он годами не портился, мало весил, не требовал особых условий хранения и редко списывался за негодностью. Но он быстро всем надоедал. Делонг с отвращением записал, что пеммикан стал им «рыбой, мясом и птицей». Его липкое, соленое однообразие казалось тошнотворным. Он прилипал к небу и застревал на зубах и языке. Он вызывал вздутие живота и газы. Он пачкал руки и пальцы. Он был повсюду, на них и внутри них, они и сами превратились в ходячий пеммикан.

Помимо того, пеммикан, как бы это ни было неприятно, приводил к запорам. Он закупоривал пищеварительный тракт, подобно цементу, и прочно бетонировал кишечник. Возле лагерных печей не раз поднималась тема сравнительной копрологии. Врачебное достоинство доктора Эмблера подрывалось с каждым днем – фактически его деятельность свелась к распределению слабительного, рыбьего жира и медицинских свечей. Медицинские журналы Эмблера вскоре запестрели чудесными записями: «Лаутербаху утром стало лучше, кишечник полностью очистился... Алексей сегодня чувствует себя

достаточно хорошо, кишечник очистился... У меня самого один раз из кишечника вышла кровь...»

Весь этот пеммикан также заставил моряков, как никогда, страдать по еде. Они с теплотой вспоминали довольно простые, но чудесные в сравнении с нынешними обеды на «Жаннетте». Сидя возле походных печек и выковыривая остатки пеммикана из зубов, они вдохновенно рассуждали, какой пир закатят по возвращении домой. Чипп мечтал о печеной куропатке на хрустящем хлебе. Делонг не переставал думать о жареных устрицах. Ньюкомб вздыхал по тыквенному пирогу. Остальные вспоминали пороссячи щечки с овощами, вареную кукурузу, рубленое мясо и лакомые десерты. Мелвилл представлял запеченную утку – он даже рассказывал, как именно ее приготовит, и моряки тут же принимались обсуждать «роскошь есть именно те куски, которые сами выберут, каждый на свой вкус – ах!».

Кроме плохого питания, моряки страдали и от более досадной проблемы – постоянной сырости. Лето вступало в свои права, и арктический мир постепенно таял. Просохнуть полностью не удавалось никогда. Кожа моряков сморщилась от влаги и отходила слоями. Спальные мешки стали похожи на папье-маше. При каждом шаркающем шаге из их сапог выливалась вода. Подошвы из сыромятной кожи, по словам Мелвилла, стали такими мягкими, что «достигли консистенции свежего рубца». Когда моряки пытались поспать, тепло их тел растапливало рыхлый снег под прорезиненными одеялами, из-за чего они оказывались в лужах холодной воды. Доктор Эмблер писал, что после «сна в мокрой одежде в мокром спальном мешке на мокром льду наутро ноют все кости и мышцы». «Сегодня, – продолжал он, – я даже вздохнуть без боли не смог».

По иронии судьбы именно в дни столь суровых лишений в одном из мешков с кофе Старр нашел написанную от руки записку, которую в сложившихся обстоятельствах сочли злой шуткой работника, весной 1879 года укладывавшего груз в Нью-Йорке. Усмехнувшись, Старр прочитал послание вслух: «Настоящим хочу пожелать вам успеха в вашем великом предприятии. Надеюсь, читая эти строки, вы вспомните об уютных домах, которые вы покинули в стремлении помочь науке. Если удастся, черкните мне пару строк. Мой адрес: Дж. Дж. К., Бокс-стрит, 10, Нью-Йорк».

Затем возникла новая проблема: с собаками что-то было не так. Сначала симптомы проявились у Джима, который бежал в упряжке и вдруг зашелся в судорогах. Его отстегнули, и он некоторое время лежал на снегу, корчась от боли и дрожа крупной дрожью, хотя день был ясным и теплым. Через несколько дней то же самое случилось с Фокси, которого вскоре обнаружили в луже воды. Том пережил другой приступ. Словно в дурмане, он на несколько минут потерял ориентацию. Затем он пришел в себя и внезапно в слепой ярости набросился на своего соседа по упряжке, Волка.

Делонг не понимал причин недуга. Может, проблема была в их корме? Или корма было слишком мало? Может, их поразила инфекция? Или они слишком устали? Как бы то ни было, он не мог отказаться от использования такого большого количества собак, ведь и так уже потерял достаточно. Некоторые псы оказались такими злыми и склочными, что их пришлось признать бесполезными, пристрелить и скормить их собратам. Один из лучших псов, Джек, которого любили все моряки, временно был выведен из упряжки, чтобы залечить надорванную спину. Однажды при суматошной переправе на льдине через широкую полынью Джека случайно забыли. Его исчезновение заметили только через несколько часов, и Делонг счел слишком опасным возвращаться на его поиски. С тех пор Джека больше не видели.

Вскоре у многих моряков начались поведенческие нарушения, подобные тем, которые испытывали собаки. Первым сломался тот, от которого Делонг этого меньше всего ожидал: Эдвард Старр. Делонг считал Старра «человеком безупречного поведения». Вместе с Найндеманом и Эрихсеном он всегда был сдержан и трудился не покладая рук. Но однажды, шагая рядом с Мелвиллом и небольшой командой моряков, Старр вдруг заглянул в лодку, вытащил оттуда пару мокрых стелек и, раздраженно зарывчав, швырнул их на лед. Мелвилл обернулся и сердито посмотрел на Старра: это были его стельки, и он не один час подклеивал и зашивал их для дальнейшего использования. «Подними – и больше так не делай!» – приказал он. Но Старр отказался подчиниться. «Плевать мне, чьи они, они лежали на моем спальном мешке!» – огрызнулся он. Мелвилл побледнел. Он повторил

приказ, но Старр снова зарычал и отказался поднимать несчастные стельки.

В этот момент вмешался Делонг, который велел Старру подчиниться приказу Мелвилла. Старр отказался и на этот раз. Он стоял возле лодки и бранился без остановки, ни к кому конкретно не обращаясь. «Нашел, куда мокрые стельки класть!» – ворчал он. Призвав на помощь весь свой авторитет, Делонг велел Старру замолчать и повторил приказ поднять стельки – дважды, затем трижды. Все вокруг пораженно наблюдали за происходящим. Наконец Старр неохотно повиновался, но сквернословить так и не перестал.

«Разойтись!» – приказал Делонг. Он подошел к Старру и спросил его: «Что вы можете сказать в свое оправдание?» Как ни странно, Старр ответил, что не слышал приказов Мелвилла. «Считайте, что вы под арестом», – сказал капитан. Разобраться со Старром он решил позже.

Впервые кто-то открыто попытался подорвать авторитет капитана. Этот ничтожный инцидент был вызван лишь абсурдным стечением обстоятельств. Но он стал первым вестником грядущих недовольств.

На восьмой день пути Делонг провел астрономические измерения, чтобы определить, насколько им удалось продвинуться. Было 25 июня. Он с надеждой начал измерения, поскольку моряки все это время не щадили себя и не теряли оптимизма. При помощи секстанта он определил меридиональную высоту, которая составила $77^{\circ}46'$ с. ш. Это было любопытно и явно неверно, ведь высота, зафиксированная в месте гибели «Жаннетты», была значительно южнее. Выходило, что сейчас они оказались в самой северной точке всего маршрута экспедиции.

На следующий день Делонг воспользовался методом астрономической навигации, называемым позиционированием Самнера, и подтвердил более ранние измерения. Он счел, что проблема в приборах – возможно, из-за тряски при движении по льду что-то в них сломалось или же он просто сделал ошибку. Кроме того, он полагал, что на точность измерений могло повлиять преломление звездного света или какой-нибудь другой арктический феномен. Он трижды проверил расчеты, построил еще несколько позиционных

линий и в полночь снова достал секстант. Результаты оставались неизменны.

Делонг обратился к своему опыту навигации. В чем была проблема? Где крылась ошибка? В следующий полдень он попросил Мелвилла провести измерения. Только увидев, что и теперь результаты не изменились, он принял правду. Он полагал, что за последние восемь дней они прошли 20 миль на юг. Но наблюдения свидетельствовали об обратном. На самом деле они продвинулись более чем на 28 миль в северном и северо-западном направлении. Иными словами, лед, по которому они шли, смещался на север быстрее, чем они спускались на юг. Несмотря на все усилия, они фактически *ушли назад*. Или, как выразился Мелвилл, «отступили». По словам Делонга, это было сильным преуменьшением, но и его оказалось «достаточно, чтобы заставить любого задуматься и встревожиться».

Капитан не мог найти в себе силы сообщить ужасные новости морякам. Он не мог поделиться ими даже с ближайшими офицерами. «Я обманываю их, – писал он, – и боюсь, как бы они не начали задавать мне вопросы». Делонгу претила эта уклончивость – скрывать что-либо было не в его характере, – но в сложившихся обстоятельствах он не видел другого выхода. Он не сомневался, что «великое разочарование, если не полная потеря энтузиазма, постигнет команду, если сообщить всем столь неприятную правду».

Он поделился новостями только с доктором Эмблером и Мелвиллом. Механик не стал церемониться с оценкой ситуации. «Наше положение, – сказал он, – совершенно безнадежно». Он заметил также, что моряки вскоре «помрачнели и стали проявлять подозрительность, верно догадываясь о причинах, по которым от них скрыли результаты первых измерений».

Именно тогда в дневнике капитана Делонга впервые зазвучали нотки отчаяния. «Если продолжать в том же духе, – написал он, – нам никогда не выбраться».

О, мой дорогой муж,
я так жажду увидеть тебя, что не могу писать длинные письма. Я не могу дождаться, когда лето кончится и принесет хорошие новости или плохие. Я очень долго хранила

терпение, но больше держаться уже не могу. И все же пытаюсь.

Как же ты, должно быть, устал и измучился, как отчаялся ждать окончания своего долгого изгнания, как соскучился по дому, семье и друзьям! Какие лишения и невзгоды тебе пришлось пережить! Я молю Бога, чтобы ты вернулся с победой и был щедро вознагражден за свою жертву. Мы с Сильвией постараемся, чтобы ты забыл о всех трудностях, когда вернешься к нам.

Я строю множество планов и представляю, как счастливы мы будем после твоего возвращения. Не сомневаюсь, ты делаешь то же самое. Мы должны попытаться воплотить все наши мечты в жизнь и привнести в нее как можно больше радости.

Глава 29

Призрачный континент

Шаманы стояли на островке высокой травы возле деревянного форта под двойным крестом старой русской православной церкви. Теплым летним днем среди ярких арктических цветов они приступили к обряду и воззвали к полярным богам. На побережье собрались жители окрестных деревень и те, кто пришел из далеких поселений в глубине материка. Они танцевали, пели, кричали и били в барабаны, пробуждая духов Крайнего Севера.

Капитан Хупер зашел в Сент-Майкл на Аляске, чтобы купить угля и продовольствия, прежде чем отправиться на север, к Земле Врангеля, на поиски Делонга. Скептически наблюдая за обрядом, он все же хотел, чтобы шаманы сказали ему, удастся ли им что-нибудь разузнать о судьбе «Жаннетты». Что известно богам? Жив ли Делонг? Стоило ли испытывать судьбу и вести «Корвин» в зону льдов на поиски пропавших путешественников?

Ответы на эти вопросы интересовали и жителей Сент-Майкла, ведь двое местных эскимосов, Алексей и Анегин, отправились на север вместе с Делонгом и уже два года не были дома. Обитатели Сент-Майкла отчетливо помнили моряков «Жаннетты», которые купили у них меха и собак и поделились своими планами увести свой корабль туда, где еще не ступала нога человека. Жена Алексея все еще ждала его, но тревожилась, как и все остальные жители деревни.

Джон Мьюр удивился странной энергии «оживленной толпы», которая бродила по побережью Сент-Майкла, возле форта и складов Аляскинской торговой компании. «Они формировали необычную и беспорядочную картину на каменистом пляже, – писал Мьюр. – Сквозь палатки и срезали большие пучки сухой травы, чтобы выстлать ими землю под меховыми коврами; дети смотрели огромными, испуганными глазами; нарядные воины, раскрашенные всеми цветами радуги, были суровы и сдержанны, всем своим видом показывая холодное величие... повсюду были свалены косматые медвежьи шкуры, черные и бурые, шкуры куниц, норок, лис, бобров,

выдр, рысей, лосей, волков и росомах, многие все еще с когтями и оскаленными зубами, словно замершие навечно в борьбе за жизнь».

Вокруг Сент-Майкла простиралось вулканическое плато, где было более пятидесяти вулканов, кратеров и кратерных озер, раскиданных по тундре. Все эскимосы верили, что сквозь эти бурлящие, зловонные врата души недавно умерших входят в подземное царство. Мьюр подошел к одному из кратеров и увидел «пепел и пемзу, в изобилии валяющиеся у края кратера и вниз по склону... Раздававшееся время от времени урчание, как считалось, вызывали духи, которые сопровождали умерших индейцев».

Возможно, именно поразительная сила этого дымящегося ландшафта каждое лето привлекала сюда шаманов, которые изучали вопросы жизни, смерти и загробного мира. Демонстрируя удивительную ловкость рук и способность к чревоуещанию, они надевали роскошные маски и длинные перчатки и украшали свои татуированные тела медвежьими когтями и звериными клыками, которые постукивали друг о друга при каждом их движении.

Ответ шаманов капитану Хуперу был однозначен: надежды на возвращение «Жаннетты» не осталось. Она была навсегда потеряна в арктических льдах.

Но что же Делонг и команда? Куда пропали они?

Их судьба предрешена, ответили шаманы. Их больше никто никогда не увидит.

Но этим дело не ограничилось. Шаманы сделали серьезное предостережение капитану Хуперу. Если «Корвин» тоже войдет в зону льдов, его ждет точно та же участь, которая постигла «Жаннетту». Пойдешь на север, сказали они Хуперу, и уже никогда не вернешься.

Эти новости из подземного царства ничуть не напугали Келвина Хупера. Капитан был упрямым и совершенно нерелигиозным человеком, не склонным к суевериям. Однако молодой эскимос, которого Хупер нанял в качестве переводчика, так испугался предостережения шаманов, что тотчас попросил уволить его. С его точки зрения, «Корвин» собирался идти прямо в ад.

Вместо него Хупер нанял молодого русско-эскимосского «полукровку» по фамилии Андреевский, который казался вполне компетентным и не столь боялся плохих знаков. Но на всякий случай

Хупер все же решил взять с собой достаточно угля, продовольствия и прочих припасов, чтобы пережить зиму, если «Корвин» действительно застрянет во льдах, как предсказывали шаманы.

Мьюру многие эскимосы, пришедшие в Сент-Майкл, показались «наглыми» и «опасными». Он чувствовал, что взаимодействие с торговцами лишило их самодостаточности: «Они меньше охотятся, а в свободное время играют в азартные игры и бранятся друг с другом».

У Мьюра не было сомнений, что недовольство эскимосов будет лишь возрастать по мере прибытия на Аляску все новых и новых американских старателей. Ходили слухи о золотых и серебряных жилах. На самом деле примерно в сотне миль вверх по течению реки даже видели группу поисковиков. По свидетельству Мьюра, они приплыли из Сан-Франциско на шхуне, «чтобы найти гору из чистого серебра». Мьюр довольно долго прожил в северной Калифорнии и не понаслышке знал о золотой лихорадке, а потому уже предвидел дальнейшее развитие событий. «Вероятно, вскоре все устремятся к новым приискам», – с горечью написал он, представляя, что тогда даже этот дикий край наводнят люди с тазами и кирками.

В Сент-Майкле Мьюр заметил признаки того же пагубного воздействия американцев, которое разорило остров Святого Лаврентия. Знакомство с многозарядной винтовкой, в частности, изменило ритмы традиционной охоты. Несколькими годами ранее на холмах вокруг Сент-Майкла обитало множество диких оленей. Теперь, вооружившись винтовками, эскимосы и другие местные жители сотнями убивали карибу и, по словам Мьюра, бросали их там, «где они и упали, не забирая даже шкур». Охотники «просто вырезали им языки, а остальное оставляли на съедение волкам».

Прежде чем отправиться в северную Арктику, Хупер вручил представителям Аляскинской торговой компании связку писем, которые за прошедший год написала своему мужу Эмма Делонг. Он также перенес некоторую часть груза на принадлежащий компании пароход «Св. Павел», который направлялся в Сан-Франциско. В том числе на борт «Св. Павла» подняли и вещи, которые сибирские охотники на тюленей из Ванкерема забрали с американского китобойного судна. По мнению Хупера, этим судном был потерпевший кораблекрушение «Зоркий».

Позже тем же летом Торговая биржа Сан-Франциско выставила эти вещи на всеобщее обозрение в надежде таким образом идентифицировать потерпевшие крушение суда и погибшие команды. Удалось установить, что один из предметов – очки – принадлежал несгибаемому капитану китобойной флотилии Эбенезеру Наю, который в свое время зловеще сказал Делонгу: «Выводите судно на лед и позвольте ему дрейфовать. Возможно, вы и пройдете ледовое поле. А может, отправитесь в преисподнюю – шансы примерно равные». Это казалось вполне логичным, поскольку Най, как известно, вел промысел неподалеку от «Зоркого». Пророчество Ная словно обратилось против него самого: и сам Най, и команды «Зоркого» и «Маунт-Уолластона» погибли в том же самом паковом льду, о коварстве которого он так драматично предупреждал Делонга.

9 июля, когда капитан Хупер поднял якорь и вывел «Корвин» из гавани Сент-Майкла, море, казалось, так и полнилось дурными предзнаменованиями. Судовой врач Ирвинг Росс упомянул «любопытную игру отражений и другие странные феномены». Мьюр описал «необычный красный закат, гротескные миражи и темный дым над горящей тундрой». Но Хупер, не обращая внимания на зловещую атмосферу, повернул на северо-запад и направился к Берингову проливу и лежащей за ним северной Арктике. По словам Мьюра, они поплыли «на самый север, к обледенелому краю творения».

Их целью по-прежнему была Земля Врангеля, однако в течение июля она оставалась скованной льдом и окутанной густым туманом, а потому недостижимой и даже невидимой. Мьюр называл Землю Врангеля «таинственным краем», «нехоженым берегом» и «потерянным островом». Нельсон описывал ее как страну, «давно обсуждаемую географами». Росс же провозгласил ее «проблемной северной землей» и стал считать ее «мифом».

Капитан Хупер хотел раз и навсегда доказать существование Земли Врангеля и найти следы экспедиции Делонга. Но к концу июля Хуперу удалось лишь достичь острова Геральд – подойти ближе к Земле Врангеля никак не получалось. Хупер знал, что именно возле этого острова три американских китобойных судна в последний раз видели «Жаннетту» в сентябре 1879 года.

Несмотря на небольшие размеры – Геральд был не более шести миль в длину, – скалистые пики острова возвышались более чем на тысячу футов над уровнем моря. Хупер решил, что на вершине ему открылся бы отличный вид на арктический лед, Землю Врангеля, а возможно, и потерянную «Жаннетту». В связи с этим он решил совершить высадку на Геральд, тем более что Джон Мьюр был первоклассным альпинистом, который вполне мог покорить еще одну гору.

Как свидетельствует Хупер, в десять часов вечера 30 июня после «изрядной порции толчков, ударов и разворотов при движении по узким, извилистым трещинам» капитан поставил «Корвин» на якорь в нескольких сотнях ярдов от окутанного туманом, обледенелого острова. Пока большинство моряков прыгнули на льдину и наперегонки бросились к кишащим птицами скалам, Мьюр спокойно осмотрел утесы в бинокль и определил самый удобный маршрут. Прихватив ледоруб, он пошел по ледниковой ложбине в нескольких сотнях ярдов от того места, где наверх пытались взойти остальные моряки, не знакомые с альпинизмом. В то время как они быстро завязли в снегу и начали скатываться друг на друга, Мьюр уверенно шел вперед. С помощью ледоруба он вырубал ступени во льду и поднимался сквозь тысячи птиц, которые «стояли на узких уступах, как бутылки на полках магазина». Через час он добрался до вершины утесов и начал восхождение на скалистый пик.

Мьюр наслаждался одиночеством. Он несколько часов шел к вершине, делая заметки и зарисовки и поспешно собирая образцы растений. Он не увидел никаких следов «Жаннетты» – ни каменных туров, ни мусора, ни признаков пребывания человека.

Но от панорамы захватывало дух, и Мьюр внимательно рассмотрел ее в бинокль. Пытаясь описать ее, он не смог избежать восторженности, которая принесла ему известность, когда он стал выступать за охрану природы. «В полночь я в одиночестве оказался на вершине горы, и этот час стал одним из самых впечатляющих в моей жизни, – писал он. – На необозримый, девственный ландшафт упала глубочайшая тишина. Замерзшему океану на севере было конца-края не видно».

На западе Мьюр отчетливо различил «таинственную Землю Врангеля... извилистую линию холмов и долин позади синевато-белых

ледовых прерий». Это был крупный остров, горы которого так и манили Мьюра. Глядя на них, он не мог дождаться, когда растает лед, чтобы он мог покорить новые пики. «Бледные серые горы вздымались над морем, – писал он, – и бередили сердце альпиниста».

Около часа спустя судовой врач Росс присоединился к Мьюру на вершине, и они вместе воздвигли каменный тур на уступе. «Была полночь, – писал Росс, – и солнце во всем великолепии сияло над этими просторами льдов, морей и гранитных скал». Внутри тура Росс установил бутылку, в которую была положена записка о высадке моряков «Корвина», а также газета «Нью-Йорк геральд» от 23 апреля 1881 года.

Тем временем остальные моряки «Корвина» разошлись по берегам и утесам острова в поисках следов «Жаннетты». Они ничего не нашли. Всем было очевидно, что, где бы ни был Делонг, на этом острове он не высаживался. «Если бы на видном месте был построен тур, – писал Мьюр, – мы бы его не пропустили».

Когда «Корвин» отвернул от острова Геральд и пошел сквозь душающие льды в открытое море, к носу корабля подплыл молодой белый медведь. Хуперу показалось, что медведь «принюхивается, словно пытаясь узнать хоть что-нибудь о странном госте». Капитан взял тяжелую, заряжающуюся с казенной части винтовку и прицелился. Он хотел добыть свежего мяса для камбуза и хорошую, теплую шкуру для своей каюты.

Мьюр сочувствовал медведю, пытавшемуся понять «огромного, дымящегося черного монстра», который вторгся в его владения. «Он казался благородным зверем невероятной силы, который отважно жил... среди вечных льдов». Но Хупер был отличным стрелком. «Вскоре, – написал Мьюр, – медведь получил пулю в шею, и голубая вода окрасилась алым».

Первые две недели августа «Корвин» испытывал пак, пробуя найти путь к Земле Врангеля. Маленький корабль, по словам Росса, «болтало из стороны в сторону в ледяном лабиринте», и порой он оказывался «со всех сторон окруженным огромными массами льда». Земля Врангеля словно бы дразнила их – скрывалась за облаками, появлялась сквозь просвет в тумане, снова исчезала, а затем маячила на горизонте и казалась огромной из-за искажений арктической

атмосферы. По свидетельству Хупера, увеличенные в результате рефракции горы Земли Врангеля «то выходили нам навстречу, то пропадали совсем».

Однажды моряки заметили на льду кусок дерева – судя по всему, кусок корабельного рея. «На нем до сих пор остались обрывки веревок, – писал Мьюр, – и казалось, что он провёл на льду зиму-другую». Изучив рей, Хупер пришел к выводу, что он, скорее всего, принадлежит одному из китобойных судов, однако не смог полностью исключить вероятность его принадлежности «Жаннетте».

Наконец, 12 августа, «Корвин» обнаружил во льду удачную трещину и подошел достаточно близко к юго-восточному побережью Земли Врангеля, чтобы спустить катер. Хупер приказал выстрелить из пушки. Громкий хлопок эхом пронесся над горами и, как выразился Мьюр, «предупредил всех, кто мог быть рядом, об их появлении». Когда они подошли к острову на катере, отряд Хупера начал понимать, насколько крупна эта земля, насколько высоки ее горы и как разнообразен ее ландшафт. Неудивительно, что многие моряки, десятилетиями бросавшие на нее взгляды, полагали, что перед ними лежит континент. На самом деле это был крупный остров семидесяти восьми миль в длину. Его горная тундра была испещрена яркими пятнами арктических цветов. Зимняя белизна на краткое время уступила место теплему летнему золоту. Небольшие островки снега виднелись лишь на вершинах.

Хотя они видели лишь небольшой участок двадцати девяти квадратных миль, моряки Хупера понимали, что эта земля не шла ни в какое сравнение с островом Геральд. В суровом доисторическом ландшафте было что-то загадочное – как выразился Мьюр, «великая и нетронутая первобытная красота». Изучая остров в бинокль, Мьюр видел «небольшие цветастые ложбины и узкие борозды, по которым, похоже, бежали ручьи...» «Мы смотрели на девственную природу, которая маняще раскинулась перед нами и которую нам так хотелось изучить, – писал он, – округлые, отполированные льдом холмы и предгорья, выточенные ледниками черты гор и расходящиеся в разные стороны долины».

Они высадились на каменистой косе, которая тянулась в обе стороны от устья быстрой реки. Неподалеку от скелета гладкого кита

моряки установили на самодельной жерди из подобранной в воде деревяшки американский флаг, и Хупер объявил остров территорией Соединенных Штатов. Он переименовал его в Новую Колумбию.

Некоторые из моряков разошлись по пляжу, а другие отправились вглубь острова. На берегу обнаружилось несколько созданных человеком предметов: фрагмент жестянки из-под бисквитного печенья, бочарная клепка и обломок рея. Однако все они были так потрепаны и истерты, словно их прибило сюда при движении ледовой шапки. Отряд Хупера не нашел никаких признаков того, что кто-то с «Жаннетты» жил на острове и что нога человека вообще когда-либо ступала на эту землю.

«Вряд ли в мире можно найти край более суровый и одинокий», – писал Мьюр. Если бы моряки с «Жаннетты» высаживались на этот остров, они бы точно оставили возле реки каменный тур – и следы на хрупкой почве тундры. «Если бы хоть кто-то ступал по этой земле в любой момент лета, когда она не была покрыта снегом, его следы остались бы различимыми на долгие годы».

И все же моряки с «Корвина» ничего не нашли.

Хотя задержаться на острове Врангеля не было возможности, Мьюр пришел от него в восторг. Само собой, он не знал, что Делонг уже установил, что это не континент, а всего лишь крупный остров. Впрочем, какими бы ни были его размеры, Мьюр чувствовал, что это первобытный край, в котором было раздолье животным, но не было места человеку. На самом деле остров Врангеля может похвастаться таким разнообразием живой природы, что биологи впоследствии даже назвали его Галапагосами Крайнего Севера. На острове проживает крупнейшая популяция тихоокеанских моржей и одна из самых больших в мире колоний белых гусей. Там также живут полярные совы и песцы и огромные стаи леммингов и морских птиц, но в отличие от Сибири совсем нет комаров.

Мьюр счел, что остров Врангеля просто создан для белых медведей (так считается и по сей день – там находится самое большое в мире количество медвежьих берлог). «Медведи были повсюду и группами бродили вдоль кромки льда, – писал Мьюр. – Они казались весьма толстыми и сытыми и чувствовали себя как дома, ведь этот край всегда безраздельно принадлежал именно им. Они господствуют

среди этих ледовых пустошей. Землю Врангеля вполне можно назвать Землей белых медведей».

В некотором роде остров Врангеля был землей вне времени – жизнь здесь шла точно так же, как и многие тысячи лет назад. Поскольку во время ледниковых периодов остров никогда полностью не покрывался льдами и никогда не скрывался под водой во время потеплений, почвы и растения его долин были последними очагами уникальной для планеты непо потревоженной плейстоценовой тундры.

Когда фараоны строили пирамиды, по острову Врангеля ходили слоны – именно здесь жили последние мохнатые мамонты. Карликовые виды мамонтов обитали здесь до 1700 года до нашей эры, более чем на шесть тысяч лет пережив популяцию мамонтов во всех других уголках планеты. Их огромные изогнутые бивни можно было найти где угодно – на каменистых пляжах, в долинах и по берегам ручьев.

Но отряд Хупера не смог задержаться на острове и обнаружить эти окаменелые артефакты другой эпохи. Остров был слишком велик, чтобы обследовать его за один день и даже за неделю. К своему великому неудовольствию, Хупер понял, что пора уплывать. Лед снова двигался, угрожая «Корвину». Он сделал несколько выстрелов, чтобы созвать всех разошедшихся по острову моряков, и они снова сели на катер. На корабль они возвращались в прекрасном настроении – им удалось открыть новую землю и объявить ее американским владением. «Точно неизвестно, как велика новая территория, – писал Мьюр, – и вряд ли это будет установлено в течение ближайшего века, если, конечно, не произойдет серьезных изменений полярного климата».

Хупер решил больше не искать «Жаннетту». Он развернул «Корвин» и пошел сквозь Берингов пролив в сторону Сан-Франциско. Он даже не догадывался, что, если бы он еще несколько недель продолжил двигаться на запад, проплывая сквозь льды у сибирского побережья, рано или поздно их с Делонгом пути вполне могли бы пересечься.

Глава 30

Вторая земля обетованная

Примерно в тысяче миль к северо-западу от острова Врангеля капитан Делонг с командой залечивали раны в промокших насквозь палатках, установленных на быстро тающих льдинах Восточно-Сибирского моря. Было 4 июля – прошло ровно 22 дня с момента гибели «Жаннетты» и 16 с начала их ледового марша.

Моряки пытались не вешать носа в день рождения родины. Над палатками развевались американские флаги. Из заначки достали бутылку бренди. Лаутербах играл на губной гармошке, и ему вторили собаки, лежавшие под перевернутыми вельботами. Но невозможно было скрыть, что боевой дух к этому времени уже оказался подорван. Радостная горячка первых недель и чувство локтя давно испарились. Удалые песни стихли.

Люди устали. Их меховые одежды пестрели заплатами, губы потрескались, лица опухли, руки покрылись болячками и струпьями. Все страдали от снежной слепоты, грибковых инфекций и желудочно-кишечных расстройств. Они все превратились в ходячие раны, неустанно шагающие по льду. Все кости ныли, все мышцы пульсировали, все вздохи отдавались болью.

Доктор Эмблер не успевал вести учет всех растяжений, судорог, ушибов и мышечных спазмов. У него кончались обезболивающие препараты. У некоторых моряков развивались мелкие моторные тики в руках и ногах, а также язвы от обморожения. Глаз Даненхауэра снова воспалился, и Эмбер счел это особенно тревожным. Чипп так мучился от своего вероятного отравления свинцом, что стоял одной ногой в могиле. Ноги Хайнриха Каака покрылись ужасными кровавыми мозолями. Гнойная рана на ноге у Алексея никак не заживала, хотя Эмблер исправно смазывал ее раствором коллодия и накладывал чистые повязки. Эрихсен ночами не спал от сильной зубной боли, а Лаутербаха мучили такие сильные спазмы, что, по словам Делонга, казалось, будто им «в любую минуту придется устраивать похороны».

Одни страдали от частых судорог. Другие словно постепенно сходили с ума. Их постоянными спутниками были голод и жажда.

Палатки протекали. Меха воняли. Сапоги размякли и при каждом шаге плевались холодной морской водой. В их ежедневном труде чувствовался новый подтон отчаяния. Вся их миссия – достичь открытой воды – с каждым днем казалась все более сомнительной, поскольку три деревянные лодки, которые они тащили за собой, были уже так сильно побиты (и стали, по словам Даненхауэра, «дырявыми, как решето»), что неизвестно было, поплывут ли они вообще, когда их удастся спустить на воду.

Собаки тем временем так изголодались, что принялись жевать свою кожаную упряжь. Они пришли в такое возбуждение, что стали практически бесполезны. «Они постоянно запутывались и завязывали поводья в узлы, – писал доктор Эмблер, – тем самым испытывая всеобщее терпение и вызывая нескончаемые потоки брани». Правда была в том, что собаки медленно умирали с голоду. «У каждого был любимый пес, с которым он делился пайком, – писал Даненхауэр, – но этого было мало». Самых слабых и голодных псов начали мучить эпилептические припадки. Собаки умирали одна за другой, вынуждая людей тащить все больше и больше груза.

Но многие моряки уже не справлялись с нагрузкой. Некоторые не могли ходить. Другие не могли даже стоять. Их Делонг называл «беспомощными». Мелвилл свидетельствовал, что их лагерь представлял собой «печальное зрелище» и по сути был «грудой тряпья, мешков и старых, побитых лодок».

Пока что Делонгу удавалось поддерживать дисциплину, не прибегая к силе. На самом деле он не нанес ни единого удара за весь период экспедиции. И все же в воздухе витали раскольнические, возможно даже мятежные мысли. Не то чтобы кто-то считал, что станет лучшим лидером, чем Делонг. Не то чтобы кто-то лучше знал, куда идти и что делать. Если бы недовольство распространилось среди моряков, поднялось бы восстание, основанное лишь на общей досаде. Незначительные личностные недостатки многократно усилились. Пустяковые оплошности теперь казались преступлениями. Всех охватил праведный гнев.

У Делонга возникли трудности с двумя гражданскими учеными. Ньюкомб оказался совершенно бесполезен – он вообще не работал, по словам доктора Эмблера, занимаясь лишь «пустяками». День ото дня он плелся в конце колонны, без остановки ворча на офицеров.

Мелвилл считал Ньюкомба «бесполезным и неинтересным». Молодой натуралист был самым слабым и тщедушным членом группы и в то же время самым упрямым. Эмблер не знал, что с ним делать. «Он до сих пор не научился подчиняться без разговоров, – писал доктор, – и это не доведет его до добра».

Ситуация с Коллинзом тем временем только ухудшилась. Взаимная ненависть Коллинза и Делонга стала пагубной. Делонг держал Коллинза под своеобразным домашним арестом, изолируя его от остальных, возможно из опасений, что он действительно решит устроить бунт. Остальные офицеры, казалось, дружно презирали ирландца. Хотя он отлично стрелял, в остальном он был неуклюжим и неловким и на льду часто становился обузой. По словам Мелвилла, он ковылял, как «ирландская корова». В какой-то момент Делонг раздраженно крикнул Коллинзу: «Чтобы я больше не видел, как вы касаетесь чего-то без моего приказа!» По крайней мере, в своем тоскливом одиночестве Коллинз перестал сыпать каламбурами.

Перед лицом всех невзгод Делонг продолжил украшать свой дневник на редкость сдержанными высказываниями. Смотри на мозаику растрескавшегося льда, плавающего в талой воде, на пересечение которой нужна была не одна неделя, он стоически предсказывал: «Мы справимся». Почти неделю не в силах сориентироваться из-за густого тумана, Делонг лишь писал, что они «не знают своего точного местоположения». Попав в сильнейший снегопад, он заметил, что погода «далека от удовлетворительной». Провалившись в трещину и по шею погрузившись в ледяную воду, капитан иронично упомянул, что в тот день по пути «возникли проблемы».

Трудиться, как вол, и продвигаться всего на милю-другую в день, по мнению Делонга, было «довольно обидно». Но он словно видел вызов в этих страданиях – они его лишь раззадоривали. Его характеризовали удивительная стойкость к боли, неприятие любых признаков слабости и стальная рабочая дисциплина. Откуда он только черпал силы? Это был настоящий мазохизм, тем не менее подкрепляемый его верой. Он почти никогда не терял оптимизма.

Обратившись к дневнику в конце одного особенно ужасного дня, он написал: «Усталый, замерзший, промокший, голодный, сонный, разочарованный и опечаленный, я все же готов продолжить завтра».

Кое-кто разделял настойчивость и оптимизм Делонга. Среди матросов выделялись Найндеман, Луи Норос, Бартлетт, Суитман и Эрихсен. Они были крепкими, как быки, не поддавались болезням, всегда заботились о других и демонстрировали несгибаемую волю. Из офицеров опорой Делонга был Мелвилл. Механик ни разу его не подводил.

И все же Делонг понимал, что даже с такими людьми этот бросок через лед был почти невыполним – в физическом, духовном и психологическом отношении. «Нет в мире работы тяжелее этой, – писал он. – Мы тянем, тянем, порой сани подсакивают и соскальзывают, лямка вдруг натягивается на груди, но мы идем вперед и рубим твердый лед кирками, отчего у нас ноет каждая кость. Людям *не под силу* такое... десять с половиной часов каждый день, без срывов».

Эмблер пошел дальше и предположил, что «таким трудом человек никогда прежде не занимался и, надеюсь, больше никогда не займется». Вспоминая о том, как сидел в лагере для военнопленных во время Гражданской войны, он добавил: «Я видел людей в тяжелые времена, но равных этим мне лишь предстоит увидеть. Мы в пути уже 40 дней, и нам приходится преодолевать всевозможные... трудности, но никто и не думает роптать. Сегодня, после 19 часов работы, все веселы и засыпают с улыбкой на губах».

Делонг не мог не согласиться с Эмблером, но при этом видел, что душевные силы людей уже на исходе. Запасы пеммикана стремительно таяли, а животных давно не было видно. Не было видно и открытой воды – казалось, во все стороны тянется бесконечная движущаяся масса слякоти и трескающихся льдин. Не было никаких ориентиров, а на горизонте не маячила цель, к которой можно было бы стремиться. До сибирского побережья все еще оставалось более пятисот миль. И Делонг понимал, что времени у них оставалось все меньше: короткое арктическое лето близилось к завершению, и вскоре они могли остаться в ловушке на зимнем льду.

Однако в этом случае лед хотя бы стал бы твердым. Он хотя бы превратился бы в надежную опору, по которой стало бы легче шагать. В летнем льду не было никакого порядка и никакой жесткости. Казалось, все его характеристики – его цвет, текстура, твердость,

расширяемость, кристаллическое строение, точки разрушения, склонность к сдвигам, потенциал образования трещин, способность поглощать или отражать свет – были крайне нестабильны.

Именно это Петерман и называл палеокристиническим морем. Оно образовалось в результате тысячелетнего воздействия стихий на замерзающий, тающий и снова замерзающий лед. Можно было хоть целый день смотреть на него и не заметить никакой целостности. Игольчатый лед сменялся полосками луж, густым снегом, неровными пластами нового льда, вязкой слякотью, полыньями открытой воды, забросанными осколками полями сражений, спектрально синими скульптурами из древнего льда и обточенными ветром снежными волнами, которые русские называли застругами. Логика пака, его силы притяжения и отталкивания оставались непостижимыми. Это было воплощение случайности.

Шлепая по лужам, моряки пытались найти какую-нибудь закономерность, хоть что-то предсказуемое и полезное, чтобы занять свои мысли. Но ничего не обнаруживалось. Тающая ледовая шапка словно бы представляла собой арктическое следствие числа пи – последовательность, которая никогда не повторяется и не оканчивается. Каждая ломаная льдина, каждая поблескивающая трещина, каждый торос и каждый хребет таили в себе все новые загадочные элементы.

Сначала Делонг искал подходящие слова для описания этого удручающего свойства льда. На страницах своего дневника он использовал все новые и новые эпитеты. Он писал о «безобразных брешах», о «диких и растрескавшихся» полях, об «испещренных полыньями заторах», о «похожем на гипс льде», о «трещинах, которые виляют из стороны в сторону и становятся тонкими прожилками между напирających друг на друга льдин», о «жутких торосах и завалах» и о «загадочных массах льда и воды». Наконец, он словно бы устал от этих поэтических описаний и остановился на единственном слове, которое заключало в себе все: хаос. «Ужасный хаос», писал он, «гадкий и мерзкий хаос», «страшный хаос... проклятого льда», «бессвязный хаос», «хаос движущегося льда», «один большой хаос», «скользящий, непостоянный хаос».

Именно это Петерман и называл палеокристическим морем. Тысячелетнее воздействия стихий на замерзающие, тающий и снова замерзающий лед. Можно было хоть целый день смотреть на него и не заметить никакой целостности.

Другая проблема с этим нестабильным льдом заключалась в том, что на нем почти невозможно было найти пресную – полностью пресную – воду. Делонг велел ответственным за воду морякам соскабливать снег и лед только с самых высоких торосов и даже там откалывать верхний слой толщиной как минимум в дюйм. Полученная таким образом вода казалась нормальной на вкус, однако, когда доктор Эмблер проверил ее при помощи нитрата серебра, тест показал тревожный уровень солености. Вывод был очевиден: соль насквозь пронизывала этот ледяной мир и проникала даже в самые высокие, в самые безопасные его точки. Более месяца они, сами того не понимая, пили солоноватую воду, добавляя соли в свою и без того соленую пеммикановую диету. Делонг сумел опровергнуть еще одно из множества опасных заблуждений Августа Петермана: теория покойного картографа о том, что лед служит бесконечным источником пресной воды, по словам Делонга, «потерпела крах».

Сложно было сказать, какие из множества проблем со здоровьем были связаны с постоянным приемом соли. Делонг особенно переживал из-за цинги, которую многие связывали с избытком соли, а потому повысил ежедневные нормы выдачи концентрированного лаймового сока. Но капитан понимал, что так они долго не протянут. Нужно было найти источник пресной воды.

Моряки попытались создать праздничное настроение в тот День независимости, с радостью сняли снежные очки с тонкими прорезями в линзах и отбросили все мысли о навигации среди «хаоса». Но Делонг уединился в своей штабной палатке и предался нехарактерной для себя печали. Он растворился в горьковато-радостных воспоминаниях и в мыслях перенесся на три года назад. «Все наши флаги развеваются в ознаменование этого дня, но для меня он весьма печален, – писал Делонг. – Ровно три года назад «Жаннетта» получила

свое имя в Гавре. Много хорошего было сказано в тот день и много надежд возлагалось на это судно, но теперь все они пошли ко дну вместе с кораблем. Я и представить не мог, что три года спустя мы будем шагать по льду, готовясь рассказать о кораблекрушении всем доброжелателям, которые ждут нас дома».

В тот прекрасный день в Гавре Эмма стояла рядом с мужем, а Беннетт обещал послать Стэнли в Арктику, если «Жаннетта» столкнется с трудностями. Но на самом деле Делонг понимал, что ни одной спасательной экспедиции не найти ни его, ни его моряков. Беннетт не мог им помочь, как не могла помочь и страна, которая собиралась отметить свой 105-й день рождения, как только солнце взойдет на дальней стороне земного шара. Американские флаги, развевающиеся над палатками, казалось, лишь дразнили Делонга, символизируя беспомощность его родины и его безнадежное одиночество. Он знал, что у него осталась лишь одна надежда – попытаться удвоить усилия. Им предстояло спастись самим.

И все же ответственность за сохранение человеческих жизней висела на нем тяжким грузом. «Я в долгу перед теми, кто отправился со мной, и обязан вернуть всех домой, не жалея на это ни душевных, ни физических сил», – писал он позже в тот же день. Он должен был «взглянуть опасности в лицо... и научиться использовать ее себе во благо».

Через восемь дней, 12 июля, удача, казалось, наконец улыбнулась Делонгу. Тем утром на горизонте что-то замаячило. Данбар, как всегда, увидел это первым. Он сильно обогнал остальных, отмечая дорогу черными флагами. На мгновение облака на юге расступились, и Данбар увидел остров – большой, блестящий, покрытый горами. Затем облака столь же быстро сомкнулись, и Данбару осталось лишь гадать, не обмануло ли его зрение.

Немного позже, после ужина, облака снова расступились, и на этот раз что-то заметили почти все моряки. «Перед нами предстало яркое видение», – написал Мелвилл. Все возликовали. Даненхауэр описал увиденное как «горбатый уступ, весьма похожий на покрытый снегом остров», хотя он и казался столь «сильно искаженным атмосферными явлениями», что «многие бы не поверили, что он вообще существовал». Делонг был настроен скептически. «Там было

что-то, определенно *напоминающее* землю, – признал он, – но туман принимает так много призрачных форм, что уверенным здесь быть ни в чем нельзя».

И все же видение возбудило интерес капитана в достаточной мере, чтобы он достал планы Петермана и изучил примерную топографию Новосибирских островов. По его расчетам, в настоящее время до ближайшего к ним известного острова – обозначенного у него на карте как «остров Фаддеевский» – оставалось более 120 миль в юго-западном направлении. Он лежал слишком далеко, чтобы быть той неясной громадой, которую моряки разглядели на горизонте. «Я не могу поверить, что сегодня мы видели землю», – заключил Делонг и счел увиденное миражом.

Но на следующий день моряки снова заметили остров. Теперь его очертания проступили так отчетливо, что сомнений не осталось. «Солнце освещало южный горизонт, – писал Мелвилл, – и земля была прекрасно видна. Синие вершины ее гор стремились к небесам, внизу темнели лед и вода, а наверху парило ослепительно белое облако». По словам механика, «видение было совершенным». «Оно вдохнуло в нас новую надежду, – написал он, – как вторая Земля обетованная».

Делонг скорректировал маршрут и повел моряков к земле, решив, что это все же остров Фаддеевский. В тот момент тон марша существенно изменился. Земля могла сулить пищу, пресную воду, дерево и возможность спасения. Более того, к земле можно было стремиться. Она могла стать их целью, их фокальной точкой. До острова оставалось еще много миль. Но его вид заряжал всех энергией. Моряки с новой силой тянули ляжку, подчиняясь зычной команде Найндемана: «Ну-ка, взяли!» У них открылось второе дыхание. «Каждый тотчас превратился в Геракла», – заметил Мелвилл.

Чем ближе они подходили к острову, тем чаще встречали животных. В небе парили чистики, розовые чайки, кайры, беринговы бакланы и другие птицы. Впереди на льду виднелись силуэты морских млекопитающих. 14 июля с позволения Делонга Коллинз взял многозарядный винчестер и пошел на охоту. Через час он вернулся с тюленем. Моряки так изголодались по свежему мясу, что Делонг даже не стал сначала подвешивать тушу, чтобы она сперва успела остыть. Они разделали тюленя прямо на месте, вытащили жир и кости и

разрезали теплое мясо на маленькие кусочки, которые быстро сварили в бульоне из говяжьего экстракта.

Кушанье получилось отменным. «Этот пир я долго не забуду, – признался Делонг. – Нам казалось, что мы поужинали в «Дельмонико». Эмблер дал более сдержанную оценку трапезе. Сначала, по его словам, «было очень вкусно», и он «съел немало, но к концу блюдо потеряло свой вкус». После обеда они выплавили из жира ворвань, которой смазали протекающие сапоги и палатки.

Через несколько дней Коллинз и Эмблер вместе пошли на охоту и вернулись с более крупной добычей – моржом. Коллинз первым поразил плавающего зверя и попал ему рядом с глазом. «Морж нырнул глубже, – писал Делонг, – и мы уже решили, что больше его не увидим». Но через несколько секунд моряки услышали глухой удар и заметили, как из-под ледовой корки выплескивается кровь. Эмблер подбежал к моржу и пять раз выстрелил ему в голову. Данбар подоспел с ножом, продырявил один из ластов зверя и пропустил сквозь него веревку, когда морж уже начал тонуть.

Совместными усилиями моржа притащили в лагерь. Это был молодой самец весом полторы тысячи фунтов. Делонг обрадовался этой удаче. «После разделки вырезки, филе, сердца, печени, мозга и ластов хватит нам как минимум на три трапезы, – написал он. – Вдоволь достанется и собакам». Когда моряки разделали моржа, у него в желудке обнаружили креветки, анемоны, морские огурцы и корюшка. В дело пошла вся туша. Шкуру разрезали на куски, чтобы обновить подошвы, жир переплавили в ворвань для смазки и розжига печей, костями укрепили побитые сани, а бивни отдали в качестве трофеев двум стрелкам, Коллинзу и Эмблеру, которые впоследствии использовали их в качестве ледорубов. Делонг счел получившееся жаркое «превосходным», хотя и «не таким вкусным, как тюлень, поскольку мясо было более жестким и не таким сладким». Ньюкомбу вареная шкура показалась «похожей на свиную голяшку – с уксусом она была бы весьма хороша».

Через четыре дня их запасы снова пополнились. 24 июля моряки заметили молодого белого медведя, мех которого перепачкался и стал коричневым от постоянных вылазок на землю. Алексей и Анегин некоторое время преследовали зверя и сделали издали два выстрела, но не попали. Через несколько часов медведя увидел Карл Гёртц. Зверь

бродил в пятистах ярдах от лагеря, очевидно чуя запах томящегося на огне моржа. «Гёртц незаметно подобрался к нему на расстояние около сотни ярдов, – написал Делонг, – и метко выпустил две пули».

Блюда из медвежатины превзошли даже недавние лакомства. Используя пустые жестянки из-под пеммикана, матросы приготовили стейки и ребра. Затем, по свидетельству Мелвилла, они «зажарили лапы и сделали жаркое из боков, используя его жир в качестве топлива». Два дня спустя туши как не бывало. За несколько трапез они расправились с пятисотфунтовым полярным медведем.

Можно без преувеличения сказать, что свежее мясо оказало целительное воздействие на моряков. В лагере снова стал раздаваться смех. Вернулось любопытство. Пополнился запас жизненных сил. Все, включая Чиппа, покинули список больных. По дороге к острову моряки по новой затянули удалые песни.

На несколько дней земля исчезла в густом, тяжелом от влаги тумане. Животных становилось все больше, что можно было считать верным признаком приближения к острову, но моряки не знали наверняка, сколько еще осталось до его берегов. Однажды, пока сам остров оставался скрытым за белой пеленой, облака над лагерем расступились и Делонг смог точно определить их местоположение. Результаты измерений оказались так удивительно хороши, что, собирая инструменты, капитан велел Мелвиллу незамедлительно сообщить их всей команде.

«Ребята! – громким басом провозгласил механик. – Капитан говорит, за последнюю неделю мы прошли 21 милю – и течение теперь нам благоприятствует». Лед больше не смещался на север быстрее, чем они спускались на юг, тем самым нейтрализуя все их усилия. Они наконец-то двигались вперед.

Моряки радостно закричали и, по свидетельству Мелвилла, с «новым рвением» взялись за работу, нащупывая путь в густом тумане.

Именно в эти радостные, но полные сомнений дни доктор Эмблер заметил живую бабочку, которая порхала среди льдов. Она была такой прекрасной и такой неуместной в этих краях, что моряки лишь улыбались, пораженно наблюдая за ее полетом. Бабочка! Они уже больше двух лет не видели этих хрупких созданий. По словам Делонга, она явно не могла быть «завсегдатаем» льдов и, «скорее всего, прилетела сюда с земли» – с земли, которая уже была совсем близко и

давала достаточно тепла и стабильности, чтобы поддерживать столь невероятную на севере жизнь.

Переживая душевный подъем, моряки пошли дальше.

По дороге к острову один из моряков вернулся в список больных. Им стал Даненхауэр – его сифилитическая слепота становилась все хуже. Доктору Эмблеру приходилось уделять ему все больше и больше внимания. Глаз Даненхауэра, по свидетельству врача, «опух, воспалился и покраснел». Эмблер считал, что Даненхауэру снова может понадобиться операция, но большинство необходимых для процедуры инструментов пошли на дно вместе с кораблем. Доктору оставалось лишь обрабатывать глаз хинином, делать противовоспалительные компрессы и время от времени продувать проблемную область. Но ситуация не улучшалась.

Еще хуже состояние Даненхауэра делало его категорическое нежелание признавать наличие проблемы. Он утверждал, что видит прекрасно – и, судя по всему, сам в это верил. Однако во время марша он постоянно проваливался в ямы и натыкался на мельчайшие препятствия. На его больной глаз была наложена повязка, а здоровый прикрывали снежные очки; вызванные сифилисом нервные тики пагубно сказывались на его способности поддерживать равновесие – по словам Эмблера, штурман стал настоящей «обузой». Однако гордость Даненхауэра и его желание не подводить товарищей не позволяли ему этого признать. Он настаивал, что может тащить поклажу наравне с остальными, – и вообще считал себя едва ли не самым сильным на льду.

После нескольких дней споров между Эмблером и Даненхауэром Делонг решил вмешаться. Он вызвал штурмана в штабную палатку. «Вы ничего не видите, – сказал Делонг. – Это очевидно по тому, как вы спотыкаетесь».

Даненхауэр запротестовал. Напротив, сказал он, он был здоров и полон сил и видел не хуже любого другого.

Делонг перебил его: «Даненхауэр, вы нас задерживаете! Вы мешаете в любом деле, где пытаетесь оказать свою помощь».

«Но что же мне делать?» – спросил штурман.

«Я отказываюсь давать вам работу, пока доктор Эмблер не вычеркнет ваше имя из списка больных. А пока займите место в

больничных санях».

Когда Даненхауэр попытался объясниться, Делонг снова его оборвал: «Вы отстранены».

Штурман стал настоящей «обузой». Однако гордость Даненхауэра и его желание не подводить товарищей не позволяли ему этого признать.

Даненхауэр вышел из палатки подавленным. Он снова показался доктору Эмблеру и занял место в больничных санях, в которых его потащили за собой, как многие фунты пеммикана. Эмблер глядел на Даненхауэра с презрением. Он помнил, что в Вашингтоне решительно советовал Делонгу не брать Даненхауэра в экспедицию, и надеялся, что этот сифилитик теперь страдал от «угрызений совести» за то, что отправился в Арктику, прекрасно зная, что «он болен и может выйти из строя». До жути упрямый, Даненхауэр «скрывал это до последнего».

Теперь болезнь Даненхауэра угрожала не только ему самому, но и другим морякам. Эмблер писал: «Сомневаюсь, что хоть кому-то раньше приходилось мучиться... с таким пациентом». Но вскоре Эмблера поглотили другие мысли. Он вспомнил, что настал день рождения его невесты, оставшейся в Вирджинии, и написал в своем дневнике: «Маленькой леди... уже двадцать один год. Мы прекрасно провели этот день 3 года назад». Сидя в одиночестве за ужином, Эмблер «выпил за ее здоровье лучшего из доступных мне напитка – чая из жестяной кружки».

Моряки все дальше шагали сквозь туман. Несколько раз облака расступались и обнажали остров, но лучи преломлялись так причудливо и необычно, что невозможно было понять, насколько он далеко и каково состояние окружающего его льда. Делонг изучал все изменения в подзорную трубу. «Чем дальше я смотрел вперед, тем более приходил в замешательство», – писал он. Эмблер в своем дневнике замечал: «Остров словно бы отдалялся по мере приближения к нему». Сначала казалось, что он окружен льдом, но через пару мгновений вокруг него уже виднелось открытое море. Затем он и вовсе

исчезал, чтобы через некоторое время появиться снова. «Я сидел и изучал его в течение часа, наблюдая за всеми изменениями, – писал Делонг. – И был совершенно сбит с толку».

Столь же загадочным Делонгу представлялся вопрос, к какому именно из Новосибирских островов они приближаются. Он снова раскрыл планы и карты и теперь пришел к выводу, что это один из Ляховских островов (Большой и Малый Ляховские острова – самые южные в Новосибирском архипелаге). Но если это действительно был один из Ляховских островов, то его карты были составлены очень плохо и расходились с действительностью более чем на сто миль. Внимательнее изучив остров, Делонг понял, что не учел другой возможности: может, этот остров вообще не входил в группу Новосибирских островов? Может, это был *новый* остров, который, как и остров Генриетты, прежде не был известен и не попадал на карты? «Я снова тешу себя надеждой, – восторженно написал Делонг, – что мы сделали еще одно открытие».

Туман стал плотнее, и на несколько дней остров пропал из виду. И все же моряки точно знали, что приближаются к нему, потому что слышали бесконечный треск льдов, ломающихся у берега, и гомон миллионов морских птиц. Часто они видели и самих птиц, которые летали у них над головами с зажатой в клювах пищей.

28 июля облака расступились и засияло солнце. Остров вдруг предстал перед моряками во всем своем великолепии. До него оставалось менее мили. Самая высокая точка суши возвышалась на несколько тысяч футов над растрескавшимися льдами океана. Остров был значительно крупнее островов Жаннетты и Генриетты и покрыт массивными ледниками. Его мысы поросли мхом, а отвесные утесы были кое-где заляпаны птичьим гуано. Мелвилл видел «перпендикулярные громады черных базальтовых скал, тут и там расцвеченные пятнами лишайников и покрытые перегнившей растительной массой неизвестного возраста». Повсюду на острове высились «гигантские пики, изрезанные и припудренные стараниями неумолимого времени».

Моряки сняли затемненные очки, бросили ляжки и ахнули. Ньюкомбу остров показался «землей стремительных потоков, ледников, огромных, неприступных скал и утесов нетронутой

красоты». В небе тысячами летали чайки, кайры, моевки и чистики, своими стаями «заслоняя солнце». Оглушительные крики птиц сопровождались другим звуком, монотонным басовым гулом, который Ньюкомб назвал «жужжанием, подобным жужжанию огромного пчелиного роя». Это был гомон птиц, которые пихались, толкались, шуршали и ворковали в тысячах ниш и укромных гнездовий. Это было гудение самой жизни.

Увиденное поразило моряков, и некоторые не смогли сдержать слез. Никогда прежде они не видели и не слышали столько живых существ, собравшихся в одном месте.

Как бы близко ни был остров, Делонг понимал, что добраться до него будет непросто. Простиравшийся до самого берега лед представлял собой опасный круговорот «смешения и неразберихи» – капитану казалось, что препятствий на нем хватит, чтобы «сдержать самого Голиафа». Эмблер счел, что там «сам черт ногу сломит». И все же все так обрадовались появлению острова, что Делонг решил использовать вновь обретенные силы для более продолжительного рывка.

Когда 29 июля они высадились на каменистый берег, Делонг собрал всех измученных моряков, чтобы сделать объявление. Ему пришлось кричать, чтобы его было слышно среди гомона птиц. «Эта земля, к которой мы так долго шли, – сказал он, – открыта нами. От имени президента я объявляю ее владением Соединенных Штатов».

Последовало троекратное ура, и моряки разошлись по острову, чтобы найти дерево для костра. Хотя они еле волочили ноги – «все измотаны донельзя, – писал Делонг, – и не могут идти дальше», – им нравилось наконец ступать по твердой земле. За исключением небольшого отряда, который под командованием Мелвилла высаживался на острове Генриетты, команда «Жаннетты» не ступала на сушу 697 дней. Доктор Эмблер наслаждался удивительным чувством «обновления электрического взаимодействия его тела с землей».

Вскоре на каменистом пляже затрещал костер. Над лагерем Делонга взвились американские флаги – и на этот раз ему показалось, что они его уже не дразнили.

Глава 31

Восемь драгоценных дней

Сначала звука не было – из глубин земли, скорее, исходила низкая вибрация. Большинство моряков, посапывавших в своих спальнях мешках из тюленьих шкур, было слишком измотано, чтобы ее заметить. Но затем земля, по словам Мелвилла, «качнулась и задрожала», «раздался далекий гул». Набирая силу и становясь все громче, этот гул прогнал птиц с насиженных уступов на утесах. Несколько моряков в палатках проснулись и спросонья озадаченно посмотрели по сторонам. Такого шума они еще не слышали, а такого ощущения не испытывали. Многие решили, что это землетрясение.

Делонг и другие моряки выскочили из палаток и недоуменно вгляделись в предрассветный арктический сумрак. По каменистым склонам ровно над ними катились камни. Оползень «приближался с невероятной скоростью», свидетельствовал Мелвилл.

К счастью, лагерь разбили на каменистой косе, отделенной от горы узким протоком. Подпрыгивая и громыхая, камни в конце концов падали в воду и «скрывались в пене, – писал Ньюкомб, – отчего брызги взлетали вверх на пятьдесят футов». Если бы не этот проток, по словам Мелвилла, они «оказались бы погребены под скатившейся массой».

Над лагерем поднялось облако пыли и песка. Моряки закашлялись, благодаря судьбу за спасение. Сам собой возник вопрос: не пытался ли остров их прогнать? Казалось, эта отвесная арктическая скала никогда прежде не видела человека и категорически возражала против высадки экспедиции. На берег, по словам Делонга, скатилось «чудовищное количество проклятых камней». Но его самого, казалось, близость катастрофы не особенно испугала. Он написал, что после всех лишений они «готовы ко всему и ничему не удивляются».

Однако кое-что Делонга все же удивило: остров, на котором они оказались, был довольно крупным. В первое утро, 30 июля, он отправил несколько групп на разведку в разных направлениях, и они принесли любопытные новости. Они обнаружили мысы, плато, вулканические кратеры, несколько ледников и бесчисленное

количество скалистых масс, испещренных угольными жилами. Моряки нашли обесцвеченные олени рога, образцы опала, аметистового кварца и базальтовой лавы, а также кости нескольких морских млекопитающих. На острове были следы медведей, лис, кроликов и куропаток. Сам же остров простирался на много миль – он был слишком велик, чтобы обследовать его за день-другой.

Оценив значимость их открытия, Делонг решил назвать это место островом Беннетта. По его мнению, остров теперь был частью США. «Я прибавил остров Беннетта к американской территории», – написал он и назвал высокий утес возле их лагеря мысом Эммы.

Площадь острова Беннетта составляет около шестидесяти квадратных миль, и в настоящее время он считается самым крупным фрагментом архипелага, называемого островами Делонга. Для сравнения: остров Генриетты, также входящий в этот архипелаг, представляет собой жалкий клочок земли площадью 4,6 квадратной мили. Самая высокая гора острова достигала 1400 футов в высоту; на острове было четыре ледника, один из них толщиной до 560 футов. На скалистом острове не было ни одного дерева, но большую его часть покрывали низкорослые растения тундры – полукустарники, травы, мхи и лишайники. Многие тысячи лет назад остров Беннетта был отдельно стоящей горой, которая возвышалась над позднеплейстоценовой равниной Берингии, некогда соединявшей Евразию с Северной Америкой, а затем поглощенной Северным Ледовитым океаном.

Пока моряки жили на острове Беннетта, капитана Делонга терзали противоречивые импульсы. С одной стороны, он хотел обследовать остров и составить карту, ведь это как-никак было первое значительное географическое открытие экспедиции. С другой стороны, он понимал, что арктические часы не обогнать. Выживание всей его команды зависело от того, насколько быстро они пойдут дальше к югу. И все же до отхода им нужно было набраться сил, залатать лодки и морально подготовиться к новому рывку. Делонг долго раздумывал над этой тонкой тригонометрией – отдых, обследование, продолжение марша, – понимая, что от его решения зависит судьба всех его людей. «Долгая задержка, – признавал он, – станет для нас весьма серьезной». Он не мог не обращать внимания, что на этом острове, как в пустынном оазисе, была жизнь, пускай и скудная.

Мелвилл склонял Делонга задержаться на острове и обследовать его. «Любой смелый человек, склонный к героизму», – писал он, поймет ценность этого обследования. Однако «слабый, боязливый или чересчур осторожный человек», по мнению Мелвилла, «постарается его избежать».

В итоге они провели на острове Беннетта восемь драгоценных дней. Их жизнь там во многом была настоящей идиллией – как выразился Мелвилл, «краткой передышкой от нашего утомительного труда». Они пили вкусную воду из ручьев, которые стекали с гор, прямо с ледников. Нагрев воду на костре, они впервые за несколько месяцев смогли помыться. Они не мерзли, благодаря тому что на пляже лежало достаточное количество прибитого к берегу дерева, которое часто сбивалось в заторы, которые напоминали Делонгу «развалившийся причал». Каменистую тундру покрывали прекрасные арктические цветы и съедобная ложечница – Делонг называл ее «серебряной травой», – благодаря которой их рацион удалось дополнить свежей зеленью.

В мясе недостатка не было. Повсюду летали морские птицы, стаи которых закрывали небеса; их гнезда были полны яиц. Отряды Делонга по его приказу поднимались на утесы и десятками убивали птиц, которые были так доверчивы, что охотнику достаточно было подобраться к ним и ударить камнем по голове. Их жестковатое мясо напоминало резину, но, приготовленное в медвежьем жиру, получалось весьма вкусным. Мелвиллу нравилось «пряное жаркое из бакланов, чаек, кайр и других морских птиц», а Делонг написал, что «более роскошного обеда и вовсе не помнит».

Остальным птицы сначала показались слишком жирными для своего строения. «Съесть их – все равно что съесть молодого поросенка, – писал Даненхауэр, – и почти всем нам стало нехорошо, включая даже доктора». Эмблер кратко заметил: «Птичья диета – старые жесткие, молодые нежные». Любитель птиц Ньюкомб лишь сказал, что эти крылатые существа «годятся» в пищу. Но вместе с салатами из ложечницы наваристое жаркое усваивалось лучше.

Делонг понимал, что обнаружение этого острова – подарок судьбы, неожиданная удача, которая улыбнулась им как раз в тот момент, когда он полагал, что моряки не смогут больше ступить ни шага. Теперь он видел, что с каждым днем силы команды

восстанавливаются. Глаза моряков снова блестели. «Похоже, нас направляло само Провидение, – писал он. – Нам есть за что благодарить судьбу: несмотря на тяжкий труд, все совершенно здоровы; аппетит прекрасен; мы спим крепко и не просыпаясь».

Остров Беннетта стал для Делонга настоящим убежищем и по другой причине – там капитану не приходилось так пристально следить за поддержанием дисциплины. Он велел Чиппу «дать команде всю свободу, какая только возможна на американской земле». В течение восьми дней, проведенных на острове Беннетта, Делонг давал морякам лишь легкие задания – исследовать берег, собрать образцы видов и геологических пород. Но в остальном он вел себя так, словно они прибыли в порт и взяли небольшой отпуск. Он чувствовал, что это жизненно важно для поддержания боевого духа и душевного равновесия всех моряков, включая и его самого. Им всем нужна была передышка.

Коллинзу снова было позволено общаться с командой и свободно передвигаться по острову, поэтому он вытащил блокнот и сделал точные наброски островной топографии. Даненхауэр тоже был волен поступать по своему усмотрению, при условии, что он не будет снимать повязку с глаза и постарается не рисковать собой, бродя по отвесным утесам над лагерем. Ньюкомб снова занялся тем, для чего его и наняли: в конце концов, он был натуралистом экспедиции и специализировался на орнитологии – а они оказались на девственном, неисследованном острове, где кишели птицы, многие из которых принадлежали к редким или малоизвестным видам.

Каждое утро Ньюкомб брал блокнот и дробовик и на целый день уходил на «вылазки», в основном в одиночку. Он наконец-то оказался в райском уголке. Именно поэтому он и вызвался сопровождать экспедицию – и впервые ему пришлось непосредственно обратиться к своему опыту.

Однажды он ушел в долину вздымающихся скал, которые «стояли, подобно огромному древнему замку». Его одновременно радовала и пугала мысль, что он первым шагает по древним камням. «Возможно, раньше здесь не ступала нога человека, – писал он, – и, смотря по сторонам, я был готов к появлению какого-нибудь гигантского рыцаря, который спросит меня, по какому праву я осмелился нарушить его покой».

В другой день Ньюкомб забрался на высоту 1200 футов по «очень опасным раздробленным камням», чтобы понаблюдать за колонией кайр – крупного вида чистиков. Ньюкомб готов был хоть целый день провести среди птиц. Он часами сидел, заворожено глядя на них с высокого уступа, покрытого красным лишайником и птичьим пометом. «Я даже завидовал уютному дому этих прекрасных созданий, – писал он. – Кайры сидели длинными рядами, как горожане на собрании, и громко шумели. Их крики эхом отдавались в каждой расселине. Никогда в жизни я еще не видел такого большого гнездовья птиц».

Спускаясь по отвесному утесу обратно, Ньюкомб по самую рукоятку вгонял в камни свой охотничий нож, чтобы не сорваться и не лишиться жизни. Вдруг он услышал, как кто-то снизу крикнул ему: «Берегитесь, сэр!» Это был Шарвелл, и он не скрывал своей паники. Обернувшись, Ньюкомб увидел лавину «огромных камней и комьев земли», которая шла прямо на него. Очевидно, из-за его движений наверху что-то сместилось и снежным комом покатилося вниз. «Заметив неподалеку утес, я поспешил скрыться за ним и успел как раз вовремя – смертельные снаряды пролетели мимо», – вспоминал Ньюкомб. Решив, что «чудом избежал гибели», он как ни в чем не бывало продолжил наблюдения за морскими птицами.

В лагере плотник Суитман творил небольшие чудеса морской инженерии. Все три лодки, как он обнаружил, сильно пострадали. Он сомневался, поплывут ли они вообще. У вельбота, к примеру, был сломан ахтерштевень и проломлен шпунтовой пояс – самые близкие к килю доски обшивки. Все лодки нужно было прошпаклевать, залатать и укрепить. Кроме того, необходимо было соорудить рангоут для грубо скроенных парусов, которые помогут им подплыть к сибирскому побережью.

Инструментов было мало, а в качестве материалов приходилось использовать разрозненные куски плавникового леса и кости моржей, но Суитман все же приступил к работе. Капитан, не покидавший лагерь для проведения барометрических измерений и астрономических наблюдений, с восхищением смотрел на плотника. Делонг справедливо полагал, что у Суитмана все горело в руках. Само собой, Мелвилл тоже предложил несколько идей, и через несколько дней все три лодки уже объявили готовыми к плаванию.

Найндеман, который обследовал южное побережье острова, тоже принес хорошие новости: в океане наблюдались достаточно крупные полыньи. Он сообщил Делонгу, что «на юго-западе видны широкие полосы воды, а лед постоянно сдвигается и открывает новые». Неподалику от их лагеря тоже начали появляться небольшие лагуны. Делонг понимал, что нужно хвататься за этот шанс. Ледяной мир наконец-то открывался, пускай и немного, и до конца арктического лета оставалось всего несколько недель.

На одном из деревьев, прибитых к берегу возле лагеря, Делонг заметил маленькую зарубку. Внимательно изучив ее, он пришел к выводу, что это след топора, а само поблекшее, серое дерево в свое время использовалось в качестве столба ограды. Оставалось только гадать, с какого континента или острова оно сюда приплыло, но Делонг обрадовался обнаружить его на этом пустынном побережье, ведь это был первый намек на цивилизацию за два года и первое напоминание о внешнем мире, не связанном с его текущими лишениями.

Лодки починили, и впереди показалась открытая вода, на которую их можно было спустить, поэтому найденное Делонгом обработанное дерево заставило его поверить, что там, за южным горизонтом, действительно было человеческое общество.

Однако, прежде чем отправиться дальше, Делонгу предстояло решить один важный вопрос: что делать с собаками? Из сорока ездовых псов, которых подняли на борт на Аляске, осталось двадцать три. Многие из них теперь были больны, истощены, слишком озлоблены и раздражительны, чтобы тянуть за собой упряжку. Делонг больше не видел смысла расходовать на них и без того скудные запасы пищи – до высадки на острове Беннетта они съедали по фунту пеммикана в день. Кроме того, все они просто не могли поместиться в трех лодках.

Собак пришлось выбраковывать. Делонг лично изучил каждого пса и посоветовался с Алексеем и Анегином, которые знали их лучше всех. Задача была не из легких, но в конце концов выбрали одиннадцать собак. «Они были совсем слабы или не уживались с другими, – написал Делонг. – Количество съедаемой ими еды не

компенсируется их трудом, а мне нужно прежде всего думать о человеческих жизнях».

5 августа он отдал приказ Эрихсену. Датчанин по очереди пристрелил псов за высоким торосом. Над утесами эхом пролетело одиннадцать выстрелов. Моряки поморщились при мысли о печальной казни. «Бедняги», – только и сказал Даненхауэр. Делонгу было особенно грустно из-за гибели Джима и Тома – они были его любимцами и настоящими трудягами. Его успокаивала лишь мысль, что осталось еще двенадцать здоровых собак, включая Лодыря, который стал талисманом экспедиции.

Делонг не собирался пускать в пищу ни одну из казненных собак. Моряки не желали питаться собачатиной, и к тому же капитан считал псов больными. Кроме того, проведя неделю на острове Беннетта, моряки уже не страдали от голода.

Похоронить псов в твердой, как сталь, вечной мерзлоте возможности не было, поэтому после небольшой церемонии их сбросили в море.

На следующий день, выбросив все ненужное и сократив количество саней, моряки принялись складывать весь груз в отремонтированные лодки. Их отпуск на острове Беннетта подошел к концу.

Они уходили очень вовремя. Дверь в лето, казалось, закрылась за одну-единственную ночь. Мир снега и льда стремительно возвращался. «За время нашей краткой стоянки многое изменилось, – писал Мелвилл. – Когда мы высадились на острове, вода ручьями стекала с ледника. Но теперь установилась зима... Ручьи пересохли, появился новый лед, а арктические цветы, которые так радовали наш глаз, стали быстро одеваться в зимний наряд». Делонг заметил, что после недели теплой погоды все вдруг начали «постоянно мерзнуть». Кое-кто даже колотил себя палками по ногам, чтобы восстановить кровообращение. Этот сомнительный метод, «хоть и вызывал некоторое покалывание, все же доставлял немало неудобств».

В половине десятого утра 6 августа – спустя пятьдесят пять дней с момента гибели «Жаннетты» – Делонг отдал приказ, и моряки спустили груженные лодки на мелководье. По словам Делонга, «день был в целом неважный»: -3°, слабый солнечный свет, пробивающийся

сквозь облака. Под тяжестью поклажи лодки дали большую осадку, но Суитман залатал их весьма надежно.

Прежде чем проститься с островом Беннетта, Делонг оставил послание в каменном туре, который Данбар построил на высоком утесе и обозначил веслом. В записке говорилось:

Остров Беннетта,
мыс Эммы.

76°38' с. ш. и 177°32' в. д. Мы сворачиваем лагерь и выходим на юг по льду в надежде с божьей помощью достичь Новосибирских островов и оттуда на лодках доплыть до берегов Сибири. У нас три лодки, провизии на тридцать дней и достаточное количество одежды. Мы все пребываем в добром здравии после нескольких дней отдыха на этом острове. Мы не понесли потерь и не страдаем от цинги. Хотя порой мы видим на юго-западе большие пространства открытой воды, пока мы не можем сказать, получится ли у нас продолжить путь на лодках или же нам придется и дальше тащить всю поклажу по льду.

Джордж В. Делонг,

*командующий американской арктической
экспедицией*

Затем они двинулись вперед. Три лодки шли под потрепанными парусами, поднятыми на шатких мачтах и дрожащих реях. Делонг в последний раз с гордостью взглянул на открытый ими остров, пик которого «возвышался, подобно собору... купаясь в облаках». Пока они плыли на юг, огибая крупные льдины, на них надвигалась зима. «Наш прекрасный остров, – писал Мелвилл, – окутала белая пелена... В последний раз мы увидели лишь его призрачный силуэт, выгнутый, как спина большого кита, и стремящийся к небесам, словно в попытке смешать свою снежную чистоту с серебристым величием облаков».

Мой дорогой Джордж, ты обрадуешься узнать, как всеобъемлющ интерес к судьбе «Жаннетты» и ее команды. Я получаю десятки писем и телеграмм. Само собой, газеты из

разных уголков страны жаждут взять у меня интервью, но я очень вежливо, хоть и твердо, отвечаю отказом на их просьбы. Я не хочу, чтобы мой муж брал на себя новые поручения. Я хочу, чтобы он был дома, а иначе я подам на развод!

Эмма

Глава 32

Известный мир

Настало время скелетного льда. Время конических луж талой воды, тупиковых каналов и водных загадок, которые почти невозможно разгадать. Льдины были слишком мягкими и пористыми, чтобы эффективно передвигаться на санях, но открытой воды не хватало, чтобы идти под парусом. Моряки медленно пробирались по ледяным лабиринтам, порой налегая на весла, а порой перетаскивая три свои лодки с одной тающей льдины на другую. Эти бесконечные трещины были «такими извилистыми и затейливыми, – писал Делонг, – что напоминали мне лабиринт в Хэмптон-Корте».

Делонг называл этот лед «скелетным», потому что он напоминал ему переплетение костей. Кладбище динозавров, плавающее в синевато-сером море. Ледяной реликварий – чистые белые ребра, крылатые позвонки, треснутые черепа с зияющими глазницами, белесые глазные яблоки, свободно плавающие в воде.

Пятнадцать дней они пробирались по нему, сквозь него и вокруг него. Порой они полдня шли по удобной трещине, которая постепенно сужалась и в конце концов исчезала вовсе. Порой им приходилось тащить за собой лодки, чтобы добраться до следующего канала. Или же они орудовали зубилами и кирками и с помощью веревок отводили в сторону крупные осколки льдин, чтобы открыть проход в следующий пролив. Так они рывками продвигались на юг: в один день им удавалось пройти девять миль, в другой – пять, в третий – двенадцать. «Очень тяжело, – писал Даненхауэр об этом комбинированном путешествии, – но гораздо лучше, чем тащить сани по снегу». Мелвилл называл их труд «титанической работой», говоря, что им приходилось идти «по лужам, запрудам, трещинам и торосам, проваливаясь в воду то по колено, то по шею».

Делонг старался идти рядом со льдинами, но не слишком близко к ним, поскольку их острые подводные грани могли повредить корпус лодок или выбросить их на мель. Волны постоянно подтачивали лед, испещряя его тоннелями и скрытыми пустотами. «Лед был очень ломким, – писал Делонг. – Много где возникали большие полыньи».

Мелвилл описал одну льдину как «подточенную волнами, которые неистово бились об нее, отчего брызги взлетали на высоту до двадцати футов, а там, где море насквозь проело в ней дыры, из-под льдины били тысячи фонтанчиков, словно мимо проплывал целый косяк китов».

Большинство моряков по несколько дней не покидали своих лодок. Они сидели в тесноте: одни налегали на весла, а другие отталкивали льдины и расчищали путь. Сидящие в трюмах коротали время, разминая затекшие ноги в холодной воде, капавшей с потолка. На обед они жевали пеммикан или хлебали говяжий бульон, сваренный из растопленного снега, плотно уложенного в трюмах. Хотя они двигались медленно и зачастую ужасно монотонно, но матросы не могли нормально поспать и даже расслабиться, поскольку лодки часто давали течь, заставляя их снова и снова вычерпывать воду.

Мало того, три лодки были так нагружены людьми и припасами, что любое волнение на море влекло за собой опасность. Порой узкие проливы выводили моряков в заснеженные бухты, где лодки, по выражению Мелвилла, «скакали и прыгали, как цирковые лошади». Боясь, что одна из лодок точно перевернется, Делонг не видел иного выхода – нужно было на треть сократить общую массу.

Капитан принялся выбирать вещи, которые можно бросить. Он составил подробнейшую опись всех до единого предметов экспедиции – в нее вошли каждая катушка ниток, каждый комок шпаклевки, каждый фрагмент дерева, каждый топор, напильник и шило, – и вычеркнул из него все, в чем не чувствовал крайней необходимости.

Но самыми тяжелыми и громоздкими предметами в описи, за исключением деревянной шлюпки, оказались длинные сани с крепкими дубовыми полозьями, на которых моряки перевозили шлюпки. Покинув остров Беннетта, Делонг положил сани поперек лодок, из-за чего они теперь напоминали огромные деревянные крылья, которые неуклюже стучали по воде и заставляли лодки качаться из стороны в сторону. «Сани, – писал доктор Эмблер, – доставляют нам массу неудобств: они торчат по обе стороны кормы, тормозят наше продвижение и мешают править лодкой».

Решение напрашивалось само собой. Однако ставки были слишком велики. Отказ от саней сулил экспедиции очередные метаморфозы: она должна была стать полностью водной, а значит,

моряки лишались возможности при необходимости передвигаться по льду. Сани нужно было разобрать на дрова, а остаток пути до сибирского берега пройти на лодках. Если же они снова наткнутся на широкую ледовую полосу, им не на чем будет перевезти хрупкие лодки, и кили окажутся безнадежно проломленными при движении по неровному, испещренному ямами и ухабами льду. Кроме того, тащить тяжелые лодки без саней станет для изнуренных людей Делонга практически непосильной задачей.

Делонгу оставалось лишь надеяться, что природа больше не будет перекрывать им дорогу обширными ледовыми полями. Он понимал, что надежда довольно слаба, поскольку арктическое лето подходило к концу, дни постепенно становились короче, а ночи темнее. И все же была еще только середина августа и с каждым днем они продвигались все дальше на юг, приближаясь к 75-й параллели, из-за чего Делонг тешил себя мыслью, что лед продолжит расступаться перед ними.

Но наверняка он этого не знал. Делонгу были прекрасно известны описанные в арктической литературе истории потерпевших кораблекрушение моряков, которые погибали на удивительно больших льдинах в разгар удивительно теплого лета на удивительно южных широтах. Непредсказуемая Арктика порой сжимала свои тиски, усугубляя все человеческие ошибки. Уничтожение саней, с одной стороны, способствовало повышению безопасности моряков, но с другой – вполне могло стать причиной их гибели.

Однако пустить сани на дрова нужно было как можно скорее – запасы спирта для печей стремительно подходили к концу. Дрова позволили бы хотя бы несколько дней не расходовать драгоценное топливо. Как только они нашли подходящую льдину, чтобы причалить и разбить на ней лагерь, Делонг велел Суитману и Найндеману разломать сани и шлюпку. Дрова планировалось экономить и использовать только для готовки, но не для обогрева. Тем вечером, пока на потрескивающем пламени готовился скромный ужин, некоторые моряки задумались, не их ли погребальные костры горят у них перед глазами.

Делонг тем временем обратил свое внимание на двенадцать оставшихся собак. Проблема заключалась не в их весе, а в их непредсказуемом поведении. Они не находили себе места на лодках, и всякий раз, когда они перебежали от борта к борту, на палубу брызгала

вода. Собаки становились опасны. Понимая, что нужно решить этот вопрос, Делонг все же медлил. Собаки могли снова понадобиться для перевозки поклажи (хотя теперь, когда сани уже разломали, это казалось сомнительным) или – не дай бог – для пропитания. Всем сердцем любивший собак, Делонг в идеале хотел сохранить всю дюжину, как он выразился, «до конца».

Но скоро в дело вмешался случай. Однажды, когда три лодки огибали большую льдину, четыре пса – Смайк, Армстронг, Дик и Волк – спрыгнули на лед и побежали прочь. Делонг довольно далеко ушел на первом катере и заметил это не сразу, а когда он обернулся, было уже слишком поздно. По его словам, «время было слишком дорого», чтобы тратить его на погоню за собаками, поэтому лодки поплыли дальше. Позже тем же вечером, когда моряки готовили еду и ужинали, издали донесся «жалобный вой» сбежавших псов, который эхом прокатился над паком.

Через несколько дней, когда удрали и другие собаки, Делонгу пришлось признать, что «гуманнее всего» пристрелить всех собак. Он не хотел, чтобы остальные псы тоже сбежали, а затем погибли от голода на льду. «К моему огромному сожалению, – написал Делонг, – собак пришлось казнить». Некоторые моряки ужасно расстроились, что пришлось убить так многих. Эрхсену было особенно жаль своего любимчика Принца.

В конце концов Делонг оставил двоих – Косматку и Лодыря. По свидетельству Даненхауэра, они были «единственными, кому хватало ума оставаться с нами». Но Косматка оказался слишком большим и неуклюжим, поэтому через два дня пристрелили и его. Из сорока собак, купленных на Аляске, теперь осталась лишь одна. «Я не буду убивать Лодыря, – поклялся Делонг, – пока его присутствие не станет опасным».

Тем временем глаз лейтенанта Даненхауэра воспалялся все чаще, особенно в солнечные дни. Хотя он носил повязку на левом глазу, а правый прикрывал снежными очками, его состояние лишь ухудшалось. Из больного глаза выделялось обильное количество слизи, и выглядел он, по словам Эмблера, «пугающе» – воспаление охватывало все большую область. Доктор лечил его йодом и хинином и ежедневно записывал свои наблюдения: «воспаленный», «мутный и налитый

кровью», «красный и налитый кровью», «проступили сосуды». Эмблер боялся, что ему придется провести Даненхауэру операцию по удалению глаза. У него не было ни подходящих инструментов, ни анестетика. Морякам пришлось бы держать Даненхауэра по рукам и ногам, пока Эмблер будет рашпилем удалять ему глаз, а притупить боль можно будет разве что небольшим глотком спиртного.

Как ни странно, Даненхауэр по-прежнему отрицал, что глаз доставляет ему серьезные неудобства, и настаивал, чтобы его назначили ответственным за одну из трех лодок. Хотя он был приписан к вельботу Мелвилла, он был старше Мелвилла по рангу, окончил Военно-морскую академию и служил штурманом, и теперь ему казалось, что его знаниями и опытом пренебрегают. Но Делонг ясно обозначил свою позицию в отношении Даненхауэра: пока доктор Эмблер не вычеркнет его из списка больных, Даненхауэру не позволят руководить другими людьми и своими действиями ставить их под угрозу.

Штурман негодовал. Он строил теории заговора. Он угрожал расправой и твердил, что по возвращении домой прибегнет к семейным связям и добьется принудительной отставки Делонга. Эмблер внимательно наблюдал за Даненхауэром и начинал подозревать, что его поведение граничит с помешательством. Доктор написал, что в «исключительной голове Даненхауэра родилась идея, что с ним обращаются несправедливо и что вокруг него плетут интриги, чтобы лишить его неотъемлемых прав. Он без конца досаждал нам требованиями вернуть его на службу. Я считаю, что человек в его состоянии... ни при каких обстоятельствах не может быть назначен ответственным за лодку и отряд людей».

Но Даненхауэра было не остановить. Он снова и снова приходил к Делонгу, требуя отдать ему вельбот Мелвилла. «Вы на больничном, сэр, – однажды ответил ему Делонг. – Вы не годитесь на должность командующего. Вы ничего не видите».

Даненхауэр категорически отрицал свою слепоту. «Я в состоянии выполнять свои обязанности».

«Я не могу позволить вам подвергнуть опасности жизнь других людей», – сказал Делонг, добавляя, что постоянные жалобы штурмана «не подобают офицеру».

«Мне считать это выговором?» – спросил Даненхауэр.

«Можете считать это чем угодно», – рявкнул Делонг и выпроводил штурмана из палатки.

20 августа, через четырнадцать дней после отплытия с острова Беннетта, моряки Делонга разбили лагерь на крупной льдине. Всю ночь они шли вперед и теперь пребывали в отличном настроении, поскольку на юге видели одну лишь открытую воду. Казалось, они наконец дошли до кромки скелетного льда и достигли открытого моря. Более того, утром Джордж Бойд крикнул Делонгу, что заметил на юго-западе землю.

Как всегда консервативный, Делонг поднес к глазам бинокль и сам изучил призрачный силуэт и хмыкнул, сказав, что у него «есть сомнения». Но к двум пополудни земля «показалась отчетливее». Изучив карты Петермана, Делонг снова почувствовал прилив оптимизма. По его словам, «сомнений быть не могло – это был остров Новая Сибирь». До него оставалось около двадцати миль. Новая Сибирь была невысоким, но довольно крупным островом – ее площадь составляла около четырех тысяч квадратных миль. Согласно комментариям Петермана, она была необитаема, но время от времени ее посещали охотники за окаменелостями, которых русские правители отправляли сюда за бивнями мамонтов.

Делонг обрадовался при мысли, что они наконец-то добрались до границ известного мира. Впервые с того момента, как двумя годами ранее их отнесло в сторону от острова Геральд, Делонг увидел перед собой землю, которая была нанесена на карту.

Предвкушая первое плавание по открытому морю, моряки большую часть дня и ночи залатывали обшивку, чинили рангоут, перераспределяли поклажу, набивали трюмы снегом и выбрасывали последние ненужные вещи. Тем вечером в своей палатке Делонг написал: «Надеюсь, завтра будет хорошая погода и с божьей помощью мы пустимся в плавание».

Но следующим утром Делонг вышел из палатки и не поверил своим глазам: к югу от них все было затянуто льдом. Ночью поднялся сильный ветер, который сдвинул ледовые поля с севера в сторону Новой Сибири. Путь к острову был заблокирован. Не было ни трещин, ни протоков – один сплошной лед. «Вокруг нас столько льда, – написал Делонг, – что кажется, будто мы вообще никогда и не плыли». Мелвилл не смог скрыть удивления: «Нет ни намека на воду. Ветер

сдвинул льдины вместе, и теперь кажется, что нам никогда не выбраться из этих пустошей».

Делонг отправил нескольких моряков проверить состояние льда. Новости были неутешительными: со всех сторон от них вздымались заснеженные торосы. Не было возможности обойти их ни на лодках, ни на санях. К тому же у Делонга уже не было ни самих саней, чтобы тащить лодки, ни собак – за исключением Лодыря, – которых можно было в них запрячь.

Он поверить не мог такой неудаче. Несколько часов назад путь был свободен, но теперь люди Делонга застряли здесь, снова став узниками льда. Ему ничего не оставалось, кроме как ждать и надеяться на очередную перемену ветра. Мелвилл писал: «Нам оставалось лишь ждать благоприятных перемен... поэтому мы так и поступили, уже привыкшие видеть лучшее во всех неприятностях». Доктор Эмблер начал подозревать наличие заговора. «Судьба, – писал он, – словно бы настроена против нас».

Целый день – а затем и два, и три дня – они оставались в ловушке на льду.

Целый день – а затем и два, и три дня – они оставались в ловушке на льду. Бездействие претило Делонгу. Они теряли драгоценное время и тратили не менее драгоценные ресурсы – и он совершенно ничего не мог с этим поделать. За тремя днями последовала неделя, но они по-прежнему не сдвинулись ни на миллиметр. В дневнике Делонга видно, как от страницы к странице нарастала его тревога. «Еще один потерянный день... День прошел зря... Прошел еще один никчемный день... Семь дней совершенно потеряны... Ничего не меняется. Лишенные мужества и сил, мы продолжаем потреблять продукты, не работая».

Хотя Делонг наполовину урезал пайки, их запасы таяли с ужасающей скоростью. У них было много пеммикана – около тысячи четырехсот фунтов, – но всего остального не хватало. Кончился сахар. Кончились галеты. Кончился лаймовый сок. Они съели почти весь

говяжий экстракт. Сварили последний кофе. Сожгли все куски разломанных саней. «Наше положение хуже, чем когда-либо, – написал Мелвилл. – Наше выживание теперь зависит исключительно от запасов еды».

У них закончился и табак – и по нему они скучали особенно. У нескольких моряков остались заначки, но большую часть табака уже скурили. Вместо него многие стали курить смесь чайных листьев и кофейной гуши, которая ужасно едко воняла, но немного притупляла их тягу к табаку. Кроме того, она давала им хоть какое-то занятие, позволяя отвлечься от тяжелого труда и скоротать время.

Сначала Делонгу пришлось не по душе новая табачная смесь, но затем его запасы тоже исчерпались, и он пересмотрел свое отношение. «Полагаю, завтра мне придется с ней смириться, – написал он, – поскольку сегодня после ужина я выкурю последнюю трубку табака».

Через несколько дней Делонг заметил, что стал нервным и раздражительным: «Признаюсь, я отчаянно хочу курить». Но вскоре ему на помощь пришел неунывающий Эрихсен. Датский здоровяк «передал ему небольшой сверток с ценным продуктом». «Я отказывался взять больше щепотки, – писал Делонг, – но он настаивал, уверяя, что в палатке номер 6 есть запас на несколько дней». С огромной благодарностью приняв подарок, Делонг тут же поделился табаком с Эмблером и Найндеманом.

Тем вечером после ужина Делонг уселся, чтобы с удовольствием покурить. «Ну... Жив, курилка!» – только и написал он.

Через несколько дней Делонг исчерпал подарок Эрихсена и в конце концов попробовал суррогатный табак. «Весь день страдая из-за невозможности покурить, вечером я набил трубку чайными листьями. К моему приятному удивлению, оказалось вполне сносно».

Их заточение продолжалось. Восемь дней, девять – и все еще никакого движения. На самом деле не совсем так: ледовый затор по-прежнему не рассасывался, но при этом все же двигался. Вся масса подтаявшего льда, на которой был разбит их лагерь, в целом дрейфовала в правильном направлении – на юг. Когда туман рассеивался, Делонг видел, как меняется их местоположение. Новая Сибирь теперь была к востоку от них, но на юго-западе проступали очертания другого острова.

Делонг решил, что это остров Фаддеевский – еще один малоизвестный фрагмент Новосибирского архипелага. Необитаемый остров назвали в честь русского промышленника Фаддеева, который однажды целый сезон провел на этой земле, охотясь за мехами, и построил на берегу крошечную хижину. Делонг заметил, что ветра и господствующие течения направляли их льдину в узкий канал, который разделял Новую Сибирь с Фаддеевским. На этот раз, хоть и пребывая в ловушке, они все же ощутимо продвигались вперед.

На девятый день стоянки на льдине, 29 августа, восторженный Чипп вошел в палатку Делонга и сообщил капитану о появлении крупной трещины, которая вела в юго-западном направлении – где и находился Фаддеевский. Делонг тотчас отдал приказ сворачивать лагерь и тащить всю поклажу и лодки к протоку, до которого было несколько сотен ярдов. Тем вечером они поставили палатки прямо возле воды, а рано утром, увидев, что проток стал еще шире, Делонг велел подготовить лодки к спуску на воду. Открывшийся канал был полон быстро движущихся льдин, но после десяти дней бездействия Делонг не мог упускать такой шанс. «Спустить лодки в эти врата ада оказалось непросто», – написал он. Но в конце концов они оттолкнулись от льдины и осторожно поплыли по протоку, надеясь, что его извилистые рукава в итоге приведут их на Фаддеевский.

Путешествие заняло весь день, но они упорно шли к острову. Множество банок затруднило высадку, однако им все же удалось пристать к пустынному берегу Фаддеевского. Скалистый остров Беннетта был по-своему прекрасен, но теперь они впервые с отплытия с Аляски ступили на настоящую сушу. «После тревог последних десяти дней я почувствовал огромное облегчение, – писал Делонг. – Мне было приятно снова ходить по мху и траве, и мои замерзшие ноги наконец согрелись до нормальной температуры». Они поднялись с пляжа на террасу, покрытую губчатым лишайником, где разбили лагерь и собрали дров. «Лодырь радостно бегал по острову и гонялся за леммингами – их норы были повсюду, – писал капитан, – а мы, люди, с гораздо более серьезным видом выслеживали диких зверей».

Моряки обнаружили довольно свежие олени экскременты, бархатные олени рога и следы зайца. Над тундрой летала стая казарок. Другая сидела на пруду, который тут же стал источником

пресной воды. Ньюкомб нашел две огромные окаменелые кости, которые определил как большеберцовую и малоберцовую кости шерстистого мамонта. В полутора милях от места их высадки Суитман и А Сэм обнаружили полуразрушившуюся хижину на берегу чистого ручья – скорее всего, это была именно та хижина, которую Фаддеев построил несколькими десятилетиями раньше. Но на острове не было никаких признаков недавнего присутствия человека. Когда Делонг отправил нескольких охотников по звериным следам, стало очевидно, что олень убежал далеко вглубь острова, напуганный прибытием экспедиции. Охотники подстрелили несколько уток, но решили не тратить драгоценное время и силы на погоню за оленем: остров был слишком велик – площадь Фаддеевского составляет более трех тысяч квадратных миль, – а его топкая тундра была покрыта бесчисленными озерами и прудами.

Поэтому ночью 30 августа Делонг приказал разбить временный лагерь, намереваясь затем уйти дальше. На следующее утро они спустились в бухту и пошли на запад вдоль южного берега Фаддеевского. Льда не было, но море кое-где было опасно мелким – лодки то и дело выносило на песчаные отмели. Моряки видели, что остров полон жизни: им на глаза попались утки, гуси, совы и даже несколько тюленей. Около половины шестого вечера Делонг попробовал снова высадиться на Фаддеевский, приготовить ужин и разбить лагерь, однако на пути было столько банок, что он не смог подойти к берегу ближе, чем на пятьсот ярдов.

Когда спустилась темнота, стало понятно, что ночевать придется на лодках. В итоге ночью никто не сомкнул глаз: по словам Делонга, приходилось почти постоянно «следить за лодками и выводить их на достаточную глубину. О сне не шло и речи, и мы томились в ожидании рассвета».

Следующие три дня они плыли вдоль берега и прошли около семидесяти миль. В трюме катера Делонга висели тушки убитых на Фаддеевском двенадцати уток – капитан решил приберечь их на будущее. Море было беспокойно – Делонг заметил, что стоило им сбавить скорость, как волны начинали хлестать через борт, из-за чего управлять лодками становилось невозможно. «Вода время от времени переливалась через борт, – писал он. – Промокшие до нитки, мы были вынуждены постоянно вычерпывать ее и даже подключать насосы».

Каждая новая волна окатывала всех моряков. «Боже! – писал Мелвилл. – Ну и холод!»

Второй катер, шедший под командованием Чиппа, оказался самым медленным из всех и постоянно плелся в конце. Затем он и вовсе скрылся из виду. Сорок восемь часов Делонг не знал, что случилось с Чиппом и его отрядом из девяти человек, в который входил и полюбившийся всем ледовый лоцман Данбар. Делонг и Мелвилл пристали к крупной льдине, подняли на мачтах черные флаги и стали ждать Чиппа. Делонг сходил с ума от тревоги – Чипп был его правой рукой, его лейтенантом, его старым другом еще со времен гренландского плавания. «Теперь меня постоянно сопровождают тревога и беспокойство, – писал Делонг, размышляя о судьбе Чиппа, – и сейчас они вдвое сильнее».

Ближе к вечеру, 3 сентября, Делонг вздохнул с облегчением: катер Чиппа показался на горизонте – он шел вдоль кромки льда севернее остальных. Моряки возликовали, когда отставшие воссоединились с группой Делонга. «Как же мы были рады их видеть!» – написал Мелвилл. Отряду Чиппа пришлось нелегко. Его катер сел на мель и в какой-то момент чуть не затонул. Чипп, Данбар и все их матросы выглядели уставшими и обессиленными – особенно Данбар. Он то и дело терял сознание и с трудом стоял на ногах. Осмотрев его, доктор Эмблер заключил, что он страдает от «приступа головокружения» и сильного сердцебиения. «Данбар кажется больным», – заметил Делонг, который видел, как лоцман «покачнулся, пытаясь сесть». «Боюсь, – написал капитан, – Данбару на втором катере пришлось хуже, чем он готов признать. Его состояние весьма серьезно, но сейчас все так взволнованы, что точно оценить его тяжесть не представляется возможным».

Пока Эмблер помогал Данбару, Делонг решил отпраздновать возвращение отряда Чиппа, приготовив дюжину припасенных в трюме уток. «Я боялся, что они испортятся, – написал Делонг, – и велел приготовить из них хороший ужин». Получив по порции пряного рагу, моряки подняли тост за свое здоровье и поклялись больше никогда не разделяться, пока они не вернутся в безопасные края.

На следующее утро, 4 сентября, у них на пути снова встал их давний противник – лед. По свидетельству Делонга, большую часть

утра им пришлось тащить тяжелые лодки по «неровному, вздыбленному паку». Саней у них не было, поэтому кили и днища принимали все удары на себя. «От килей откалываются длинные щепки, – негодовал Делонг, – сами лодки получают царапину за царапиной». В один момент Делонг провалился в воду по самую шею. Остаток дня его меховая одежда «противно липла к телу», из-за чего он «промерз до костей, несмотря на порцию бренди, которую ему выдал доктор».

Тем вечером они высадились на соседний остров, Котельный (Котельный и Фаддеевский соединены узким перешейком). Котельный представляет собой самый крупный остров Новосибирского архипелага и входит в число пятидесяти крупнейших островов мира. В 1773 году его открыл русский охотник и купец Иван Ляхов, а в начале XIX века его неоднократно посещали охотники за пушниной и окаменелой слоновой костью. Как и остальные Новосибирские острова, он был необитаем.

Ужин моряков на берегу Котельного, в окружении «холмов-колоколов», как назвал их Делонг, был весьма скуден, но они хотя бы нашли огромное количество плавникового леса, который можно было сжечь. «На пляже лежали целые груды деревьев, которые лед оттолкнул далеко от кромки воды», – заметил Мелвилл. Вскоре они развели костер. «Кашляя от дыма и обжигаясь искрами, – писал Делонг, – мы все же стояли у огня, надеясь хоть немного просушить свои вещи». По свидетельству Мелвилла, это был «первый приличный костер, который они развели с момента отплытия из Соединенных Штатов... Они стояли к нему лицом, из-за чего спине было холодно и моряки дрожали в насквозь промокшей одежде».

Несколько брошенных в огонь кусков дерева, по словам Мелвилла, несли на себе «зарубки дружественного топора». Это существенно подняло всем настроение. Мелвилл писал: «Эти молчаливые признаки цивилизации красноречиво обращались прямо к нашим сердцам, заставляя вспомнить о далеких краях и друзьях».

Тепло костров пришлось по душе морякам, и экспедиция Делонга две ночи провела на Котельном. Делонг обнаружил, что страдает от обморожения второй степени – у него на ступнях появились болезненные язвы, из-за которых он почти не мог ходить. У остальных тоже появились первые признаки обморожения. Несколько недель все

моряки ходили в мокрой одежде и непрерывно мерзли. Им нужно было высохнуть и согреться – такой острой потребности они не испытывали даже в еде. Если бы охотники оказались более удачливы, Делонг, возможно, остался бы на Котельном и дольше, но охотиться было почти невозможно: на остров спустилась пелена «привычного тумана», из-за которого зона видимости ограничивалась несколькими ярдами. Единственной их добычей, по словам Мелвилла, стали «несколько казарок, которые смущенно топтались возле открытой воды».

Охота на артефакты и сувениры, однако, оказалась куда приятнее. Многие моряки бродили по холмам, как восторженные мальчишки. Найндеман притащил обруч, которым когда-то была стянута бочка с рыбой. Герберт Лич нашел прекрасный мамонтовый бивень, а другие моряки подобрали мелкие осколки слоновой кости. Алексей отыскал на удивление крепкую бревенчатую хижину, все щели которой были забиты паклей и глиной. Он вернулся с деревянной кружкой, деревянными столовыми приборами и металлической монетой – российской копейкой 1840 года. Некоторым из этих предметов – особенно монете – казалось, было не место в туманной Арктике. Моряки улыбнулись при мысли о деньгах и их полной бесполезности в этом диком краю.

Котельный, похоже, населяли одни лемминги – типичные для Арктики маленькие норные грызуны, годовые популяционные циклы которых колебались от переизбытка до почти полного вымирания. В эти дни цикл, похоже, достиг своего пика, поскольку Делонг написал, что их было «не перечесть», и они бегали по тундре, время от времени преследуемые полярными совами. В лагере моряков тоже было полно леммингов, и со всех сторон доносился их тонкий визг. Мохнатые грызуны проникали повсюду и даже нашли путь в палатки. Делонг писал: «Прошлой ночью мистер Коллинз явно спал не один, а с леммингом, потому что утром, когда он вышел из палатки, маленький грызун выпрыгнул из его мехового капюшона и в мгновение ока закопался в песок».

6 сентября команда Делонга покинула Котельный, но тут же столкнулась с тяжелыми погодными условиями. Ветер усилился, на море поднялись высокие волны, на гребнях которых покачивались

острые осколки льда. «Нас едва не разбило вдребезги», – написал Даненхауэр. «Столкнуться с одной из этих льдин, – заметил Ньюкомб, – означало погибнуть».

Навигация в таких опасных водах требовала больше сил, чем могли вообразить отважные моряки. «Мы цеплялись за жизнь, – писал Мелвилл. – Море вздымалось и ревело... матросы, ослепленные ветром и брызгами, мужественно налегали на весла. Их голые руки замерзли и кровоточили. Лодки так и ходили ходуном на жутких волнах». Впервые с начала плавания «Жаннетты» испытанию подверглись мореходные навыки команды – и испытание это было поистине ужасным. Мелвилл был впечатлен: «Промокшие до нитки в ледяной воде, измученные, матросы творили чудеса».

Они день и ночь плыли по высоким волнам, держа курс на западо-юго-запад. Не привыкшие к качке – включая А Сэма и Коллинза – страдали от ужасной морской болезни. Более тридцати часов лодки качало из стороны в сторону, несколько раз они едва не переворачивались вверх дном. Ветер был так силен, что Делонг приказал матросам взять два рифа на парусах, чтобы уменьшить их площадь; это помогло немного стабилизировать лодки, но существенно замедлило их ход. Никто не смыкал глаз – все были начеку и, по словам Мелвилла, следили за «многочисленными опасностями, которые возникали тут и там». Малейшая ошибка рулевого, по свидетельству Мелвилла, «точно привела бы к их гибели».

Вельботу Мелвилла пришлось особенно нелегко. Даненхауэр написал: «В один момент тяжелая зеленая волна хлестнула через левый борт, вода достигла банок; лодка пошатнулась и накренилась, но все матросы с лейками в руках быстро вычерпали воду, и мы снова оказались на плаву. Я никогда прежде не боялся на борту, но эта ситуация была невероятно опасной. Если бы на нас обрушилась еще одна волна, из нашего отряда никто бы не спасся».

8 сентября – спустя восемьдесят восемь дней с момента гибели «Жаннетты» – Делонг заметил одинокую льдину, медленно плавающую в море Лаптевых. Окликнув командиров других лодок, он решил подойти к ней. «Мне жаль промокших и измученных людей», – написал Делонг. Пристав ко льдине, они разбились на ней лагерь. Как сказал Мелвилл, они были, возможно, «самой жалкой кучкой

смертных, сбившихся вместе и дрожащих от холода». Мороз так измотал Мелвилла, что он затыкнул песню, чтобы только воспрянуть «промокшим и замерзшим духом». Эмблер написал: «Я так окоченел от холода и привык к боли, что порой сомневаюсь, жив ли я, ведь работает у меня один только мозг». И все же доктор восхищался людьми, которые так стойко встречали все невзгоды. «Полагаю, все пребывают в столь же плохом состоянии, как и я сам, если не хуже, – писал он, – но никто и не думает жаловаться».

Они оказались чуть южнее 75-й параллели, чуть более чем в сотне миль к северо-востоку от сибирских берегов. Разбив палатки, они стянули с себя обледеневшую верхнюю одежду. Лодырь свернулся клубком на льду рядом с моряками, которые жевали пеммикан и потягивали вскипяченный на спиртовке чай. Не сказав друг другу почти ни слова, они вскоре залезли в спальные мешки и, как выразился Мелвилл, «заснули сном праведников».

Глава 33

Коварное и беспокойное море

Восемь изголодавшихся охотников выстроились в одну линию на узком перешейке, вооруженные винтовками и дробовиками, и вместе пошли на юг. Они заметили олениху с олененком и теперь шагали по болотистой косе – или, как выразился Делонг, «по тропе войны», – уверенные, что рано или поздно сумеют выследить добычу.

Рано утром 10 сентября моряки Делонга пристали к дикому берегу острова Семеновский в сотне миль к северо-востоку от сибирского побережья. Делонг высадил охотников на северной оконечности острова и условился через несколько часов встретиться с ними на южной. Это была последняя островная остановка – отплыв от Семеновского, они собирались выйти в открытое море и отправиться в опасное плавание к сибирскому берегу.

Семеновский сложно было назвать настоящим островом. Несколько миль в длину и всего одну восьмую мили в ширину, он представлял собой пустынный, невысокий клочок земли, наполовину поглощенный морем Лаптевых. На нем не было никаких следов человека. Остров так быстро разрушался, что доктор Эмблер предсказал, что эта «жалкая полоска земли», вероятно, «через несколько лет и вовсе исчезнет и превратится в цепочку малюсеньких островков». Он был прав: в течение следующих пятидесяти лет Семеновский постепенно размывало, пока к началу 1960-х годов он не исчез вовсе. Сегодня он представляет собой подводную косу, которая известна своим коварством. Делонга поразила скорость эрозии. «Южная оконечность этого острова словно ножом срезана, – написал он. – Огромные массы породы грудями лежат на пляже. Видны глубокие трещины, которые приведут к новым оползням».

Остров Семеновский был открыт в 1770 году русским купцом, который шел по следам мигрирующих оленей, ведущим его с сибирского побережья по паку. Олениха с олененком, которых выслеживали матросы Делонга, возможно, были далекими потомками тех мигрирующих оленей. Моряки предположили, что олениха родила слишком поздно, чтобы успеть перейти по ледовому мосту на

Большую землю, а потому вместе с олененком осталась на острове на все лето.

Обнаружив оленей, охотники сделали несколько выстрелов. Хотя олененок убежал, олениха покачнулась и в конце концов пала от меткого выстрела Нороса. Моряки дотащили тушу до края утеса и спустили на пляж. Делонг приказал всем сойти на берег, разделать добычу, разжечь костер и приготовить мясо. Оленину зажарили, и через час от туши не осталось ничего, кроме костей и рогов, которые решили пустить в суп. Перепало даже Лодырю. «Олениха весила около ста двадцати фунтов, – написал Мелвилл, – и каждому из нас досталось около фунта сладковатого мяса, сдобренного квартой чая, – кушанье было поистине королевским».

Один из моряков нашел заболоченный пруд, откуда они набрали пресной воды. Хотя соли в ней не было, по свидетельству Мелвилла, вода была «бесцветной и неприятной на вкус, отдавала болотом, из которого ее набрали, и пестрела микроорганизмами и красными личинками». Но моряки так радовались теплу потрескивающего костра и чудесному ужину, что это их совсем не заботило. Мелвилл писал: «Когда пришло время ложиться спать, мы лишь немного посетовали на промокшие спальники, ведь нас переполняло приятное и почти забытое ощущение сытости и довольства после вкусного ужина, а в голове вертелась мысль о том, что назавтра нам удастся отведать отменного супа».

Вскоре они заснули и проспали целую ночь. «Наши невзгоды, – написал Делонг, – отошли на второй план, когда мы оказались в тепле и безопасности острова Семеновский».

На следующий день, 11 сентября, олененка заметили у границы лагеря. Очевидно, он искал свою маму. Алексей и несколько других охотников пустились в погоню и преследовали его до другого конца острова, однако так и не смогли его подстрелить. На землистых холмах моряки увидели следы крупного хищника – возможно, волка или медведя – и решили, что олененок пал его жертвой.

Остальные тем временем занимались другими делами. Эмблер отправился на геологическую вылазку и нашел, как ему показалось, окаменелый зуб мастодонта, а Ньюкомб ушел на долгую прогулку, надеясь встретить птиц. Другие моряки разбрелись по острову,

пытаясь выяснить, не высаживалась ли на острове спасательная команда, искавшая команду «Жаннетты». Но большинство моряков весь день ремонтировали лодки и готовились к испытаниям грядущего плавания. Был тихий, туманный день; температура колебалась в районе нуля. Делонг планировал отплыть следующим утром. Моряки оживленно обсуждали, как лодки поведут себя при многодневном плавании по высоким волнам. Опыт последних недель показывал Делонгу, что их мореходные характеристики существенно различаются.

Лодка Делонга, первый катер, была, пожалуй, самой устойчивой из всех, но он собирался взять на борт самое большое число людей – четырнадцать, включая его самого, – и самое большое количество провизии, а также все документы, судовые журналы и научные образцы экспедиции. С Делонгом должен был отправиться и Лодырь. Катер Делонга был двадцать футов и четыре дюйма длиной от носа до транцевой кормы, а его ширина достигала шести футов. Как и остальные лодки, он был обшит край на край – то есть планки обшивки находили друг на друга, как в обшивке дощатого дома. Он был заклепан медью, снабжен шестью веслами и тяжелым дубовым килем. Хотя первый катер шел медленно – «весьма вяло», по словам Мелвилла, – он был «прекрасным судном, которое отлично справлялось со своей задачей».

Мелвилл правил вельботом, который немного отличался от катера. У него были заостренные нос и корма, которые позволяли ему развивать большую скорость и быстро маневрировать, что было большим подспорьем при охоте на китов. Двадцать четыре фута и четыре дюйма длиной, вельбот был самым длинным из судов и самым быстрым на всех парусах. Даненхауэр вспоминал, что шлюпочный мастер на верфи Мар-Айленд однажды сказал ему, что «это один из лучших укрепленных вельботов, которые он видел, и это подтвердилось в действительности, поскольку при путешествии по льдам ему пришлось подвергнуться невероятным испытаниям». Вельбот приходилось постоянно латать, но его корпус был весьма крепок, и Мелвилл не сомневался, что он его не подведет.

Больше всего проблем доставляла лодка Чиппа, второй катер. Она уже зарекомендовала себя самой медленной из крошечной флотилии Делонга. Самый маленький из судов (всего шестнадцать футов и три

дюйма от носа до кормы), второй катер был крепко сбит, но на высоких волнах ему приходилось нелегко. Делонг попытался компенсировать его недостатки, гораздо сильнее нагрузив другие лодки. Второй катер должен был взять на борт всего восемь пассажиров.

Несмотря на все недостатки второго катера, некоторым морякам он нравился по той простой причине, что был потрепан меньше остальных. Пока они шли по льду, небольшое судно Чиппа удобно стояло на санях, не выставляясь ни с одной из сторон, благодаря чему почти не пострадало при переходах. Кроме того, на катере Чиппа оказались одни из лучших и опытнейших моряков экспедиции, включая Данбара, Суитмана и самого Чиппа. Если кто-то и мог с ним справиться, так это они.

Тем не менее Делонг переживал из-за второго катера, и Чипп тоже забеспокоился. Мелвилл писал: «Чипп впервые пожаловался на свое судно. До этого момента оно было его любимым и считалось крепким и проворным». Даненхауэр, который считал второй катер «очень плохим судном», тотчас начал вторить опасениям Чиппа. Хотя он почти ничего не видел, они с Чиппом в тот день отправились охотиться на куропаток, и штурман отметил, что Чипп «лучше, чем обычно, себя чувствовал и был в прекрасном расположении духа», но «выражал огромное недовольство положением вещей».

В тот день, в воскресенье, Делонг пребывал в задумчивости, но в целом с оптимизмом смотрел в будущее. Он долго читал Библию и заметил, что настал «девяносто первый день с момента кораблекрушения, когда они оказались выброшенными на лед». После всех лишений, после более чем пятисот миль изматывающего марша по льду (и нескольких тысяч миль, если считать все возвращения), они почти достигли российских берегов, не потеряв ни одного человека. Делонга беспокоили проблемы с сердцем Данбара и глаз Даненхауэра, но в целом все они пребывали в добром здравии. При благоприятной погоде они должны были отплыть рано утром.

Уверенный в успехе и довольный ходом приготовлений, Делонг описал их высадку на остров и надежно спрятал записку под утесом возле двадцатифутовой жерди, надежно вкопанной в землю.

Остров Семеновский,

Северный Ледовитый океан
Воскресенье,
11 сентября 1881 года

Оставляю настоящее описание нашей высадки на остров и планируемого отплытия, на случай если, прежде чем мы сумеем связаться с домом, на наши поиски будет отправлена спасательная экспедиция. «Жаннетта» две зимы дрейфовала во льдах, после чего потерпела крушение и затонула... на 77 градусах 15 минутах с. ш. и 155 градусах в. д. Вчера днем тридцать три человека, составляющие ее команду, включая всех офицеров и матросов, достигли этого острова. Завтра утром мы намереваемся на трех наших лодках выйти в сторону устья реки Лены. Мы все пребываем в добром здравии, не страдаем от цинги и надеемся с божьей помощью на следующей неделе добраться до поселений на Лене. У нас осталось продуктов примерно на семь дней.

Джордж В. Делонг,

*командующий американской арктической
экспедицией*

На следующее утро они проснулись в пять, позавтракали в шесть и отплыли в половине восьмого. Погода казалась благоприятной – спокойное море было свободно ото льда, с северо-востока дул сильный ветер, температура колебалась в районе нуля. Делонг велел Мелвиллу и Чиппу не отставать и идти, как он выразился, «на расстоянии крика». Все утро они действительно плыли аккуратной группой и довольно быстро продвигались вперед. Шестнадцать миль они прошли без инцидентов. В какой-то момент Мелвилл дал понять, что у него возникли проблемы, и все три лодки остановились возле небольшой льдины. Вельбот Мелвилла, очевидно, налетел на крупную подводную льдину, которая выбила фрагмент обшивки правого борта. Однако мастеровитый Мелвилл быстро справился с поломкой и залатал вельбот.

Около полудня они остановились у другой льдины, чтобы пообедать чаем с пеммиканом. Моряки пребывали в приподнятом настроении – по свидетельству Мелвилла, «все радовались и надеялись, что, если ветер не изменится и не усилится, сибирского берега удастся достичь за одну ночь». Пока матросы набирали питьевую воду и забивали трюмы снегом, Делонг, Мелвилл и Чипп шагали по льдине и обсуждали стратегию, ища способы держаться рядом, даже если усилится ветер.

Делонг хотел, чтобы они попытались доплыть до берега вместе. Они держали курс на дельту Лены, в частности, на место, которое на картах было обозначено как мыс Баркин. Три офицера стояли на льдине, изучая карту Петермана. Делонг сказал Мелвиллу и Чиппу, что мыс Баркин находится «в восьмидесяти или девяноста милях к юго-западу». От мыса Баркин, согласно плану Делонга, они должны были пойти по реке вглубь материка, пока не обнаружат какое-нибудь поселение. Судя по картам и заметкам, в дельте было множество деревень, и не предвиделось никаких проблем с установлением контакта с местными жителями. Делонг заверил офицеров, что там они будут спасены, поскольку в этих местах «и зимой, и летом живет множество аборигенов».

Но если по пути они разделятся, каждому из экипажей надлежало заботиться лишь о себе. Делонг велел командующим не беспокоиться об остальных отрядах, пока они не обеспечат собственную безопасность. В итоге они собирались встретиться в крупной деревне Булум на берегу Лены – судя по карте, до нее было около ста миль вверх по течению реки. «Не ждите меня, – сказал Делонг. – Найдите проводника из местных и как можно скорее поднимайтесь по реке в безопасное место. Не беспокойтесь о других, пока не удостоверитесь, что все ваши люди в порядке».

Пока что Делонга заботило предстоящее плавание по морю – и тревожили изменившиеся погодные условия. Ветер усиливался, поднимались волны. Казалось, погода им не благоприятствовала. Сверившись с приборами, Делонг выяснил, что давление существенно понизилось. Если они хотели достичь берега до начала шторма, нужно было торопиться.

Три офицера простились и пожелали друг другу удачи, а затем вышли в море, которое, по свидетельству Даненхауэра, уже казалось

«коварным и беспокойным». Делонг еще раз велел всем держаться на расстоянии крика, и три лодки поплыли по волнам, держа курс на юго-запад.

Идти должны были в таком порядке: Делонг, затем Мелвилл, затем Чипп.

Делонг хотел, чтобы их построение напоминало гусыню с двумя гусятами, но погода становилась все хуже и вскоре сломала его план. Держаться на расстоянии крика оказалось невозможным – было сложно даже держаться на расстоянии видимости. Хотя Делонг шел на всех парусах, нагруженный катер давал такую осадку, что волны постоянно хлестали через борт, существенно замедляя ход судна и окатывая четырнадцать моряков, большая часть которых без остановки вычерпывала воду. Лежащий на палубе Лодырь вскоре стал походить на мокрую крысу. Эмблер, который плыл вместе с Делонгом, жаловался, что «волны захлестывают на корму и шканцы... одна волна чуть не поглотила лодку целиком».

Катер Чиппа, как и ожидалось, плелся далеко позади остальных и порой скрывался из виду. Волны безжалостно трепали маленькое суденышко. Оглядываясь назад, Делонг всякий раз видел, как Чипп, Данбар и остальные шесть матросов борются с трепещущими на ветру парусами и с трудом маневрируют среди пенных гребней. Днем волны стали еще выше, и катер Чиппа стал теряться за каждой из них. Большого испытания для Чиппа Делонг не мог и представить.

Вельбот Мелвилла тем временем шел так быстро, что ему было сложно держаться позади катера Делонга. Мелвилл приспустил паруса, но это не помогло. Ветер становился все сильнее, и в конце концов Мелвилл понял, что на таких волнах попытки замедлить ход представляют опасность. Обгоняя вельбот, волны снова и снова захлестывали на корму, заливая самого Мелвилла и десятерых матросов.

К вечеру волны стали невероятно огромными. Делонг понял, что начался настоящий шторм, который, казалось, с каждой минутой становился лишь сильнее. Матросы на первом катере работали засучив рукава, но им приходилось несколько легче, чем команде Мелвилла. На вельбот одна за другой обрушивались волны, и в конце концов Мелвилл дал Делонгу знак, на мгновение подошел ближе и крикнул:

«Я должен идти, иначе потонем!» Делонг махнул ему рукой, и Мелвилл расправил паруса. Вельбот вдруг дернулся и устремился вперед. Делонг видел, что Мелвиллу по-прежнему приходится нелегко, но теперь он хотя бы развил хорошую скорость.

Но когда Делонг оглянулся назад, он не увидел второго катера. Тот пропал. В глубине души Делонг понимал, что Чипп обречен. Матросы Делонга тоже вглядывались в горизонт, и в какой-то момент им показалось, что они увидели перевернувшийся катер на гребне волны, но стало уже так темно, что сказать наверняка было невозможно. Делонг понимал, что не может вернуться за другом: разворот в такой шторм означал почти неминуемую гибель, к тому же в его лодке не было места даже для одного лишнего человека, поэтому о спасательной операции не могло быть и речи. Если катер Чиппа действительно опрокинулся, его команда вряд ли продержалась дольше нескольких минут. Температура воды была не выше нуля.

Когда Делонг повернулся в другую сторону и посмотрел вперед, он не увидел и вельбота Мелвилла. Он тоже пропал. Было сложно разглядеть хоть что-то среди пены, града и брызг, поднимаясь на волнах, матросы Делонга изучали серый горизонт, но не видели ни следа вельбота. Когда на море Лаптевых упала темнота и разразился полноценный шторм, тринадцать моряков под командованием Делонга поняли, что остались совсем одни.

Часть VI

Шепот звезд

Мой дорогой папа, как у тебя дела? Я учусь музыке и хожу в школу... Я пришлю тебе свои опросные листы. Я очень стараюсь, чтобы порадовать тебя, когда ты вернешься...

Однажды у нас будет свой уютный дом. Мама откладывает деньги, чтобы его купить.

Мы очень скучаем и хотим, чтобы ты быстрее вернулся... Я каждый вечер молюсь о тебе и прошу Бога хранить тебя, благоволить тебе и вернуть тебя домой к маме

и твоей любящей дочери

Сильвии Делонг

Глава 34

Четырнадцать счастливцев

Шторм всю ночь раскачивал катер Делонга, бросая его с волны на волну. Особенно сильный порыв ветра порвал грот пополам. Другой свалил грот-мачту. Делонг и Найндеман попытались было исправить поломку, но быстро поняли, что при таком шквалистом ветре нечего было и пытаться идти под парусом. Они вошли в шторм, надеясь как можно скорее его преодолеть.

Найндеману поручили сделать плавучий якорь, и он смастерил довольно хитроумную конструкцию из нескольких весел, бочки для воды и пары досок и для утяжеления привязал к ней кирку. С якорем качка стала меньше, однако волны всю ночь хлестали через борт, заставляя моряков вычерпывать воду. Одна особенно крупная волна, по словам Найндемана, «заполнила катер по самую банку. Хлестни еще одна – и он пошел бы ко дну». Это была самая жуткая ночь в их жизни. «Шторм усилился, – впопыхах писал Эмблер, – и нас всю ночь швыряло из стороны в сторону. На борт хлестала вода. Не успевали мы ее вычерпать, как на нас обрушивались новые волны... Мы черпали воду без остановки».

К рассвету шторм еще не стих. В тусклом свете утра Делонг с надеждой всматривался в горизонт, но не видел ни земли, ни Чиппа, ни Мелвилла. Лишь только выдавалась спокойная минута, моряки на катере Делонга начинали волноваться о судьбе товарищей. К этому моменту все уже полагали, что две другие лодки перевернулись и обе команды – всего девятнадцать человек – погибли. На первом катере была одна собака и четырнадцать человек: Делонг, Эмблер, Найндеман, Норос, Эрихсен, Каак, Гёртц, Коллинз, А Сэм, Алексей, Уолтер Ли, Дресслер, Нельс Айверсон и Бойд. Как бы туго им ни приходилось, теперь они считали себя счастливцами.

Весь день они беспомощно качались на холодных серых волнах и ждали, когда шторм немного успокоится. Около шести часов вечера это наконец произошло. Ветер стих на удивление внезапно, и у Делонга на душе потеплело. Но волны так и не улеглись – море бушевало все столь же грозно. Еще одну ночь морякам пришлось без

конца вычерпывать воду из катера, который безжалостно трепали волны, то и дело бившие матросам в лицо. «Положение было бедственное, – писал Коллинз. – Надеюсь лишь на Божию милость, мы бок о бок сидели в лодке».

«Не спали 36 часов, – писал Эмблер. – Одному Богу известно, куда нас занесло ночью». На небе тем временем было на что посмотреть. Тучи разошлись, на их месте теперь ярко сияли звезды и луна. Время от времени на синем фоне полыхали северные сияния.

К следующему утру, 14 сентября, море достаточно успокоилось, чтобы продолжить плавание. Когда Делонг спросил у моряков, есть ли у них что-нибудь, из чего можно сделать парус, Найндеман вытащил гамак и кусок брезента, которым раньше накрывали сани. Гёртц и Каак достали иглы и принялись за работу – из двух разномастных кусков материи должно было получиться какое-то подобие грота. Делонг велел втащить плавучий якорь в катер и разобрать его на части. Найндеман взялся за починку сломанной мачты. Вскоре они поставили мачту, подняли самодельный парус и поплыли дальше.

Это должно было их обрадовать, но большинство моряков – особенно Делонг – были не в настроении праздновать. Обморожение снова дало о себе знать, капитан больше не мог стоять у руля. Он жаловался, что не чувствует ног, и, по свидетельству Эмблера, «нервно посмеивался». Делонг ушел с палубы, залез в спальный мешок, выпил немного бренди и попытался сделать запись в дневнике, но и это у него не вышло – рук он тоже не чувствовал.

У руля встал стойкий Эрихсен, ноги которого тоже были в плачевном состоянии. Они плыли весь день и всю ночь. Около десяти часов утра 15 сентября Найндеман поднялся на кормовую скамью и разглядел на горизонте смутные очертания, которые показались ему похожими на землю. Он сообщил об этом Делонгу, который все еще сидел в трюме, пытаясь отогреть замерзшие руки и ноги. Капитан усомнился в словах Найндемана, а когда на скамью поднялся Эмблер, он ничего не увидел. Но через несколько часов земля показалась совершенно отчетливо – и все поняли, что это не иллюзия.

Сибирь! Материковая Азия... дельта могучей реки Лены. Сколько раз за последние три месяца они сомневались, что смогут ее достичь? Впервые после гибели «Жаннетты» у них появилась видимая причина

верить, что надежда на спасение не потеряна, и эта причина лежала прямо перед ними.

Однако была одна проблема. Стоящий у руля Эрихсен никак не мог различить устья реки, свободной водной артерии, которая привела бы их в дельту. Мало того, всматриваясь в море, он видел, что возле берега, как раз там, где воды Лены смешивались с океанскими течениями, формируется полоса свежего льда.

«Не спали 36 часов, – писал Эмблер. – Одному Богу известно, куда нас занесло ночью».

Через несколько часов они столкнулись с этой новой преградой. Это был пресноводный лед – молодой, очень хрупкий, толщиной не более четверти дюйма. Сначала они проходили сквозь него без труда, но на следующее утро, 16 сентября, катер застрял и морякам пришлось веслами ломать и расталкивать лед, чтобы пройти по узким протокам.

Эта техника работала, пока вдруг не возникла новая проблема: катер сел на мель. Хотя до земли оставалось целые три мили, они завязли в иле. Приливные отмели оказались не более двух футов глубиной. Отряд Делонга оказался заблокирован в длинном илистом устье одной из крупнейших рек мира.

Исток Лены находится почти в трех тысячах миль к югу от Северного Ледовитого океана, в горах неподалеку от озера Байкал, во внутренней части России неподалеку от границы с Монголией. Протекая по лесистым просторам Якутии, река вбирает в себя приток за притоком: Киренгу, Витим, Олёкму, Алдан, Вилюй. Лена занимает одиннадцатое место в мире по протяженности и девятое по размеру бассейна – болотистой, полной комаров тундры и тайги площадью более 960 000 квадратных миль. Воды Лены несут невероятное количество ила, а сильное течение выталкивает его более чем на 50 миль в Северный Ледовитый океан.

Река Лена – одна из немногих крупнейших в мире – течет на север, к покрытому льдом морю. Осенью она начинает замерзать возле

устья, а не возле истока, из-за чего в месте ее впадения в океан возникает естественный барьер, мешающий ее мощному течению. По мере приближения арктической зимы река продолжает нести свои воды на север, пока они не встречаются со слоем льда, который с каждым днем становится все толще.

В результате вода разливается в стороны и отчаянно пытается найти другую дорогу к морю. Иными словами, лед нарушает и усиливает тенденцию всех рек раскрываться веером возле устья. Давление на ленскую ледовую дамбу так сильно, что река разливается более чем на 11 тысяч квадратных миль. Это буйство потоков создает одну из самых крупных и самых сложных речных дельт во всем мире.

С воздуха дельта Лены напоминает срез огромной опухоли, которая выдается далеко в море Лаптевых за пределами материковой Сибири. Эта выпирающая масса 125 миль шириной представляет собой сложное переплетение потоков и рукавов, которые тонкими нитями извиваются по песчаным равнинам, испещренным тысячами озер, запруд и пойменных болот. В дельте находится более полутора тысяч островов, хотя точное их число постоянно меняется. Пробиваясь сквозь наносы, река разделяется на семь основных рукавов, которые, в свою очередь, делятся на сотни меньших потоков, напоминающих капилляры и каждый сезон меняющих свое русло в стремлении к Северному Ледовитому океану.

В опубликованном в 1882 году отчете будет написано: «Карты этого пустынного региона не существует, и кажется невозможным составить такую карту, которую не компроментировали бы сезонные изменения». Единственной более или менее подробной опубликованной картой оставалась карта Петермана, но она во многом основывалась на гипотезах и изобиловала серьезными ошибками. На его карте в дельте значилось восемь рукавов, хотя на самом деле их было больше двух сотен, а немногие упомянутые географические названия, ориентиры и деревни либо находились совсем не на месте, либо вообще не существовали в реальности.

16 сентября 1881 года отряд Делонга приблизился к этому невероятному ландшафту. До дельты оставалось еще три мили, но катер не мог сдвинуться с места, застряв в огромной массе речных наносов.

Когда Делонг попытался найти выход, ему в голову пришло лишь одно возможное решение проблемы. Он велел всем выбраться из лодки, чтобы облегчить ее вес, благодаря чему она приподнялась на несколько дюймов. Шагая против быстрого течения реки, моряки собрались вокруг лодки и принялись толкать ее по направлению к земле – иногда лодка плыла по воде, но иногда ее приходилось тащить по илистому дну. На борту остались лишь несколько нетрудоспособных матросов и Лодырь.

В прозрачной, неглубокой воде виднелись замысловатые узоры, нарисованные течением на иле. Юркали маленькие рыбешки. Глубина колебалась от полутора до четырех футов, но в целом по мере приближения к берегу становилось все мельче. Ил прилипал к сапогам, из-за чего морякам то и дело приходилось их очищать. Раздраженные, многие из матросов в конце концов побросали сапоги в катер и пошли дальше босиком.

Катер часто садился на мель – в таких случаях команда толкала его и разворачивала в сторону более подходящего протока. Это был каторжный труд, а холодная речная вода делала его и вовсе непосильным. Вскоре моряки уже не чувствовали ног. Большая часть команды толкала катер сзади, но несколько матросов шли впереди, разбивая веслами свежий лед и нащупывая лучший путь к берегу.

Двигались они очень медленно – за целый день им удалось миновать не более мили. Идти можно было только во время прилива, поскольку при отливе катер застревал в густом иле. К вечеру, по словам Найндемана, «все порядком выдохлись». Моряки забрались обратно на борт, где их ждал Лодырь, и поужинали говяжьим языком. После ужина доктор Эмблер велел морякам снять сапоги, чтобы он мог осмотреть их ноги. Увиденное его не на шутку обеспокоило. Целый день пути по ледяной воде дался морякам огромной ценой. Их ноги распухли и опасно посинели. Эмблер счел, что команду не пощадило обморожение. Хуже всех дела обстояли у Бойда, Эрихсена, Коллинза, А Сэма и капитана Делонга, но пострадали все без исключения.

Хоть и неглубокая, река к ночи разбушевалась. По свидетельству Найндемана, «лодку постоянно заливало», из-за чего «все промокли до нитки», а спальные мешки «пришли в негодность». Лежа на палубе катера, моряки дрожали и, по словам Делонга, коротали «самую

ужасную и тревожную ночь». Катер стоял в устье Лены, лишь изредка покачиваясь на отступающих и снова накатывающих на берег волнах.

Рано утром отряд Делонга двинулся дальше. К полудню они прошли всего полмили по лабиринту илистых потоков. Положение было отчаянным – казалось, земля дразнила их. До нее оставалось каких-то полторы мили, но достичь ее они никак не могли. Делонг боялся, что они никогда не доберутся до берега, а если и доберутся, то в процессе отморозят себе ноги.

Ему пришлось сделать выбор Хобсона: покинуть катер и вброд пойти к берегу, забрав с собой всю поклажу. Делонг хотел любой ценой сохранить катер, понимая, что без него им не подняться по реке, но теперь он пришел к убеждению, что катер убьет их, прежде чем сможет сыграть хоть какую-то роль в их спасении. Его нужно было бросить на мели.

Держа поклажу высоко над головой, они длинной колонной пошли к берегу. Лодырь неуклюже пробирался рядом с ними. Первыми шли Найндеман и Норос – самые крепкие из четырнадцати моряков. Они направляли наспех сколоченный из весел и досок плот, на котором лежал пеммикан и другие тяжелые вещи.

Делонг шел в самом конце, вместе с остальными страдающими от обморожения моряками, и нес судовые журналы «Жаннетты» и свои дневники. Эти толстые книги были настоящей обузой, но капитан давно считал их своим фетишем. Только эти журналы и остались от экспедиции «Жаннетты» – в них содержалось единственное описание их плавания и единственное доказательство их научных и исследовательских достижений. Он хотел сохранить их во что бы то ни стало, «пока есть хоть один человек, способный их нести».

Пока они шагали по илистой дельте, вода доходила им то до колен, то до пояса. Течение зачастую было очень мощным и пронзало бедра острыми иглами холода. Когда стало мельче, моряки уже не смогли поднимать онемевшие ноги достаточно высоко, чтобы ломать хрупкий лед, и шли напрямик, до крови рассекая икры. Лодырь барахтался так беспомощно, что Алексей поднял его и большую часть пути пронес на плечах.

Немногим более часа спустя Найндеман и Норос вытолкнули плот на сушу. Один за другим двенадцать остальных моряков тоже вышли

на берег. Устало улыбнувшись, они сбились в кучу – окоченевшие и обрадованные, что наконец-то пересекли эту водную преграду. Теперь они оказались в материковой Азии. С места гибели «Жаннетты» они преодолели почти тысячу миль, хотя большинство моряков неоднократно возвращалось по льду за оставшимися вещами, и на самом деле прошло более двух с половиной тысяч миль. Начинался очередной этап их одиссеи. Какие бы преграды их ни ждали, среди них точно не было соленой воды и пакового льда. Метаморфоза завершилась. Они долгое время были детьми льда, затем детьми моря, а теперь стали детьми суши.

Берег был пустынен. Вдоль речной старицы лежали прибитые течением бревна. В небе кружили чайки. Моросил холодный дождь, с моря дул ветер. Было слишком облачно, чтобы снять показания приборов, поэтому Делонг не мог определить, где именно они находятся. Он не видел никаких признаков присутствия Мелвилла или Чиппа и вообще каких-либо людей – ни мусора, ни следов, ни жилищ. Место казалось таким же необитаемым и забытым богом, как и любой из Новосибирских островов.

Это удивило Делонга. Ему оставалось лишь предположить, что они высадились на берег одного из мелких рукавов Лены, не отмеченных на карте Петермана. На планах Петермана в дельте Лены было отмечено множество поселений, а в прилегающих заметках значилось, что по рукавам реки часто ходят небольшие суда. Делонг был совершенно уверен, что здесь моряки быстро встретятся с местными – именно поэтому он и решил добраться именно до этой точки сибирского побережья.

Но сведения Петермана были почти полностью неверны. Коренные якуты и другие аборигены действительно доходили до северной оконечности дельты, но лишь мелкими группами и лишь в течение нескольких летних недель. Они жили в простеньких хижинах, охотились на оленей и лис и ловили рыбу – так было заведено веками. Но к середине сентября они всегда возвращались в свои деревни, расположенные далеко вверх по реке, чтобы избежать опасных наводнений, сопровождавших сезонное становление арктического льда.

Делонг опоздал на неделю. «Нужно смириться с ситуацией, – мрачно написал он, – и подготовиться к пешему переходу до

поселения».

Капитан не знал, что неподалеку от берега, у северо-западной границы дельты, действительно была одна крупная деревня. Она называлась Северный Булун и насчитывала около сотни жителей. Расположенная на возвышенности, она была в достаточной мере защищена от сезонного разлива Лены. Если бы Делонг высадился всего в восьми милях западнее, он бы нашел свободный ото льда речной рукав, по которому за один день добрался бы до Северного Булуна. Его отряду не пришлось бы бросать свой катер. Но он никак не мог об этом узнать. Ни рукав, ни деревня не были отмечены на карте Петермана.

Те моряки, которые были еще в состоянии ходить, вернулись к катеру, чтобы забрать вторую партию поклажи, а затем и третью. Когда наступила темнота, они собрали огромную кучу прибитых к берегу бревен и запалили жаркий костер. Развесив свою насквозь промокшую одежду и меха, они полуголые стояли у огня, похлопывая по онемевшим конечностям и пытаясь всеми правдами и неправдами вернуть их к жизни.

Доктора Эмблера беспокоило состояние ног моряков. У большинства были очевидные признаки обморожения – лиловые язвы, восковая кожа, повреждения нервов, первые признаки некроза тканей. «Все получили сильное обморожение», – писал Найдеман, но хуже всех пришлось Коллинзу, Бойду, Эрихсену и А Сэму. Китаец забрался в спальный мешок и стонал от боли.

Больше всего Эмблер тревожился об Эрихсене. Ноги датчанина ужасно распухли, икры стали твердыми, как камень, ступни покрылись жуткими язвами, из которых при нажатии сочился кровавый желтый гной. Эмблер намазал ноги Эрихсена вазелином, обложил их ватой и усадил датчанина поближе к огню.

Пока большая часть группы грелась у костра, Найдеман и Норос продолжали работать. В кромешной тьме они еще раз дошли до катера и принесли новую партию вещей. Через час они вернулись на берег, сложили все в общую кучу, развернулись и сделали *еще одну* ходку.

Эти крепкие матросы, казалось, обладали нечеловеческой выносливостью: их ноги не боялись воды и мороза, кровеносная система работала невероятным образом, по их венам, казалось, текла

совсем другая кровь. Никто не мог тягаться с ними. «По пути к катеру было темно, – рассказывал Найндеман, – мы не видели костра на берегу, но нащупали дорогу обратно по расколотому свежему льду». Делонг не скрывал своего восхищения этими людьми – особенно Найндеманом. Капитан уже сделал пометку рекомендовать немца к медали Почета за ликвидацию течи в трюме «Жаннетты», но теперь он заслуживал новой награды.

Найндеман и Норос легли спать лишь около полуночи и заснули с чувством выполненного долга, словно бы совершенно не пострадав при титаническом труде в ледяной воде устья Лены.

19 сентября, собравшись с силами и оставив все не представляющие особой важности для выживания вещи, включая бумаги, хронометры и образцы сделанных в ходе экспедиции находок, в тайнике, отмеченном вкопанным в песок колышком для установки палатки, отряд Делонга приготовился идти на юг по пустошам дельты. Еды оставалось всего на несколько дней, и капитан понимал, что нужно как можно скорее выбраться из этого илистого болота и найти один из основных рукавов Лены. Он прочитал морякам отрывок из Евангелия от Матфея:

«Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?.. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы».

Доктор Эмблер, которому впервые пришлось лечить столько обморожений разом, сомневался, что им удастся добраться до какого-нибудь поселения. «Положение у нас бедственное, – писал доктор. – Нужно идти к реке».

Делонг, который едва мог ходить, тем не менее с большей надеждой смотрел в будущее. Капитан не терял своей целеустремленности. В тайнике возле места их ночевки он оставил такую записку, вложенную в старый ящик из-под инструментов:

Понедельник,
19 сентября 1881 года
Дельта Лены.

Следующие четырнадцать человек из экипажа «Жаннетты» высадились здесь вечером 17 сентября и сегодня днем пешком пойдут дальше в попытке достичь поселения на берегу реки Лены: Делонг, Эмблер, Коллинз, Найндеман, Гёртц, А Сэм, Алексей, Эрихсен, Каак, Бойд, Ли, Айверсон, Норос, Дресслер. Записка оставлена возле столба на о. Семеновский. Тридцать три человека, весь офицерский и рядовой состав экипажа «Жаннетты», покинули этот остров на трех судах утром 12 сентября (одну неделю назад). Той же ночью нас раскидало штормом, и с тех пор я не видел остальных. Мое судно село на мель утром 16 сентября, и я полагаю, что мы находимся в дельте Лены. Два дня мы пытались достичь берега, не покидая судна, или обнаружить один из речных рукавов, но в итоге я принял решение покинуть судно, после чего мы вброд дошли до берега, забрав с собой провизию и остальные вещи. Теперь мы должны с Божьей помощью попытаться дойти до какого-нибудь поселения. Мы все пребываем в добром здравии, продовольствия осталось на четыре дня, у нас достаточно винтовок и патронов. Мы забираем с собой только корабельные журналы и документы, одеяла, палатки и часть лекарств; наши шансы на успех довольно высоки.

Джордж В. Делонг,

командующий

Мой дорогой муж,

я должна быть сильной и не терять надежды ради тех, кто меня окружает. Мне не под стать беспокоить их своими печалью. Я должна не падать духом ради Сильвии. Она не понимает, что происходит, и я не хочу, чтобы она вдруг все поняла. Не думаю, что раньше я понимала, насколько глубоко и сильно люблю тебя, и не понимаю, как теперь я готова делать такие неподобающие леди признания, ведь ты

знаешь мою обычную сдержанность. Но я знаю, что ты не меньше моего жаждешь любви и ласки.

Сейчас вечер, я пишу в библиотеке. Маленькая Сильвия крепко спит, прочитав молитвы за здоровье и благополучие отца. В камине пылает огонь, на шкуре перед ним растянулись две собаки. Хотел ли бы ты провести этот вечер со мной? Или тебе лучше там, где ты сейчас? Полагаю, мне не стоит тебя дразнить, по крайней мере, до нашей встречи, когда я смогу оценить, готов ли ты вынести такое.

Эмма

Глава 35

Не забудьте обо мне в Нью-Йорке

Моряки два дня шагали по болотистым лабиринтам дельты, обуреваемые беспокойством, что идут не туда. Двигаться по прямой не получалось – они постоянно переходили на другой берег, который казался суше, искали более твердые островки земли, надеясь найти выход с этих проклятых пустошей. Они никогда не знали, была ли река, вдоль которой они шли, той самой рекой или же просто одним из множества потоков, который в конце концов исчезал или превращался в непроходимое болото. На карте Петермана эта область была обозначена как «Болото в вечной мерзлоте».

Вдалеке виднелось несколько горбатых гор, возвышавшихся над бесконечным лоскутным одеялом всевозможных водных преград – извилистых ручьев, застойных прудов, широких бухт, недвижимых стариц и быстрых рек. Повсюду вставал лед. Коренные жители этих мест и звери понимали, что пора отсюда уходить, и уже ушли. Инстинкты подсказывали им, что льда будет лишь больше, а вслед за льдом придет большая вода, из-за которой лед будет раскалываться и становиться заново. Это каждый год происходило как по часам. Немногие запоздалые утки и гуси, которых моряки порой замечали издалека, сбивались в стаи, словно готовясь к сезонной миграции. В эти дни любой зверь, который остался в этих краях, будь то пернатое или млекопитающее, был бродягой, скитальцем, столь же потерянном и неприкаянным, как весь отряд Делонга.

Это был суровый край, который, казалось, лучше подходил для мамонтов, саблезубых тигров и шерстистых носорогов. Это была удивительная плейстоценовая тундра. По берегам ручьев и рек лежали груды серого дерева, которое проплыло не одну тысячу миль вниз по течению реки, упав в нее среди зеленых лесов российской тайги. У Делонга не было другого выбора, кроме как идти вдоль этих ручьев и рек и подбирать дерево – он не мог отказаться от этого источника тепла, как странник в пустыне не может отказаться от источника живительной влаги.

В некотором отношении для путешествия по этому водному лабиринту за весь год нельзя было найти времени хуже. Летом можно было идти по земле и плыть по воде. Зимой все покрывалось льдом, благодаря чему возникали ледовые дороги, идти по которым было очень холодно, но относительно легко. Но сейчас природа пребывала в промежуточном состоянии, которое стократно усложняло любое передвижение. С каждым днем снег все надежнее скрывал любые ориентиры, а лед на речных рукавах был еще недостаточно прочен, чтобы выдержать вес моряков. Было ужасно холодно, но этот холод не давал никаких преимуществ.

Оставалось радоваться, что хотя бы не было комаров. В разгар лета комары и мошки изводили любое теплокровное существо, которое отваживалось пройти по дельте Лены. Целые тучи комаров убивали оленей и сводили с ума людей. Делонг разминулся с комарами не более чем на две недели.

Пока они шагали по тундре, Делонг особенно волновался о жертвах обморожения. У Бойда и А Сэма дела обстояли неважно, но они вроде бы шли на поправку. Однако состояние Эрихсена лишь ухудшалось. Последние два дня пути дались ему с огромным трудом. Хотя Найндеман сделал ему костыль из обрубков дерева, Эрихсен едва переставлял ноги, ковыляя со слезами на глазах. Моряки видели злую иронию судьбы в том, что мороз потрепал его сильнее всех, учитывая, что он был единственным скандинавом в отряде. К тому же Эрихсена все давно считали неуязвимым. «Как дубленая кожа, суров, – писал Коллинз в одном из своих стишков, – за троих он работать готов». Датчанин был крупным, крепко сбитым парнем, всегда жизнерадостным и доброжелательным. Привыкнув к его отзывчивости и готовности помочь, теперь его товарищи не сразу поняли, насколько тяжело его состояние.

Накануне Эрихсен позволил себе момент слабости. Усевшись посреди заснеженной тундры, он долго отказывался вставать. «Я больше не могу! – кричал он. – *Не могу идти дальше!*» Когда Найндеман пришел ему на помощь, Эрихсен взмолился, чтобы его бросили. Он хотел остаться один и умереть, чтобы больше не тормозить остальных. Найндеман сказал другу не сдаваться. Все получится, заверил он датчанина, скоро все они окажутся в Санкт-

Петербурге. Но Эрихсен в ответ лишь рывкнул: «Хотите – идите хоть до Петербурга. Я больше не могу!»

Делонг и доктор Эмблер подошли к Эрихсену и в конце концов уговорили его подняться и продолжить путь. Но Делонг не на шутку обеспокоился и написал: «Его состояние очень тяжело».

Тяжесть состояния Эрихсена стала очевидна после ужина, когда Эмблер снял повязку с его правой ноги. Доктора поразило увиденное: крупный кусок омертвевшей плоти отвалился от подушечки его стопы и упал на землю. Эмблер не сказал об этом Эрихсену. Незаметно смахнув кусок плоти в сторону, он приступил к обработке раны. Но затем доктор заметил небольшой участок обнаженной кости. Потрясенный, он наложил повязку и отошел посоветоваться с Делонгом.

Эрихсен не успел рассмотреть свою ногу, но понял, что дела плохи. Он по секрету обратился к Найндеману. «Найндеман, – спросил он, – ты что-нибудь знаешь об обморожении?»

Найндеман, который сам страдал от обморожения в Гренландии, постарался ответить по существу. «Да, – сказал он. – Сначала кожа синееет, затем чернеет».

Эрихсен немного помолчал, а затем признался: «Когда доктор снимал повязку, я увидел, как что-то выпало из-под моей ноги».

Найндеман был не в силах сказать ему правду. «Эрихсен, – ответил он, – наверное, тебе показалось».

«Нет, – настаивал датчанин, волнуясь с каждой секундой сильнее. – Я уверен. Я видел, как что-то отвалилось».

Днем 21 сентября, через два дня после начала их марша, отряд Делонга в отдалении заметил пару силуэтов, которые несказанно обрадовали моряков. Впереди, за изгибом реки, бок о бок стояли две деревянные хижины. Одна была старой и ветхой, но вторую, похоже, построили совсем недавно. Делонгу они показались не просто грубо сбитыми летними хижинами – он счел, что они, скорее всего, «предназначались для длительного проживания». Всех обуяла одна и та же мысль: есть ли там люди?

Авангард колонны – Алексей, Найндеман и Норос – ускорил шаг. Добравшись до хижин, они распахнули двери, но, к их великому сожалению, обе постройки оказались пусты. Но в очагах лежала свежая зола, а по состоянию хижин Найндеман заключил, что их

обитатели, кем бы они ни были, ушли отсюда не более двух недель назад. Эмблер счел, что хижины пребывают в «приличном состоянии», а внутри моряки нашли шахматную доску, деревянные вилки, огрызки карандашей и, по словам Делонга, другие «свидетельства использования инструментов достаточно умелыми мастерами». Рядом с хижинами стоял капкан, в котором до сих пор лежала голова лисицы, но тушка, как выразился Делонг, «была уже съедена или отрезана по самую шею». Вдоль реки стояли и другие постройки, очевидно использовавшиеся для сушки мяса.

Куда же ушли обитатели этих хижин? Очевидно, это был охотничий лагерь, но он казался достаточно основательным. Может, это было поселение, которое на карте Делонга называлось Щелбогое? Капитан содрогнулся при этой мысли. Что, если все места, которые на карте назывались «деревнями», на самом деле были не более чем заброшенными охотничьими стоянками? Это был «важный вопрос, – написал Делонг, – поскольку, если эта пара хижин составляет «поселение», наши шансы на успех весьма ничтожны».

Если это действительно было Щелбогое, по расчетам Делонга, до следующего отмеченного на карте поселения оставалось более восьмидесяти миль. Он полагал, что такое расстояние морякам не пройти. Пеммикана осталось всего на два дня, а «трое больных не могли проходить более пяти-шести миль за день». Эти трое – А Сэм, Бойд и особенно Эрихсен – ставили капитана в затруднительное положение. «Само собой, я не могу их бросить, – писал он, – но они явно не в состоянии держать нужный темп».

Делонг составил план и решил переночевать в охотничьих хижинах. Утром он намеревался отправить вперед двух самых крепких матросов, надеясь, что они смогут добраться до поселения и привести помощь. Остальные должны были остаться здесь и использовать хижины в качестве лагеря в ожидании спасения. В хижинах было относительно тепло, поэтому у А Сэма, Бойда и Эрихсена появлялся хотя бы призрачный шанс достаточно восстановиться, чтобы продолжить путь, если помощь не придет в течение недели.

Днем моряки собрали немного дров и разожгли очаги. Неподалеку Найндеман обнаружил мертвую чайку, которая попала в капкан, позарившись на рыбу. Птицу сразу передали А Сэму, чтобы он

приготовил рагу, но не успел он ощипать ее, как обнаружил, что птица совсем протухла.

Пока не стемнело, Делонг велел Алексею взять ремингтон и выйти на охоту. Капитан молился, чтобы Алексею повезло, ведь иначе их всех ждала голодная смерть. «Если Провидение не пошлет нам какую-нибудь дичь», – писал Делонг, придется съесть Лодыря. Других вариантов у них не было. Делонг окончил дневниковую запись тревожным вопросом: «А когда будет съеден и пес?..»

Тем вечером Алексей вернулся около девяти часов. Он постучал в двери хижин и собрал всех моряков, большая часть которых к этому времени уже заснула. Он принес хорошие новости – на самом деле хорошие новости лежали прямо у него на руках, и это было бедро убитого зверя. «Капитан! – воскликнул Алексей. – Я подстрелил двух оленей. Лежат в трех милях отсюда». Бедро и два оленьих языка он принес с собой в качестве доказательства. «Непревзойденный Алексей, – писал Делонг, – выследил целое стадо и подстрелил двух оленей с двадцати пяти ярдов. Молодец, Алексей! Самый темный час перед рассветом».

Туши решили забрать наутро, но праздник устроили сразу. Делонг приказал приготовить ужин. Сон как рукой сняло. Несказанно обрадованные, моряки разделали оленье бедро и вскоре уже наслаждались отменными стейками.

На следующее утро Делонг отправил Найндемана, Алексея и пятерых других матросов за оленьими тушами, и следующие два дня они питались свежим мясом, пока Эмблер всеми силами старался вернуть Эрихсена, А Сэма и Бойда обратно в строй. Такое количество свежего мяса заставило Делонга переменить свои планы: он решил не посылать двух матросов на поиски поселения. Пока что всем им лучше было держаться вместе. «Мы можем остаться здесь на пару дней, чтобы больные поправились, – писал капитан. – Питаясь олениной, мы постараемся раздобыть еще мяса и забрать его с собой».

Но Алексею больше не везло. Через два дня Делонг решил продолжить путь на юг. Ему не хотелось оставлять уютные и теплые хижины – когда в очаге горел огонь, термометр капитана показывал не менее двадцати градусов, – но нужно было двигаться дальше. Казалось, Эрихсену было лучше, а А Сэм и Бойд почти поправились. В

одной из хижин Делонг оставил старенький винчестер в качестве «сюрприза для следующего посетителя». Прежде чем уйти, Делонг написал записку, перевел ее на шесть языков и оставил в хижине вместе с просьбой переправить ее военно-морскому министру США.

Арктический исследовательский пароход «Жаннетта»
Хижина в дельте Лены
Предположительно неподалеку от селения Щелбогое
Суббота,
24 сентября 1881 года

Перечисленные ниже четырнадцать офицеров и матросов «Жаннетты» достигли этого места 21 сентября, спустившись пешком с берегов Северного Ледовитого океана. Мы пристрелили двух оленей, благодаря чему в настоящий момент не испытываем недостатка в еде, и видели целое стадо – будущее больше нас не страшит. Трое больных уже в состоянии ходить, поэтому мы собираемся продолжить путь, взяв с собой оленину, пеммикана на два дня и три фунта чая.

Джордж В. Делонг

Через четыре дня отряд Делонга наткнулся на следующую хижину, достаточно большую, чтобы в ней нашлось место для всех. Делонгу она показалась настоящим «дворцом», хотя он и подозревал, что дома они сочли бы ее «грязной хибарой, куда и собаку не загонишь». Хижина стояла на высоком холме над широким рукавом реки. Как и в случае с двумя другими хижинами, казалось, что люди покинули ее совсем недавно. Увидев «свежие угли и обрезки мяса», валявшиеся возле очага, Делонг решил, что люди, возможно, были там еще накануне. Возле хижины Алексей заметил на снегу следы мокасинов, которым было не более двух дней. В нескольких милях от этой хижины они с Найндеманом обнаружили небольшую лачугу, в которой лежала еще свежая рыба.

Делонг попытался определить их местоположение. Насколько он мог судить, они почти пересекли дельту и приближались к месту,

которое на карте было обозначено как Сагастыр. Капитан не знал наверняка, поселение это или просто заброшенная хижина – возможно, даже *эта самая*. Делонг начинал понимать, насколько схематична его карта. «Очень сложно соотнести карту с местностью», – написал он.

Делонг не понимал, где они находятся. Но следы на снегу – и еще две дорожки следов, которые они нашли на следующий день, – вселяли в моряков надежду, что деревня недалеко. Что за люди ходили здесь по снегу? Порой Делонга посещало иррациональное чувство, будто кто-то следит за ним и наблюдает со стороны. Обитатели этого призрачного края никогда бы себя не обнаружили, и Делонг предположил, что отряды Чиппа или Мелвилла уже достигли поселения и организовали поиски. «Если Чипп или Мелвилл спаслись, – написал Делонг, – они бы обязательно попытались найти нас». Он полагал, что этим и могут объясняться свежие следы: возможно, их искали прямо сейчас.

Что за люди ходили здесь по снегу? Порой Делонга посещало иррациональное чувство, будто кто-то следит за ним и наблюдает со стороны.

Считая это вполне возможным, Делонг приказал разжечь сигнальный огонь на вершине холма и установить флашток (из одной из прибитых к берегу жердей), к которому вместо флага прикрепить черное одеяло. Капитан решил на несколько дней остаться в хижине, всеми способами привлекая к себе внимание. Эмблер написал: «Даст Бог, наш костер и дым увидит какой-нибудь отряд, который придет нам на помощь».

Эмблер считал хижину настоящим «подарком Бога», потому что все они «были весьма измотаны» дорогой. Все отчаянно нуждались в отдыхе. Последние четыре дня дались им очень нелегко. Ночами температура опускалась до двадцати градусов ниже нуля, и они спали, накрывшись брезентом, по выражению Делонга, как «сложенные на складе товары». Они бесчисленное количество раз проваливались под лед и однажды чуть не перевернулись, когда на самодельном плоту

пересекали быструю реку. Но теперь они снова оказались в безопасности и не испытывали недостатка в еде. Накануне Алексей пристрелил крупного оленя, как раз когда Делонг заметил, что у них осталось лишь немного пеммикана.

«Не стоит и говорить, с каким облегчением воспринял я эту новость, – писал капитан о добыче Алексея. – Если бы Алексей вернулся с пустыми руками, нам пришлось бы съесть беднягу Лодыря». В столь своевременных встречах с крупными зверями Делонг был склонен видеть руку Бога: «Если когда-то Божественное Провидение и спасало нуждающихся и обездоленных, мы тому яркий пример. Чтобы совсем избавиться от тревоги, мне нужно лишь найти следы двух других судов и их экипажей».

Конечно же, Делонг преувеличивал. Капитану было о чем переживать и помимо этого – и больше всего его беспокоило здоровье Эрихсена. Последние четыре дня перечеркнули все улучшения, которые наблюдались в его состоянии при остановке в предыдущей хижине. Его положение было плачевно. Поговорив с Эмблером, Делонг написал в дневнике: «Язвы на ногах у Эрихсена съели почти всю кожу и добрались до сухожилий и мышц. Доктор опасается, что ему придется ампутировать обе ступни наполовину, а может, и полностью».

Разлагающаяся плоть невыносимо воняла, и Эмблер старался удалить как можно больше омертвевших тканей. Пальцы Эрихсена превратились в неузнаваемые черные обрубки. Он также жаловался, что ему сводит челюсть и что правая сторона его тела, как записал Эмблер, «его не слушается». Доктор гадал, сможет ли Эрихсен пройти еще хоть сколько-нибудь. «Одному Богу известно, сколько это будет продолжаться. Рано или поздно он сломается, – написал Эмблер. – Если мы сумеем вскоре отыскать поселение, я надеюсь спасти ему ноги, но в ином случае его ноги, его жизнь и судьбу всего отряда придется принести в жертву». В этом Эмблер несколько не сомневался: хотя Эрихсен молил их бросить его, моряки твердо стояли на своем. «Мы никого не бросим», – писал Эмблер.

На следующий день в лагерь залетела чайка, которую, очевидно, привлек сделанный из одеяла черный флаг. Алексей пристрелил незадачливую птицу, и из нее сварили жидкий суп. Насадив на крючки птичьих потроха, моряки отправились на подледную рыбалку, но ничего

не поймали. Найндеман отправился на охоту, надеясь выследить «хоть какую-нибудь добычу», но и его постигло разочарование.

Доктор Эмблер тем временем весь день занимался самым отвратительным занятием, которое нашло отражение в его медицинском журнале. «Ампутировал четыре пальца с правой ноги Эрихсена и один палец с левой ноги, отняв их возле предплюсневой плюсневого сустава», – записал он. Для Эрихсена ампутация прошла на удивление легко, поскольку он уже давно не чувствовал ног. Когда позже боль все же дала о себе знать, Эмблер накачал своего пациента опиатами и попытался вселить в него надежду. Однако доктор понимал, что надежды мало. Остальные моряки не верили, что сильного, крепкого датчанина так подкосила болезнь. Коллинз горевал, что операция «сделала этого здорового, крупного парня калекой, поставив точку в его карьере моряка». Делонг полагал, что лично ответственен за невзгоды Эрихсена. «У меня сердце кровью обливается, – писал он, – когда я вижу, как отрезают плоть и кости человека, которого я надеялся целым и невредимым вернуть к его друзьям. Да сжалится над нами Бог».

«Если бы Алексей вернулся с пустыми руками, нам пришлось бы съесть беднягу Лодыря».

Каждую ночь моряки поддерживали сигнальный костер возле хижины. Черный флаг развевался на ветру. Но за ними никто не приходил. Следы, кому бы они ни принадлежали, вскоре скрылись под снегом. Делонг не мог отделаться от чувства, что за ним следят, но шпионы не спешили себя обнаруживать. Его предположение, что другие выжившие с «Жаннетты» прочесывают дельту в их поисках, потеряло всякий смысл. «Не могу понять, – писал он, – если остальные спаслись, почему они нас не ищут?»

Последние несколько дней за отрядом Делонга действительно следили – это не было игрой его воображения. Неделей ранее двое охотников-якутов из деревни Зимовьялях наткнулись на следы отряда, оставшиеся на снегу. Несколько дней охотники шли по этим следам и

добрались до двух хижин, где останавливались американцы. Там они обнаружили свежие угли и старый винчестер, который оставил Делонг. Забрав винтовку, охотники еще несколько дней шли по следу моряков.

Но затем остановились. Издалека изучив незнакомцев, якуты начали подозревать, что это «контрабандисты», как они выразились впоследствии: преступники и воры. Якуты испугались, что стоит им обнаружить себя, как эти грязные, волосатые иностранцы сразу же их убьют. Они тихо вернулись в свою деревню, которая находилась почти в сотне миль к юго-востоку на берегу одного из рукавов Лены.

Даже живя в хижине, Делонг не переставал строить планы на дальнейший путь. Изучив ландшафт, он пришел к выводу, что добраться до селения Сагастыр – если оно вообще существовало – можно, только переправившись на другой берег реки, возле которой стояла их хижина. Но сказать было гораздо проще, чем сделать: здесь река достигала пятисот ярдов в ширину. Нужно было либо смастерить крепкий плот, либо дожидаться, пока лед станет крепче, чтобы пересечь реку пешком.

Пока что лед был слишком тонок, и моряки не могли идти вперед. Делонг писал: «Неприятно чувствовать, что ты оказался в ловушке».

Другой проблемой оставался Эрихсен. Сумеет ли он пройти еще хоть немного? Сможет ли Найндеман смастерить сани-носилки, чтобы перевезти его по льду через реку и понести дальше по тундре? В ходе второй процедуры Эмблер отрезал датчанину еще несколько пальцев и теперь полагал, что придется ампутировать обе ступни. Заметив, что его пациент страдает от тризма челюсти, доктор предположил, что вскоре у Эрихсена разовьется лихорадка, которая «сведет его в могилу». Эрихсен часто бредил и по ночам бессвязно бормотал на датском, мешая спать остальным морякам. «Он слаб, постоянно бредит, – писал Делонг, – и без конца говорит, стоит ему только закрыть глаза... создавая ужасный аккомпанемент жалким условиям нашего существования». Эмблер сказал Делонгу, что, «если Эрихсен очень скоро не получит должный уход и лечение, которые возможны лишь при длительной остановке в деревне, его жизнь находится в опасности».

Делонг оказался перед ужасным выбором. Ему казалось, что жизнь Эрихсена и жизни остальных моряков теперь лежали на разных

чашах весов. «Если мы пойдем дальше, – писал Делонг, – вероятно, он долго не протянет; если же я решу остаться здесь, Эрихсен проживет немного дольше, но мы рискуем умереть с голоду. Настал переломный момент». В конце концов Делонг доверился инстинктам, которые твердили ему никого не бросать. Как бы ни было трудно, капитан решил нести Эрихсена дальше.

Утром 1 октября – через 111 дней после гибели «Жаннетты» – Делонг рассудил, что лед на реке достаточно крепок, чтобы попробовать перебраться на другой берег. В записке, которую он оставил в хижине, значилось, что они «не боятся будущего» и что один из них серьезно болен и «в результате обморожения ему пришлось ампутировать пальцы на ногах».

Осторожно ступая по покрытой льдом реке, они рассредоточились, чтобы распределить свой вес равномерно. И все же лед трещал при каждом шаге. Иногда из-под ног моряков расходились пугающие зигзагообразные трещины. Привязав Эрихсена к сделанным из двух корявых жердей саням, они тащили бредящего инвалида на нескольких веревках, растянутых таким образом, чтобы сани оставались достаточно далеко и не создавали избыточной нагрузки на лед.

В конце концов они добрались до другого берега, собрались вместе и начали чудовищно тяжелый переход. Они преодолели более двенадцати миль по невообразимому ландшафту, таща за собой «сани» с бедным Эрихсеном, которые подпрыгивали на каждой кочке. Они шли по пустошам еще целых два дня, но двигались очень медленно. В какой-то момент они увидели на снегу человеческие следы и шли по ним большую часть дня, пока они не пропали. Делонг начал понимать, что они не приближались к Сагастыру, который, видимо, был просто «мифом».

Капитан решил, что его карта «совершенно бесполезна». «Мне следует и дальше двигаться на юг, – писал он, – надеясь, что Бог выведет меня к поселению, поскольку я уже давно понял, что справиться сами мы не в состоянии». Рельеф был невероятно сложен – Делонг не видел никакой логики в запутанном лабиринте тундры. «Меня весьма озадачивало, что реки сужались до тонких прожилок льда, – писал капитан, – и произвольно извивались. Наши скитания

отнимали много сил и времени. Нет смысла отрицать, мы очень слабы».

Делонг понимал, что в таком состоянии ему лучше бросить тяжелые судовые журналы и дневники, но не мог заставить себя сделать это – ему казалось, что они ценнее жизни. «Пока я в состоянии идти, – сказал он, – бумаги останутся со мной». Он мог спрятать их в тайнике и отметить место башней из плавникового леса, но понимал, что они находятся в пойме Лены, а следовательно, все записи будут уничтожены при весеннем разливе.

Коллинз громче всех протестовал против необходимости нести тяжелые книги. В собственном дневнике он жаловался на «судовые журналы и т. п., которые были для моряков тяжкой ношей». Но к этому моменту ирландец кипел от негодования и возмущался всеми аспектами «подхода Делонга к руководству», сравнивая капитана с «пиявкой», которая «высасывает все наши шансы на спасение». Он сообщил нескольким морякам, с которыми у него установились доверительные отношения, что ведет дневник событий – очевидно, в открытую критику Делонга, – который носит в кармане пальто. В случае если с ним что-то случится, он попросил передать дневник редактору «Геральд» Беннетту в Нью-Йорк.

Алексей по-прежнему ходил на охоту, но удача не сопутствовала ему. Последние запасы пеммикана подошли к концу, теперь моряки голодали. У капитана не оставалось выбора. 3 октября он отдал Айверсону приказ, и тот отвел Лодыря подальше от лагеря, выстрелил ему в голову, после чего разделал тушу и содрал с нее кожу. «Когда жаркое было готово, – написал Делонг, – все с жадностью набросились на него, за исключением нас с доктором. Для нас эта мешанина была тошнотворна». Жаркое приготовили из головы, сердца, почек и печени. «Некоторым, – сказал Найндеман, – это было не важно».

Температура той ночью опустилась почти до двадцати градусов ниже нуля, и моряки до утра тесным кольцом сидели у костра. Алексей и Делонг пытались согреть друг друга. Делонг писал: «Если бы он не укутал меня своей тюленьей шкурой и не согревал теплом своего тела, думаю, я замерз бы до смерти. Я и так дрожал всем телом». В интересах Эрихсена его не стали снимать с самодельных саней, которые подвинули поближе к огню. «Но его бормотание и стоны

звучали всю ночь, – писал Делонг, – и я надеюсь, больше мне не выпадет такой кошмарной ночи».

В какой-то момент, ворочаясь в бреду, Эрихсен сбросил варежки. Моряки не заметили этого до самого утра, но было уже слишком поздно: руки датчанина совсем окоченели. Бойд и Айверсон растирали их, пока кровообращение не восстановилось, но Эмблер понимал, что руки Эрихсена постигнет та же участь, что и ноги. Датчанин был без сознания и даже не знал, что он наделал. Около шести часов утра его крепче привязали к саням и потащили дальше, продолжив путь на юг.

Через несколько часов моряки заметили еще одну хижину, зашли в нее и развели огонь. Эмблер внимательно осмотрел Эрихсена и пришел к выводу, что он, как свидетельствовал Делонг, «совсем плох». Пульс едва прощупывался, матрос не приходил в сознание. Некроз распространился на лодыжки и на голени. Делонг прочитал молитву и велел всем молиться о спасении.

Два дня спустя, в 8 часов 45 минут утра 6 октября, Эмблер повернулся к морякам, по-прежнему сидящим в хижине, и покачал головой. «Все кончено, – сказал он, закрывая Эрихсену глаза. – Мир его праху».

Ханс Эрихсен, 33-летний матрос из датского Эрёскёбинга, который не раз рыбачил на Северном море, был мертв. «Наш товарищ ушел из жизни, – написал Делонг. – Боже, что же будет с нами?»

У них не было инструментов, чтобы вырыть ему могилу, да у них бы это и не вышло в вечной мерзлоте. «Моряков хоронят в море», – рассудил Делонг и решил предать тело Эрихсена реке. Сняв с него одежду, они распределили ее между собой. Тело датчанина зашили в палаточный брезент и набили получившийся мешок землей, чтобы утяжелить его. Айверсон забрал Библию Эрихсена, а Каак отрезал прядь его волос. Накрыв тело датчанина флагом, его спустили к реке.

После короткой церемонии прощания моряки топориком прорубили во льду дыру и погрузили тело Эрихсена в холодные воды Лены. Над рекой раздались три оружейных залпа. Найндеман нашел в хижине старую доску, вырезал из нее надгробие и повесил на дверь. Надпись гласила:

В ПАМЯТЬ

Х. Х. ЭРИХСЕНА

6 ОКТЯБРЯ 1881 ГОДА

«ЖАННЕТТА»

Утро 9 октября выдалось ясным и относительно теплым после нескольких дней холодных туманов. Делонг подозвал Найндемана, чтобы обсудить с ним план, который вынашивал уже не первый день. Он хотел, чтобы Найндеман воспользовался шансом, который дает погода, пошел вперед остального отряда и нашел помощь.

После смерти Эрихсена обморожение сказалось на здоровье нескольких других моряков. Хуже всех дела обстояли у самого Делонга, а также Коллинза и Ли. У них оставалось всего несколько фунтов собачатины, поэтому теперь они существовали в основном на своеобразном гроге, сваренном из бренди, старого чая и речной воды. Двигаясь группой, они не могли пройти более нескольких миль за день. «Мы все порядком измотаны, – писал Делонг, – и словно бы блуждаем по лабиринту». Он чувствовал, что Найндеман может дать им последний шанс.

Делонг выбрал Найндемана, потому что тот оставался самым крепким из моряков и с наибольшей вероятностью мог добиться успеха. Не приходилось сомневаться в находчивости немецкого матроса и его безупречной сноровке. Его гренландские испытания доказали, что он обладал невероятным инстинктом выживания. Коллинз вызвался сопровождать Найндемана, но Делонг осадил ирландца, сказав: «В вашем состоянии, мистер Коллинз, вы не уйдете и на пять миль от лагеря». Кроме того, капитан не доверял Коллинзу; впоследствии ходили слухи, которые не подкреплялись конкретными свидетельствами, будто Делонг опасался, что, если Коллинзу удастся спастись первым, он бросится на ближайшую телеграфную станцию, чтобы передать в «Геральд» искаженную информацию об экспедиции.

Алексей был, пожалуй, вторым по крепости после Найндемана, но Делонг хотел, чтобы эскимос остался в отряде, так как он лучше всех охотился. Надеясь на божью помощь и меткость Алексея, капитан не

терял оптимизма. «Я верю в Бога, – писал он. – Он кормил нас до сей поры, и я уверен, что и теперь Он не даст нам умереть от голода».

Следующим по крепости был Луи Норос. Делонг велел ему сопровождать Найндемана и подчиняться его приказам. Идти планировалось налегке – как выразился Найндеман, «в одной одежде». С собой моряки брали лишь винтовку, сорок патронов, несколько одеял и немного грога. «Если подстрелите зверя, – напутствовал Делонг, – возвращайтесь к нам».

Но если удача им не улыбнется, капитан хотел, чтобы они шли дальше на юг, к деревне Кумах-Сурт, которая, по его прикидкам, находилась в четырех днях пути. «Найндеман, сделайте все, что в ваших силах, – сказал Делонг. – Если вы найдете помощь, возвращайтесь как можно скорее. Если же нет, мы будем равны. Вы видите, в каком мы сейчас положении».

Делонг предложил Эмблеру отправиться вместе с Найндеманом и Норосом, но доктор отказался. «Я решил, – написал Эмблер, – что мой долг пока остаться с капитаном и отрядом».

Капитан прочел молитву, после чего моряки подошли к Найндеману и Норосу, чтобы на прощание пожать им руки. У всех в глазах стояли слезы. Коллинз дрожащим от чувств голосом сказал Норосу: «Когда доберетесь до Нью-Йорка, не забудьте обо мне».

Затем Найндеман и Норос развернулись и пошли на юг вдоль берега реки. «Да поможет им Бог», – написал Эмблер. Когда они исчезли за поворотом, моряки Делонга троекратно прокричали ура.

Мне так хочется оказаться рядом с тобой, увидеть тебя, окружить тебя заботой. Боюсь и думать, в каком ты положении. Я стараюсь терпеливо ждать новостей о страждущем муже. Не стоит и говорить, насколько я встревожена. Я не падала духом все эти тяжелые годы, я не паду и сейчас. Я не глупая женщина и не потеряю голову. Я постараюсь изгнать из головы все предчувствия и печальные мысли. Как же я жажду оказаться с тобой рядом!

Эмма

Глава 36

Не жалея сил и средств

К осени 1881 года Эмма Делонг стала серьезно беспокоиться о судьбе «Жаннетты». «Корвин» вернулся в Сан-Франциско 21 октября. Он прошел более восьми тысяч миль вдоль берегов Аляски и Сибири, но его команда не нашла никаких следов «Жаннетты» и даже не услышала никаких слухов. Более того, историческая высадка экипажа «Корвина» на Земле Врангеля, доказавшая, что на самом деле это лишь остров, разбила последние надежды Эммы на то, что ее муж и его команда прошли вдоль гипотетического трансполярного континента, достигли Северного полюса и миновали его.

Эмма стала до смешного рассеянной. Все валялось у нее из рук, она случайно била посуду и уходила из магазинов, не оплатив покупки. Все ее мысли были лишь о «Жаннетте». 11 ноября, когда американский военный корабль «Альянс» вернулся из плавания к северным берегам Норвегии, ее тревога лишь усилилась. «Альянс» 16 июня вышел из Норфолка с двумястами матросами на борту и прошел 12 тысяч миль. Капитан судна, капитан 2-го ранга Джордж Генри Уодли, сообщил, что не нашел никаких следов «Жаннетты» и ее экипажа. На борту корабля был один из лучших репортеров Беннетта Гарри Макдона, который впоследствии опубликовал в «Геральд» серию очерков о путешествии.

«Альянс» зашел в Рейкьявик и стал первым американским судном, которое посетило исландский порт. Исландцы были очарованы американцами, особенно несколькими чернокожими матросами, которые, по словам Макдоны, показались им «сбежавшими экспонатами из музея». Далее Уодли повел «Альянс» в норвежский Хаммерфест, а оттуда на Шпицберген – арктический остров к северу от Норвегии. По пути «Альянс» встретил множество китобоев, зверобоев и охотников на моржей, но ни один из них не смог ничего рассказать о «Жаннетте». Матросы Уодли распространили отпечатанные на нескольких языках плакаты, в которых обещалась награда за информацию о местоположении «Жаннетты».

«Альянс» дошел до отметки 80°10' с. ш., развернувшись примерно в 590 милях к югу от Северного полюса. Считается, что ни один военный корабль никогда не заходил дальше. Но затем Уодли наткнулся на паковый лед. Увидев столь серьезную ледовую преграду, Макдона усомнился, что человечество вообще когда-либо достигнет Северного полюса: «Ни один человек, увидевший эту пустыню льда, испещренную торосами и горными хребтами, вздыбленными силой, которую невозможно постичь, не усомнится, что потребуются многие годы отчаянных попыток, прежде чем кому-то удастся добраться до высшей точки планеты».

По возвращении в США офицер «Альянса» сдержанно повторил опасения Эммы Делонг: «Мы уже не так уверены в благополучии экипажа «Жаннетты», как раньше».

Тем временем третье судно, отправленное на поиски Делонга, пароход «Роджерс», тем летом прошло многие тысячи миль вдоль берегов Камчатки и Сибири. Но его капитан, лейтенант Роберт Берри, сообщил то же самое: ему не удалось обнаружить ни следа «Жаннетты». Отряд моряков «Роджерса» высадился на острове Врангеля через несколько недель после Джона Мьюра и его товарищей. Отойдя от берега более чем на двадцать миль, они внимательно изучили остров, но не нашли никаких свидетельств, что нога Делонга ступала на эту землю. Теперь «Роджерс» встал на зимнюю стоянку в бухте на северо-восточном сибирском берегу, и капитан намеревался отправить собачьи упряжки на запад, к устью Колымы, чтобы попробовать отыскать следы Делонга. На борту «Роджерса» находился еще один корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд».

Бесплодные поиски летом 1881 года лишь повысили общественный интерес к судьбе Делонга. На весну 1882 года было запланировано множество спасательных экспедиций – теперь поиски «Жаннетты» приобрели международный размах. Мир не проявлял такой заботы о судьбе отдельной арктической исследовательской экспедиции с самого исчезновения сэра Джона Франклина. В Копенгагене лейтенант Королевского флота Дании Ховгорд собирал средства на организацию масштабной поисковой операции вдоль сибирского побережья, в ходе которой он собирался проследовать по северо-восточному проходу, успешно проторенному Норденшёльдом.

Из Санкт-Петербурга российские власти отправили уведомления о поисках всем комендантам и старейшинам северной Сибири. В Канаде Британское министерство по делам колоний разослало письма всем губернаторам Компании Гудзонова залива и велело им проинформировать охотников и работников компании, находящихся на арктическом побережье Северной Америки, о текущих поисках «Жаннетты».

Королевское географическое общество в Лондоне тем временем приступило к разработке собственных планов спасательной экспедиции. «Американский народ может быть уверен, что английские географы не только глубоко соперничают отважным исследователям на борту «Жаннетты», но и готовы сделать все, что в наших силах, чтобы поиски увенчались успехом», – заявил в декабре член общества Клементс Маркем.

Штатному автору «Геральд» показалось, что «Жаннетту» окружили даже большим вниманием, чем в свое время пропавшую экспедицию Франклина. «Во второй раз в истории полярных исследований крупная экспедиция, вероятно, пропала в Арктике, – гласила статья в «Геральд». – Намечаются новые поиски Франклина – с той лишь разницей, что в прошлый раз это была англо-американская операция на ограниченном участке полярного круга, а теперь грядут всеобщие поиски по всей границе «неизведанной территории», в которых примут участие почти все цивилизованные страны мира».

Последний год Беннетт следил за разговорами о спасательных миссиях, но его отвлекало другое. Он давно вынашивал идею основать новую газету «Париж Геральд», которая будет нацелена в основном на таких же, как и он сам, американцев, живущих в Европе. Он купил прекрасную виллу в местечке Больё на Лазурном Берегу, откуда открывался чудесный вид на море. Он устраивал экстравагантные охоты в загородном доме неподалеку от Версаля и большую часть года проводил в круизах по Средиземноморью.

Кроме того, Беннетт был занят открытием своего нового творения, Ньюпортского казино, которое оказалось больше, чем кто-либо мог представить. Это была пышная постройка из дерева, камня и чешуйчатой черепицы с просторными верандами, уличными барами и аккуратным травяным теннисным кортом, расположенным на площадке, которая могла вместить не одну тысячу зрителей. «Ничего

подобного нет ни в Старом Свете, ни в Новом, – восхищался газетный репортер, посетивший торжественное открытие казино. – Вряд ли в мире найдется более веселое и оживленное место».

В августе в Ньюпортском казино состоялся первый национальный чемпионат только что образованной Национальной ассоциации лаун-тенниса Соединенных Штатов. Это был первый в истории теннисный турнир на американской земле. Лучше всех себя показал Ричард Дадли Сирс из Гарварда, который выиграл пять матчей подряд. Как и рассчитывал Беннетт, Ньюпортское казино стало родиной американского соревновательного тенниса. Проводившийся там ежегодный турнир впоследствии вылился в Открытый чемпионат США по теннису. Национальные чемпионаты проводились в Ньюпортском казино до лета 1915 года, когда их перенесли в Форест-Хиллс в Нью-Йорке.

Поглощенный делами казино, Беннетт тем не менее регулярно связывался с Эммой Делонг и в конце лета 1880 года даже пригласил ее в Ньюпорт посетить его «коттедж». Маленький особняк, называвшийся «Каменная вилла», был расположен как раз напротив казино на противоположной стороне Бельвью-авеню. Беннетт пригласил Эмму на морскую прогулку на своей новой яхте «Полиния», в постройку которой он, как сообщается, вложил 55 000 долларов. Сестра Беннетта Жаннетта Белл тем летом тоже навестила Ньюпорт. У них с мужем недавно родился сын, но Беннетт не проявлял желания играть в любимого дядюшку. Выписав чек на наследство в размере 100 000 долларов, Беннетт положил его в изножье колыбели племянника и больше никогда не обращал на мальчика внимания.

Беннетт обещал Эмме, что не пожалеет сил и средств, чтобы найти ее мужа. Для него полярная проблема была сродни оживленному теннисному матчу – она казалась ему увлекательным спортом, бодрящим испытанием, интересной игрой. Он не сомневался, что все будет в порядке. А если нет, таков был риск. Он не мог представить более почетной гибели, чем гибель во имя исследования – во имя страны, во имя флота, во имя науки. И само собой, во имя «Геральд». «Геральд» для меня все, – сказал он однажды репортеру. – Человек – ничто».

Но к концу 1881 года даже Беннетт начинал подозревать, что с «Жаннеттой» случилось непоправимое. Он смирился с мыслью, что

корабль затонул и давно покоился на дне морском. Что же до судьбы Делонга и остальных моряков, Джеймс Гордон Беннетт не терял оптимизма. Он телеграфировал Эмме из Парижа:

Не бойтесь за мужа и его отважную команду. Если правительство из скупости откажется снаряжать еще одну экспедицию, я отправлю ее за свой счет, даже если на это уйдет все до последнего доллара. Хотелось бы мне передать Вам свою уверенность в благополучии «Жаннетты».

Беннетт

Глава 37

Неистовая жестикуляция

Пока Найндеман и Норос шагали по ленским пустошам, на них тяжким грузом опускалась сибирская зима. Ночи становились все холоднее, температура колебалась в районе двадцати градусов ниже нуля. Порой казалось, что только постоянное движение спасает их от гибели. Звуки стали ломкими. Влага на лицах превратилась в ледяную корку. Снег скрипел под ногами. Холод стал практически осязаемым и молча лишал дельту жизни, как огонь лишает комнату кислорода. В самые холодные ночные часы облачка пара, вырывавшиеся у них изо рта, замерзали на лету и опадали серебристыми каплями, которые, если верить коренным жителям этих мест, издавали тихое позвякивание, называемое «шепотом звезд». Впоследствии рекордно низкая для Северного полушария температура, минус 67 градусов по Цельсию, будет зафиксирована на советской погодной станции к востоку от Лены.

Найндеман и Норос шли ровно и упорно, но к этому моменту слишком ослабели, чтобы ускорить шаг. В среднем они проходили около тринадцати миль в день. Норос кашлял кровью и подумывал о самоубийстве. В худшие моменты лишь мысли о семье, которая ждала его в городке Фолл-Ривер в штате Массачусетс, не давали ему лишиться себя жизни.

Большая часть их пути казалась сном: дни слились в единую белую массу, в которой было лишь несколько мгновений пугающей ясности. Сверкающие глаза полярной совы. Старые нарты, которые они сломали на дрова. Погребенный в ящике на холме местный житель. Без конца кружащий в небе черный ворон.

Единственным ориентиром, который выдавался над бесконечной равниной, был скалистый остров, словно застрявший посреди Лены. Массивный утес назывался просто – остров Столб. В ясную погоду его было видно за сотни миль. Арктическая атмосфера преломляла его силуэт, из-за чего остров Столб принимал множество причудливых форм: порой он напоминал парящую над долиной крепость, порой кита, а порой спину гигантского доисторического зверя. Какую бы

форму он ни принимал, Найндеман и Норос ориентировались на него, шагая все дальше на юг.

Палаток у них не было, поэтому каждый вечер они забивались в норы, подобно животным. Они спали в естественных пещерах на берегу реки, у подножия утесов, под старой плоскодонкой, брошенной на льду, и в вырытых в снегу берлогах.

Питались они как попало. Однажды Найндеман подстрелил белую куропатку, типичную для Арктики. В другой раз он поймал лемминга, и они поджарили маленького грызуна на костре, даже не выпотрошив тушку. Они заваривали чай из корней полярной ивы. В один из дней они обнаружили на берегу реки несколько рыбьих голов. Остаток времени им приходилось жевать подошвы сапог и обрывки штанов из тюленьей кожи, которые предварительно размачивали в воде и коптили на огне, чтобы сделать съедобнее.

Через неделю после начала пути они так ослабели, что зачастую не могли идти вперед против ветра. Почти потеряв надежду, вечером 19 октября они наткнулись на несколько хижин в местечке Булкур. Моряки разожгли в одной из них огонь и провалились в сон. За десять дней, которые прошли с момента прощания с Делонгом, они преодолели 129 миль.

На следующий день в одной из соседних хижин среди потрепанных сетей они нашли большое количество сушеной рыбы, которая по консистенции напоминала опилки. Почти безвкусная, эта рыба была заготовлена не для еды – из нее получали ламповое масло, которое вытапливали из рыбьей плоти. Не обращая внимания на синюю плесень, Найндеман и Норос с жадностью набросились на рыбу и принялись запихивать ее в рот. Вскоре им стало плохо, а на следующий день их поразила сильная диарея. В стуле были кровавые выделения – моряки решили, что заболели дизентерией. Несмотря на это, они продолжили есть рыбу, полагая, что полный желудок стоит любой боли.

Около полудня 22 октября они услышали возле хижины странный свистящий звук. Им показалось, что над ними пролетает большая стая гусей. Обезумев от голода, они уже не верили своим ушам. Найндеман открыл дверь и заметил какое-то движение, а затем разглядел голову и рога оленя. Схватив винтовку, он принялся ее заряжать, но тут дверь распахнулась. На пороге стоял якут в теплых мехам, а за ним

виднелись нарты, запряженные целой упряжкой оленей, которые фыркали и били копытами по снегу.

Якут был поражен увидеть двух грязных, полумертвых чужаков в своей родовой хижине в Булкуре. Найндеман и Норос при виде гостя расплакались от счастья, ведь они уже 809 дней не встречали людей, помимо товарищей по команде «Жаннетты».

Найндеман бросился приветствовать якута. Увидев винтовку в руках моряка, тот испугался, упал на колени, поднял руки и взмолился, чтобы Найндеман не стрелял. Отбросив винтовку в угол, Найндеман знаком пригласил якута внутрь. Тот нерешительно потоптался на пороге, но затем все же вошел, когда Найндеман предложил ему рыбу. Изучив заплесневелую рыбную кашу, якут, которого звали Иван, покачал головой и жестами объяснил, что такое в пищу не годится.

Заметив, как поношены сапоги Найндемана, Иван подошел к нартам, вытащил новую пару оленьих унтов и преподнес ее в качестве подарка. Найндеман поблагодарил его, а затем на пару с Норосом принялся неистово жестикулировать, пытаясь объяснить якуту, что они не одни, что еще одиннадцать человек до сих пор бедствуют где-то на севере. Все было тщетно – Иван, похоже, не понимал, что они пытаются сказать. Он объяснил, что ему пора ехать, и показал четыре пальца. Найндеман решил, что это означает, что он вернется через четыре часа или четыре дня – сказать наверняка он не мог. Усевшись в нарты, Иван подстегнул оленей и поехал на запад, вдоль реки. Через несколько минут его и след простыл.

Найндеман и Норос молча смотрели друг на друга, боясь, что допустили ужасную ошибку, позволив якуту уехать без них. Они опасались, что по собственной глупости лишились последнего шанса на спасение и больше никогда не увидят Ивана. Найндеман проклинал себя за то, что размахивал винтовкой, не сомневаясь, что именно она и отпугнула якута.

Но к вечеру Иван вернулся в Булкур в сопровождении двух крепких мужчин на нартах, запряженных множеством оленей. Они привезли свежую рыбу, которую тут же выпотрошили и очистили от чешуи. Норос и Найндеман съели ее сырой – всю до последнего кусочка. Затем Иван выдал беднякам оленьи шубы и покрывала и усадил их в нарты, разместив как ценнейший груз.

Вскоре они двинулись в путь сквозь темную ночь по снегу и льду. Проехав около пятнадцати миль на запад, они заметили впереди на холме несколько чумов из оленьих шкур. Неподалеку стояло около сотни оленей. Сквозь полупрозрачные стенки чумов Найндеман и Норос различили мерцающее пламя очагов. Над лагерем витали аппетитные запахи готовящейся пищи. В чумах раздавались голоса. Отовсюду доносился смех, приглушенно беседовали женщины, кричали дети.

Только тогда двое скитальцев поверили в свою удачу. *Они были спасены.*

Хотя они этого еще не знали, Найндеман и Норос попали в гости к якутам – большому полукочевому племени охотников и рыболовов, мир которых вращался вокруг оленей. Внешне якуты напоминали монголов, но их язык принадлежал к тюркской группе. С XIII века якуты мигрировали на крайний север Центральной Сибири из лесов Забайкалья. К 1830-м годам российское государство обратило большинство якутов – порой против их воли – в православие, но они по-прежнему сохраняли свои традиционные анимистические верования и полагались на могущество шаманов.

Исполненные достоинства, прямодушные якуты давно решили все загадки дельты и веками совершенствовали свои техники выживания в экстремальном холоде. Со стороны могло даже показаться, что они *предпочитают* жить в экстремальном холоде, поскольку он дает им свободу и независимость от всемогущей российской монархии. Их свобода объяснялась способностью жить там, где не хотел жить никто другой. В краю якутов даже ходила прическазка: «Бог высоко, а царь далеко».

Найндемана и Нороса приветливо встретили в якутском лагере. Им сразу дали теплой воды, чтобы вымыть грязные руки и лица. Но Найндеман не мог умыться – его руки свело от мороза, а ногти отросли и зазубрились. Заметив его мучения, якутская женщина опустилась возле него на колени и осторожно умыла его грязное, обветренное лицо. Ее доброта и человечность поразили Найндемана. Он понял, что никогда ее не забудет.

После сытного ужина Найндеман и Норос устроились у огня и попытались объяснить якутам, что на севере замерзают другие потерпевшие кораблекрушение моряки. Одиннадцать человек по-

прежнему находятся в снежном плену. Матросы отчаянно жестикулировали и рисовали фигурки на золе, но якуты, казалось, их совсем не понимали. Они лишь неловко улыбались и кивали головами. Возможно, они все еще пытались понять, как два этих странника оказались в дельте, откуда они пришли и из какой страны – или с какой планеты – сюда прибыли. Скорее всего, якуты сочли Найндемана и Нороса беглыми заключенными, политическими ссыльными или пиратами. Понимая, что все их попытки ни к чему не ведут, американцы в конце концов сдались и провалились в сон.

Скорее всего, якуты сочли Найндемана и Нороса беглыми заключенными, политическими ссыльными или пиратами.

На следующее утро якуты свернули лагерь и двинулись на юг – как раз в противоположном направлении, чем нужно было для спасения Делонга. Около полудня олени упряжки поднялись на высокий холм, с которого был виден остров Столб – массивный скалистый остров, который долгое время служил ориентиром Найндеману и Норосу. Указав на остров, Найндеман еще раз попытался рассказать историю «Жаннетты» и объяснить, что их товарищи по команде замерзают на севере. Он рисовал на снегу и умолял старейшину отправить отряд в указанном направлении. Но якутский старейшина лишь улыбался грустной улыбкой, никак не показывая, понимает ли он, что ему говорят, и не давая повода подумать, что он все же развернет отряд на север.

На следующий день якуты достигли небольшой деревушки Кумах-Сурт, о которой Делонг говорил Найндеману и Норосу, отправляя их вперед группы. В деревне был праздник, и Найндеман с Норосом быстро превратились в объект всеобщего любопытства. «Все останавливались и смотрели на нас, – вспоминал Найндеман. – Все хотели узнать, кто мы такие и откуда».

Кто-то дал Найндеману игрушечный кораблик, с помощью которого он еще раз рассказал историю «Жаннетты». Все жители

деревни собрались вокруг, пока он повторял печальный рассказ, описывая, как корабль покинул Америку и переплыл океан. Как он застрял во льдах и дрейфовал два года. Как в конце концов затонул далеко на севере. Как тридцать три человека три месяца шли по льду, таща за собой три лодки, пока наконец не достигли открытой воды. И как эти три лодки разметало во время шторма.

«Тут я показал им карту побережья, – рассказывал Найндеман, – и объяснил, что наш катер причалил *сюда*, а судьбу двух других мы не знаем». Он карандашом отметил на карте, где они сошли на берег, и, прибегнув к пантомиме, показал, как они шли по берегам Лены и как хоронили в реке умершего товарища. «Все качали головой, – вспоминал Найндеман, – словно сочувствуя этому».

Затем Найндеман объяснил, что они со спутником оставили основную часть отряда позади и десять дней шагали по дельте. Умоляющим голосом он сказал, что теперь просит жителей деревни о помощи, потому что нужно вернуться и спасти моряков, пока они все не погибли.

Закончив рассказ, Найндеман посмотрел на якутов и по отсутствующему выражению на их лицах понял, что им, может, и понравилось его представление, но они так и не поняли, о чем он говорит. «Временами мне казалось, что они все понимают, – вспоминал он, – но потом я снова замечал, что они не понимают ни слова». Некоторые из них, возможно, решили, что это бред сумасшедшего. В любом случае жители Кумах-Сурта никак не показали, что готовы помочь.

Неспособность объяснить, в каком бедственном положении находятся его товарищи, и постоянное понимание, что времени остается все меньше, сводили Найндемана с ума. На следующий день, все еще сидя в одной из хижин Кумах-Сурта, он разрыдался, не в силах справиться с печалью. Одна якутка пожалела его и достаточно долго сидела рядом, чтобы понять его просьбу: он хотел, чтобы его отвезли южнее, в Булун – более крупное селение на берегу Лены, о котором тоже упоминал Делонг. Там Найндеман надеялся встретить кого-нибудь, кто понимает английский или его родной немецкий. Возможно, в Булуно он сможет встретиться с чиновниками российской

администрации, которые поймут его и помогут организовать спасательную экспедицию.

Пока жители деревни готовили оленью упряжку и искали погонщика, американцы составили записку, в которой объяснили, кто они такие и что случилось с Делонгом. Эту записку они планировали отдать администрации в Булуне.

Именно тогда в деревню забрел оборванный и несколько загадочный русский мужик по имени Кузьма, который познакомился с Найндеманом и Норосом. Хотя он предпочитал об этом не распространяться, Кузьма оказался вором, которого в качестве наказания сослали в Сибирь. Тем не менее он был образованным человеком и повидал немало мест. Неясно, что Кузьма забыл в Кумах-Сурте, поскольку он жил в сотне миль от деревни, в северо-восточной оконечности дельты. Кузьма не говорил ни по-английски, ни по-немецки, но тотчас вселил в Найндемана и Нороса новую надежду. Увидев измученных скитальцев, он первым делом спросил: «Жаннетта»? Американцы?» Найндеман предположил, что Кузьма читал об экспедиции «Жаннетты» в российских газетах или слышал о ней от чиновников. Как бы то ни было, он, похоже, знал, кто они такие, а это было уже кое-что.

Кузьма энергично закивал, когда Найндеман и Норос сказали, что одиннадцать других потерпевших кораблекрушение американцев, включая их капитана, все еще живы, но страдают от холода. Казалось, Кузьма вдруг понял все, о чем они говорили. Рассмотрев составленную Найндеманом и Норосом записку, Кузьма поступил странно: он забрал ее и сунул в карман. Найндеман запротестовал, но Кузьма отказался ее возвращать и вскоре сбежал из деревни, никому об этом не сказав.

Жители деревни щедро одарили американцев мехами и копченой рыбой для путешествия в Булун. На следующий день Найндеман и Норос уехали на оленьей упряжке в сопровождении погонщика-якута. В Булун они прибыли вечером 29 октября. В уютном селении оказалось где-то тридцать пять лачуг и хижин и крошечная православная церковь. Найндеману и Норосу оказали теплый прием – вскоре они уже встретились с местным священником и русским комендантом. Им выделили небольшую хату, где они в течение нескольких следующих дней лечились от дизентерии и отдыхали, ожидая ответа коменданта. На них по-прежнему было страшно

смотреть – измотанные, истощенные, со свалевшимися бородами и обветренными лицами, они еще несколько раз попытались объяснить жителям деревни, что нужно как можно скорее выслать подмогу на север, но снова не добились успеха.

Вечером 2 ноября они услышали, как скрипнула внешняя дверь их хижины. Затем внутренняя дверь, обитая толстым слоем войлока и оленьих шкур, отворилась, и в проеме появился суровый мужчина в мехах. Свет был таким тусклым, что американцы едва смогли разглядеть своего гостя, даже когда он тихо вошел внутрь. Найндеман лежал на некоем подобии кровати, а Норос стоял у стола, нарезаая хлеб финским ножом.

В госте было что-то необычное. Он просто стоял у двери, не говоря ни слова. У него на лице сияла странная улыбка.

«Приве-е-ет, Норос! – наконец прогрохотал он. – Как дела?»

Норос поднял голову и увидел, что незнакомец идет прямо к нему. Сбросив капюшон, тот обнажил знакомое лицо – и знакомую лысину.

Со слезами на глазах Норос воскликнул: «Боже, *мистер Мелвилл*, вы живы!»

Глава 38

Леденящий душу ужас

Прошел пятьдесят один день с того момента, как три лодки разбросало во время шторма. Пятьдесят один день с той минуты, как моряки Делонга потеряли вельбот Мелвилла из виду в бушующем море Лаптевых и признали экипажи двух других судов погибшими. Теперь Найндеман и Норос встретили Мелвилла в своей хижине как человека, восставшего из мертвых. Они не могли сдержать радости от встречи с выжившим товарищем. Они были безмерно счастливы снова слышать английскую речь и понимать, что они не одни в этом странном краю.

«Мелвилл, – воскликнул Норос, – мы думали, что только мы вдвоем и остались! Мы были уверены, что вся команда вельбота погибла и команда второго катера – тоже».

Сняв шубу, Мелвилл обнял друзей в тускло освещенной теплой хижине. Его суровое лицо было обветрено и покрыто паршой, кое-где виднелись лиловые язвы обморожения, но в целом он пребывал в гораздо лучшей форме, чем Найндеман и Норос. При виде товарищей Мелвилл прослезился – это были слезы радости и облегчения, но в то же время и слезы печали, ведь бывалому механику было больно смотреть на своих изнуренных товарищей, под глазами которых залегли глубокие тени. Мелвилл понимал, что эти бедолаги побывали на волосок от смерти.

Рассказ Мелвилла был во многом схож с тем, что пережили Найндеман и Норос. На его долю тоже выпали лишения, распри и скитания по безлюдным пустошам. Все это, по его словам, было «леденящим душу ужасом». И все же Мелвиллу сопутствовала удача.

Днем 12 сентября одиннадцать человек на вельботе – Мелвилл, Даненхауэр, Ньюкомб, Лич, Бартлет, Коул, Чарльз Тонг-Синг, Генри Уилсон, Фрэнк Мансен, Лаутербах и Анегин, – как выразился Мелвилл, отошли от катера Делонга «на огромной скорости». Но шторм усилился и отломил кусок руля, тем самым лишив вельбот управления. Моряки на борту принялись гадать, выживут ли они на таких волнах. Всмотриваясь в море, они не сомневались, что больше

никто из участников экспедиции не выжил. «Нам казалось, – сказал Мелвилл, – что шторм пережило лишь наше судно».

Мелвилл развернул вельбот по ветру и, как и Делонг, соорудил сложный плавучий якорь из обрывков брезента, весел и палаточных колышков, к которому для веса привязал несколько медных чайников. Изящной эту конструкцию было не назвать, однако она превосходно справилась со своей задачей и позволила команде Мелвилла выбраться из шторма.

И все же всю ночь они «всеми силами вычерпывали и откачивали воду». Волны набегали по три разом, и моряки распределили усилия, чтобы успевать перевести дух перед следующей порцией воды, которая хлестала через борт. Лучше всех работали Анегин и Чарльз Тонг-Синг, которые сидели в трюме и с отчаянным упорством вычерпывали воду. Но промежутки между волнами были очень коротки. «Нас окатывало холодной водой... – рассказывал Мелвилл. – На борту она мгновенно превращалась в слякоть». И моряки снова иступленно принимались вычерпывать воду. Когда рассвело, «стало только хуже, – вспоминал Мелвилл, – потому что теперь мы видели, в каком плачевном состоянии пребывают наши товарищи». Мелвилл окоченел, его руки «опухли, покрылись язвами и кровоточили от холода и застоя крови». Земли не было видно, перед ними лежало лишь бескрайнее свинцово-серое море. Трюм вельбота, набитый снегом, который предполагалось растапливать в пресную воду, наполнился соленой водой, так что пить морякам было нечего.

В отсутствие измерительных приборов Мелвилл и Даненхауэр направляли вельбот в дельту, ориентируясь лишь по солнцу и звездам. Мелвилл сильно отклонился от курса, который взял первый катер Делонга. Механик направил вельбот строго на юг и приближался к юго-восточной оконечности дельты, в то время как Делонг забрал далеко на запад и в итоге пристал к менее изученным – и менее населенным – северным регионам дельты. По мере приближения к земле два экипажа разошлись друг от друга на несколько сотен миль.

14 сентября вельбот сел на илистую мель, но земли Мелвилл по-прежнему не видел. Снявшись с мели, они взяли курс на востоко-юго-восток и много миль шли среди песчаных отмелей, пока не обнаружили свободный ото льда проток, который оказался одним из основных рукавов Лены. Мощное течение выносило коричневый ил

далеко в холодное море. Там они повернули строго на запад и поплыли против течения. Вода с каждым часом становилась все менее соленой. Утром 17 сентября в отдалении они заметили два мыса – настоящие врата этой сильной реки. Наконец-то они достигли Сибири.

Весь следующий день они двигались вверх по течению Лены. Мелвилл недоумевал: на его карте, скопированной из «Географических известий» Петермана, были обозначены многочисленные «зимние хижины местных племен», однако моряки не видели никаких признаков жизни. Берега быстрой мутной реки около четырех миль шириной были забросаны плавниковым лесом. Мелвилл писал: «Мы на чем свет стоит ругали Петермана и его карты, которые завели нас в никуда».

Они более ста двадцати часов сидели в тесном вельботе, и положение их было незавидным. «Холод, – писал впоследствии Мелвилл, – лишал нас сил, сковывая мысли, слова и движения». Ньюкомб жаловался на боль в деснах – характерный признак цинги, а остальные страдали от разной степени слепоты и звона в ушах.

Но больше всего их мучили конечности. «Руки потрескались и ужасно кровоточили, – писал Мелвилл. – Кожа покрылась ссадинами и язвами, плоть распухла и стала рыхлой на ощупь. Мы больше не чувствовали ни рук, ни ног». В особенно плохом состоянии были ноги у Лича (тяжесть его обморожения была сравнима с обморожением Эрихсена, когда тот оказался на берегу). Сняв сапоги, Лич увидел, что его пальцы стали иссиня-черными, а кожа и ногти загнулись, по свидетельству Мелвилла, как перья, опаленные огнем.

Моряки страдали не только физически – некоторые теряли рассудок. Коул что-то бормотал себе под нос и порой терял связь с реальностью. Даненхауэр, который был до сих пор уязвлен решением Делонга назначить Мелвилла командующим вельбота, хотя штурман был старше его по рангу, бессвязно бредил; время от времени его одолевали вспышки ярости. Неясно, знал ли Мелвилл о сифилисе Даненхауэра, но болезнь, похоже, проявляла себя в форме эпизодического безумия. Однажды, когда Ньюкомб ослушался приказа, Даненхауэр взорвался и принялся душить несчастного натуралиста, крича: «Если не будешь мне подчиняться, я тебя убью!» Остальным морякам пришлось оттащить его от Ньюкомба.

В эти тяжкие моменты лишь одно держало моряков вместе, позволяя им закрыть глаза на все проступки и огрехи: страдания сплотили их и заставили поверить, что преодоленные невзгоды перевешивали все остальное. В ужасных лишениях родилось великодушное братство. «Выпавшие на нашу долю мучения и опасности сблизили нас, – сказал Мелвилл, – и связали друг с другом».

Когда казалось, что мучения достигли пика, судьба послала им подарок: утром 19 сентября они увидели несколько хижин рыбацкого лагеря. «Мы так обрадовались, – вспоминал Мелвилл, – словно вдруг оказались посреди современного мегаполиса». Причалив к берегу, они развели жаркий костер возле ветхих, потрепанных ветром строений. Однако в приятном тепле костра некоторые моряки страдали от боли: казалось, их конечности пронзали миллионы наэлектризованных игл.

Хотя лагерь казался покинутым, через несколько минут у берега показались трое местных, которые на лодках-долбленках плыли вниз по течению. Казалось, они не обращали внимания на отчаянные мольбы моряков – возможно, их просто испугали одиннадцать косматых скитальцев, которые обосновались в их рыбацком лагере.

Видя, что они удаляются от хижин, Мелвилл велел нескольким морякам вместе с ним запрыгнуть обратно в вельбот и поплыть следом. Вскоре они догнали долбленки, но местные, «стесняясь и явно опасаясь» моряков, отплыли немного дальше. Мелвилл обратился к ним по-английски, затем по-немецки и по-французски, но все было тщетно. «Мы все улыбались и смеялись над моими безуспешными попытками начать разговор на любом языке, который был мне хотя бы немного знаком», – вспоминал Мелвилл.

После долгих уговоров один из местных, который был моложе и смелее остальных, подплыл немного ближе. Активно жестикулируя и многократно повторяя одни и те же фразы, Мелвилл смог выяснить, что его зовут Томат. Он держался как гордый воин и был, похоже, франтоват: на поясе у него болтались кисеты с табаком и обрядовая трубка, его меховые штаны были расшиты медью, у бедра висел нож. Но он был совсем юнцом – вряд ли потерпевшие кораблекрушение моряки с другого конца света могли рассчитывать на его помощь. У него в лодке лежали рыболовецкие сети из белого конского волоса, свежая рыба и тушка гуся. Мелвилл велел морякам подцепить лодку

Томата, чтобы он не уплыл. Этот шаг тотчас насторожил молодого парня, но Мелвилл снова прибегнул к жестикуляции и смог убедить всех троих рыбаков присоединиться к американцам у костра.

Томат и его спутники принадлежали к племени эвенков – еще одной группе полукочевых охотников и рыболовов, обитающих на севере центральной Сибири. Эвенки имели монгольское происхождение, умело обращались с полярными лошадьми, были частично обращены в христианство и говорили на совершенно другом языке, чем якуты. Отряд Мелвилла сел у костра вместе с тремя рыбаками, которые предложили приготовить гуся и рыбу.

Наспех сварив рагу, американцы попытались объясниться с эвенками, но вскоре сдались и принялись показывать друг другу свои вещи. Томату особенно понравились американские винтовки – и маленькая семейная фотография, которую носил с собой Ньюкомб. Никогда прежде не видевший фотографий, Томат снова и снова целовал снимок и крестился, очевидно считая, что это лики святых.

Эвенки вели себя довольно дружелюбно, однако через некоторое время Мелвилл понял, что эти бедняги ничем не могут помочь его отряду: где бы ни находилась их деревня, вести туда моряков они не хотели. Людям, которые и так жили на скудных арктических хлебах, было не прокормить одиннадцать голодных американцев. Казалось, Томат решил, что встретился со сверхъестественными существами, которые восстали из льда где-то на севере. Мелвилл начал «замечать, что они побаиваются» моряков. Их действия натолкнули его на мысль, что они «хотят незаметно ускользнуть и бросить их в беде».

Теперь Мелвилл понял, что человеческого контакта для спасения было недостаточно. Каким-то образом нужно было подняться выше по реке и найти достаточно крупное поселение, чтобы вместить их большой и голодный отряд. Мелвилл снова и снова спрашивал эвенков о Булуне, который был четко отмечен на карте Петермана. Томат несколько раз закрыл глаза и изобразил храп, тем самым объясняя, что до Булуна отсюда «много ночей» и путь туда опасен.

В результате Томат привел их к себе домой, в крошечную деревушку Малая Буор-Хая, в которой было больше могильных крестов, чем живых людей. Несколько ночей американцы провели в юртообразной постройке, которая, по словам Мелвилла, была «удивительно грязной» и «воняла старой рыбой и костями». «И все

же, – вспоминал Мелвилл, – мы были рады такому комфортному дому, ведь ночью разразилась ужасная метель».

Из Малой Буор-Хаи отряд Мелвилла пошел вверх по «извивающейся змейкой реке», постоянно натываясь на свежий лед, который быстро формировался на поверхности. 25 сентября моряки достигли группы хижин, известной под названием Арху. Еще четыре дня спустя они добрались до поселения Зимовьялях, стоящего на болотистом острове посреди реки. В Зимовьяляхе проживало около тридцати эвенков и несколько якутов – это было первое место на пути моряков, которое можно было назвать деревней.

Мелвилл хотел сразу же отправиться в Булун, но они добрались до Зимовьяляха в самом начале зимы – слишком поздно для дальнейшего плавания и слишком рано для безопасного передвижения по льду. Стоял переходный период от судоходства к езде на нартах. Мычанием и жестами жители деревни объяснили, что идти в Булун слишком опасно, пока река не встанет под лед.

Хотя Мелвилл настаивал, чтобы в Булун отвезли хотя бы его одного, он не смог найти проводника, готового отправиться в такое рискованное путешествие. Идти без проводника, по мнению Мелвилла, было равносильно самоубийству – в этом, как он выразился, чувствовалось «фальшивое геройство». В Зимовьяляхе не хватало собак для упряжки; те немногие, что попались на глаза Мелвиллу, были «жалкими, беспородными шавками». Моряки Мелвилла были не в состоянии продолжать путь. «Я взглянул на своих людей – слабые, голодные, с ввалившимися глазами, – писал Мелвилл. – Смотря на осунувшиеся лица, истрепанную одежду и искалеченные ноги, я понял, что риск слишком высок».

В итоге они вытащили вельбот из воды, поставили его в недосягаемости для льда и обосновались на краю деревни в нескольких *балаганах* – пирамидальных деревянных постройках с земляной крышей. Полы балаганов были устланы шкурами, а в окнах вместо стекол стояли ледяные пластины. Ждать нужно было две-три недели, а может, и больше. Вынужденная задержка сводила всех с ума – «бездействие было хуже смерти в дороге», как выразился Мелвилл, – но выбора у них не было. Они застряли на острове посреди Лены, пока вокруг медленно становился лед. Не имея возможности связаться с

внешним миром, они считали, что больше с «Жаннетты» никто не выжил.

Их заточение в Зимовьях в итоге пошло им на пользу, поскольку весь отряд Мелвилла отчаянно нуждался в отдыхе. Обитатели деревни, похоже, понимали это лучше самого Мелвилла и окружили замерзших гостей невероятной заботой. Женщины проявляли особенную чуткость: «Они осматривали наши обмороженные руки и ноги, сочувственно качали головами и даже плакали от нашей боли», – замечал Мелвилл. Полуслепой Даненхауэр написал: «Местные женщины всегда были очень добры, хотя и уродливы». Жители деревни понятия не имели, что это за чужаки, из какой страны они прибыли и как оказались в этой части света. Некоторые, похоже, полагали, что они выбрались изо льда. И все же обитатели Зимовьях всегда отводили команде вельбота почетное место в своих задымленных и теплых балаганах и делились с моряками всем, что у них было.

А было у них не так уж много. Эти бедняки готовились встретить зиму – их диета была так скупа на витамины и минералы, что многих поражала слепота. Но, по свидетельству Мелвилла, они все равно каждый день выделяли морякам по четыре крупные рыбины и «чутьточку протухшего оленьего жира, поджаренного на грязной сковороде, полной оленьей шерсти». Из этого моряки варили «долгий суп» – иначе говоря, разбавляли речной водой рыбное и мясное рагу, чтобы питаться им дольше.

Кроме того, каждый день эвенки выделяли американцам по три-четыре гуся. С гусями у моряков возникала проблема, поскольку местные жители предпочитали есть гнилое мясо: они убивали гусей в период линьки и на весь остаток лета подвешивали тушки целиком возле своих хижин, даже не вынимая внутренностей. К осени гуси, по словам некоторых моряков, становились «довольно протухшими». Мелвилл писал: «Гуси были... старыми и вонючими; когда мы подвешивали их, потроха сами вываливались на пол». Это было чересчур даже для моряков, которые привыкли есть что угодно.

В период «вынужденной праздности», как Мелвилл называл их заточение в Зимовьях, моряки коротали время за песнями и игрой в потрепанные карты. Они парили опухшие ноги в теплой воде. Чинили изорванную одежду и пришивали новые заплатки поверх старых.

Чашку за чашкой пили горький чай и курили сигареты, набитые крепким русским табаком. Брились и стриглись, используя гребни, которые эвенки мастерили из окаменелых бивней шерстистых мамонтов. С азартом играли в шахматы вырезанными из дерева грубыми фигурами. Писали письма, которые надеялись отослать домой, как только доберутся до цивилизации. По утрам они спускались к замерзшей реке и помогали эвенкам поднять в деревню улов.

У Анегина время нашлось даже на романтику. Будучи эскимосом, он немного походил на эвенков внешне – по крайней мере, им так казалось – и знал несколько слов по-русски, благодаря чему они могли его понимать. Вскоре эвенки стали считать его своим. Мелвилл писал: «Анегин подружился со своими темнокожими собратьями, которые починили ему мокасины и зашили одежду, а через некоторое время пошли слухи, что он нашел в деревне даму сердца. Смущенно признав это, Анегин похвалил ее и сказал: «Много хороший маленький старушка».

Мелвилл опасался цинги, а учитывая, что им зачастую приходилось питаться протухшей пищей, боялся, как бы моряки не подхватили дизентерию или брюшной тиф. Хотя местная кухня и вызывала вопросы, Мелвилл понимал, что его жизнь и жизнь всех моряков его команды полностью зависит от этих щедрых – но традиционно кочевых – эвенков и якутов. «Больше всего я боялся, – вспоминал Мелвилл, – что местные жители, привыкшие к кочевому образу жизни, подобно арабам, свернут лагерь и молча ускользнут под покровом ночи».

Кроме того, Мелвилла беспокоил Коул. Рассудок стремительно его покидал. Казалось, он погрузился в мир грез и целыми днями нечленораздельно бормотал себе под нос. Мелвилл объявил его умалишенным, «не раздражительным, но возбужденным. Он нес чепуху, потеряв счет времени и не понимая, где находится». Коул все твердил, что «устал от странных, таинственных людей», которые были среди них. Он настаивал на встрече со «старухой». Вообразив себя профессиональным боксером, он вдруг принимался боксировать, молотя воздух, а порой и задевая любого, кто попадал ему под руку.

Состояние Лича тоже ухудшалось – его обмороженные ноги невыносимо болели, его непрестанно лихорадило. Лежа возле огня, он

был подавлен и апатичен. Силы медленно покидали его. С пальцев его ног отпадали отмершие кусочки плоти, обнажались кости. Друживший с Личем Бартлет взял на себя обязанности доктора и всячески заботился о пациенте. «Очевидно, началась гангрена, – писал Мелвилл. – Если пальцы хотя бы один день не обрабатывали, они начинали источать нестерпимую вонь. Бартлет ежедневно нагревал чайник воды, которой обмывал все язвы, а затем складным ножом мастерски удалял омертвевшую плоть».

Благодаря заботе Бартлета Лич в итоге пошел на поправку. Когда ему стало чуть легче, он вспомнил о доме и написал письмо своей матери, которая жила в городе Пеннобскот в штате Мэн:

Дорогая моя матушка,

мы жили на льду, пока не лишились корабля (нашего дома). Затем начались испытания. Мы попали в сильный шторм, который едва не положил конец нашим страданиям. Я отморозил ноги и замерз так сильно, что мне казалось, будто я и не почувствую, если их у меня отнять. Когда мы сошли на берег, я был совсем плох. Я не мог ходить, мне было очень больно, ноги начали гнить. Один из моих товарищей, Бартлет, ножом удалил все пораженные места и отрезал мне половину большого пальца, но кость осталась торчать. Теперь мне трудно ходить; наверное, я еще не скоро поправлюсь. Я стараюсь держаться достойно. Во мне еще осталась воля к жизни. Матушка моя, ты и представить не можешь, через что нам пришлось пройти. Когда я оглядываюсь назад, все это кажется странным сном, а не реальностью.

Полагаю, я достаточно написал о своих невзгодах. Довольно! Я очень хочу увидеть всех домашних. Передай всем в городе и за городом, что я их люблю, но львиную долю моей любви оставь себе и не сомневайся в моих словах.

Твой любящий сын

Герберт

Когда американцы провели в Зимовьях почти две недели, им выпал шанс встретиться с интересным гостем. Это был крупный, бородатый русский с солдатской выправкой. Он постоянно передвигался по дельте, торгуя с местными и обмениваясь товарами. Это был Кузьма. До его дома в крошечной деревушке Тамуз было полдня езды на собачьей упряжке. Была в Кузьме какая-то загадка – он казался тем еще пронырой, – но в целом он был человеком сведущим и заинтересовался рассказом Мелвилла. «Он был смышленным, умным человеком, – писал Мелвилл, – и я сразу связал с ним больше надежд, чем со всеми остальными, кто встречался нам на пути».

К этому времени Мелвилл уже мог объясняться на ломаном русском, и Кузьма вскоре понял основные пункты его рассказа: что моряки потерпели кораблекрушение, приплыв из Америки на судне «Жаннетта», что они добрались до Зимовьях на маленькой лодке и что теперь они ждут, пока встанет лед. Кузьма вручил американцам немного табака, пять фунтов соли, несколько мешков ржаной муки, сахар, чай и тушу оленя.

Мелвилл заключил с Кузьмой договор: если русский отправится в Булун и привезет оттуда еду, одежду и олени упряжки, Мелвилл отдаст ему вельбот и заплатит 500 рублей. Куда бы он ни поехал, Кузьма должен был везде рассказывать, что американцы предлагают 1000 рублей в награду любому, кто сможет сообщить Мелвиллу сведения о местонахождении двух других экипажей, даже если это сведения об останках, выброшенных на берег. Кузьма согласился на сделку, но сказал, что отправиться сможет лишь через неделю, потому что река еще недостаточно замерзла.

Мелвилл не знал, доверять ли Кузьме – он казался каким-то ненадежным. «Как я понял, – вспоминал Мелвилл, – в этой части Сибири ложь не считается грехом; напротив, искусная ложь даже считается достижением». Но выбора у Мелвилла не было, поэтому они с Кузьмой ударили по рукам.

Кузьма не врал, но не говорил и всей правды. Мелвилл не мог знать, что Кузьма был ссыльным преступником, который под страхом смертной казни не мог отправиться в Булун один. Ему нужно было подождать, пока его сможет сопровождать староста его деревни Николай Чагра. Из-за этого возникли новые задержки, но 16 октября

Кузьма наконец-то выехал в Булун. Он полагал, что при благоприятной погоде сумеет добраться туда примерно за пять дней.

Еще почти две недели моряки ждали его возвращения в Зимовьях. «Мы тревожно всматривались в горизонт, – писал Мелвилл, – но тщетно. Кузьма не появлялся». В конце концов 29 октября он все же вернулся – «ни одного любимого не встречали дома с такой радостью».

Однако сразу стало очевидно, что Кузьма не выполнил своей части сделки. Он не привез ни еды, ни одежды и не пригнал оленей. Как он вскоре признался, он вообще не доехал до Булуна. И все же в ходе его путешествия произошло кое-что интересное. В крошечном местечке Кумах-Сурт Кузьма узнал кое-что и почувствовал, что обязан без промедления вернуться к Мелвиллу. Вместо объяснения Кузьма вытащил из кармана мятый клочок бумаги, написанное на котором поразило судового механика. В частности, там были такие слова:

Арктический пароход «Жаннетта» погиб... высадились в Сибири примерно 25 сентября; нужна помощь, чтобы спасти капитана, доктора и 9 других моряков.

Уильям Ф. К. Найндеман,

Луи П. Норос,

матросы ВМФ США

P. S. Ответьте скорее: нужна еда и одежда.

Кузьма объяснил, что встретил двух полумертвых американцев, которые написали эту записку и собирались отправиться в Булун. Он не понял лишь того, что одиннадцать товарищей, о которых в Кумах-Сурте говорили Найндеман и Норос, были не из отряда Мелвилла. Кузьма не догадался, что в дельте погибает еще один отряд из одиннадцати американцев. Кузьма решил, что «капитан», о котором упоминали Найндеман и Норос, это и есть Мелвилл.

Мелвилл не стал терять ни минуты. Он решил оставить свою команду в Зимовьях и как можно скорее в одиночку отправиться в Булун, чтобы при содействии Найндемана и Нороса организовать поиски Делонга. Теперь, зная это, он корил себя за то, что не выехал в Булун раньше. Кузьма помог ему раздобыть собачью упряжку в

деревне Тамуз, нашел двух погонщиков-эвенков и велел смастерить новые нарты.

Утром 31 октября, когда температура упала до тридцати градусов ниже нуля, Мелвилл с погонщиками выехали в заснеженную тундру. В их упряжке было «одинадцать дворняг всех мастей и размеров... та еще разношерстная братия. Они повизгивали, огрызались, кусались и пытались ухватить друг друга за бок». Река к этому моменту совсем замерзла, и на дорогу ушло не так уж много времени. Периодически ударяя собак окованными железом дубинками, погонщики прорвались сквозь буран и достигли Булуна за три утомительных дня.

Когда Мелвилл поднялся с нарт и вошел в деревню, уже почти стемнело. Любопытные якуты окружили его и подвели к маленькой хижине, где жили два американца. Мелвилл отодвинул запор, дверь со скрипом отворилась, и механик увидел знакомые лица любимых товарищей, с которыми расстался пятьдесят один день назад.

Найндеман и Норос обрадовались узнать, что спастись удалось не только Мелвиллу, но и *всей* команде вельбота. Они поведали механику свою печальную историю и рассказали, как Эрихсену пришлось ампутировать пальцы и как его хоронили во льду. Мелвилл решил не терять времени и при первой же возможности отправиться в дельту Лены. Он был поражен услышать, что Делонг и его люди могут быть еще живы. Он готов был на все, чтобы собрать собачьи упряжки, смастерить нарты и раздобыть продовольствие для длительных поисков. Нужно было спешить, пока окончательно не установилась арктическая зима.

Мелвиллу хотелось, чтобы Найндеман и Норос отправились вместе с ним, но об этом, по его же словам, «не могло быть и речи». Они были «слишком слабы и едва передвигали ноги, их постоянно тошнило и рвало – и все это из-за съеденной гнилой рыбы». В результате Мелвилл достал свой экземпляр петермановской карты дельты и велел Найндеману и Норосу подробно описать их странствия: показать их место высадки, место, где они покинули Делонга, хижину, где они встретились с кочевниками-якутами и другие ориентиры по пути.

Почти всю ночь Мелвилл не сомкнул глаз, сочиняя телеграмму, которую нужно было отправить в лондонское отделение «Геральд»,

американскому послу в российскую столицу Санкт-Петербург и военно-морскому министру США Уильяму Генри Ханту в Вашингтон. Несколько собачьих и оленьих упряжек должны были доставить срочное донесение Мелвилла на юг, в город Иркутск, где была расположена ближайшая телеграфная станция. Мелвилл понимал, что до адресатов эта телеграмма дойдет лишь через несколько недель, если не месяцев: Иркутск находился на юге Сибири, неподалеку от озера Байкал, примерно в трех тысячах миль пути.

Мелвилл решил оставить Найндемана и Нороса в Булуне и договориться, чтобы остальных моряков с вельбота тоже доставили сюда. Все вместе они должны были отправиться на юг в сторону Якутска. Этот небольшой город на берегу Лены находился примерно в тысяче миль к югу и считался самым «цивилизованным» в этой части Сибири.

Собрав собачьи упряжки, Мелвилл взял с собой казака-проводника и несколько якутских следопытов и 5 ноября отправился в дельту Лены. В хижине Найндемана он оставил записку Даненхауэру, в которой велел штурману вести моряков в Якутск. «У меня довольно хорошая карта, чтобы разыскать пропавших, – написал Мелвилл. – Если позволят погода и время, я доберусь до северного берега, чтобы забрать документы, хронометр и остальные вещи с корабля. Возможно, меня не будет целый месяц. Не беспокойтесь обо мне. Местные обо мне позаботятся».

Глава 39

Белая пелена

Простившись с товарищами, Мелвилл подготовился к путешествию по ледовым просторам дельты. Должно быть, ему пришлось призвать на помощь всю свою волю, ведь он тоже страдал от обморожения, был измучен и истощен. Его здоровье было подорвано полугнилой едой, которой им пришлось питаться несколько месяцев. Он возвращался в дельту в страшное время года – на землю опускалась сибирская зима, которая несла с собой шквалистые метели, постоянную темноту и экстремальные температуры – до 45 градусов ниже нуля.

Мелвилл понимал, что он до смешного плохо подготовлен. Хотя он был способен к языкам, якутского наречия он не знал, а местные, по его же признанию, «с трудом понимали его русский». Ему не хватало опыта езды на собачьих упряжках и выживания в открытой тундре. Ему предстояло проехать по необитаемому лабиринту, почти в три раза превосходящему размерами флоридский Эверглейдс^[7] – причем *замерзший* Эверглейдс, где было лишь несколько ориентиров, которые давно замело снегом.

Попытка разыскать Делонга в этом белом плену, конечно, была донкихотской – а в это время года еще и невероятно опасной. И все же пока оставался хотя бы призрачный шанс, что капитан и его люди еще живы, Мелвилл обязан был попробовать их спасти. Он пытался представить, как страдают его товарищи, жуя рыбные головы или кожаные подошвы своих сапог, как чернеют их конечности и как холодеют их тела. Ему оставалось лишь надеяться, что им, как и Найндеману с Норосом, повезло встретить дружелюбных кочевников, или они наткнулись на лодку на одном из рукавов Лены, или их подобрала спасательная экспедиция, отправленная с корабля, или они выследили стадо мигрирующих оленей, мясо и шкуры которых помогли им продержаться так долго.

Мелвилл полагал, что поиски не будут напрасными, даже если он обнаружит, что весь отряд Делонга погиб. Понимая, что дельта полна волков, лис, птиц-падальщиков и полярных медведей, в случае гибели

товарищей он хотел «спасти их тела от обезображивания дикими зверями».

Еще больше его тревожил весенний разлив. «Было совершенно очевидно, – замечал Мелвилл, – что, если отложить поиски до весны, все следы моих товарищей смоют талые воды, которые полностью поглотят всю дельту, принесут с собой огромные бревна и прибьют их к берегу в сорока футах над уровнем реки».

Он также намеревался спасти все оставленные в тайниках документы и научные приборы, которые сумеет найти, пока их не уничтожит весна. Найндеман отметил на карте место, где они оставили корабельные записи, документы, хронометры и образцы обнаруженных видов. Мелвилл понимал, что найти тайник будет непросто, но спасти эти вещи, определенно, стоило.

В Булуне Мелвилл познакомился с российским чиновником, комендантом Григорием Бешовым – по словам Мелвилла, это был «статный казак», «очень высокий и крепкий, он внушал к себе уважение». Находчивый Бешов предоставил Мелвиллу собачьи упряжки, провизию и двух проводников из числа местных жителей. Хотя Мелвиллу нечего было им предложить, он пообещал Бешову, что американское правительство в итоге оплатит труды якутов и все остальные расходы на поиски – а также выплатит любое вознаграждение, которое затребует сам Бешов.

Двое проводников, Василий и Томат, были молодыми, крепкими парнями, которые хорошо знали дельту и все расположенные в ней хижины и охотничьи стоянки. Но к предстоящей поездке они отнеслись в высшей мере скептически. Они полагали, что Мелвилл сошел с ума. Всю жизнь при наступлении зимы они *уходили* из дельты, а не возвращались в нее. Это путешествие шло вразрез с их инстинктами и привычками; Василию и Томату казалось, что их отправляют на самоубийственную миссию. Однако они были не прочь подзаработать денег и знали, что на карте стоят человеческие жизни, а потому в конце концов согласились помочь.

5 ноября Василий, Томат и Мелвилл встали на нарты и выехали на север. «Я отправился в путь, – писал впоследствии Мелвилл, – полный надежд и опасений. Я надеялся на лучшее и опасался худшего».

Много дней они неслись на нартах сквозь белую пелену. Это был мир грез, окутанный туманом и занесенный снегом, почти лишенный

следов животных и человека; как выразился Мелвилл, «суровый, пустынный край, где не было никакого пропитания». Полозья скрипели и увязали в снегу. Томат и Василий выкрикивали команды на своем странном тюркском языке. Собаки тянули упряжки. Завывали сибирские ветры.

Мелвилл хотел добраться до Булкура – того местечка, где якут Иван нашел Найндемана и Нороса в рыбацкой хижине. Томат и Василий сказали, что хорошо знают это место: хотя Мелвиллу казалось, что вокруг глазу не за что зацепиться, они, похоже, понимали, куда едут.

Целыми днями стоя на нартах, Мелвилл не мог не обращать внимания на боль в обмороженных ногах. Они опухли, воспалились и покрылись язвами, а через некоторое время «их словно бы напрочь покинула чувствительность». В крошечном селении Бурулох сморщенная якутка пожалела Мелвилла и натерла ему ноги теплым гусиным жиром, который отвратительно вонял, но при этом творил чудеса.

Когда они добрались до Булкура, Мелвилл развел огонь и грел ноги, пока в них не вернулась жизнь. Осмотрев хижину, он нашел «несколько маленьких предметов, которые оставили или забыли Найндеман и Норос». Мелвилл также обнаружил остатки протухшей рыбы, которой питались его товарищи, но мудро решил не притрагиваться к старому гнилью. Однако их ужин был немногим лучше – Томат и Василий нарезали на кусочки мороженую рыбу и сварили пенный бульон из оленьих рогов и копыт. Запив все это чаем, они легли спать. Собаки свернулись на снегу возле двери в хижину.

На следующее утро Мелвилл изучил окрестности. Там, где ветер разметал снег, он различил следы, которые Найндеман и Норос оставили на льду, как выразился механик, «выбираясь из клыков смерти». Было хорошо видно, где Найндеман и Норос «проваливались под тонкий лед». Несколько дней Мелвилл в сопровождении якутских проводников шел по следам вниз по реке, пока они не добрались до места, которое Найндеман отметил на карте как «Место нарт». Там Найндеман и Норос разломали на дрова старые нарты – теперь Мелвилл увидел обгорелые остатки их костра. Через несколько дней он нашел в хижине поясной ремень, пряжка которого была сделана на

кузнечном горне «Жаннетты» – Мелвилл узнал характерные отметки на металле.

Мелвилл чувствовал себя идущим по следу сыщиком. Преодолевая огромные расстояния, он собирал мельчайшие улики, ориентируясь лишь на схематичную карту, которая была на удивление точна. Пока что схема Найндемана полностью подтверждалась: он совершенно точно запомнил географию дельты. Оставалось всего несколько миль до того места, где Найндеман и Норос простились с Делонгом.

Еще несколько дней они неслись по снежным пустошам, но Мелвиллу начинало казаться, что он «потерял след». Следы Найндемана и Нороса уже пропали или скрылись под снегом, в нескольких хижинах, которые встретились им по пути, явно много месяцев никто не жил. Схема Найндемана словно бы уже не совпадала с этим жутким ландшафтом. Вся дельта, раздраженно заключил Мелвилл, «была не более чем скоплением островов».

Томат и Василий начали сомневаться в целесообразности продолжения поисков. Собаки изголодались и устали. Температура упала до сорока градусов ниже нуля, свирепая метель ограничила видимость несколькими шагами. Проводники упрашивали Мелвилла повернуть обратно в Булун, но механик, по его же собственному выражению, был «непреклонен». Он постоянно подначивал их, успев за время путешествия поднатореть в якутском и русском, которые безжалостно смешивал, добавляя немного «особенно крепких словечек из собственного богатого языка, значение которых якуты понимали по горячности его тона». Мелвилл чувствовал, что отряд Делонга был совсем недалеко и что они вот-вот достигнут своей цели: он никак не мог в такую минуту прервать свои поиски.

Но погода становилась все хуже, и Мелвилл начал подозревать, что якутские проводники собираются его бросить. Однажды утром они попытались осуществить задуманное: Томат и Василий выскользнули из хижины, в которой они ночевали, запрягли собак в нарты и приготовились отправиться обратно на юг и бросить Мелвилла на произвол судьбы. В последнюю минуту разгадав их план, Мелвилл выбежал на улицу, схватил окованный железом посох Томата и «нанес ему сокрушительный удар». Когда Томат и Василий бегом бросились к нартам, Мелвилл поднял винтовку и выстрелил в воздух. «Пуля

пролетела у них над головами, – вспоминал Мелвилл, – и оба якута почувствовали, как ветер хлестнул им по лицам. Они упали на колени, развернулись и принялись в ужасе креститься», умоляя Мелвилла их не убивать.

Справившись с кризисом, Мелвилл понял, что нужно разработать новый план, который обеспечит преданность якутов. Он решил отправиться в крошечную деревушку Северный Булун – маленький островок цивилизации неподалеку от арктического побережья, одно из немногих обитаемых зимой мест в дельте Лены. До Северного Булуна оставалось около 120 верст, или 80 миль, в северо-западном направлении. Там они могли запастись провизией и сменить собак. Из Северного Булуна Мелвилл хотел двинуться на восток вдоль морского побережья в надежде разыскать тайник с судовыми журналами и приборами, оставленными Делонгом. Используя этот тайник в качестве отправной точки, далее он планировал предпринять попытку разыскать отряд Делонга, двигаясь в обратном направлении.

Казалось, новый план понравился Томату и Василию – насколько они его поняли, – и через несколько дней они добрались до Северного Булуна, жители которого тепло встретили Мелвилла. Его провели в главную юрту. Там, в клубах дыма, сидела дюжина человек. «Более оборванных и вонючих людей я в столь тесном месте в жизни не видел», – писал Мелвилл.

Якуты в этой части дельты слышали о странных следах на снегу. Они также заметили, что многие их капканы сломали на дрова и сожгли. Они «удивились, когда узнали, кто оставил эти следы, – писал Мелвилл, – ведь они опасались, что в этих краях появилась жестокая банда пиратов или ссыльных преступников».

Затем несколько якутов показали Мелвиллу предметы, которые обнаружили в дельте. Один из жителей деревни принес сломанный винчестер, который кто-то оставил в хижине, и Мелвилл тотчас опознал винтовку – она принадлежала морякам «Жаннетты». Следующей к нему подошла старуха, которая долго рылась «у себя за пазухой» и в конце концов вытащила записку, составленную Делонгом 22 сентября. В записке, подобранной одним из охотников, говорилось:

Четверг,
22 сентября 1881 года.

Арктический исследовательский пароход «Жаннетта»
Хижина в дельте Лены, предположительно возле
селения Щелбогое.

Нашедшего эту записку прошу переслать ее военно-морскому министру США. В понедельник, 19 сент., мы оставили на берегу часть вещей и установили рядом длинную жердь. Там остались навигационные приборы, хронометр, судовые журналы за два года, палатки, лекарства и другие предметы, которые мы были не в состоянии нести дальше. Нам понадобилось двое суток, чтобы пройти эти 12 миль, так как среди нас есть больные. Прошлым вечером мы подстрелили двух оленей, благодаря чему у нас сейчас достаточно еды, и видели гораздо больше, а потому теперь не беспокоимся о будущем.

Джордж В. Делонг,

лейтенант, командующий

Вдохновленный новыми зацепками Мелвилл не мог усидеть на месте. Утром 13 ноября он выехал из Северного Булуна на свежих собаках, взяв еще нескольких якутских проводников в помощь Томату и Василию. На следующий день они достигли берега, где огромные льдины «лежали на берегу, как многочисленные монументы друидов». Через несколько часов Мелвилл заметил жердь, которой был обозначен тайник: она стояла точно так, как описал капитан. Когда Мелвилл показал ее своим погонщикам, они «с трудом смогли сдержать свое любопытство – так сильно им хотелось узнать, что именно там скрыто». Раскопав снег и песок, они нашли множество винтовок, палаток, медикаментов, навигационные инструменты, толстую Библию и, к огромному облегчению Мелвилла, все судовые записи в прекрасном состоянии. Якуты замерли «в восхищении... они никогда прежде не видели столько добычи разом».

В тайнике также оказался большой жестяной ящик, заполненный образцами пород, мхов и других природных редкостей, обнаруженных на острове Беннетта. Когда Мелвилл бережно поставил его на нарты

вместе с остальной поклажей, якуты не на шутку удивились. Они недоуменно смотрели в ящик и изучали его содержимое. «Немного поговорив между собой, – писал Мелвилл, – они в конце концов засмеялись над идиотом, который, рискуя жизнью, отправился в такое долгое путешествие, чтобы спасти какие-то бесполезные камни».

Мелвилл несколько часов искал первый катер, покинутый Делонгом на илистой отмели, но ничего не нашел и заключил, что катер раздавило льдом. Не нашел он и следов катера Чиппа и его отряда.

На ночлег Мелвилл с погонщиками остановились в хижине неподалеку от берега, где разожгли огонь. Среди вещей, спасенных из тайника Делонга, якуты заметили плетеный сосуд, в котором осталось немного алкоголя. «Местные быстро поняли, что у меня есть выпивка, – писал Мелвилл, – и сбились в кучу, надеясь устроить кутеж».

«Хоть капельку! Хоть капельку!» – упрашивал Томат.

Мелвилл отказал ему и объяснил, что этот алкоголь «годится только для костра» – это было топливо, а не выпивка. Затем один из молодых якутов схватил сосуд и бросился бежать. «Я поймал его у порога, – писал Мелвилл, – и вылил спирт на пол, после чего он распластался на животе и принялся слизывать драгоценную жидкость». Рассердившись, остальное Мелвилл вылил в очаг, «где он тотчас вспыхнул и долго горел, к великой печали бедняги Томата и его друзей».

С арктического побережья Мелвилл отправился на юг, используя заметки Найндемана, чтобы идти по пути Делонга. Несколько дней они явно двигались в верном направлении: Мелвилл время от времени замечал следы и даже различил отметины от самодельных саней, на которых моряки везли по льду умирающего Эрихсена. Еще несколько дней Мелвилл безуспешно искал хижину, где умер Эрихсен и где Найндеман вырезал на доске краткую эпитафию.

Мелвилл снова испугался, что сбился со следа, а якуты снова начали сомневаться в целесообразности дальнейших поисков. Но Томат сообщил Мелвиллу кое-что, что вселило в него надежду, что Делонг может быть еще жив: у якутов по всей дельте были устроены тайники с провизией. Именно так они и выживали во время долгих

странствий в суровом и непредсказуемом климате, именно так и оберегали себя от гибели: немного мороженой рыбы тут, пара гусиных туш там – таковы были их продуктовые заготовки. Томат сказал, что всего в нескольких милях от них на дощатом помосте, который оберегал провизию от разлива и рыскающих по окрестностям зверей, лежало мясо двадцати трех оленей. Мелвилл гадал, сумели ли моряки Делонга каким-то чудом найти один из таких тайников. Может, они до сих пор питались обнаруженными запасами? Если же нет, по словам Мелвилла, было «печально сознавать, как близко они были к спасению, сами не зная об этом».

К 20 ноября, так больше ничего и не обнаружив, Мелвилл наконец решил прекратить поиски. Даже он понимал, что они рискуют жизнью. Они замерзли и устали, собаки «совсем выбились из сил». Сибирская зима была слишком опасным противником.

В 1860-х французский ученый Луи Фигье красноречиво описал этот край в своей книге «Суша и море», которая была в библиотеке «Жаннетты». «Тундра, – писал Фигье, – это гробница природы, усыпальница первобытного мира... Воздух сгущается, тускло мерцают звезды, вся природа спит смертным сном». В тундре, по его словам, «люди и даже сам снег постоянно источают пар, который мгновенно превращается в миллионы ледяных иголок, которые шуршат, как толстый шелк. Олени сбиваются в стада, чтобы согреться от близости, и только ворон, эта черная птица зимы, одиноко разрезает крылом унылое небо и оставляет за собой длинную полосу бледного пара».

Мелвилл не сумел одолеть этот край. Нужно было вернуться сюда в другое время года. А пока что он повернул на юг и отправился обратно в Булун, до которого была неделя пути по тем же замерзшим лабиринтам. Он едва запомнил эту тяжелую дорогу. «Когда наступила полярная ночь, – вспоминал он, – мне стало казаться, что мы бесцельно блуждаем по снегу и нет никакой разницы, выживу я или погибну. Казалось, это ужасное путешествие никогда не закончится. Я был в сознании и понимал, что происходит вокруг, но лишился всех чувств и потерял дар речи. Я был все равно что ожившим мертвецом».

Теперь Мелвилл лучше понимал, почему Делонг оставил столько вещей на берегу: собакам было невероятно тяжело тащить поклажу. Механик опасался, что в конце концов тяжкая ноша убьет не только

собак, но и весь поисковый отряд. «В один момент я решал, что нужно сложить вещи в первое же надежное место и вернуться за ними при следующей возможности, но затем вспоминал, как упорно мы тащили все эти сокровища – все записи и находки, сделанные за два года лишений и изнурительного труда, – стискивал зубы, не обращая внимания на метель, и повторял клятву вывезти их, несмотря ни на что».

Мелвилл вернулся в Булун 27 ноября. Его лицо было обветрено и обморожено до неузнаваемости. Поиски заняли двадцать три дня, во время которых он вместе с якутскими проводниками преодолел более тысячи четырехсот миль, прочесывая тундру.

Большая часть выживших с «Жаннетты» отправилась на юг под предводительством Даненхауэра и теперь была на пути к Якутску, который находился примерно в тысяче миль вверх по течению Лены. В Булуне Мелвилла дожидались лишь Найндеман, Норос и еще несколько моряков. Механик удрученно признался, что не привез хороших вестей, но обнаружил тайник на берегу океана. «Я сожалел, что мне не удалось разыскать пропавших товарищей, – писал он, – но чувствовал, что сделал все возможное. Если люди Делонга выжили и встретились с местными, с ними все было в порядке; если же нет, якуты благоразумно предупредили меня, что и я погибну, если продолжу поиски в это время года».

И все же поиски оказались не совсем бесплодными – за это время Мелвилл сумел составить карту дельты Лены. Она была, без сомнения, самой точной из всех существующих в то время – и уж явно гораздо точнее ущербной карты Петермана. Если бы при высадке у Делонга была эта исправленная карта, его отряду не пришлось бы так тяжело.

Несколько дней отдохнув в Булуне, Мелвилл приготовился выступить на юг. Крошечный, бедный Булун больше не мог их кормить – американцы и так уже значительно сократили и без того скудные запасы продовольствия и поголовье скота. Мелвилл, Найндеман, Норос и остальные на оленьей упряжке должны были добраться до административного центра этих земель, города Якутска, где планировали встретиться с другими моряками «Жаннетты», залечить свои раны, попробовать связаться с внешним миром и подготовить более основательную поисковую операцию для Делонга и Чиппа. Они

намеревались вернуться в дельту весной, когда станет теплее, но желательно до полноценного разлива Лены.

Мелвилл поблагодарил коменданта Бешова за помощь и попросил его не ослаблять давления на малочисленное коренное население дельты, пока сам Мелвилл будет в Якутске. «Я сам и правительство Соединенных Штатов Америки, – написал Мелвилл Бешову, – требуем усердных и непрерывных поисков моих пропавших товарищей. Необходимо, чтобы все – все дома и хижины, большие и маленькие – было проверено на предмет книг, бумаг или членов отряда».

1 декабря Мелвилл и остальные моряки собрали все обнаруженные на берегу реликвии «Жаннетты» и отправились на юг, в Якутск.

Лондон, 22 декабря 1881 года

В два часа двадцать минут ночи в лондонском отделении «Геральд» была получена следующая телеграмма:

Иркутск,
21 декабря, 2:05 пополудни

«Жаннетта» была раздавлена льдом на $77^{\circ}15'$ с. ш., 157° в. д.

Ушли на лодках и санях; в пятидесяти милях к северо-западу от р. Лены три судна разлучило во время шторма.

Вельбот под командованием старшего механика Мелвилла 17 сентября вошел в восточный рукав р. Лены и застрял во льду. Мы нашли деревню; как только встал лед, я связался с комендантом.

29 октября я узнал, что катер, на борту которого находились лейтенант Делонг, доктор Эмблер и двенадцать других моряков, пристал к северной оконечности дельты Лены. Мы все в плохом состоянии и сильно обморожены. Комендант отправил на поиски местных следопытов и будет продолжать поиски, пока отряд не будет найден.

О втором катере пока ничего не слышно. Телеграфируйте деньги на расходы в Иркутск.

Мелвилл

Военно-морское министерство
Вашингтон
22 декабря 1881 года

Механику Мелвиллу, ВМФ США, Иркутск:

Не жалеете сил и средств на розыски экипажа второго катера. Обеспечьте уход за больными и обмороженными из числа спасенных, при первой же возможности перевезите их в более умеренный климат. Министерство предоставит необходимые средства.

Хант, министр

Государственный департамент
Вашингтон

Государственный секретарь в Вашингтоне сегодня получил донесение от мистера Хоффмана, поверенного в делах Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге, в котором сообщается, что российские власти предпримут оперативные меры по обнаружению и спасению пропавших моряков.

Сразу после получения новостей о «Жаннетте» мистер Джеймс Гордон Беннетт, проживающий в Париже, при содействии Ротшильдов посредством телеграфа перевел 6000 рублей в Санкт-Петербург, снабдив перевод указанием обращаться к мистеру Беннетту при необходимости дополнительных средств для обеспечения поддержки и помощи лейтенанту Делонгу и его команде.

Дорогой Джордж,

если ты достаточно окреп, чтобы добраться до Санкт-Петербурга, я надеюсь, что через месяц или два я наконец встречусь со своим любимым мужем. Я хочу лично встретить тебя там. Я бы хотела оказаться рядом с тобой и окружить тебя заботой. Я боюсь представить, в каком ты сейчас состоянии, но не боюсь отправиться в путь. Я не

знаю, есть ли возможность добраться до Сибири, иначе я бы приехала к тебе, если ты еще болен. Я телеграфировала мистеру Беннетту и спросила его, стоит ли мне отправиться к тебе, чтобы ухаживать за тобой. Беннетт ответил, что он отправил к вам корреспондента; если бы даже я могла поехать вместе с ним, понадобились бы особенные приготовления, чтобы защитить женщину от суровой сибирской зимы, а потому возникла бы серьезная задержка. Но я полагаю, что могу лучше других позаботиться о тебе и поставить тебя на ноги.

Эмма

Глава 40

Россия приходит на помощь

Издалека город казался иллюзией на западном берегу замерзшей Лены: крепостные башни, деревянные шпили, луковичные купола, множество видавших виды домов, тысяча труб, дым березовых дров. Мелвилл не мог поверить своим глазам.

Столица огромной сибирской территории, известной под названием Якутия, город Якутск, насчитывал пять тысяч жителей, в основном представителей коренных народов, но высок среди них был и процент политических ссыльных и осужденных преступников. Основанный в 1632 году как казацкий острог, он оставался важным центром меховой монополии и торговли мамонтовыми бивнями. Якутск считался самым холодным городом мира – эту планку он удерживает по сей день – и самым крупным городом мира, построенным в зоне вечной мерзлоты. Как бы там ни было холодно, верхний слой почвы каждое лето оттаивал и превращался в зловонное болото, поэтому дома приходилось строить на крепких сваях, чтобы фундамент не оседал в грязи.

Мелвиллу понадобилось около месяца, чтобы добраться до Якутска на оленьей упряжке. Он пересек Верхоянский хребет и спустился в долину реки Яны, останавливаясь на ночлег в пустых хижинах или в конюшнях якутских семей. По пути он пересек Северный полярный круг и снова вышел к Лене, которая окончательно замерзла и превратилась в зимнюю дорогу. Тысячемильное путешествие далось морякам нелегко, но обошлось без жертв.

Когда 30 декабря Мелвилл въехал в Якутск, его тотчас проводили к самому высокопоставленному российскому чиновнику, генерал-губернатору Георгию Черняеву. Высокий и статный холостяк чуть старше шестидесяти, он встретил Мелвилла при полном параде – «прямой как палка, – описывал его Мелвилл, – с волнистыми седыми волосами и бородой, большим орлиным носом, красивым лицом и отменной солдатской выправкой».

Черняев посмотрел на Мелвилла и так внимательно изучил его обветренное лицо и грязную шубу, что Мелвилл на мгновение

смешался и устыдился своего потрепанного вида. Но затем Черняев обнял механика и расцеловал его в обе щеки. «Сынок, сынок», – приговаривал он, сочувствуя незавидной судьбе, которая выпала на долю Мелвилла. Не скрывая слез, он снова и снова обнимал американца. «Он был военным, – писал Мелвилл, – так что мне не нужно было извиняться за свой внешний вид».

Генерал-губернатор всю неделю ждал прибытия Мелвилла. Черняев пригласил его в дом и угостил роскошным обедом: ему подали суп, рыбу, говядину, картошку и другие овощи, немного красного и белого вина и стакан водки. После обеда они выкурили по сигаре и распили бутылку шампанского.

В течение недели Черняев регулярно встречался с Даненхауэром, который прибыл в Якутск со своим отрядом выживших с «Жаннетты» 17 декабря. Генерал-губернатор снабдил американцев приличной одеждой, поселил их в чистых апартаментах с теплыми ванными, освещенными керосиновыми лампами, и устроил для них регулярные бани. Он также дал им деньги на расходы и предоставил неограниченное количество еды. Он приставил казаков охранять и оберегать сошедшего с ума Коула, деменция которого лишь ухудшилась после отъезда из дельты Лены. Доктора осмотрели обморожения Лича и глаз Даненхауэра. Черняев обходился с моряками «Жаннетты» так, словно они были лучшими солдатами его собственного гарнизона.

Теперь генерал-губернатор хотел как можно комфортнее разместить Мелвилла. Мог ли он еще чем-то помочь американцам?

Да, ответил Мелвилл. Он хотел вернуться в дельту Лены, как только позволит погода, и продолжить поиски пропавшего командира. Он хотел получить собак, оленей и опытного, говорящего на нескольких языках проводника. Он хотел получить деньги и табак, чтобы раздавать их в качестве оплаты по пути. Он хотел получить официальные письма поддержки и достаточное количество провизии для организации поисков, которые могут занять два-три месяца.

«Сынок, ты получишь все необходимое, – заверил Мелвилла Черняев. – На помощь тебе придет вся Россия».

Встретившись с остальными моряками «Жаннетты» в их теплом доме, Мелвилл поразился тому, как хорошо они выглядели. Они были

одеты в элегантные белые рубахи с накрахмаленными воротничками, на ногах у всех были плотно сидящие сапоги. Им выделили самовар, чтобы заваривать горячий чай. «Все были довольны и счастливы, – писал Мелвилл, – и уже подружились с горожанами. Многие закрутили романы – останься мы подольше, не обошлось бы без свадеб».

Даненхауэр полностью ослеп на левый глаз, а правый, по его собственным словам, «страдал с ним за компанию». Но в остальном он был здоров и пребывал в отличном расположении духа. «Я всегда надеюсь на лучшее, – писал он своей матери из Якутска, – и во всем стараюсь искать светлую сторону. Эта философия в последние три года не раз помогала мне выжить в очень сложных обстоятельствах».

Хуже становилось только одному из моряков. Джек Коул совершенно лишился рассудка – его болтовня была бы даже комичной, если бы все это не было так грустно. Он сказал Мелвиллу, что собирается жениться на королеве Виктории. Он якобы только что получил богатое наследство и считал казака, который охранял (и иногда утихомиривал) его ради его же безопасности, своим «камердинером». Почему-то Коул постоянно просил товарищей дать ему спички, чтобы он мог разжечь огонь.

Фотограф в Якутске сделал групповой портрет тринадцати выживших моряков «Жаннетты»: на него попали Мелвилл, Даненхауэр, Ньюкомб, Найндеман, Норос, Уилсон, Чарли Тонг-Синг, Анегин, Лаутербах, Бартлет, Коул, Мансен и Лич. На основе этой фотографии изготовили гравюру, которая попала в газеты по всему миру. Моряки сидели вплотную друг к другу в своих толстых меховых одеждах. Левый глаз Даненхауэра был прикрыт черной повязкой. У них на лицах не читалось ни радости, ни печали – только решимость, неуступчивость и гордость.

Для якутов американцы были настоящей диковиной. Насколько было известно, ни один американец не посещал Якутска с 1787 года, когда в этой части Сибири побывал отчаянный путешественник из Коннектикута Джон Ледьярд, совершавший кругосветное путешествие, организованное при содействии Томаса Джефферсона, который в то время был послом во Франции. На широких, заснеженных улицах Якутска горожане окружали моряков «Жаннетты» и предлагали им еду и подарки. Городские якуты отличались от тех

несчастливых бедняков, которых Мелвилл встретил в дельте. Они жили в крепких деревянных домах с дверями из сыромятной кожи. Подобно монголам, они знали подход к лошадям: веками они разводили выносливых, лохматых пони, которым был не страшен мороз. Якуты пили много кобыльего молока и предпочитали конину говядине. Их наречие было так похоже с современным турецким языком, что их, как поговаривали, «поняли бы и в Константинополе».

У них на лицах не читалось ни радости, ни печали – только решимость, неуступчивость и гордость.

Они были искусными кузнецами и умелыми резчиками по кости. Поразительно, сколько мамонтовых бивней до сих пор лежало в этой части мира – вечная мерзлота сохраняла их в идеальном состоянии. Якуты делали из кости украшения, пуговицы, столовые приборы, гребни, фигурки и всевозможные рабочие инструменты. Согласно их сказаниям, мамонты обитали в норах, как кроты, и погибали, когда выходили на свежий воздух.

В Якутске выжившие с «Жаннетты» начали получать первые сведения из внешнего мира. До ближайшей телеграфной станции в Иркутске оставалось целые две тысячи миль, но до города доходили кое-какие слухи и обрывки мировых новостей. К примеру, Мелвилл узнал, что в 1880 году, пока «Жаннетта» была закована во льдах, избрали нового американского президента по фамилии Гарфилд. Но в июле 1881 года президента Гарфилда застрелил какой-то безумец. Президент несколько недель боролся за жизнь, но в конце концов скончался от заражения крови.

Убийство Гарфилда нашло особенный отклик у русских, с которыми Мелвилл познакомился в Якутске, поскольку в марте того же года в России случилось такое же потрясение: император Александр II был убит в Санкт-Петербурге в результате взрыва бомбы, подброшенной анархистами. Александр II освободил крепостных крестьян и планировал другие масштабные реформы, но сменивший его на престоле Александр III обратил вспять многие либеральные

преобразования отца. Хотя Санкт-Петербург от Якутска отделяет более пяти тысяч миль, последствия царевубийства ощущались в Якутске до сих пор.

Густонаселенный ссыльными Якутск почти каждый день встречал новых людей. Они съезжались со всех концов Российской империи – из Москвы, из Крыма, из Польши. Многие из них были хорошо образованы и не понимали, чем заслужили свое наказание, которое чаще всего было пожизненным. Им редко предъявлялись обвинения; обычно они просто получали «административное предписание» и ссылались на восток, чтобы всю жизнь жить в тюрьме без стен и решеток. Здесь их стерегла сама суровая природа. Их рассказы были один трагичнее другого, и Мелвилл понял, что несчастная история «Жаннетты» потонула в краю безграничной печали.

Одним из ссыльных, с которыми познакомился Мелвилл, был молодой интеллектуал-нигилист по имени Лев – «стройный, мертвенно бледный молодой человек, – писал Мелвилл, – длинные черные волосы которого доходили ему до плеч». Льва арестовали во время протеста на московских улицах и пожизненно сослали в Сибирь. По дороге сопровождавший его офицер позволил Льву взглянуть на приговор, в котором значилось: «У нас нет никаких доказательств вины этого человека, но он изучает право и, без сомнения, весьма опасен».

Лев познакомил Мелвилла с группой других ссыльных – молодых идеалистов-интеллектуалов, которые многие годы планировали бежать из Сибири на лодке. «Мое появление вселило в них множество надежд, – вспоминал Мелвилл, – поскольку до той поры считалось, что бежать отсюда по льду Северного Ледовитого океана столь же нереально, как и пересечь бескрайнее море огня. Перед моим отъездом они сказали, что все же попытаются бежать». По словам Мелвилла, моряки «Жаннетты» казались им «в высшей степени интересными людьми». Можно было понять степень отчаяния людей, которые находили утешение в трагичной истории кораблекрушения «Жаннетты». «Мы были для них истинным воплощением надежды», – писал механик.

Ссыльные выпросили у Мелвилла несколько компасов и других инструментов и теперь пытались смастерить секстант. Они собирали карты и все необходимое для путешествия. Их план казался

совершенно безумным, и он в обратном порядке повторял странствия «Жаннетты». Они намеревались соорудить небольшое судно и проплыть более тысячи миль по Яне, выйти в Северный Ледовитый океан, а затем пройти почти две тысячи миль вдоль сибирского побережья до Берингова пролива и Аляски, где собирались попросить убежища в свободных Соединенных Штатах. «Я всей душой надеялся, что их попытка увенчается успехом, – писал Мелвилл. – Ведь здесь эти молодые, умные, утонченные люди были обречены на пожизненное заточение в арктической пустыне».

«Мое появление вселило в них множество надежд, – вспоминал Мелвилл, – поскольку до той поры считалось, что бежать отсюда по льду Северного Ледовитого океана столь же нереально, как и пересечь бескрайнее море огня».

На следующий год Мелвилл узнал, что Лев и двенадцать других ссыльных решились на осуществление своего дерзкого плана. «Они ускользнули от преследователей, – писал Мелвилл, – и сумели, преодолев немало трудностей, добраться до реки Яны, прошли мимо деревни у самого ее устья и увидели море, но ужаснулись при виде высоких волн». Двое из бежавших сдались властям, а остальных скоро схватили; в итоге всех сослали в еще более безнадежные и убогие регионы Сибири.

По случаю Нового года генерал-губернатор Черняев устроил праздник в общественном зале собраний. Было много выпивки, много танцев и много игр; всю ночь звучала музыка большого оркестра. На празднике присутствовали вся элита Якутска и моряки «Жаннетты». Один высокопоставленный чиновник повернулся к Мелвиллу и с улыбкой объяснил: «Эту ночь, в отличие от остальных, каждый проводит со своей женой, а не с чужой».

Когда пробило полночь, Черняев объявил о начале 1882 года. Он предложил тост за здоровье нового императора и за бесстрашных моряков «Жаннетты». Мелвилла тронула такая теплота, но вечер продолжался, шампанское и водка текли рекой, и вскоре ему все это

опротивело. Ему показалось, что все в Якутске пьяны уже несколько недель и не протрезвеют еще столько же, ведь намечалась череда церковных и светских праздников. «В России, – писал Мелвилл, – выпивка становится настоящим проклятием. Уверен, русские превосходят любую другую нацию мира в искусстве уклоняться от работы и напиваться вместо нее».

Выжившие с «Жаннетты» вместе провели в Якутске еще всего неделю. Мелвилл наконец получил из Военно-морского министерства телеграмму, в которой ему сообщили о получении предыдущего донесения и посоветовали отправить большинство моряков на юг, в «более умеренный климат», чтобы они могли восстановиться и подготовиться к долгой дороге домой, в ходе которой им предстояло преодолеть шесть часовых поясов до Санкт-Петербурга, затем до Лондона и в конце концов на пароходе отправиться в Нью-Йорк. Даненхауэр должен был забрать девять человек – всех, кроме Бартлета и Найндемана, которых Мелвилл считал самыми компетентными и полезными для грядущих поисков в дельте Лены.

9 января отряд Даненхауэра на оленьей упряжке выдвинулся в сторону Иркутска. По свидетельству Мелвилла, генерал-губернатор Черняев вместе с доброй половиной населения Якутска вышел проводить моряков в этот «печальный, морозный день». Со слезами на глазах Мелвилл, Бартлет и Найндеман простились со своими товарищами. Заплакали и многие горожане – особенно ссыльные, которые попытались представить, какая свобода ждет моряков в другом конце пути. Ссыльные пришли, писал Мелвилл, «увидеть, как американцы отправляются в Америку. Они пожирали моряков глазами и завидовали их счастью. Мне было жаль несчастных изгнанников, которые с тоской смотрели на маленькую группу моряков, словно те отправлялись прямо в рай».

В прошлом письме я еще не до конца понимала ситуацию. Я думала, ты с мистером Мелвиллом и окружен заботой. Теперь в газетах пишут, что тебя еще не нашли, что Найндеман и Норос покинули тебя, когда тебя мучили голод и холод. Все это рисует у меня в голове ужасную картину, и теперь я не знаю, увижу ли когда-нибудь снова своего горячо любимого мужа.

У меня сердце кровью обливается, когда я думаю, что тебе пришлось пережить. Не стоило мне никого слушать, нужно было выезжать немедленно и пытаться прорваться к тебе, несмотря ни на что. Если бы я только была сейчас на пути к тебе! Если бы могла хоть что-то для тебя сделать! Ты ведь и сам нетерпелив, ты прекрасно понимаешь, как тяжело мне изо дня в день сидеть сложа руки, ждать и надеяться, бояться и внимать новостям. Мой дорогой муж, я не сдаюсь.

Мне осталось лишь довериться Провидению. Я изо дня в день разрываюсь между надеждами и опасениями и без конца молюсь Богу. Мысли путаются, мне очень сложно тебе писать. На счету каждый день, каждый час. Я надеюсь лишь, что ты встретил кого-то из местных. Полагаю, сейчас твоя судьба уже решена.

Глава 41

В ожидании утра

Неделю спустя Мелвилл покинул Якутск и выехал в противоположном направлении – на север, в дельту Лены. На этот раз с ним отправились Найндеман и Бартлет, а также целый эскорт солдат и нанятых проводников. Генерал-губернатор Черняев сдержал свое слово. Казалось, Россия действительно пришла Мелвиллу на помощь. Наконец у него были все ресурсы, необходимые для обстоятельной поисковой операции: официальные письма поддержки, переводчики, следопыты, работники, необходимые инструменты, свежие собаки и олени, крепкие нарты, продовольствие на всем пути к северу от Якутска и тайники с провизией в дельте, где лежали десятки тысяч сушеных рыб. Такого изобилия ресурсов эта часть Сибири никогда прежде не видывала.

Но даже при наличии всего перечисленного поисковая операция казалась почти невыполнимой. Мелвиллу понадобилось больше месяца, чтобы добраться до дельты и обнаружить, что там безостановочно бушуют шторма. Бури не прекращались более месяца. Большую часть времени Мелвилл не мог сдвинуться с места.

Когда в середине марта погода ненадолго улучшилась, Мелвилл не упустил своего шанса. Взяв с собой Найндемана и нескольких лучших из нанятых якутов, он добрался до того места, где Найндеман и Норос простились с Делонгом. Там Мелвилл планировал выстроиться шеренгой и начать систематические поиски, прочесывая территорию в южном направлении, квадрат за квадратом.

Неделю им не везло. Но 23 марта, шагая вдоль широкой петли замерзшего рукава реки, Мелвилл заметил что-то темное на снегу в нескольких сотнях ярдов впереди. Они поспешили туда и обнаружили, что это маркер: четыре палки были сведены вместе и стянуты веревкой. На этой самодельной конструкции висела винтовка. Мелвилл тотчас узнал ремингтон Алексея и машинально подумал, что это плохой знак, ведь Алексей был единственным опытным охотником отряда, опорой и надеждой Делонга. Прочистив ствол, Мелвилл не

нашел внутри никакой записки. Он не понимал, почему здесь решили оставить винтовку. Если это был маркер, то что он отмечал?

Хотя все было завалено глубоким снегом, Мелвилл догадался, что отряд Делонга останавливался возле этого пустынного изгиба реки. Он велел якутам прочесать местность, а сам в сопровождении проводника Ла Кенти решил подняться выше, чтобы снять показания компаса и осмотреть окрестности. Поднимаясь на высокий берег реки, Мелвилл заметил старый клочок одежды и пару варежек, наполовину погребенных в снегу. Он нашел кострище. Из реки сюда притащили огромные бревна, часть из которых потом обгорела. Рядом лежал огромный кусок речного льда, который, очевидно, растапливали, чтобы добывать пресную воду.

Неподалеку от обугленных бревен Мелвилл разглядел торчащий из-под снега знакомый предмет. Это был медный чайник, закоптившийся на бесчисленных кострах. Мелвилл подошел, чтобы поднять его, и по дороге чуть не споткнулся о другой предмет – насквозь промерзшую человеческую руку, под странным углом торчащую из снега. Ла Кенти уронил компас и в ужасе попятился, иступленно крестясь.

Возле кострища Мелвилл обнаружил еще два тела. Он позвал Найндемана, который разыскивал следы возле самой реки. Мелвиллу хотелось, чтобы в этот важный момент Найндеман был рядом, увидел все своими глазами и стал свидетелем страшного открытия.

Ожидая Найндемана, Мелвилл и Ла Кенти внимательнее пригляделись к снегу. Они нашли ящик с лекарствами, топорик и жестяной цилиндр около четырех футов длиной, в котором хранилась большая часть карт и рисунков из плавания «Жаннетты».

В нескольких футах от торчащей из-под снега руки Мелвилл нашел записную книжку. Подняв ее, он тотчас узнал почерк. Это был «ледовый дневник», который капитан Делонг вел со дня гибели «Жаннетты». Книжка в кожаном переплете промокла и истребалась, но записи были вполне читаемы. На основании свидетельств, содержащихся в дневнике, и представшей перед Мелвиллом картины наконец удалось установить судьбу отряда Делонга. Сначала Мелвилл взглянул на последнюю запись. Затем, перелистав на ветру страницы, механик начал читать.

9 октября, когда Найндеман и Норос вдвоем отправились на юг, отряду Делонга улыбнулась удача. В тот день Алексей пристрелил трех тундряных куропаток, из которых моряки сварили теплый суп. Немного восстановив силы, одиннадцать моряков прошли несколько миль по следам Найндемана и Нороса. На берегу реки они нашли гнилую лодку-долбленку, которую той ночью использовали в качестве укрытия.

На следующий день, 10 октября, Алексей заметил на снегу следы других куропаток, но не смог выследить птиц. Моряки разбили лагерь в расщелине на заснеженном берегу и съели каждый по ложке глицерина – бесцветной и безвкусной пасты из ящика с медикаментами доктора Эмблера. Другой еды у них не было, поэтому некоторые принялись жевать лоскуты оленьих шкур, из которых была сшита их одежда. «Все очень слабы, – написал Делонг. – Боже, помоги нам».

Следующие два дня им пришлось провести в этом лагере: изнуренные, они были не в силах идти против свирепого ветра. Страдая от голода, моряки собрали немного лишайника и веточек полярной ивы и сварили из этого чай. «Все становятся всё слабее, – писал Делонг. – Едва хватает сил, чтобы приносить дрова».

13 октября Делонг отметил, что настал 123-й день с момента гибели «Жаннетты». Он начал отчаиваться. Есть было нечего, оставалось только пить ивовый чай. Капитан все смотрел на юг, надеясь, что Найндеман все же приведет помощь, но никто не появлялся. «Мы не можем идти против ветра, а остаться здесь – значит умереть с голоду, – писал Делонг. – От Найндемана нет вестей. Наши судьбы в руках Господа; если Он не вмешается, мы погибли».

Они сумели пройти еще пару миль, но тут поняли, что не хватает Уолтера Ли. Моряки нашли его в нескольких сотнях ярдов позади. Он лежал в снегу и умолял, чтобы его бросили, твердя, что хочет умереть. Он был вял и, казалось, не понимал, что происходит. Все собрались вокруг него и прочитали «Отче наш...». В конце концов морякам удалось поднять Ли и уговорить его идти дальше. Через некоторое время они разбили лагерь на другом берегу реки, возле высокого снежного наноса. Вскоре поднялся ветер и началась очередная «кошмарная ночь».

На следующий день им снова улыбнулась удача: Алексей подстрелил куропатку, и тем вечером в дополнение к ивовому чаю они сварили суп. Утром 15 октября они сварили на завтрак два старых сапога и попытались разжевать упругую кожу. Алексей был на последнем издыхании. По свидетельству Делонга, он «сломался» и отказывался охотиться. Все продолжали высматривать Найндемана, и в сумерках Делонгу показалось, что он разглядел на горизонте пламя костра.

Следующим утром Эмблер объявил, что Алексей при смерти. Доктор уже ничем не мог ему помочь. Его пульс едва прощупывался, зрачки расширились. Эмблер крестил эскимоса, и Делонг прочитал над ним молитвы.

К закату Алексея не стало. В качестве причины смерти Эмблер указал «изнеможение от голода и холода». Делонг прикрыл его тело кормовым флагом, и на следующий день они снесли его к реке и прикрыли осколками льдин. Все вспомнили жену Алексея и их маленького сынишку, которые поднимались на борт «Жаннетты» в Сент-Майкле на Аляске.

Делонг понимал, что Алексей страдал не один – жизнь медленно уходила из всех моряков. Промокшие, они безостановочно дрожали. Руки не слушались их, а кровеносная система откачивала кровь из конечностей к жизненно важным органам. Изголодавшиеся организмы начали переваривать собственные мускулы и соединительные ткани. Они пожирали себя изнутри.

К 19 октября моряки потеряли способность двигаться. Последние силы ушли на то, чтобы разрезать палатку и лоскутами обмотать себе ноги – это была вынужденная мера, поскольку они съели почти все сапоги и тюленьи унты.

Теперь сдавать начали Ли и Каак. По словам Делонга, они «совсем измучились». Делонг помолился о больных, по традиции включив в молитву отрывок из Псалтыри: «Из глубины взываю к Тебе, Господи... Да будут уши Твои внимательны к голосу молений моих... Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи – утра».

Каак скончался около полуночи 21 октября, а Ли – около полудня. Моряки хотели похоронить товарищей на льду, где оставили Алексея, но не нашли в себе сил. Коллинз и Эмблер помогли капитану оттащить Каака и Ли за угол палатки, чтобы хотя бы убрать покойников с глаз.

Осталось восемь человек. К этому времени у всех был такой же отсутствующий взгляд, как в последние часы у Ли и Каака. Даже если бы к ним вышел какой-нибудь зверь, они не смогли бы прицелиться. Их животы ввалились. Умиравшие подползли поближе к костру, кое-кто лег прямо в дымящиеся угли. Мысли путались, рассудок терялся, сознание угасало. У самых ослабших, вероятно, уже началась аритмия. Скорее всего, некоторые моряки страдали от галлюцинаций.

Делонг писал:

23 октября, воскресенье. – 133-ий день с момента гибели «Жаннетты». Все очень слабы. Спали и отдыхали весь день, успели собрать немного дров до темноты. Прочитал отрывок литургии. Болят ноги. Нет обуви.

После этого дневник превратился в сухой перечень дней и смертей, словно Делонг оказался на необитаемом острове и решил не тратить силы попусту, перечисляя лишь сухие факты.

24 октября, понедельник.

Сто тридцать четвертый день. Тяжелая ночь.

25 октября, вторник.

Сто тридцать пятый день.

26 октября, среда.

Сто тридцать шестой день.

27 октября, четверг.

Сто тридцать седьмой день. Айверсон при смерти.

28 октября, пятница.

Сто тридцать восьмой день. Айверсон скончался рано утром.

29 октября, суббота.

Сто тридцать девятый день. Дресслер скончался ночью.

30 октября, воскресенье.

Сто сороковой день. Бойд и Гёртц скончались ночью. Мистер Коллинз при смерти.

На этом записи Делонга оборвались. Мелвилл закрыл дневник и посмотрел на замерзшую Лену.

Когда Найндеман поднялся к нему, Мелвилл покачал головой. «Они здесь», – сказал он. Возле ног Мелвилла лежали три замерзших трупа – тела А Сэма, доктора Эмблера и капитана Делонга. На

основании прочитанного Мелвилл понял, что вдоль реки, неподалеку от винтовки Алексея, они найдут остальные восемь тел.

Мелвилл отправил двух якутов копать снег у реки. Несколько часов они, по словам Мелвилла, «работали на износ». В конце концов они обнаружили обугленные бревна и пепел старого костра. Они нашли жестяной котелок, несколько обрывков одежды, шерстяную варежку и две жестяные коробки с книгами и бумагами. Вдруг якуты отбежали от кострища, «словно за ними погнался сам сатана», как заметил Мелвилл.

«Мертвец! Мертвец! Два мертвеца!» – закричали они.

Заглянув в яму, Мелвилл увидел частично обнаженную голову одного тела и ноги другого. Якуты неохотно продолжили работу и вскоре раскопали спину и плечи третьего тела.

Мрачный труд занял целых два дня. Некоторые тела вмерзли в лед, поэтому приходилось высвобождать их с помощью палок. В итоге поисковики Мелвилла обнаружили Каака, Ли, Айверсона, Дресслера, Бойда и Гёртца. Они долго искали Алексея, но все было тщетно.

Они положили тела на снег. Найндеман проверил карманы и аккуратно разложил все личные вещи по мешочкам, обозначенным именами. Мелвилла поразило, как «естественно» выглядели покойники. «Лица умерших сохранились на удивление хорошо, – писал он. – Казалось, они высечены из мрамора, а на щеках навсегда застыл румянец. Их лица были полными, поскольку немного опухли в процессе замерзания, но руки и ноги ссохлись, а животы ввалились глубоко внутрь».

Мелвилл также заметил, что моряки съели всю обувь. «У них не осталось ни одного мокасина, ни кусочка шкуры или кожи, – написал он. – Одежда покойников сильно обгорела, потому что они лежали вплотную к огню; умерших первыми раздели. Бойд лежал практически в костре, его одежда прогорела насквозь».

В конце концов поисковики обнаружили Коллинза. Лицо ирландца было прикрыто красной фланелью. В одном из его карманов лежали четки, а на шее висел бронзовый крест. Кроме того, при нем нашли различные бумаги и дневник. Найндеман внимательно изучил тело Коллинза. Казалось, оно чем-то отличается от остальных. Большую часть экспедиции Коллинз был весьма несчастен и, возможно, до последнего вздоха не простил капитана. «Он лежал на

спине, – вспоминал Найндеман, – его кулаки были крепко сжаты, а лицо исказилось от мук. Такого выражения не было больше ни на одном из лиц. Его зубы были сжаты, а лицо сурово, словно он принял суровую смерть».

Каака и Ли раздели после смерти, но остальные тела никто не трогал. Не было никаких признаков каннибализма, хотя Мелвилл не мог отрицать такую вероятность в отношении Алексея, поскольку тело эскимоса так и не было найдено. Если бы отряд Делонга съел его останки, в лагере бы остались хоть какие-то следы, но поисковики Мелвилла прочесали все до последнего дюйма и не нашли ничего в поддержку этой теории. Мелвилл и Найндеман пришли к гораздо более простому выводу: могила Алексея провалилась под лед, и его тело смыло течением Лены.

За исключением Алексея, Мелвилл обнаружил тела всех моряков из отряда Делонга. Самого Делонга, доктора Эмблера и А Сэма Мелвилл выделил в отдельную группу, поскольку их тела находились примерно в тысяче ярдов от того места, где были найдены остальные.

Теперь Мелвилл попытался восстановить картину событий. Моряки шли с севера, Алексей умер первым, и его похоронили на льду неподалеку от того места, где установили его винтовку. Мелвилл считал, что этот маркер должен был служить знаком для поисковиков, которые впоследствии будут проходить мимо, но он вполне мог быть и мемориалом, установленным в честь павшего охотника. После смерти Алексея они разбили лагерь в сотне ярдов выше по реке и разожгли костер. Там умерло семь человек – Каак, Ли, Айверсон, Дресслер, Бойд, Гёртц и, наконец, Коллинз.

В живых остались только А Сэм, доктор Эмблер и капитан Делонг. Мелвилл счел, что разгадал их логику. Делонг решил подняться выше – отчасти это было обусловлено его желанием разжечь сигнальный костер в последней надежде привлечь внимание местных. Но к тому моменту капитан уже понимал, что им, вероятно, осталось недолго, и боялся, что их тела, а также бумаги «Жаннетты» смоеет при весеннем разливе и экспедиция окажется навсегда забыта. Поэтому трое выживших из последних сил разбили лагерь на высоком берегу. Они подняли туда дрова и осколок речного льда, чтобы вытапливать воду. Они принесли цилиндр с морскими картами, ящик с

медикаментами Эмблера, чайник и топорик. При следующей ходке они, должно быть, намеревались забрать все записи и журналы, а возможно, и тела, но к этому моменту уже слишком ослабели, чтобы втащить столько всего наверх по глубокому снегу.

Мелвилл писал: «Должно быть, задача оказалась им не по плечу; выбившись из сил, они отказались от своей затеи и бросили записи. Они развели костер и заварили ивовый чай: когда я обнаружил чайник, он был полон льда и ивовых прутьев. С юга от костра они поставили тент, чтобы прикрыть пламя, но зимние ветры повалили его».

Вероятно, первым умер А Сэм. Когда Мелвилл откопал его тело, китаец лежал на спине с умиротворенным выражением лица. Его руки были сложены на груди, словно их передвинули уже после его смерти.

Скорее всего, следующим стал Делонг. После 30 октября – «мистер Коллинз при смерти» – он не написал больше ни строчки, но Мелвилл заметил, что из дневника была вырвана страница, и предположил, что капитан начал писать личное письмо Эмме. Если и так, письмо не удалось обнаружить.

Делонг лежал на правом боку, подложив под щеку правую руку; его голова указывала на север. Его ноги были чуть присогнуты, левая рука поднята и согнута в локте, варежки не было. Судя по положению вещей, Мелвилл решил, что в последние мгновения жизни Делонг поднял руку и отбросил дневник в снег, подальше от углей костра. Его рука замерла в этом странном положении – именно об нее Мелвилл едва не споткнулся, когда начал поиски на этом берегу.

Раскопав снег, Мелвилл увидел, что поверх форменного флотского кителя на Делонге было надето грязное пальто. На шее у капитана висел хронометр. Рядом с ним был синий шелковый флаг, который Эмма Делонг сшила для экспедиции «Жаннетты», – тот самый флаг, который должен был взметнуться над Северным полюсом. В карманах капитана Мелвилл нашел серебряные часы, пять золотых двадцатидолларовых монет, две пары очков и шелковый мешочек, напоминавший памятный подарок. Внутри оказались локон волос и золотое распятие, инкрустированное шестью жемчужинами.

Остался только доктор Эмблер. Мелвилл не мог сказать наверняка, что доктор умер последним, но в правой руке Эмблер держал револьвер «Кольт Нэви», принадлежавший Делонгу. Вероятно, он забрал его у капитана, после того как тот умер.

Внимательно изучив тело доктора Эмблера, Мелвилл увидел кровь у него на губах и бороде. Окровавлен был и снег возле его головы. Сначала Мелвилл решил, что Эмблер сам положил конец своим мучениям и совершил самоубийство. Однако он не смог найти раны, а когда осмотрел револьвер, обнаружил в барабане три патрона – из револьвера не стреляли.

Приглядевшись лучше, механик в конце концов установил источник крови: Эмблер держал левую руку возле рта, и Мелвилл заметил глубокий след от укуса между его большим и указательным пальцами. Будучи при смерти, доктор жевал собственную руку – возможно, пытаясь согреться или найти хоть немного влаги, а возможно, вообще не понимая, что происходит.

Мелвилл попытался представить последние минуты жизни Эмблера – в одной руке он сжимал револьвер, а другой так странно успокаивал себя. «Оставшись один в окружении мертвых, – писал Мелвилл, – Эмблер, без сомнения, надеялся, что какой-нибудь зверь или птица придут, чтобы съесть тела, и тогда он найдет хоть немного пропитания. Он караулил до последнего, не расслабляясь, не теряя бдительности и не выпуская оружия из руки».

Перед тем как покинуть «Жаннетту» в Сан-Франциско, Эмма Делонг молила доктора Эмблера: «Станете ли вы другом моему мужу? Вы ведь знаете, как одинока жизнь командующего офицера». Доктор заверил ее, что не покинет капитана, и остался верен слову до конца. Делонг и Эмблер умерли бок о бок.

За поясом штанов Эмблера Мелвилл нашел дневник, который доктор вел со дня гибели «Жаннетты». В основном там содержались врачебные сведения: доктор записывал количество выданных лекарств, болезни моряков и проведенные процедуры. Но в конце Мелвилл обнаружил письмо, которое Эмблер написал своему брату в Вирджинию. Оно было составлено 20 октября, в тот день, когда умерли Каак и Ли, и за два дня до того, как в 120 милях к югу отсюда, в Бултуре, Найндемана и Нороса спасли якуты. Предчувствуя свой конец, доктор Эмблер хотел попрощаться с семьей.

На Лене
Четверг,
20 октября 1881 года

Эдварду Эмблеру, эсквайру
Почтовое отделение Маркема, округ Фокир, Вирджиния

Мой дорогой брат,

я пишу эти строки в слабой надежде, что волею всемилостивого Бога они однажды достигнут тебя. Я почти потерял надежду на спасение. Мы слабеем с каждым днем и уже более недели ничего не ели. Мы с трудом собираем дерево для костра, но через день-другой не сможем уже и этого.

Я пишу вам всем, матери, сестре, брату Кэри и его жене и семье, чтобы заверить вас в глубокой любви, которую я всегда к вам испытывал. Если бы Бог позволил мне еще раз увидеться с вами, я бы с удовольствием хоть ненадолго оказался дома, среди родных. Матушка знает, как крепко я привязан к ней с самых ранних лет. Храни ее Бог, и да будет жизнь ее долгой и славной. Благослови вас всех Бог.

Я же тем временем опускаю руки и отдаюсь на волю Господа. Прощайте, все мои друзья и близкие.

Твой любящий брат

Дж. М. Эмблер

5 мая 1882 года

Иркутск

1:20 пополудни

Следующее донесение только что получено в особом порядке из Якутска:

Я нашел лейтенанта Делонга и его отряд; все погибли.

Все журналы и бумаги тоже обнаружены.

Остаюсь здесь, чтобы продолжить поиски отряда лейтенанта Чиппа.

Мелвилл

Глава 42

Скорбная песнь времен

Десять тел аккуратно завернули в брезент и положили на нарты. Погребальная процессия тронулась на юг – под командованием Мелвилла двенадцать собачьих упряжек побежали через тундру к невысокой горе, которую местные называли Кюль-Хая. Возвышавшийся на несколько сотен футов над равниной скалистый утес, по словам Мелвилла, был «холоден и суров, как Сфинкс» и «хмурился, смотря на место, где погиб отряд» капитана. Якуты обычно обходили эту гору стороной – считалось, на ней живут ведьмы, – но она оставалась самым заметным ориентиром в северной части дельты, и ей были не страшны даже сильнейшие разливы.

Из досок, найденных по берегам реки, поисковики Мелвилла сколотили огромный гроб – семь футов шириной, 22 фута длиной и 22 дюйма глубиной, – скрепив доски пазами и выступами. Тела положили внутрь, лицом к восходящему солнцу. Затем гроб накрыли крышкой.

Вытащив из вечной мерзлоты несколько сотен покрытых лишайником камней, поисковики пирамидой сложили их поверх гроба. Бартлет и Найндеман соорудили из плавникового дерева массивный крест – 20 футов в высоту и 12 в поперечнике. Его подняли при помощи тросов из собачьих упряжек и закрепили на месте. При помощи киянки и долота вырезали надпись: «В память офицеров и матросов арктического парохода «Жаннетта», которые погибли в дельте Лены в октябре 1881 года».

Работу завершили 7 апреля. Мелвилл назвал это место Точкой Монумента, но якуты дали ему другое название, которое прижилось более чем на век: Америка-Хая – гора Америка. В ясные дни крест был виден на сотни миль и словно парил в арктическом воздухе.

Мелвилл, Бартлет и Найндеман еще на месяц останутся на арктическом побережье и будут безуспешно искать следы отряда Чиппа. Но теперь, в присутствии якутских друзей, они отдали дань памяти Джорджу Делонгу и великому и ужасному плаванию «Жаннетты».

«В кошмарной тишине бескрайних пустошей, – написал Мелвилл, – мы заботливо проводили наших товарищей в последний путь. Мы благоговели перед простотой похорон, давящей тишиной и великолепием белой пустыни. Пусть бескрайние снега станут им пухом, а свирепые полярные ветра разносят их скорбную песнь сквозь века. Нет во всем мире более подходящего места для упокоения героев».

Все это забудется, когда мы снова встретимся; все это будет казаться лишь страшным сном, ужасным кошмаром, который уже остался в прошлом. Как бы тяжело тебе сейчас ни приходилось, я все равно верю в Бога и не теряю надежды. Ты часто снишься мне и кажешься совсем здоровым, только печальным и не таким крепким, как раньше. Дорогой мой! Я не могу показать, как я люблю тебя, как сочувствую тебе и как сопереживаю с тобой твои страдания. Я без конца молюсь Богу. Мой дорогой муж, не щади сил, борись, живи и возвращайся ко мне!..

Эпилог

Пока не растает весь лед

Чуть позже полудня 13 сентября 1882 года принадлежащий компании «Кунард» лайнер «Парфия» сквозь пролив вошел в гавань Нью-Йорка. Стоял ясный осенний день: на синем небе не было ни облачка, вода искрилась в ярких солнечных лучах. В отдалении виднелись оборонительные валы Манхэттена. Мелвилл четыре года не видел своего родного города. Для него это был счастливейший миг долгожданного возвращения домой, но кое-что все же омрачило его радость – ровно год назад его вельбот разлучило с катерами Делонга и Чиппа в разгар шторма.

Большинство выживших моряков «Жаннетты» вернулись в Нью-Йорк в мае, вместе с группой Даненхауэра. Но имя Мелвилла было у всех на устах, и его возвращения давно ждали. Встречать его пришло несколько тысяч человек. В глазах общественности попытки Мелвилла разыскать погибших товарищей, без всякой надежды петляя по сибирским пустошам, стали демонстрацией великой преданности, которую воспели в песнях, стихах и журнальных статьях, не говоря уж о репортажах в нью-йоркском «Геральд». Если Делонга считали павшим героем экспедиции «Жаннетты», то Мелвилл был ее *живым* героем. Теперь им интересовался не только «Геральд», но и все остальные газеты.

Джеймса Гордона Беннетта в толпе встречающих не было. Издатель оплатил все счета «Жаннетты», как и обещал. Он получил что хотел: отправив нескольких репортеров в Сибирь, он обратил историю «Жаннетты» в деньги всеми возможными способами, во многом даже затмив репортажи Стэнли из Африки. Один из его корреспондентов, Уильям Генри Гилдер, доходил до Берингова пролива на борту корабля «Роджерс», отправленного на поиски «Жаннетты», однако был вынужден сойти на берег, когда пожар полностью уничтожил корабль. Затем один из офицеров с «Роджерса» Чарльз Путнэм остался на льдине, которая уплыла в открытое море, и пропал. Гилдер на собачьей упряжке проехал две тысячи миль на запад, пока не напал на след несчастной «Жаннетты». Перехватив

запечатанный пакет с корреспонденцией Мелвилла, он отправил свою статью на телеграфную станцию в Иркутске и первым сообщил историю о гибели «Жаннетты» миру.

Он получил что хотел: отправив нескольких репортеров в Сибирь, он обратил историю «Жаннетты» в деньги всеми возможными способами.

Другой репортер «Геральд» Джон Джексон обнаружил место упокоения отряда Делонга, ненадолго откопал тела, якобы чтобы забрать бумаги и личные вещи, но скорее всего, чтобы найти следы каннибализма или насильственной смерти (но ничего не обнаружил). Узнав об осквернении могилы мужа, Эмма Делонг сказала Беннетту, что это «самая горькая пилюля, которую ей пришлось проглотить в жизни». И все же сенсационные сообщения Джексона, как и репортажи Гилдера, расходились как горячие пирожки.

В тот день вместе с Мелвиллом на борту «Парфии» были еще два прославленных моряка «Жаннетты» – Найндеман и Норос. Кроме того, они везли с собой очень важный груз. В аккуратно упакованных коробках и ящиках находились все судовые журналы, карты, документы и научные образцы, собранные в ходе плавания «Жаннетты». Мелвилл также забрал все записи Делонга и небольшой дневник, который капитан вел во время долгого перехода по льду и дельте до самой своей смерти. Он забрал и личные вещи всех погибших моряков. Шесть месяцев он глаз не спускал с этих ценнейших ящиков.

Чтобы добраться до Нью-Йорка, Мелвилл, Найндеман и Норос преодолели 12 000 миль вокруг света: из дельты Лены по тундре до Якутска, затем по тайге до Иркутска, затем по степям на санях до железной дороги в Оренбурге, затем 9000 унылых миль на поезде до Москвы.

В Санкт-Петербурге император пригласил троих моряков в один из императорских дворцов в Петергофе. Троих американцев доставили

туда на царском экипаже, угостили коньяком и сигарами и проводили в зал приемов.

Александр III, лысый, грубоватый, похожий на медведя человек с тяжелым взглядом, лично встретил Мелвилла и матросов. Император был полностью осведомлен об истории «Жаннетты» и хотел выразить американцам соболезнования от лица всей российской нации. «Я уверен, – сказал он, – что лишь суровость нашего климата, но не черствость моих подданных привела к гибели ваших товарищей». Императрица Мария Федоровна с нежностью осмотрела руки и пальцы Мелвилла, на которых по-прежнему оставались следы обморожения. «Надеюсь, – сказала она, – что вы больше не будете испытывать судьбу на морозном севере».

Из России отряд Мелвилла отправился в Берлин, а затем ненадолго заехал в родные края Найдемана – на остров Рюген в Балтийском море. Там немца встречали всей деревней. «Деревенские девушки, – писала одна газета, – принесли цветы и венки».

Затем моряки добрались до Англии, где в Ливерпуле сели на «Парфию», на которой и пересекли Атлантику. На подходе к Нью-Йорку корабль встретила частная яхта «Океанская жемчужина», на борту которой были городские чиновники, флотские офицеры и родственники моряков. Когда моряки поднялись на борт «Океанской жемчужины», их тотчас окружили доброжелатели. Мелвилла встречали брат, две сестры и племянница. Невеста Найдемана, мисс Ньюман, смиренно ждала его на палубе. Репортер «Геральд» отметил, что влюбленные «говорили одними глазами, и на их лицах отражалось такое счастье, что они источали улыбку за улыбкой».

На борту «Океанской жемчужины» также был отец Эммы Делонг, капитан Джеймс Уоттон. Он сделал шаг вперед и приветствовал выживших в качестве представителя семьи Делонга. Когда Уоттон подошел к Мелвиллу, он не смог сдержать слез. «Боже! – воскликнул Мелвилл, тоже расплакавшись. – Вы потеряли сына, а я – друга!»

Несмотря на долгие испытания, Мелвилл был полон жизни. Один из его родственников даже считал, что он «выглядит почти обычно, только немного похудел». Его глаза, как заметил репортер «Геральд», «лучились прежним ласковым светом». Однако за этим светом скрывалась и печаль, ведь Мелвилл узнал, что во время экспедиции его жена Гетти совсем лишилась рассудка и чуть не убила себя выпивкой.

Соседи видели, как Гетти ходила по городку Шерон-Хилл в Пенсильвании и толкала перед собой пустую коляску, разговаривая с воображаемым ребенком. К великому облегчению Мелвилла, Гетти не приехала в Нью-Йорк, но механик понимал, что ему придется столкнуться с ней уже через несколько дней, по возвращении домой.

«Океанская жемчужина» пристала к пирсу на Двадцать третьей улице. В сопровождении двух длинных колонн одетых в парадную форму моряков исследователи покинули пристань и подошли к ожидающим их экипажам. Мелвиллу предстоял долгий день, полный официальных встреч и речей. Но прежде всего он должен был отправиться в верхнюю часть города, чтобы отвезти коробки с бумагами и личными вещами Эмме Делонг.

Получив подтверждение гибели мужа, Эмма ненадолго впала в ступор. В те дни она была в Берлингтоне, в Айове, вдали от мира, вдали от газет восточного побережья и неусыпного контроля общества. Ей почти удалось воспринять трагические новости так, словно это абстракция, донесение из другого мира. «Казалось, меня поглотило море, – сказала она. – Я жаждала спокойствия и одиночества. Я хотела, чтобы меня оставили в покое, чтобы мне не нужно было ни с кем говорить и ничего делать».

Но затем она поняла, что ей придется представлять экспедицию «Жаннетты», изучать бумаги мужа, редактировать и издавать его журналы, оберегать его наследие и наследие других моряков, участвовавших в плавании, как живых, так и мертвых. При гибели судна американского флота в обязательном порядке созывалась комиссия по расследованию происшествия, и Эмме предстояло содействовать следствию и давать показания. Ей предстояло утешать всех близких погибших и выбивать медали, благодарности и пенсии. Хотела она того или нет, Эмма понимала, что теперь она – лицо экспедиции «Жаннетты». Возможно, весь остаток жизни ей суждено было играть роль жены путешественника.

Она снова и снова спрашивала себя, стоила ли экспедиция «Жаннетты» всех страданий, всех мучений, всех потерянных жизней, ведь в итоге она лишь немного продвинула человечество на пути к арктическому Граалю. «Неужели слишком высока оказалась цена, которую пришлось заплатить за эти сведения? – писала она. – Но не так оцениваются людские начинания. Жертва благороднее покоя;

бескорыстную жизнь обрывает одинокая смерть, и мир обогащается даром страдания».

Эмма переехала в квартиру своих родителей в Нью-Йорке, куда в тот сентябрьский день прямиком из гавани и приехал Мелвилл. Он хотел выразить ей свое почтение и передать бумаги, дневники и личные вещи Делонга. Но еще он хотел заверить Эмму в своей бесконечной преданности, почти как средневековый рыцарь. Он извинился перед ней за свою жену Гетти – «несчастную женщину, на которой я женился», как выразился он сам, – которая писала Эмме странные письма и давала истеричные комментарии прессе. «Семнадцать лет я страдал, – впоследствии написал он Эмме, имея в виду свою домашнюю жизнь. – И нет мне спасения, пока смерть не устранил препятствие».

Мелвилл сказал Эмме, что остается целиком и полностью преданным экспедиции «Жаннетты». Он невероятно гордился своим участием в ней. Он предупредил Эмму, что в грядущие годы экспедицию неизбежно будут критиковать: писатели примутся сочинять противоречивые истории, позеры попытаются получить личную выгоду. Мелвилл хотел, чтобы Эмма знала, что он будет всеми силами оберегать память ее мужа – его любимого капитана.

«Я останусь предан вам и Делонгу, – сказал он, – **пока не растает весь лед**».

Той ночью руководство Нью-Йорка закатило в честь Мелвилла, Найндемана и Нороса банкет в «Дельмонико», который, пожалуй, был лучшим рестораном Манхэттена. Чествовать выживших собралось более 150 человек, одетых в вечерние костюмы.

За ужином слово брали многие чиновники – федеральный судья, сенатор, главный инженер ВМС и многие другие. После печального тоста в память погибших Мелвилла попросили подняться и сказать несколько слов. Он был предельно краток. «Джентльмены, – начал он своим низким голосом, – от имени самого себя и двух моих товарищей я хочу лишь сказать, что мы выполнили свой долг и сделали все возможное, а если бы мы не попытались так поступить, мы не были бы мужчинами».

Самый красноречивый тост произнес мэр Нью-Йорка Уильям Рассел Грейс. Смотря на Найндемана и Нороса, он пересказал историю

их прощания с Делонгом и его голодающим отрядом. «В момент прощания, – сказал Грейс, – когда на берегах Лены, стоя по колена в снегу, моряки прокричали ура вслед товарищам, которые отправлялись вперед, чтобы привести помощь, последние слова из закрывающейся могилы были таковы: «Когда доберетесь до Нью-Йорка, не забудьте обо мне». И мы о них не забудем. Мы не забудем их смелость дерзать и смелость терпеть. Их история навсегда останется в наших сердцах. Этот город и страна с радостью приветствуют троих джентльменов, вернувшихся домой, и эта радость омрачается лишь мыслью о погибших смельчаках, которые домой уже не вернуться».

После банкета Мелвилла и его товарищей провезли на экипажах по городу. Проезжая по Бродвею, моряки не могли поверить своим глазам. Вся улица сияла огнями – недавно установленная система ярких дуговых ламп превратила нью-йоркскую ночь в ясный день.

* * *

В 1883 году останки Джорджа Делонга и его товарищей подняли из могилы возле горы Америка-Хая и перевезли в Соединенные Штаты. Длинная и сложная погребальная процессия была организована совместными усилиями американского флота и российского правительства. Военно-морской министр США назвал Делонга и его отряд «жертвами во имя науки». После погребальной церемонии на Манхэттене, которую посетили тысячи скорбящих, Делонга и пятерых его товарищей похоронили на кладбище Вудлоун в Бронксе. В тот же год были опубликованы отредактированные Эммой Делонг журналы экспедиции. Хотя по итогам экспедиции «Жаннетты» пришлось созвать морскую комиссию по расследованию происшествия, а слушание в конгрессе вызвало значительные разногласия, оба суда подтвердили правильность действий Делонга. В 1884 году Нью-Йорк выделил участок земли на берегу Ист-Ривер на устройство парка имени «Жаннетты», который сейчас называется Мемориалом ветеранов Вьетнама. Шесть лет спустя копии монумента и креста, воздвигнутых Мелвиллом в дельте Лены, были установлены на территории Военно-морской академии в Аннаполисе на берегу реки Северн. В честь Делонга назвали горный хребет на северо-западе

Аляски, а также два корабля. В России открытые им острова – Жаннетты, Генриетты и Беннетта – известны под общим названием остров Де-Лонга.

Более века с момента смерти Августа Петермана его работа оставалась значительной движущей силой картографии. «Географические известия Петермана» издавались почти 150 лет, пока в 2004 году компания не остановила печатные станки и не закрыла двери навсегда. Память о географе живет в десятках географических названий по всему миру, включая хребет Петермана в Австралии, остров Петермана у берегов Антарктиды и ледник Петермана в Гренландии, который относится к числу крупнейших в мире. Его имя обессмертили даже в космосе – географический объект в северном полярном регионе Луны называется кратером Петермана. Сегодня карты Петермана считаются редкостью, нередко продаются на аукционах за тысячи долларов и являются предметом вождления коллекционеров со всего мира.

Теория открытого полярного моря погибла вместе с «Жаннеттой», хотя последние климатические прогнозы показывают, что к 2050 году существенная доля полярного льда будет полностью таять в летний период. После «Жаннетты» ни одна арктическая экспедиция не ставила своей целью выйти в открытое полярное море.

И все же один выдающийся исследователь, норвежец Фритьоф Нансен, специально заключил себя во льдах к северу от Сибири, чтобы попытаться воссоздать дрейф «Жаннетты». Он прочитал, что в 1885 году предмет сшитой из тюленьей шкуры одежды Джорджа Делонга обнаружили на побережье Гренландии, а это означало, что он медленно, но упорно четыре года дрейфовал по течению, преодолел 5000 миль и прошел через Северный полюс – или в непосредственной близости от него. Предположив, что обнаружение одежды указывает на господствующее направление дрейфа арктического льда, в 1893 году Нансен попытался воссоздать плавание «Жаннетты» на более хорошо оснащенном судне. Экспедиция Нансена почти достигла Северного полюса, и через три года его крепкое судно «Фрам» вышло из пака в Северную Атлантику, не достигнув успеха, но не потерпев и поражения.

Джордж Мелвилл так и не смог забыть о великом Севере. В 1884 году он вернулся в Арктику, чтобы разыскать выживших в другой катастрофической американской полярной экспедиции – экспедиции Грили, – и всю жизнь пропагандировал организацию новых экспедиций к Северному полюсу. Мелвилл развелся с Гетти, женился во второй раз и большую часть жизни провел в Вашингтоне. Продвигаясь по службе, он стал сначала начальником инженерных войск флота, а затем контр-адмиралом. Мелвилл возглавил значительную перестройку флота, во многом завершил переход от дерева к металлу и от ветровой тяги к паровой. Когда в 1903 году он ушел в отставку, американский флот считался одним из самых сильных модернизированных флотов мира. Мелвилл часто выступал с лекциями и написал популярную книгу об экспедиции «Жаннетты» под названием «В дельте Лены». Он до конца остался верен Делонгу. Мелвилл умер в Филадельфии в 1912 году. В его честь были названы два корабля – плавучая база эсминцев и океанографическое исследовательское судно. Сегодня медаль Джорджа Мелвилла считается высшей флотской наградой за достижения в морской инженерии.

Восстановившись после испытаний, выпавших на долю «Жаннетты», Джон Даненхауэр тоже давал лекции и стал известным критиком как экспедиции Делонга, так и вообще арктических исследований. «Пора положить конец исследованиям центрального полярного бассейна, – утверждал Даненхауэр. – Есть гораздо более важные сферы для демонстрации истинного мужества и героизма». Даненхауэр женился и стал отцом двух детей. Несколько лет он успешно – и, казалось бы, счастливо – служил офицером американского флота. Но в 1887 году вернулась его меланхолия. Будучи один в своей квартире в Аннаполисе, Даненхауэр выстрелил себе в голову из револьвера Смита и Вессона 32-го калибра.

Джон Мьюр больше ни разу не бывал в Арктике. После плавания на «Корвине» он увлекся словесными баталиями, которые в 1892 году привели его к основанию организации «Сьерра-Клуб». Сыграв немаловажную роль в создании Йосемитского национального парка,

Мьюр был признан одним из отцов движения за охрану окружающей среды. Он умер в 1914 году. Посмертно опубликованная книга Мьюра «Плавание «Корвина», в которой рассказывается история поисков пропавшей «Жаннетты», теперь принадлежит к классике литературы об Арктике.

Получив медали и благодарности ВМС США, Чарльз Тонг-Синг увлекся азартными играми, пошел по наклонной и в итоге отсидел несколько сроков в тюрьме. Став главой влиятельного китайского преступного синдиката в Нью-Йорке, он был известен как Чарли со Шрамом – это прозвище он заработал из-за пятидюймового рубца, который остался у него на лице после несчастного случая на борту «Жаннетты». Считается, что на его совести как минимум шесть убийств. В 1883 году в «Нью-Йорк таймс» писали: «В Чайна-тауне он прославился своей жестокостью и физической силой, и недавно на него пало подозрение в нескольких серьезных и очень ловких ограблениях». Позже Чарли Тонг-Синг завязал с преступной деятельностью. По имеющимся сведениям, он управлял китайским рестораном в Лос-Анджелесе, работал переводчиком в суде и недолго служил полицейским в Портленде, в штате Орегон. Обстоятельства его смерти неизвестны.

Уильям Найндеман был награжден медалью Почета. Как и планировалось, он женился на мисс Ньюман в Нью-Йорке, но вскоре овдовел и в одиночку воспитывал своего единственного сына Билли. Найндеман двадцать лет работал бок о бок с американским инженером ирландского происхождения Джоном Холландом, который считается отцом современной подводной лодки. Выполняя обязанности стрелка и оператора торпедной установки на прототипах Холланда, Найндеман доставил несколько новых подводных судов в Японию для использования в Русско-японской войне. В 1913 году, через год после того как его сын утонул при катании на лодке по Гудзону, Найндеман умер в Бруклине.

Джеймс Гордон Беннетт-младший до самой смерти оставался издателем газеты «Нью-Йорк геральд» и ее сестры, газеты «Париж Геральд» (предшественницы «Интернэшнл геральд трибьюн»). Он

продолжил жить на широкую ногу – пожалуй, лучше всего его расточительность иллюстрирует постройка яхты мечты в 1901 году: 314-футовая «Лисистрата», помимо всего прочего, могла похвастать турецким хамамом, театром и удобным стойлом для молочных коров, которых возили с собой, чтобы каждое утро у Беннетта были свежие сливки. Интерес Беннетта к спорту с годами только усилился. Он провел первые регаты и автомобильные гонки, а в 1906 году профинансировал международную гонку на воздушных шарах – Кубок Гордона Беннетта, который проводится и по сей день. Большую часть жизни он оставался холостяком, но в конце концов в возрасте семидесяти трех лет женился на Мод Поттер, вдове Джорджа Рейтера, который принадлежал к семейству основателей новостного агентства «Рейтер».

Беннетт скончался в 1918 году на своей вилле во французском Больё в окружении любимых собак. Его похоронили в Париже, неподалеку от авеню Гордона Беннетта, в мавзолее, украшенном каменными совами. В 1924 году состоялось слияние «Геральд» с его извечным соперником, газетой «Нью-Йорк трибьюн». В дополнение к острову Беннетта в честь издателя был назван астероид (305) Гордония. Его имя также помнят и в Великобритании, где восклицание «Гордон Беннетт!» до сих пор порой используется для выражения абсолютной неправдоподобности.

Дольше всех из моряков «Жаннетты» прожил Герберт Лич, матрос из отряда Мелвилла, который едва не погиб от обморожения в дельте Лены. Лич родился в городе Пенобскот в штате Мэн и большую часть жизни работал на обувной фабрике в Массачусетсе. В 1928 году он присоединился к Эмме Делонг на открытии огромного гранитного памятника Джорджу Делонгу и остальным погибшим морякам «Жаннетты» на кладбище Вудлоун. Лич умер в 1933 году.

В 1909 году американские исследователи Роберт Пири и Мэтью Хенсон достигли Северного полюса, однако многие подробности их достижения с тех пор не раз подвергались сомнениям. Во время одной из ранних попыток достичь полюса Пири обнаружил написанное от руки письмо, которое Эмма Делонг отправила мужу в 1881 году. Письмо, по-прежнему запечатанное красным сургучом, каким-то

образом добралось до одинокой гренландской хижины, где нетронутым пролежало двадцать лет. Так и не распечатав письмо, Пири вернул его Эмме.

В 1938 году Эмма Делонг, которой было уже сильно за восемьдесят, опубликовала книгу воспоминаний «Жена путешественника». В тот год интерес к «Жаннетте» был особенно высок, поскольку был опубликован также коммерчески успешный роман «Ад на льду», по мотивам которого Орсон Уэллс создал транслировавшуюся на всю страну радиопостановку. Эмма Делонг больше никогда не вышла замуж и последние годы жила одна – и по собственным словам, была счастлива – на купленной ею ферме в Нью-Джерси. «У меня осталась лишь память о муже», – говорила она. Она потеряла не только мужа, но и единственную дочь: Сильвия Делонг служила сестрой милосердия во время Первой мировой войны, затем вышла замуж, родила двух детей и в 1925 году умерла от мастоидной инфекции. Эмма Делонг скончалась в 1940 году в возрасте 91 года. Ее похоронили рядом с мужем на кладбище Вудлоун.

Благодарности

Исследование и описание истории экспедиции «Жаннетты» стало настоящим приключением, которое растянулось на три года и три континента, поэтому поблагодарить мне нужно очень многих. Прежде всего мне стоит выделить Катарин Делонг, дальнюю родственницу Джорджа Делонга, даровавшую мне волшебный подарок, о котором мечтают все историки, но который мало кому достается: обнаруженный на чердаке старинный сундук, полный пожелтевших писем. В моем случае в сундуке лежали письма и личные бумаги Эммы Делонг, которые Катарин любезно передала мне на весь период исследования.

Моя работа в Париже и Гавре прошла без сучка без задоринки, благодаря неустанному и неоценимому труду Марии Винченцы Алоизи, заслуженного исследователя «Тайм-лайф». Я также хочу сказать спасибо Бернадет Мерфи из «Интернэшнл геральд трибьюн», которая провела меня в подвал и позволила изучить заплесневелые папки со сведениями о Джеймсе Гордоне Беннетте. Элизабет Элис изучила виллу Беннетта в Бельё-сюр-Мер и другие его излюбленные места на юге Франции. Я благодарен Дэвиду Ховарду и редакторам «Байсиклинг», которые отправили меня в Париж освещать «Тур де Франс».

В Германии моим полевым исследователем, переводчиком и проводником была всегда готовая помочь Мике Хагенах. Я благодарю Хорста Ричардсона и Гюнтера, и Микаэлу Карстен за их гостеприимство в Эрфурте, а также доктора Петру Вайгель из архива издательства «Пертес-Верлаг» в Готе. Спасибо Андреа и Свену Джонсам за теплый прием в Берлине, а также историку и биографу Филиппу Фелшу за описание жизни и времен Августа Петермана.

В Стэнфорде я благодарю Мэнди Маккаллу и программу «Эдвардс Медиа Феллоус» за солидный грант, который позволил мне поселиться в богатых университетских архивах газетных статей «позолоченного века». Мне также очень помогли работники Национального музейного комплекса Джона Мьюра в Мартинесе,

Калифорния, Музея Мар-Айленда и Морского исторического музея Вальехо.

Марк Моллан из Национального архива в Вашингтоне оказал мне огромную помощь, когда я перебирал горы хранящихся там документов «Жаннетты». Спасибо также Джиму и Пенни Конузэй, Джессике Голдштейн и Питеру Бреслоу, Кену и Флоре Деселл за доброту, проявленную во время моих поездок в Вашингтон. На ранних стадиях моего исследования мне невероятно помог старший хранитель музея Военно-морской академии США в Аннаполисе Джеймс Чиверс.

Особое спасибо журналисту и историку Митчеллу Жукоффу из Бостонского университета за готовность поделиться своей коллекцией исследовательских материалов «Жаннетты». Работники архивов Ньюпортской библиотеки и атенеума «Редвуд» великодушно содействовали моему исследованию, как и хранители Ньюпортского казино Беннетта, где теперь находится Международный зал теннисной славы.

Журнал «Нэшнл географик» во многом поддержал создание этой книги, сначала отправив меня в Норвегию, где я впервые узнал об экспедиции «Жаннетты», а затем к Берингову проливу и российскому острову Врангеля. Из сотрудников журнала мне особенно хочется поблагодарить Джейми Шрива, Викторию Поуп, Оливера Пейна, Брэда Скрайбера, Николаса Мотта и Криса Джонса. В России у меня ничего не получилось бы без помощи великолепного исследователя и переводчика Людмилы Мекертычевой, настоящего мастера на все руки в редакции «Нэшнл географик». В Москве мне очень помогли советы журналистов Джима Брука и Джеффри Тайлера, фотографа Сергея Горшкова, директора заповедника «Остров Врангеля» Александра Груздева и сотрудника «Всемирного фонда дикой природы» Михаила Стишова. Мое плавание на ледоколе к острову Врангеля и арктическому побережью Сибири не состоялось бы без помощи отзывчивых сотрудников «Хэритаж Экспедишнз», в особенности Дэвида Боуэна, Родни Расса и Лиэнн Данхилл.

Журнал «Аутсайд» с самого начала поддерживал эту книгу и помог мне профинансировать путешествия, в частности, отправив меня в дельту Лены, которая до сих пор остается одним из самых труднодоступных мест на планете, чтобы я смог отыскать мемориал «Жаннетте» у горы Америка. От всей души благодарю Мэри Тернер,

Криса Кейса, Эми Сильверман и всю команду журнала «Аутсайд». В Якутске я хочу сказать спасибо хранителям Музея истории и культуры народов Севера. Большое спасибо капитану Виталию Жданову и его старшему помощнику Андрею Крюкову, которые нашли для меня место на борту их дизельного теплохода «Путейский-405» и помогли мне добраться до отдаленного места последних скитаний отряда Делонга в дельте Лены.

В Санта-Фе мне повезло работать с двумя первоклассными ассистентами: неунывающие Девон Маклеод и Алекси Хоровиц не раз проявляли изобретательность и настойчивость и вообще были просто незаменимы. Я благодарен своему переводчику с немецкого и другу Дагу Дашеру и знатокам старинных карт Уильяму Тальботу и Ричарду Фитчу. Также спасибо Дику Столли, Джеймсу Макграту Моррису, Кевину Федарко, Молли Леонард, Мэтью Хехту, Джину Экеру, Элизабет Ханке, доктору Ренни Леви и доктору Роберту Райди. Великолепный Ревелл Карр стал для меня источником ценнейших сведений о мореплавании. Огромное спасибо ребятам из моего кофеинового писательского бункера «Айконик» и моему хорошему другу и чудесному фотографу Гэри Окли.

Сердечное спасибо Джорджу Гечоу из Ассоциации документальной литературы «Мейборн», который в критический момент стал для меня источником творческого кислорода, а также Стивену Хейварду и Барри Сарчетту из Колледжа Колорадо, где мне удалось некоторое время поработать приглашенным профессором, благодаря чему я получил крайне необходимый заряд вдохновения. Ценные советы мне давали Кэролайн Александр, Нат Филбрик, Джон Бокстоус, Дэвид Куаммен, Джим Донован, Иен Фрэйзер и Билл Бройс. Особое спасибо доктору Кевину Вуду из Объединенного института изучения атмосферы и океана и Джону Хаттендорфу из Военно-морского колледжа США. Мне повезло установить связь с несколькими потомками участников экспедиции «Жаннетты», и особенно мне помогли Эми Носсум Джонсон, Джоффри Уилсон и Мэгги Бейкер. Благодаря острому глазу Кена Деселла моя рукопись стала бесконечно лучше.

За эту и за все остальные свои книги я благодарен всесильному Слоану Харрису и команде издательства «Ай-си-эм». Я хочу особенно поблагодарить Хизер Карпас из нью-йоркского отделения «Ай-си-эм»,

а также Рона Бернштейна из лос-анджелесского отделения. В издательстве «Даблдэй» огромное спасибо Тодду Даути, Мелиссе Данашко и, конечно же, неудержимому Биллу Томасу, который вот уже пятнадцать лет является моим верным редактором и большим другом.

Самое большое спасибо я приберег на конец: от Лондона до Гавра, от Сан-Франциско до Сибири моя жена и семья следили за каждым моим шагом в ходе этой полярной саги – и всегда показывали мне, как здорово быть дома.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Примечания

1

Паковый лед – морской лед толщиной не менее трех метров, просуществовавший более двух годовых циклов нарастания и таяния. В виде обширных ледяных полей наблюдается преимущественно в Арктическом бассейне. Более правильное название – многолетний лед.

Эгг-ног – сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США, странах Южной и Центральной Америки, Европе. Является традиционным рождественским напитком.

3

Вельбот – быстроходная, относительно узкая, 4/8-весельная шлюпка с острыми образованиями носа и кормы.

4

Фамилия созвучна с англ. coal – уголь. – *Прим. пер.*

5

Ворвань – вытопленный жир морских животных.

Пеммикан – пищевой сублимированный мясной продукт. Применялся индейцами Северной Америки в военных походах и охотничьих экспедициях.

Эверглейдс – особый тропический природный территориальный комплекс, занимающий южную четверть полуострова Флорида, на территории одноименного штата США.